

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 13 том - «Триумф Анжелики»

Перевод с фр.

СПб.: ЭГОС, 1992.

•

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЩЕПЕТИЛЬНОСТЬ, СОМНЕНИЯ И МУКИ ШЕВАЛЬЕ

Глава 1

Он знал, что она думала об Онорине, его сильная рука лежала на ее плечах и крепко прижимала к нему; только это могло немного развеять ее печаль. В тишине они неторопливо прохаживались вдоль палубы, немного убаюканные тихим покачиванием корабля на приколе. Летний туман, теплый, но не менее плотный, чем зимой, служил ширмой в их прогулке, смягчая шум, доносящийся с берега.

Жофfrey де Пейрак отмечал про себя, что даже в досаде Анжелика выглядит изумительно.

Это ему нравилось.

Она была такой, как была.

Король ожидал ее. В своем дворце в Версале король мечтал о ней.

Осыпаемый почестями, окруженный блестящей свитой, самый могущественный монарх Вселенной не оставлял тайного, но настойчивого намерения добиться — терпеливо ожидая или величественно приказав — чтобы Анжелика однажды оставила мрачные и холодные края Америки и вновь заблистала при его дворе.

Здесь же, недалеко от Сагенэ, на северных границах дикой природы, вождь ирокезов Уттакевата, в традиционном уборе из перьев и разукрашенный яркими индейскими узорами, часто беседовал с Жоффреем де Пейраком. Этот непримиримый враг Новой Франции посвящал свободные от битв часы рассказам о той, кого звал Кава, немеркнущая звезда, и призывал своих воинов в свидетели в том, что эта женщина выходила и излечила его от ран, полученных в Катарунке, после того как спасла его от ножа абенакиса Пиксаретта, смертельного врага.

Самое важное — заключение перемирия с губернатором Фронтенаком — казалось уже было достигнуто, а возле костров из рук в руки переходили трубки мира и звучали длинные повествования, в которых Анжелика, эта грациозная и очаровательная, но опечаленная женщина, что шагала сейчас рука об руку с ним, выступала, как легендарная личность.

А между этими противоположными полюсами — королем Франции в далекой Европе и индейским вождем, поклявшимся истребить всех французов Канады, Жоффрей де Пейрак мог бы поместить огромное число мужчин — принцев и бедняков, одержимых и послушных, покорных и отчаявшихся; все они, хоть раз встретившие на пути Анжелику, сохранили о ней память как о ярком огне надежды, вспыхнувшем в их безрадостной жизни. Ее красота, музыка ее голоса, само ее присутствие изменяли судьбы других людей.

Однако, все эти восторженные поклонники были бы весьма удивлены и озадачены, если бы знали, что в этом гордом, бесчувственном, ветреном сердце живет острая боль — маленькая одинокая семилетняя девочка, в зеленом чепце на волосах цвета меди, которая где-то далеко танцует ронду.

Разделяя ее тоску, Жоффрей де Пейрак не думал подтрунивать над ней. Один подле другого, шагая бок о бок, они думали о сердечных муках, которые были постоянными спутниками в их бурной жизни, где на каждом шагу подстерегали опасности или решалось будущее.

Они вместе, думал он. Он все время возвращался в мыслях к их разлуке во время кампании в Сагенэ, когда он был раздражен и подавлен.

Как же он мог несколькими годами раньше, — спрашивал он себя, — решиться оставить ее зимой одну в Голдсборо, а сам со своими людьми отправился вглубь неизведанных земель? Это казалось ему сегодня абсурдным... Возле нее его жизнь озарялась.

Он еще крепче обнял ее.

Они поднялись на вторую палубу. Затем взошли на полукруглый балкон на корме «Радуги».

Закат окрашивал туман в розовые тона, но он был по-прежнему плотным и скрывал корабль густым облаком.

Уже три дня они стояли возле Тадуссака, в ожидании возвращения последних отрядов солдат и моряков с озера Сен-Жан. Они сопровождали мистассенов и типписингсов, которые не осмеливались спуститься по реке самостоятельно.

Однако, ирокезы исчезли. Они оставили Жоффрею де Пейраку «фарфоровое ожерелье», вампум, который означал «Мы не станем поддерживать войну с французами, пока они будут верны белому человеку из Вапассу, моему другу Тикондероге».

Получив это послание граф тотчас же спустился к Сен-Лорану, горя от нетерпения при мысли о встрече с Анжеликой, которая должна была прибыть из Монреалья, где оставила Онорину в пансионе для светских детей при конгрегации Нотр-Дам. Он, должно быть, напрасно

так усердно расспрашивал жену о судьбе маленькой девочки, потому что расстроил ее.

Анжелика впала в глубокую меланхолию.

— Монреаль слишком далеко, — сказала она и уже жалела, что уступила просьбам Онорины, которая хотела стать пансионеркой, чтобы научиться, по ее словам, читать и петь.

Как бы ни были самоотвержены монахини из конгрегации Нотр-Дам, их пансион слишком отличался от тех мест, в которых малышка выросла, она там будет страдать.

— Но что все-таки заставило ее принять решение покинуть Ваппассу? — вскричала вдруг Анжелика, очнувшись от забытья и устремив на Жоффрея страдальческий взгляд. — Она такая крошка, почему же она захотела расстаться с нами? Со мной, ее матерью? С вами, ее отцом, которого она обрела на другом конце мира? Она нас больше не любит? Разве мы не стали для нее всем?

Он с трудом удержался, чтобы не улыбнуться.

Здесь на палубе корабля, окутанного туманом, который вечер окрасил в золотистый цвет, он чувствовал себя эгоистом и был счастлив, потому что знал, что она ему безраздельно принадлежит. Он любил ее детскую наивность, чистоту и искренность, присущую каждой матери; рождение ребенка придает женщине неповторимое очарование юности, словно прежде она и не жила.

— Любовь моя, — сказал он после минутного раздумья, — неужели вы забыли о законах детской логики? вспомните ваше детство... Разве не вы рассказывали мне, как в возрасте десяти или двенадцати лет вам захотелось уехать в Америку и как вы в компании маленьких бродяг отправились в это путешествие, даже не вспомнив о родителях, которых оставили, и об их печали и беспокойстве.

— Да, правда...

Встреча со старшим братом Жоссленом оживила ее воспоминания. Она с удовольствием возвращалась в мыслях к тем временам, когда была маленькой Анжеликой де Монтелу. В ее душе ничего не изменилось. Но, взглянув глазами взрослого человека на себя прежнюю, она поняла, какие хлопоты причиняла своей семье.

— Я думаю, — сказала она, — что я так жаждала приключений и свободы, что не отдавала себе ни малейшего отчета ни в том, как опасно это путешествие, ни в том, что это означает разлуку с семьей.

— А от маленькой Онорины вы ждете понимания этого жестокого слова «разлука»? Она хочет идти своим путем. Лесные цветы у тропинок привлекают и манят нас, собирая их мы не задумываемся о том, куда можем пойти, и что от этого может измениться наша жизнь. Я помню себя подростком. Я всем был обязан матери: жизнью, здоровьем и особенно способностью ходить, пусть и прихрамывая.

Моим первым решением с тех пор как я встал на ноги было воспользоваться свободой передвижения и устремиться к морю, навстречу приключениям. Я дошел до Китая. Там-то я и познакомился со святым отцом де Мобег. Мои странствия длились по меньшей мере три года, и я думаю, что не особенно обременял себя в течение этого времени заботами о том, чтобы доставить весточку в Тулузский дворец. Я бы сильно удивился, если бы мне сказали, что подобным поведением я причиняю беспокойство и боль матери, для которой я был всем. Кроме того я ничуть не сомневался в ее любви ко мне, я чувствовал незримую связь между нами, поэтому, торжествуя над опасностями и пожиная самые лучшие плоды, я чувствовал, что ей известно все о моих победах. И теперь, когда я думаю о бурных и

блестящих временах моей юности, я понимаю, что тогда мне и не приходило в голову, что я ее покинул.

Розоватое свечение погасло. Ветер гнал облака, обдувая их холодным дыханием. Откровенный рассказ, столь нехарактерный для Жоффрея, взволновал Анжелику, но какое-то беспокойство возникло в ее душе по ассоциации с мыслями, связь которых ускользнула бы от ее мужа. Ибо она не могла отделаться от назойливой мысли, что Сабина де Кастель-Моржа, предмет некоторой слабости Жоффрея во время их пребывания в Квебеке, была похожа на его мать. Жена генерал-лейтенанта Новой Франции, красивая француженка со строптивым характером, огненными глазами и прекрасной соблазнительной грудью, изъяснялась на певучем наречии лангедок — языке гасконцев. Анжелика смертельно ревновала не столько из-за того, что могло бы произойти между ними случайно, сколько из-за той тяги сына к матери, которую Сабина могла вызвать в нем. Это ранило сильнее. Она удивилась, что так легко обо всем забыла, будто сама обещала Сабине. Но она не любила, когда что-то ей об этом напоминало. И она была права, так как, закончив свое откровенное повествование, Жоффрей, следуя ее мыслям, произнес:

— Кстати, удалось ли вам навестить чету Кастель-Моржа во время пребывания в Квебеке?

Анжелика вздрогнула и ответила немного сухо:

— Каким образом? Вам прекрасно известно, что они два года назад вернулись во Францию.

— Я забыл. У вас есть от них известия?

— Нет... Уж если ничего нельзя узнать о тех, кто остался здесь, то возможно ли что-то выяснить об уехавших? Квебек опустел. Все сражаются. Я никого не видела в этот раз. К тому же вас не было рядом, и это было самым ужасным.

Он обхватил ее сильными руками. От него не скрылась ее нервозность, которую он заметил сразу же после ее прибытия. Ее причиной могла быть только Онорина. Анжелику что-то огорчало или тревожило, он это почувствовал в первый же вечер. Он знал, что она все расскажет, позже, как только это будет необходимо.

Она склонила голову на его плечо.

— Без вас жизнь потеряла бы очарование. Я вспоминаю наше прибытие в Квебек. Сейчас мне непонятен мой страх перед теми рамками, в которые поставило меня положение супруги графа де Пейрак. Я вновь задумалась об этом, вспомнив о маленьком домике в Виль д'Аврэ. Почему мне так нужно было уединиться, чувствовать себя свободной?

— Я думаю, что вы боялись сделаться королевой целого народа авантюристов, который в темных лесах и на страшных речных прогорах требовал от вас внимания день и ночь, народ, которому вы преданы душой и телом; зимой и летом вы лечили больных, перевязывали раненых, поддерживали павших духом... Я это понимаю и склоняю голову перед вашей силой и вашей слабостью. По приезде в Квебек вы могли бы вести более приятную жизнь. Перед вами была иная важная цель. Вы приняли решение, которое было необходимым, и о котором я бы и не подумал, будучи не осведомлен о том, что от вас требуется. Возвращение к соотечественникам значило для вас как вызов, так и необходимость покорить их сердца. Для этого вам требовалось восстановить силы и отдохнуть. И, наконец, вас пугало, возможно, то, что ревнивый супруг взвалит на вашу шейку ярмо своей жестокости.

— Нет, я, напротив, хотела, чтобы вы принадлежали мне еще больше, и чтобы мы оставались наедине не только среди боев или политических столкновений, как это было последнее время.

— Вы стократ правы, и это прекрасно. Нас разделяло столько досадных мелочей, к тому же мне очень не нравилось ваше стремление к свободе, моя прекрасная дикая птичка. А вы с вашей тонкой натурой угадали, что ни вы, ни я не из тех, кого можно заключить в рамки условностей, существующих в светском обществе. Это общество посягало на нашу любовь, его нужно было покорить; и вот вы предоставляете мне свободу, тем самым показывая, как мной дорожите и испытывая мою верность.

— А вы воспользовались данной свободой, месье?

— Не больше чем вы, мой ангел! — ответил он с небольшой усмешкой.

И с этими словами он наклонился и приник губами к ее шее, возле самого плеча.

Дыхание Жоффрея, его властный, нежный и алчный поцелуй изгнали из сердца Анжелики ту горечь обиды, что время от времени и без причин возникала между ними. После стольких лет счастья час правды не означал более ничего. Она не могла этому сопротивляться. Все плохое рушилось и рассыпалось в прах. Чудо желания, которое никогда не затухало, этот божий дар, который они хранили и который не раз спасал их от разрыва, еще раз напомнил им, что во всех бурях, которые одолевали их, стараясь сбить с пути, оставалось лишь одно чувство. Они знали, что он без нее и она без него не смогут выжить. Для нее он был всем. Она для него была недосыгаемой звездой и предметом стремлений.

И вот так, скрытые во мраке ночи на реке, среди тумана, поцеловавшись лишь один раз и потерявшись в его очаровании, то тайном, то жадном, выражавшем тысячи невыразимых; необъяснимых вещей, доверительные беседы и крики, или любовные мольбы или самозабвенные признания. Встав на этот путь, более изысканный и более правдивый, чем любое

произнесенное слово, они покинули этот мир с его мелочными интригами и жалкими сражениями гордости и уязвленной добродетели, которые привлекают скорее побежденных, чем победителей и наносят раны скорее неизлечимые, чем легкие.

Так они и стояли, зная, что не нужно ничего объяснять, и ни в чем извиняться.

Где-то внизу на воде раздался плеск весел; это заставило их очнуться от задумчивости. Луч фонаря приближался, пронзал мрак, и они увидели смутный силуэт лодки на шесть весел; она то появлялась, то исчезала в тумане.

— Кажется, я заметил человека в монашеской рясе. Возможно, это посланцы господина де Фронтенака.

— О Господи, ну почему мы не подняли парус немного раньше? — простонала она. — Хоть бы он на этот раз не позвал вас к себе на помощь. Теперь, когда моя жертва для Онорины совершена, мне хочется поскорее увидеть наших и наш чудесный дом в Вапассу.

Они слушали и различали в тумане, который надвигающаяся ночь окрашивала в голубой цвет, отзвуки голосов, скрип снастей и уключин. Отсветы рождались и тотчас же исчезали, словно им было не под силу сохраниться в этом мраке; все, казалось, хотело погрузиться в темноту умирающего летнего дня, по-ноябрьски грустного.

— Что нам шлют из Квебека? Еще один «пакет с неприятностями»?

Наконец очертания стали более четкими, и из тумана проступили силуэты, которые неуверенно переступали через борт лодки и всходили на первую палубу.

Внезапно, Жоффрей сжал Анжелику в объятиях, крепко-крепко, как только мог, и поцеловал в губы так, что она чуть не задохнулась. Затем он ее выпустил и отступил с молчаливой улыбкой.

Возможно он мстил этим надоедливым людям, которые, наверное, причинят им много хлопот и послужат причиной для новых стычек. Или, быть может, он хотел ее подбодрить? Жоффрей тотчас же принял свой обычный небрежный и сдержанный вид капитана корабля.

Но Анжелика, с трудом сдерживая взрыв смеха, пыталась время от времени изобразить чопорность. Затем она откинула со лба непокорную прядь, которая все время развевалась в порывах летнего ветра. Потом она, кашлянув, приняла наконец подобающий серьезный вид и решила пойти взглянуть на вновь прибывших.

Глава 2

При свете фонарей, которые держали матросы, перед их глазами предстал граф де Ломенье-Шамбор. Анжелика смотрела только на него. В Монреале она стремилась с ним встретиться, узнав от Маргариты Буржуа, что его ранили в ходе военной кампании Фронтенака против ирокезов. Но она тщетно справлялась о нем в госпиталях Жанны Манс и святого Сульпиция. В конце концов она стала подозревать, что шевалье специально уклоняется от встречи.

Едва испытав радость от неожиданного появления графа в числе других гостей, она устремилась ему на встречу с любезной улыбкой. Затем поприветствовала господина д'Аврэнсона, майора из Квебека, который привез пакет от де Фронтенака и собирался возвратиться в Квебек. Господин Топен в сопровождении своих двух сыновей доставил обоих офицеров в своей большой парусной лодке.

Монахом, который прибыл вместе со всеми, оказался некий Реколле, миссионер из Рестигуша, что на заливе Сен-Лоран.

Граф де Пейрак проводил их в кабинет с картами на стенах, где они могли привести себя в порядок и

передохнуть перед обедом.

Анжелика хотела опереться на руку графа де Ломенье-Шамбор, чтобы спуститься в его сопровождении в кабинет вслед за всеми.

Но он стоял неподвижно, словно застыл, и ее жест остался без ответа. Первое впечатление Анжелики было тягостным. Его походка присущая всем, кто сражается с индейцами, не была такой уверенной и легкой как прежде. Теперь он двигался немного тяжелее и медленнее, так что она не сразу его узнала в постаревшем, похудевшем и немного сутулом господине. «Его рана, без сомнения...»

Она остановилась возле него и застыла, пока остальные удалялись.

— Расскажите мне о вашей ране, — произнесла она.

Он вздрогнул и поднял голову. Его лицо бледное и похудевшее, которое смутно виднелось в темноте, свидетельствовало о том, что Анжелика была права в своих опасениях. Она попыталась снова добиться от него ответа, но он прервал ее решительным жестом.

— Мне известно, что вы искали встречи со мной, когда были в Виль-Мари, — произнес он таким суровым тоном, которого она не ожидала услышать. — Я признателен вам, Мадам, за заботу, но я, право, не смог бы видеть и говорить с вами, сохраняя хладнокровие. Однако, позднее, я понял, что не должен позволить вам покинуть Новую Францию, без того, чтобы вы не выслушали меня. Я должен сказать все. Это обязанность, это священный долг. Вот почему, едва встав на ноги, я поторопился прибыть сюда, опасаясь, что ваш корабль отбудет в Канаду.

Казалось, он заранее отрепетировал свой монолог, повторял его денно и ночью и выучил наизусть.

— Я пережил ужасное потрясение, но сейчас обрел хладнокровие и могу говорить. Я знаю, что вы, Мадам, — столь блестящая женщина, что всех сводите с ума.

Хорошенько поразмыслив, я смог разобраться в вашей ловкой и коварной тактике притворяться простодушной и наивной. Вы прикидываетесь самой добродетелью, не имея представления о морали. И поскольку вы не имеете об этом понятия, вас считают безгрешной. Вы подобны Еве: вы все делаете неосознанно. Вы не испытываете угрызений совести, потому что не имеете греховных намерений. Просто следуя вашим принципам, вы сбиваете с толку тех, кто не очень уверенно следует нашим законам.

Если вы и не принимаете ересь, то во всяком случае и не боретесь с ней, и таким образом вас ни в чем не может упрекнуть ни духовная, ни светская власть.

А все мы попадаем в ловушку.

Мы беззащитны перед вами, как перед ребенком, который в игре поджигает дом. Его проклинаят и в то же время на него не имеют права сердиться: он не знал, что делал.

«Он потерял голову!» — сказала она себе, после напрасных попыток приостановить этот монолог.

Налетел еще один вихрь безумия!

А он продолжал ровным тоном.

— Казалось бы, такая прекрасная, такая живая, вы созданы для того, чтобы дарить счастье, чтобы создать рай земной, и вот мы оказываемся полностью разбитыми, на бесплодном берегу, потеряв дорогу надежды. И слишком поздно мы понимаем, что они, то есть вы и он, соединив очарование ума с прелестью внешности, и следуя пути, противоположному нашему, вы разбиваете принципы, которые управляют нашим обществом и которые подсказываются чувством долга.

— Да замолчите же вы, наконец! — гневно прервала она его.

Пока он говорил о ней, она не очень волновалась. Уже не в первый раз отвергнутый влюбленный сердился на нее и обвинял во всех смертных грехах. Но он

нападал уже на Жоффрея, и этого она допустить не могла. Он не обратил внимание на ее вмешательство и продолжал с горячностью, которая питалась гневом, которое он долгое время разжигал в себе.

— Ваш образ жизни — это насмешка над нашими святыми жертвами! Вы высмеиваете наше самоотречение.

— Молчите! Какая муха вас укусила, месье? Если вы спустились вниз по реке лишь для того, чтобы беспокоить меня подобной чепухой, то лучше бы вы поберегли силы для чего-нибудь другого. Ни мой супруг, ни я, мы не заслуживаем подобных отзывов. Вы несправедливы, господин де Ломенье, столь несправедливо нас обижая, и я не простила бы подобные слова и подобные мысли человеку, которого я считала дорогим и верным другом, если бы не подозревала, что произошло что-то, что вас потрясло и вывело из себя.

И внезапным нежным движением она коснулась двумя пальчиками его щеки.

— Расскажите, Клод, что с вами происходит, — прошептала она. — Что случилось?

Он задрожал.

— Случилось... Случилось то, что он умер!

Он выдохнул эти слова, хрипло, словно у него шла горлом кровь.

— Он мертв, — повторил он с отчаянием. Его замучили ирокезы... Они пытали его! Они съели его! Они съели его сердце! О Себастьян, друг мой!.. Они съели твое сердце, а я предал тебя!

И внезапно он разразился ужасными рыданиями, которые свойственны мужчинам только в моменты крайнего отчаяния и случаются очень редко.

Анжелика предчувствовала этот взрыв.

События приняли тот оборот, о котором она уже догадывалась. Новость о смерти Святого Отца

д'Оржеваль, убитого годом раньше на берегах Гудзона, дошла из Парижа в Новую Францию официально только сейчас. Вся колония была шокирована, и Ломенье не являлся исключением.

Она подошла и с сочувствием обняла его. А он повернулся к ней и разрыдался на ее плече. Анжелика прижала его к себе, ожидая пока граф успокоится.

Она почувствовала, что он приходит в себя. Она поняла, что ему очень не хватало сочувствия и дружбы в тот момент, когда это стало известно. Сейчас ему стало легче.

Чуть позже он поднял голову, его взгляд был стыдливым.

— Простите меня.

— Ничего. Теперь все прошло, — сказала она.

— Простите меня за мои слова. Мои обвинения теперь мне кажутся ничтожными.

— На самом деле они такие и есть.

— ...А мои подозрения — безосновательны.

— Вот и хорошо.

— Мне уже лучше. Я не знаю, что на меня нашло. Вы всегда были мне другом, настоящим другом. Я это знаю. Я это чувствую. Я всегда это чувствовал. Незаменимый друг. И ничто так не ранит, как подлые слухи и домыслы, которые отравляют дружбу и внушают мысли о предательстве.

Он вытирал глаза и казался ослабленным, как после обморока.

— Ну как же вас не опасаться? — он снова заговорил тоном, похожим на тот, каким начал. — Я прибыл сюда, настроенный довольно решительно, полностью согласный с Себастьяном, который проявил к вам недоверие; я хотел наконец сказать вам все, что считал нужным, пусть это и привело бы к разрыву. Я готов был потерять вашу дружбу, несмотря на то, что испытывал

симпатию к вам и вашему супругу. И вот я плачу на вашем плече, как ребенок.

— Нет, не нужно стыдиться этого порыва, шевалье. Я не склонна рассуждать о темах, которые вы знаете лучше меня, но вспомните о Христе, который искал душевного успокоения именно в кругу своих друзей.

— Да, но не у женщины, — возразил Ломенье с видом ребенка, удрученного и озадаченного внутренними противоречиями.

— Я не согласна, — произнесла она. — Женщины тоже были на дороге его страданий. И не только мать, но и подруги, соратницы, и даже проститутка Мария Магдалина. Вы видите, я оказалась в достойной компании. И раз уж мы говорим о женщинах, могу ли я спросить вас получили ли вы известия о вашей матушке и сестрах? Я надеюсь, что повода для того чтобы носить еще один траур не возникло?..

Ломенье ответил, что его мать и сестры чувствуют себя прекрасно. У него не было времени, чтобы внимательно прочесть их послания, ибо в то же время, с тем же посыльным он получил письмо Святого Отца де Марвиля, в котором сообщалось о последних мгновениях жизни его друга детства и он не оправился от ужасной новости.

Он прижимал руку к нагрудному карману, где лежал конверт, который словно обжигал его сердце.

— Люсьен де Марвиль мне передал последние и ужасные слова умирающего, увы, они направлены против вас, мадам. «Она — причина моей смерти». И с тех пор это меня преследует. Вам, возможно, не известны эти слова?

— Нет, известны, — сказала она.

Она объяснила ему каким образом они прибыли в Салем, куда вождь Могавков направил де Морвиля, и оказались единственными, кто знал обо всем. Указав на

нее, иезуит повторил последние крики покойного: «Это она! Это она! Она — причина моей смерти!»

Из осторожности Анжелика не стала подчеркивать, что такие обвинения свойственны для больных и сумасшедших людей. Разговоры о враждебном отношении Святого Отца д'Оржеваль к чете де Пейрак и особенно к Анжелике свидетельствовали о наличии двух сторон. Одни были с ним согласны, другие нет. Анжелика поняла, что шевалье настроен уже не столь сурово и замолчала.

После нескольких мгновений тишины Клод де Ломенье тихим голосом поведал о том, что Отец де Марвиль прислал ему письма и документы, найденные у миссионера, и его молитвенник. Остальные вещи хранились в Париже в церкви Сен-Рош, к которой Отец д'Оржеваль питал особую привязанность. Миссионерской часовни не нашли, но было известно, что ее сохранили ирокезы-христиане и спрятали в одном из селений около Онтарио. Ее должны были переправить в Квебек.

— А распятие Отца д'Оржеваль? Этот крест, который он носил на груди, говорят, был украшен рубином?

— Дикари его сохранили. А потом, считая, что красный глаз Хатскон-Они, как они его называли, смотрит на них, они его закопали.

Она увидела, как он задрожал, словно больной в лихорадке.

Анжелика подхватила плащ, который соскользнул с его плеч, и по матерински нежно накинула на графа.

— Туман холодит. Я тоже озябла. Знаете, мы продолжим нашу беседу позднее, если вам будет угодно. Но сейчас нам необходимо выпить добрую порцию турецкого кофе. Вы, уроженец берегов Средиземноморья, уж наверняка не откажетесь от этого нектара. Возможно, у вас, как и у меня, морские

путешествия вызывают жар и лихорадку. Кофе нам поможет.

Она сопровождала его, стараясь поддержать.

Навстречу им возник силуэт Жоффрея, четко выделявшись в свете больших фонарей.

Ломенье остановился, вновь насторожившись.

— Он, — сказал граф глухо, — он, всегда уверенный в правильности избранного пути, всегда побеждающий, он так отличается от нас. Он и вы! Это тревожит меня. Не явились ли вы, чтобы покончить с нами, с Себастьяном и со мной? Я иногда спрашиваю себя об этом. Не прибыли ли вы, чтобы победить нас?

— О какой победе вы говорите? — сказала она. — Я бы тоже хотела знать! Спор слишком затянулся. Пойдемте пить кофе, шевалье, и оставьте наконец ваши сомнения.

Глава 3

Несмотря на то, что Анжелика чувствовала себя абсолютно невиновной по отношению к графу де Ломенье-Шамбор, она считала необходимым еще раз поговорить с ним. Два или три замечания или упрека сыграли бы здесь свою положительную роль, так как еще раз подтвердили бы безосновательность его обвинений и положили бы конец его разглагольствованию.

Утром, заметив, как он выходит из часовни Тадуссака, колокол которой возвещал о мессе, она распорядилась, чтобы ее высадили на берегу.

На этот раз, при свете солнца, она его разглядела получше и вновь отметила, что он изменился. Его каштановые волосы еще не начали седеть, но их блеск померк. Он показался ей еще более трогательным и усталым; его похудевший стан по-прежнему был окутан серым плащом с белым крестом на плече — эмблемой Мальтийского ордена.

Он подошел к ней с очаровательной радушной улыбкой, которая была ей хорошо знакома. Он склонился к ее руке и почтительно поцеловал, благодаря за ее доброту, что доказывало то, что ему стыдно за вчерашнюю сцену, но из тактичности он не считает себя в праве вновь возвращаться к ней и вторично извиняться. Она была рада, что не нужно притворяться, что ничего не было.

— Больше всего меня ранило в нашей вчерашней беседе то, что вы забыли о некоторых фактах. Когда мы в первый раз встретились в Квебеке, меня подозревали в общении с Дьяволом, по обвинению матери-настоятельницы Мадлен из церкви Урсулинок. Но я была оправдана. Я вовсе не являюсь страшным созданием, посланным на погибель людей Новой Франции и Акадии, как ее части.

— Да, это очевидно.

— Сама матушка Мадлен признала это, и вы были свидетелем ее заявления.

— Действительно. Я одним из первых радовался вашему оправданию, в котором не сомневался.

Похоже, он уже не помнит о своих вчерашних словах. И более того. Она бы поклялась, что он забыл обо всех своих обвинениях. Он снова был ее другом, и она успокоилась.

— Расскажите мне о вашей ране, дорогой друг. Вы, мне кажется, приуменьшили ее опасность.

Небрежным жестом он выразил недовольство.

— Ничего страшного! Случайная стрела. Но я должен был вернуться в шин и в Виль-Мари. Я сожалею, что не смог сопровождать господина де Фронтек в Катаракви. Ибо, находясь в городке Кентэ, что на южном берегу Онтарио, я мог бы отыскать часовню солдата Господа, Себастьяна д'Оржеваля, умершего за веру. Вместо этого, одинокий, бесполезный,

прикованный к постели на острове Монреаль, я предался самым отчаянным мыслям.

— Эти мысли вас окончательно сбили с толку. В этом и кроется причина ваших поисков, вашего путешествия по своим следам, несмотря на слабое здоровье. Но искали вы нас не для того, чтобы обидеть напрасными подозрениями. Просто вы хотели обрести покой возле тех, кто вам по прежнему предан, кто понимает вас. Клод, мы гораздо ближе к вам, чем те люди, которых вы знаете уже давно. Вспомните нашу первую встречу в Катарунке. Вспомните ту симпатию, которая возникла между нами троими в первый же день и была взаимной. И все это несмотря на то, что вы прибыли в сопровождении ваших союзников-дикарей с целью убить нас и сжечь наш поселок.

— Катарунк! О! Там-то все и началось.

Он сделал несколько порывистых шагов. Затем он рассказал, как в первый раз услышал о них и о причинах кампании в Катарунке. Он находился в Квебеке и получил настоятельное указание Отца д'Оржеваль, который находился в Нореджвуке, что рядом с Кеннебеком, на юге. Иезуит просил своего друга, мальтийского Рыцаря и офицера высокого чина, встать во главе экспедиции, имеющей целью остановить продвижение отряда английских авантюристов, без сомнения еретиков, которые обосновались в диких краях Акадии и вскоре должны были появиться на границах Канады. Необходимо было воспользоваться отсутствием пирата, который ими командовал, чтобы нанести внезапный удар и отрезать от основных сил наиболее важный пункт — Катарунк. Себастьян д'Оржеваль обратился к своему другу графу де Ломенье-Шамбор, так как барон де Сен-Кастин не мог прислать подкрепления, находясь далеко, там где река Пенобскот впадает в Атлантический океан.

Он порекомендовал ему дворян, офицеров канадской армии: Понбриана, барона де Модрей, господина де Лобиньер, и в числе прочих — индейцев-христиан: Пискаретта, Великого Нарагансетта и его воинов. Ломенье без промедления организовал кампанию, не поставив в известность Фронтенака. К тому же, он был в ссоре с губернатором.

Он прибыл в Катарунк и захватил его.

Ломенье потряс головой, словно для того, чтобы отогнать навязчивые и мучительные воспоминания.

— Он хотел, чтобы безо всякого разбирательства и сомнения я вас уничтожил. Его указания, я даже сказал бы, приказы, были столь настойчивы и непреложны, что это меня поколебало. Я по меньшей мере хотел бы вступить в переговоры с господином де Пейрак и судить его прежде, чем казнить. Так я и поступил.

— И вы тот час же поняли, что мы не являемся вашими врагами, что мы созданы для взаимопонимания, и что наше появление в этом необитаемом краю выгодно для всех.

— Я посчитал разумным следовать более гибкой дипломатической линии. В той ситуации, как я ее понял, убийство было бесполезным и напрасным шагом. Оно не послужило бы на пользу никому, ни Новой Франции, ни Церкви, ни ее миссионерам, которым вы покровительствовали.

— Но он вам этого так и не простил.

— Я думал, что смогу объяснить ему причины таких моих действий и убедить его... Я думал, он поймет... Мы всегда стояли друг за друга. Но на этот раз, пренебрегая его суждениями, я его смертельно ранил.

— Может быть, дело в том, что при нашей встрече в Катарунке чистота его намерений впервые показалась вам сомнительной, к ней примешивалась злоба и, быть может, безумие? — добавила она вполголоса, следя за его реакцией.

Шевалье горячо возразил.

— О нет! Я никогда не считал его безумным, слава Богу. Я лишь считал, что объективная картина и последствия вашего убийства были ему неизвестны, и что он поймет, что он поддержит меня. Я был наивен...

— Вы, быть может, не знаете всего о нем. Я понимаю, что вы испытали горькое разочарование. Он был одержим, он продолжал следовать своим воинственным проектам, почти самоубийственным. И именно это вас печалит сегодня? Что вы называете предательством по отношению к нему?

Ломенье сделал несколько шагов, погруженный в раздумья.

— Если бы вы только знали... Если бы вы знали, кем он был для меня! Мы были так близки в течение такого долгого времени. Когда я захотел последовать за ним в семинарию, он меня отговорил. Он посоветовал мне Мальтийский Орден. Таким образом мы смогли дополнять друг друга. Он был моим духовным проводником. Я — его щитом и мечом... И вдруг, впервые, во время этой операции в Катарунке, я отступаю и нарушаю его план.

— Но это не помешало его исполнению. Усилиями самых фанатичных поданных: Модрейля, де Лобиньер... Так что успокойтесь. Катарунк стерт с лица земли: сожжен... Все так, как он хотел. А мы сами, если мы спаслись от ярости ирокезов, вожди которых были убиты под нашей крышей, то разве не благодаря чуду?

— Это чудо лишь подтверждает легенду о том, что вы обладаете сверхъестественными способностями!..

Но произнося эти слова, он улыбался. Он обретал почву под ногами. Она облегчила его страдания и помогла разобраться в этой тягостной дилемме.

Глава 4

На следующее утро, когда они встретились, он улыбался и, казалось, сгорал от нетерпения

переговорить с ней. Она была удивлена неожиданным вопросом. — Знакомы ли вы с господином Венсаном де Поль? — Господин Венсан? — произнесла она озадаченно.

— Святой Отец, который был наставником и исповедником королевы-матери во времена, когда наш монарх был еще ребенком, и который прославился своим милосердием.

— В те времена я сама была очень юной, и поскольку я не покидала тогда своей провинции, то не могла встретиться со столь важной персоной. Но это правда, что случай столкнул нас...

— Где это было?

— Это случилось во время переезда Двора в Пуатье. Шевалье, казалось, пришел в восторг.

— Факты совпадают. Но, послушайте-ка. И тогда вы поймете, почему я задал вам этот вопрос. Когда я был еще новичком на Мальте у меня был соученик, такой же юноша как и я, звали его Анри де Ронье...

— Это имя мне о чем-то говорит. Кажется, что мне о нем кто-то рассказывал... или же... нет, это воспоминание, которое явилось мне во сне, кажется, в каком-то кошмаре. Но продолжайте... вы меня заинтриговали.

— Он мне рассказал, что его религиозное призвание было определено непосредственным образом встречей с господином Венсаном при обстоятельствах... гм...

Клод де Ломенье-Шамбор пощипывал кончик уса и тайком наблюдал за Анжеликой, следя краем глаза. Казалось, что история, которую он вспоминал, отвлекала его от мрачных мыслей.

— Ему было тогда шестнадцать или семнадцать лет, он находился при дворе королевы-матери, и входил в ее свиту в Пуатье. Он куда-то бежал по поручению, когда вдруг на одной из улочек ему встретилась молоденькая девушка с зелеными глазами.

— О! Паж! — вскричала она. — Тот, что заигрывал со мной.

— Ну вот! Все-таки это вы — та самая молоденькая девушка, о который он столько рассказывал. Мне продолжать рассказ?

— Конечно! Вот уж пикантная история! Если мне не изменяет память, этот паж вовсе не собирался вступать в Орден.

— Действительно!.. Молодой легкомысленный человек, он имел совершенно другие намерения.

Ломенье-Шамбор смеялся.

— Так значит это были вы, мадам, вы — тот очаровательный ребенок, которого он увлек на кафедру собора Нотр-Дам де Пуатье, чтобы вырвать несколько поцелуев и, быть может... добиться большего, пусть и не имея другой комнаты для любовных свиданий в городе, занятом Двором и его слугами. Шалости были прекращены внезапным появлением господина Венсана де Поля, который в тот день молился в этой церкви. Святой Отец отчитал юных шалунов.

Анжелика тоже смеялась, хотя легкая краска и выступила на ее щеках при воспоминании об этом анекдоте из ее юности.

Ломенье продолжал:

— Анри де Ронье, хоть и не признавал, что под взглядом этого святого человека прожил мгновение, в которое вместилась вечность, все же утверждал, что в его решении вступить в Орден в большей степени «повинна» та молодая незнакомка. Он очень долго боролся с чарами той встречи. Это была неизлечимая рана, — говорил он. Он заболел. Он решил, что его околдовали. Однажды он понял, что в лице юной незнакомки, а он знал только ее имя — Анжелика, он встретил настоящую любовь. Понимая также, что они больше никогда не встретятся в суতোлке улиц и среди Двора, и что никакая другая женщина не сможет более

внушить ему такое чувство, он решил отдать себя Тому, кто есть источник вселенской любви, и сделался мальтийским рыцарем.

— Вот как! Ну и история. Я рада узнать, что не всегда являюсь причиной беспорядка и горя, как вы утверждали. Ну и что с ним случилось?

— Когда он был офицером на мальтийской галере, во время боя он был пленен варварами и принял смерть, как и другие наши братья: его побили камнями в Алжире.

— Бедный маленький паж!

Она задумчиво произнесла:

— Я забыла о нем.

— Ах! — внезапно вскрикнул Ломенье. — Вот и еще одна черта вашего обаяния. Ваше безразличие жестоко. Вы с такой легкостью забываете тех, кто не может вырвать вас из сердца! Вы забывчивы, вы сами признаете это. Вы помните лишь одного!

Он смотрел на нее, и пристальный интерес читался в его глазах.

— А кто вы для других?..

Затем, не дожидаясь ее ответа, он пробормотал восторженно:

— Знак противоречия, призыв, крик, который возвращает нас к нам самим, как в случае с юным Ронтье.

— Ах, да прекратите же себя терзать! — воспротивилась Анжелика. — Вы сами утопаете в противоречиях, господа, такие, какие вы есть, эгоисты, неблагодарные, плачущие о том, чего не добились, и не умеющие наслаждаться тем, что дано.

Вы разговариваете со мной так, будто я потратила свою жизнь на то, чтобы наносить раны в сердце только удовольствия ради, и не разу не пострадал от любви.

Бог свидетель, что из всех мужчин я могу любить лишь одного, и это чувство неколебимо. Он не всегда

находился возле меня, и я тоже мучалась и испытывала боль, которую по вашим словам знаете только вы.

— Да, это мне известно. Воистину счастлив тот, кого вы не можете позабыть. Любовь, которая вас объединяет, — это чувство, способное заставить поверить в невероятное. Вчера вечером я смотрел на вас, когда вы стояли вместе; ваши глаза беспрестанно обращались друг на друга, чтобы удостовериться в том, что вы рядом, и чтобы насладиться тем, что вы видели. Вечером того дня, когда мы приехали вместе с господином д'Аврэнсоном, я заметил ваши силуэты, слитые в одном поцелуе на балконе замка, и внезапная беспричинная боль поразила меня. Я считал, что излечился и защитился при помощи гнева от ваших чар. Но вы были там! И моя жизнь наполнилась смыслом и счастьем. Ваша белокурая красота всегда торжествует. Вы побеждаете даже тогда, когда не желаете этого. И побеждаете, даже не осознавая, что наносите раны, служите причиной трагедий, изменяете чужие судьбы. Он был прав, считая вас непобедимой и опасаясь за реализацию своих планов. И он умер на алтаре страданий, прокляв вас, а вы даже не придали значения ужасной анафеме, которой он предал вас за час до гибели!

— Действительно ли это было так?

— Вы осмелитесь обвинить отца де Марвиль в обмане?

— Нет, но...

Как ему объяснить, что она никак не может отделаться от впечатления, что обман в этом деле подобно червю подтачивает доверие и вредит дружбе?

Несмотря на некоторую трагичность, сцена, которая развернулась в прихожей Госпожи Кранмер в Салеме, оставила о себе смешное впечатление, будто бы присутствовала на мрачной комедии, специально утрированной, в которой подлинным был только

обморок юного канадца Эммануэля Лабура. Немного времени спустя он умер при загадочных обстоятельствах. Если бы не это, получился бы настоящий спектакль.

И в то же время она кусала губы, чтобы не улыбаться, потому что чем больше она думала об этом столкновении, тем больше смешных сторон открывалось, будь то выдающийся среди персон, символизирующих папизм и кальвинизм истинных пуритан, иезуит и доктор библейской теологии Самюэль Векстер, который разглагольствовал, используя возможности своего красноречия и фанатизм. А в это время гигант-ирокез босой, стоя на черно-белом плиточном сияющем полу, дотрагивался кончиками перьев своего головного убора до натертых воском потолочных балок, характерных для домов Новой Англии, а на ступеньках лестницы, как в театральных рядах, расположились женщины дома, среди которых были две колдуньи-индианки, Руфь и Номи, и она сама в платье роженицы.

Проклятия иезуита ее не столько расстроили, сколько удивили. Они постепенно стирались из памяти. С этого момента она почувствовала, что поток, приносящий им несчастья и удары, ослабеваает, меняет направление течения, что наступает отлив; она утвердилась в этом мнении с того момента, как получила вампум от вождя пяти ирокезских племен Уттаке, который означал: «Твой враг мертв».

Сидя подле нее мальтийский рыцарь, отвлеченный на какое-то время историей Анри де Ронье, возвратился к предмету своих страданий.

— Себастьян говорил: «Наша цель — водрузить на всей земле флаг единой веры». Я должен был его поддерживать до конца.

Она положила руку на его кисть.

— Мой дорогой Клод, мы с вами — наследники многочисленных религиозных войн, которые продолжаются уже два столетия; они потопили Европу в крови, но так и не достигли цели установления единой веры. Нельзя ли попытаться построить Новый Мир мирным путем?..

— Возможно ли это? Правда, что вы не из всех испытаний выходите победительницей. И я не отрицаю этого. Если бы вас послушали... Этого-то Себастьян и боялся в вас, вы способны отвлечь умы от великого учения Евангелия. Он опасался, что ваше очарование восторжествует над пронизательностью политиков.

— Как, политика? — вскричала она.

Услышав как она смеется, он живо повернулся к ней, и она встретила с его взглядом, блестящим и нежным, полным интереса ко всему, что исходило от нее; она отметила то выражение, которое появлялось на его лице при виде ее, оно было мечтательным и рассеянным, будто бы он встретил необычное создание, которое увлекло его на неизведанные дороги, и зачарованный, он шел все дальше и дальше.

— Ваш смех! Он, кажется, может отбросить куда-то далеко все наши страдания и открыть наши сердца навстречу Господней любви.

— Вот кто велик. Но после того, как вы приписали мне столь страшную власть и такие светлые способности, вам следовало бы остановиться на заключении, которое я вам предлагаю: представьте, что наше присутствие в Новом Свете и наше вмешательство, как вы это называете, принесли здесь больше пользы, чем вреда, больше мира и успехов, чем беспорядка и катастроф. Разве роль священника-воина не заключается в сражении за мирное существование народов и освобождение угнетенных? Защита в ходе войны — это богоугодное дело, нужно тщательно продумать ее детали и необходимость, и не относиться

к мечу, как к единственному спасителю. И, кстати уж, если вы называете политикой тот факт, что женщина позволяет себе задуматься о судьбах мира и о будущем, которое монархи уготовили своим детям, я думаю, что она права. Это обязательная необходимость для женщины — попытаться представить, в каком обществе будут жить ее дети.

Анжелика признала, что ответственность женщин в этой области ей представлялась большей, чем ответственность мужчин. Кроме того у ирокезов, например, женщины имели право голоса. Но если отец д'Оржеваль, говоря о ней, утверждал, что она ведет отряды в бой, то теперь это было уже неправдой, это время безвозвратно прошло.

— Однако, вам не удалось остановить отряды моих людей, даже когда вы в них стреляли около бродов Катарунка!

— Это был вопрос ловкости. Решение вас остановить исходило от моего супруга. Я ничего не знала об Америке, которую считала необитаемой, или по крайней мере населенной изгнанниками, подобными нам, у которых не имелось врагов, разве что дикая, непокоренная природа. Увы! Я сильно ошиблась.

Дело было не только в прохладных отношениях и соперничестве Франции и Англии. От нас требовали, чтобы мы были подобны святошам.

А я всего-навсего женщина, повторяю вам.

— И очень красивая женщина.

Вновь очарованный ее красотой, он поймал ее ручку в движении и поцеловал.

— Простите меня! Я болван. Мое поведение невозможно оправдать.

Таким образом они провели часть двух следующих дней: они спорили, прогуливались вдоль набережной и по площади, или же меряя шагами палубу «Радуги»,

после обеда в компании графа де Пейрак и офицеров, или после службы в маленькой часовне.

Иногда они смеялись как заговорщики, что свидетельствовало о долгой дружбе, возникшей внезапно, иногда Ломенье снова впадал в меланхолическое и тревожное состояние, как если бы неожиданно очнулся на краю бездны.

Между ними стоял призрак, но благодаря этим беседам Анжелике удалось заставить его взглянуть на ситуацию более трезвым взглядом, не столь трагично. Ей удалось добиться от него признания, что Себастьян д'Оржеваль всегда публично выражал недоверие к женщинам, а под внешним проявлением почитания и даже иногда очарованности скрывалась непримиримая вражда.

— Он был так несчастен, — вздохнул Ломенье. — У него не было матери и, по его словам, он провел детство среди ужасных созданий женского пола, грубых, умалишенных, похотливых и даже не чуждых колдовства. Не доверяясь Женщине, он уже не верил в Красоту, и более того в Любовь...

— Три эти понятия, которые он люто ненавидел.

Слово «ненависть» казалось шокировало Ломенье, но он сдержался, не осмелившись протестовать.

В тот вечер они шли по направлению к Сагенэ после вечерней службы, которая собрала в церкви Девы Марии утомленных землепашцев и индейцев, только что прибывших из Верхнего Сагенэ с грузом мехов для продажи.

Завтра граф де Ломенье продолжит путь в Квебек, тогда как корабль с командой из Голдсборо, собрав на борту экипаж, поднимет парус и продолжит путь по реке-морю Сен-Лоран до самого залива с тем же названием.

Они обменивались словами не столько для того, чтобы убедить друг друга, сколько чтобы разделить

чувства беспокойства и грусти.

— Вы — светлое создание, — повторял Граф де Ломенье, — вы не можете понять этого человека.

— Но вы тоже, Клод, вы тоже дитя света. И вот поэтому-то, я думаю, он вас и любил, он, угрюмый юноша из Дофинэ, он нуждался в вас, вы освещали его жизнь. Он заманил вас в Канаду ради этого. Так не дайте же себя увлечь в мрачные глубины его гробницы.

— Как вы узнали, что он из Дофинэ? — спросил удивленный Ломенье.

— Мне... мне кто-то сказал... я думаю.

Но она знала, что ей известно гораздо больше о детстве Себастьяна д'Оржеваль, и даже больше, чем известно самому Ломенье. А он смотрел на нее с беспокойством и восхищением, словно его снова охватывал страх, о котором предупреждал д'Оржеваль; иногда ему казалось, что она действительно обладает сатанинской способностью предвидения и маккиавелической ловкостью.

— Как бы то ни было, — продолжал он, — можно сказать, что с вашим появлением между нами умерло что-то, что нас связывало с самой юности и помогало нам до того момента жить и направлять наши стопы на пути покорения народов и Божьего промысла.

Оказавшись в Виль-Мери и узнав о его гибели, я осознал свое горе. Я потерял все. Вы покинули меня, и так как женщина, вошедшая в мое сердце была супругой другого, было бесполезно ее у него оспаривать. И он тоже меня оставил, мой брат, которого я предал; он погиб вдали от меня, а я ничего не сделал, чтобы его защитить. Заступаясь за вас я ранил его. Я даже не пытался объяснить с ним. Я не мог рассказать ему о том, чем вам обязан.

И даже сегодня я чувствую себя виновным, потому что готов на все, чтобы получить от вас лишь одну улыбку, дружеский жест, подобный тому, который я

помню, это было недавно, вечером. Я не жду большего, уверяю вас, и это абсурдно.

— Абсурдно!.. Почему? Абсурдно то, что вы считаете себя виновным в такой ничтожной вещи... Дружеские жесты согревают сердце. Нам очень приятно осознавать себя окруженными симпатией и не правда ли, что нас ранит чья-то антипатия? Разве мы имеем право только на неприятности в отношениях с себе подобными? В вашем страхе перед человеческими чувствами кроются гораздо худшие вещи, чем у пуритан и кальвинистов или реформаторов, на которых вы так ополчились.

— Плоть... — начал Ломенье.

Но Анжелика рассмеялась и воскликнула: «Хватит! Хватит поучений!.. Плоть... Это прекрасно. Слава Богу, что мы состоим из плоти».

И схватив его за руку, она подвела его почти к самому краю парапета.

— А теперь смотрите!..

— На что же?

Скала отвесно наклонилась над водой, открывая для обозрения устье Сагенэ. Вверх по течению отливом на широкую песчанную косу вынесло целую флотилию каноэ. Небо было окрашено в золотисто-лимонный цвет и поверхность реки блистала, как китайское озеро.

— Разве красота этого горизонта не волнует вас, священнослужителя? Но подождите немного. Я чувствую, что они уже здесь.

— Кто они?

— Подождите...

В тот же момент они увидели силуэт, скользивший под водой и исчезающий в глубине; потом появились другие в гармоническом танце, похожем на сон. Вот вырос фонтан, нет, целый купол брызг, возникший из глубин моря и обрушившийся на громадный хвост, который с чудовищной силой вырвался и будто бы

устремился к солнцу, украшенный парой плавников в форме крыльев.

— Киты!

Зрелище было редкостным. Киты не показывались здесь вот уже полвека. Но случилось, что самки приплывали в ледяные глубины Сагенэ, чтобы произвести на свет малышей, вскормить их в мире и в соседстве с себе подобными.

Анжелика пообещала себе, что однажды она вернется сюда с близнецами, когда они подрастут.

Глава 5

В первый же вечер Жоффрей де Пейрак оставил обед для гостей в кабинете-салоне «Радуги», его охотно и с благодарностью приняли и Реколле, и отважный моряк Сен-Лорана месье Топен, и его сыновья. Все они были изнурены тяжелым днем, почти полностью занятым путешествием по воде, где всеобщей заботой являлась лодка под парусом, подпрыгивающая на волнах. «Вот чертова река, — восклицал Топен гневно и в то же время с уважением. — Этот монстр сожрет нас когда-нибудь...»

Еще раз избежав гибели в бездне, эти труженики реки как-то терялись под резными потолками «комнаты с картами», за большим прекрасно сервированным столом, который искусно украсил метрдотель Тиссо с помощью своих подручных. Корабль тихо покачивался, и все чувствовали, что под ними толща воды, а не твердая почва; в этом было что-то величественное и тревожное. Река, этот холодный монстр, змея, ползущая впереди и позади них, давала о себе знать, тихо баюкая людей на корабле, как младенца в люльке, да еще чуть плескалось вино в хрустальных бокалах, и рубиновые и золотистые отблески мерцали на стенах, когда пили за здоровье удачливых путешественников.

Анжелика пренебрегала правилами этикета, которые предписывали ей как хозяйке занимать место в

центре, напротив графа де Пейрак, и уселась рядом с ним, как если бы сегодня не было гостей.

После долгой разлуки ей хотелось быть как можно ближе к нему, наслаждаясь очарованием его общества. Ей нравилось улавливать запах его одежды, когда он двигался, вдыхать легкий аромат волос, когда он встряхивал головой, ловить теплый воздух его дыхания, когда он поворачивался к ней. Ей всегда хотелось слиться с ним в поцелуе, долгим и тайном.

Было ясно, что для нее было высшим удовольствием находиться под властью его мужского обаяния. Но тем хуже!

Чем больше она стремилась к нему, тем меньше хотелось ей быть с остальными. Однако, такое существование ставило их на пьедестал, напоказ перед обществом, и Анжелике приходилось проявлять громадное упорство и ловкость, чтобы не поддаться формальным законам церемоний, которые подстерегали их на каждом шагу. В этом ей очень помогал Жоффрей, потому что и он стремился как можно дольше оставаться наедине с Анжеликой. Они очень рассчитывали на это, собираясь в совместное плавание по реке. Но ему не удалось быстро покинуть Таддусак, и вот его уже догнали.

Господин де Фронтенак отправил посланцев к графу де Пейрак, чтобы сообщить о ходе своей экспедиции и поблагодарить его за помощь. Ломенье-Шамбор прибыл, чтобы поделиться своими горестями и сомнениями.

Анжелика решила выпить, чтобы забыть о сердечной боли, которая не прошла полностью при встрече с мужем; причины этой боли сочетались в разлуке с маленькой дочерью и в плачевном состоянии, в котором пребывал ее друг Ломенье.

Ее взволновали рыдания этого человека, война с чистым и бесстрашным сердцем, который как ребенок

уткнулся в ее плечо, а его слова, перемешанные со слезами, были подобны эху какой-то жалобы, словно произнесенной кем-то другим.

Она очень бы хотела забыть об этом другом, о Себастьяне д'Оржеваль, который всегда возникал укором в моменты апломба, и мертвый или живой, он постоянно причинял ей самые серьезные неприятности. Она чувствовала себя не в своей тарелке еще и от того, что излияния Ломенье помимо ее воли вызывали жалость, хоть она и не знала, что это ловушка, которой надо избежать. «Он», иезуит и Амбруазина всегда считали, что у нее недостаточно чести и доброты, что она грешница... И случилось так, что она чудом избегала падения.

И вот она выпила как лекарство добрую порцию прекрасного вина, и немного спустя ее веселость снова вернулась к ней. Она снова улыбалась, с интересом слушала рассказы д'Аврессона, парировала колкости неугомонного Топена, у которого в запасе всегда были занимательные истории о кораблекрушениях.

Эта вечеринка на корабле с не ожидаемыми гостями и офицерами их флота напомнила ей другой банкет, который состоялся в этом же месте несколькими годами раньше, когда они поднимались вверх по реке, направляясь в столицу Новой Франции — Квебек.

Они веселились вовсю, «с французским размахом», и каждый чувствовал себя таким счастливым, что был готов поверить другому самые дорогие секреты своей жизни; их окутывал густой ледяной туман ноября, они наощупь пробирались по дикому краю, выполняя повеление короля.

Как и тогда, она держала бокал богемского стекла, неожиданный подарок маркиза де Виль д'Аврэ, и через рубиновую жидкость бургундского вина она видела лица гостей, которые сейчас уже не опасались друг друга. В этот вечер все они представляли компанию

французов, хороших друзей, которые встретились на границах двух огромных территорий; им было чем поделиться и что вспомнить, например, знаменитую ночь набега ирокезов на Квебек, в течение которой Анжелика помогала майору д'Аврессону спасти город, а господин Топен тем временем зажигал огни на бакенах, чтобы обозначить контуры реки.

Она увидела, как оживился шевалье де Ломенье-Шамбор при рассказе о битве на реке Сен-Шарль, когда монастырь Реколле превратили в крепость; монах, прибывший вместе с ним, тоже вспоминал детали этой операции. Простой священник, по-детски наивный, он провел в Канаде более двадцати лет. Он попросил налить ему чуть-чуть вина, но от этого не зависела его постоянная веселость.

Господин д'Аврессон от имени губернатора поблагодарил господина де Пейрак за то, что тот выследил ирокезов и предупредил об их нападении на Квебек. Затем он рассказал об экспедиции господина де Фронтенака.

В Катаракуи, что на озере Онтарио, где по его приказу выстроили форт, носящий его имя, он чувствовал себя прекрасно, он был у себя дома.

В этом году, как и прежде, во Фронтенак съехались шестьдесят вождей ирокезов для заключения мира. Достижением было уже то, что удалось их собрать. Ирокез великодушен, но упрям.

Однако он любит торговать, так же как и воевать. Вот чем привлекал их губернатор Новой Франции. Он обращался с ними строго, но справедливо. Господин д'Аврессон, который был в курсе всех дел, не уставал восхищаться тонкостью дипломатии губернатора.

Закончилось тем, что индейцы обещали жить в мире с соседями, утауэ и андастами и прекратить истреблять гуронов, точнее те жалкие группки, что остались от целого племени.

Фронтенак обладал умением управлять ирокезами, не приводя их в гнев. Его живость, его манера играть с их детьми восхищали дикарей.

Они задыхались от смеха, когда слышали великолепное имитирование губернатором их боевого клича «сассакуа».

Чтобы соблюсти все обычаи, первым делом организовали два пиршества, на которых никто ничего не ел; это называлось «пиршеством раздумий». Нужно отметить, что гости расходились не менее сытые и не менее пьяные, чем обычно. Все дело здесь было в особом табаке, вкус которого еще держался во рту еще в течение трех дней.

Затем начались настоящие пиры. Это — особый предмет, очень важный для сближения французов с индейцами, главным образом с ирокезами. «Вкус пиршеств» до и после войны.

Для господина Фронтенака сварили голову самой большой собаки, и он съел ее до самых глаз, что не являлось самым большим его подвигом.

Разные сорта рыб... Только нужно быть осторожным и не бросать кости, чешую и головы в огонь, чтобы не потревожить духов воды. Затем на костер водрузили огромный котел, в котором варились большие куски мяса, а три вождя при помощи специальных палочек опрокинули его содержимое прямо в огонь. Символический жест переворачивания котла войны означал «Битвы окончены. Мы заключаем мир».

То, что оставалось на дне котла, распределялось между главами французов и индейцев, согласно обычаю, когда противники едят общую пищу, «бульон победителей». Некоторые шутники уверяли, что в котле можно найти кожу и кости людей, что заставило бледнеть молоденьких офицеров, недавно прибывших в Канаду.

Короче говоря, топор войны был закопан в землю.

По окончании рассказа в стенах «комнаты карт» раздались аплодисменты.

Фронтенак еще раз проявил себя, как человек ловкий и опасный, что заставляло трепетать не только его врагов, но и подчиненных, но который делал все только на пользу колонии.

Перед тем, как отправить ирокезов к их Пяти Озерам, французы обменялись с индейцами подарками и вампумами.

Дикари отказались принять соль, потому что, по их словам, она разжигала жажду, а от воды их мускулы ослабевали, так что на исходе жизни они становились не в силах натянуть лук. Они никогда не хотели пить. Их вполне устраивал маисовый сок.

С другой стороны они не отвергали другого подарка, очень ценного для них — мешков с мукой, так как они испытывали слабость к пшеничному хлебу.

С ними отправили пекаря, чтобы он в начале зимы изготовил им прекрасные караваи хлеба, которые сохранятся в течение всего тяжелого периода холодов.

Оружейник, который тоже отбыл с индейцами, должен был привести в порядок их огнестрельное оружие и топоры.

Веселый гасконец, господин Фронтенак, любил ирокезов от всего сердца.

Вся компания за столом с радостью выслушала рассказ о том, что ежегодная кампания заключения мира удалась.

Присутствие Николая Перро напоминало Анжелике о первых днях пребывания в Новом Свете, об опасностях, которые их подстерегали. А теперь, сравнивая, она была потрясена изменениями, которые произошли с тех пор. Сегодня все они были просто подданными Франции, которые собрались за столом, чтобы выпить за здоровье Короля, отметить успехи губернатора Фронтенака, который установил мир на континенте

дикарей. Они поздравляли друг друга и строили планы, как продолжать строить жизнь вместе со странным и требующим понимания народом под сенью темных лесов.

Все это требовало громадных усилий, потому что в глубине этих самых лесов нашел свою страшную гибель великий иезуит. Его военный флаг был отмечен пятью крестами, по бокам и в середине полотнища, их окружали лук и стрелы. Она помнит, как он развевался над головами абенакисов, когда те шли на штурм английского городка. И в этом не было ничего возвышенного. Кроме того она сама слышала, как он благословляет индейцев, тех, кто наутро должен был казнить еретиков, то есть ее и его сподвижников. Ее кобылу, на которой она пыталась вернуться в лагерь, объявили дьявольским отродьем, приносящим одни беды Аркадии. Вот как начиналась эта изнурительная и долгая война.

Отца д'Оржеваль очень уважали и любили простые люди, и Анжелика не очень старалась переубедить своих друзей, которые почтительно относились к нему, как и не заботилась о том, чтобы они его не забыли. И теперь, после его смерти, культ его личности, казалось, стал еще сильнее.

Теперь вспоминали анафему, которую он провозгласил, и не задумывались о причинах его ненависти. Эта скрытая опасность, избежать которую она не могла, огорчала ее, так как примешивалась к недовольству после второго путешествия в Новую Францию, и даже встреча с братом Жоссленом де Сансе не могла скрасить этого ощущения.

Однако ее мысли мало-помалу очищались от грусти. Она вызывала в памяти очень красивые сцены ее борьбы с иезуитом, это было похоже на оперу. Валлис, ее кобыла, вставшая на дыбы на опушке осеннего леса, стяг с пятью крестами, развевающийся на ветру и толпа

разъяренных дикарей, выбегающих из чащи и устремляющихся на штурм английского города.

Прекрасные эпизоды прекрасного приключения! Того, что еще сильнее сблизило их в Америке.

Она повернулась к Жоффрею, словно он был в силах помочь приостановить ход ее мыслей, немного сумасшедших. И правда, он это мог. Рядом с ним она легко освобождалась от подозрений и мыслей, которые часто были не обоснованными и преждевременными. Он сохранял спокойствие и хладнокровие. Ибо, говорил он, выступая в ее глазах бдительным и мудрым, невозможно провести всю жизнь, строя будущее, состоящее из одних катастроф и предательств.

«Как мне хорошо с ним», — повторяла она про себя, еще ближе придвигаясь к мужу, и встречаясь внезапно взглядом с графом Ломенье, от которого не укрылся ее жест, с каким влюбленная женщина стремится раствориться в тени мужчины, которого любит.

Но она не могла наглядеться на него, она то и дело оборачивалась в сторону его тонкого профиля, и не было в мире другого мужчины, в котором было бы столько силы, и который так оберегал ее.

Ее безраздельное доверие было следствием его любви к ней, в которую она, наконец, поверила; теперь она знала, что является всем для Жоффрея, и что это было самым главным в их отношениях.

Граф де Пейрак тоже пил, но вовсе не для того, чтобы развеять грустные мысли или забыть о тяготах жизни. Он просто пил, чтобы насладиться винным ароматом, и укрепить свое радостное настроение. Он пил, чтобы составить компанию гостям, чтобы оказать им честь и сделать им приятное. Это была дань путешественникам, являющимся частью радостей этого мира, искусства красиво жить, своеобразной компенсации в противовес жестокости и

несправедливости, так часто встречающихся в этом проклятом мире.

Когда он пил, глядя на него можно было сказать, что он относится к вину, как к старому другу, с которым давно знаком, и которого желает узнать еще лучше.

Его глаза блистали чуть сильнее, его улыбка стала чуть радушнее, выражение лица — чуть привлекательнее, словно он наблюдал сверху за человеческими слабостями, с легкой насмешкой, но без ехидства.

Сколько она его помнила, он всегда был таким. В Тулузе, блестящий аристократ, победитель в любовных интригах, с гитарой в руках, в маске, скрывающей блеск глаз, он возглавлял целую вереницу мужчин и женщин, которые далеко не все были героями романов и принцессами с чистыми помыслами, но которые сочетались с понятиями любовной песни, куртуазной философии, изысканных вин и внезапных чувств, вспыхнувших во время какого-нибудь бала.

И вот она завоевала самого достойного — Жоффрея Пейрака.

Она могла сказать себе: «Еще немного, и я останусь с ним наедине». Она не уставала смотреть на него, пока он внимательно следил за ходом беседы, наблюдая за выражениями лиц, и улыбками, однако не придавая этому всему особого значения.

В его позе было что-то королевское.

Но он был сильнее и свободнее любого короля.

«Как я его люблю. Бог мой, Господи, сделай так, чтобы он любил меня всегда! Без него я умру! Я слишком много выпила. Виноград так коварен! Интересно, видно ли, что я пьяна? Все так же смеются, даже Ломенье. Будь благословен виноград. Самое главное — это жить. А мы живем. Я скажу завтра бедному графу об этом, и к нему вернется мужество. Иезуит мертв. Ему не была известна радость пира с

добрыми друзьями. Он жил во мраке. Вот почему он погиб, Господь да простит меня, мне следовало бы уважать страдание».

Компания расходилась среди густого тумана. Анжелика, прощаясь до утра со всеми, стоя с нерешительным видом возле своего господина и хозяина, прочла или ей показалось, что она прочла в глазах Ломенье-Шамбора мысль, которая как копье пронзала его мозг: «Сегодня ночью они будут любить друг друга...»

Выражение его лица снова изменилось. Черты заострились. В той же ситуации сама богиня зла, застав их у своего изголовья, таких близких и таких неразлучных любовников, издала бы ужасный крик отчаяния и ревности, крик существа навеки проклятого...

Глава 6

Стоянка в Тадуссакке заканчивалась. Гости должны были отправиться вверх по реке. Через два или четыре месяца зима заключит реку и корабли на ней в оковы льда. Анжелика еще немного поговорила с шевалье де Ломенье-Шамбор. Считая его еще не оправившимся от потрясения, она старалась не огорчать его. Ей хотелось бы встряхнуть его, как будят спящего, страдающего от того, что он видел во сне.

Она старалась удовлетвориться несколькими словами, которые вырвались у него: «Факты подтверждаются... Я не ошибся...»

Но эту работу приходилось начинать заново каждый день.

Несколько раз он бережно извлекал из жилетного кармана письмо, написанное на хрупкой березовой коре, чтобы прочесть ей отрывки из последнего послания, полученного от иезуита уже довольно долгое время спустя его отъезда из Квебека, после от него уже не было известий.

Странная вещь: в последнем письме к другу детства иезуит безпрестанно возвращался к тому, какую опасность представляет дама с Серебрянного Озера. Можно сказать, что он был полон подозрений и страхов:

— «...В ней, мой друг, следует опасаться всего! Эта женщина наделена властью, это — женщина-политик!..»

— Боже! Ну и глупость!

Но Ломенье продолжал читать тихим голосом, продолжал перечислять нелепые обвинения, хотя в каждом под видом кротости и мягкости скрывалась капля желчи.

— «...Власть над умами, достигшая наивысшего предела и которой, как я вижу вы склонны поддаваться, как бы тяжела не была ваша жизнь, эта власть идет на пользу женщинам только тогда, когда она удваивается за счет ума и правильных намерений. Порой женщина достигает власти не только над умами, но и над душами мужчин, и это самое опасное, ибо следуя греховным путем, противоположным религиозной добродетели, они пренебрегают священным законом Самого Господа Бога ради греха, который ведет к гибели. Но оставим это...»

— Тем лучше! — вмешалась Анжелика, которая слушала с мрачным видом.

— «Поговорим о власти политической, которая скрывается под грациозной внешностью, словно бы невинной. Из-за нее мужчины, которые управляют судьбами целых народов, опутаны невидимыми арканами. И им уже не вырваться из-под власти женщины. К тому же, я не знаю примера, когда хоть одна из них наделялась бы большими полномочиями».

— Как сказать... Англия не может пожаловаться на свою великую королеву Елизавету Первую.

— «Но некоторые получают эти полномочия несправедливым путем. Я слышал, что наш король,

далекий от того, чтобы доверяться женщинам, помня о временах, когда именно они настроили вельмож королевства против него, когда он был маленьким, не выносит, когда какая-нибудь женщина, будь то королева или фаворитка, произносит хоть одно слово по поводу государственных дел. Однако мне доподлинно известно, что мадам де Пейрак является исключением из правил: во время пребывания в Версале она неоднократно давала королю советы по вопросам дипломатии и отношений с иностранными монархами...»

Граф де Ломенье поднял голову и взглянул на Анжелику. В его глазах стояло удивление и ожидание отпора.

Но она только вздохнула.

— Он знал обо всем, ваш иезуит, — сказала она после некоторого молчания. — Обо всем... даже об этом.

— Да, он знал все, — повторил Ломенье складывая листки с задумчивым видом. — Не наталкивает ли вас его дар предвидения на мысль, что мы имели дело со святым, пророчествами которого мы пренебрегли?

— Да кто сказал вам о его предвидении? — возразила она, пожимая плечами, — у него повсюду были шпионы...

Они могли бы спорить два дня и две ночи, не достигнув результата, к которому стремилась Анжелика: возродить в сердце шеваляе де Ломенье покой.

Их разговоры были подобны замкнутому кругу. Но она считала однако, что они не так уж бесполезны. По ее мнению споры с Ломенье позволили ей лучше узнать и приблизить этот персонаж, который даже после смерти продолжал влиять на их судьбы. Она сделала выводы, и они помогали ей сохранить ясность мыслей, ибо даже в новом мифе, сложенном о нем, она находила больше слабых мест, нежели сильных. Этот человек, каким его знала Анжелика, был подобен пленнику

зловещих сил, так рога оленя, предмет его гордости, зачастую служат причиной его гибели, так как застревают в кустарнике и не дают животному выбраться.

Дело усложнилось тем, что он принадлежал к Ордену Иезуитов, к ордену, могущество которого возрастало все больше. Состоящий из лучших людей всех наций, он образовывал партию умнейших философов и политиков. С другой стороны, согласно их яростной приверженности законам, строгим запретам и аскетизму их называли армией Господа, римской армией, то есть воинством папы. Любой приказ церкви, появившийся в любом веке, был результатом деятельности этой «партии», которая изменяла не только мысль эпохи, но, если так можно выразиться, ее идеологическую окраску. В то время, когда родилась Анжелика, орден Иезуитов занимал главенствующее положение.

В недрах этого ордена сталкивались новейшее развитие и вечные понятия.

Но если говорить о Себастьяне д'Оржеваль, каким его знала Анжелика, ей было трудно решить, был ли он настоящим иезуитом, как и брат Раймон. Они были очень сильны и хитры, но не настолько лицемерны и невыносимы.

Она скорее склонна была обвинять его в том, что он использовал имя иезуита как камуфляж.

Она видела его, пропитанного ароматом старых законов, простирающего тень античных проклятий на дикой земле, всеми своими привычками отрицающего новые названия, которые могли родиться в новом Свете. Но тот, кто даст этой тени, настойчивой и покровительствующей, поглотить себя, тот навсегда теряет шанс увидеть и почувствовать свет новой жизни.

Итак, это была борьба того, что несли Жоффрей и Анжелика, и того, что защищал он в приступе мании

величия.

То, что не совмещалось с его планами, исключалось. Только то, чего он добивался имело право на существование, только его преследования были оправданы, только его месть была праведной. Месть против кого? «...Против тебя!..» — кричал ей в ответ внутренний голос. «Но за что? Чем я провинилась?..»

Под рубищем мнимой святости Себастьяна д'Оржеваль скрывались доспехи воина, надетые только ради его самого и его бредовых идей.

Он вел войну, причины которой были известны только ей, — она их угадала. Ими являлись неизмеримая гордость и смутный силуэт богини зла за спиной.

«Он считал, что направляет ее силу против нас... А на самом деле все обстоит наоборот... Это она всегда торжествовала над ним, со времен его детства; она одержала в их борьбе окончательную победу...»

Она задумалась над словом «детство», применительно к нему.

И она с содроганием представила троих проклятых детей, выросших в лесных долинах мрачного Дофинэ. Все было мрачным в этой истории. Все, кого д'Оржеваль и Амбруазина увлекли на свой путь, в конце концов сбивались с него...

Разве Ломенье этого не замечал? Она вновь вспомнила фразу мальтийского рыцаря об Онорине, которую он произнес однажды после того, как подарил ей маленький лук со стрелами:

«Невинность всеми горячо любима. И она одна этого заслуживает...»

Сколько изысканности и тонкости в мужчине расстрогали ее. Сегодня впечатление померкло. Иезуит отбрасывал тень, подобно ядовитому дереву, на тех, кого нужно было заманить и победить, а затем уничтожить.

Зима в Квебеке показалась ей временем, благословенным для дружбы и для веселых развлечений. Несмотря на испытания, ошибки и безумства с обеих сторон, тогда произошло очень много хорошего.

Но она не была уверена, что всегда действовала безупречно. И это мучало ее.

Малейшие промахи в словах или действиях подвергали опасности выполнение намеченных планов. Она догадывалась, что слова Любовь, удовольствие были для мальтийского рыцаря невыносимы, что он сознательно изгнал их из своего сердца ради любви более возвышенной; ему удалось убежать от нее и перенести разлуку с достойной и светлой печалью.

Но она не могла смириться с тем, что видела, как он стареет и слабеет, теряя свою ауру.

К тому же пришлось отметить, что отныне многие деликатные и изысканные темы для них закрыты; теперь они уже не смогут болтать как брат с сестрой, как любящие друзья в свободной и чарующей манере.

Можно было бы сказать, что он лишился воли. Он, которого она знала таким энергичным, таким здравомыслящим и непреклонным перед соблазнами и искушениями, он всегда знал, как правильно поступить. Когда в Катарунке он познакомился с ними, или когда позже он присоединился к ним в Квебеке, пренебрегая различными мнениями, некоторые из которых шли во вред его репутации, он был полон жизненных сил. Сегодня же он напоминал корабль «без руля и ветрил».

За несколько часов до отъезда она взглянула в его лицо, почти со слезами, и сказала ему:

— Я вас теряю?

Еще раз выражение его лица изменилось, и можно было бы сказать, что морской бриз своим дуновением развеял отравляющие дымы, клубящиеся в его душе.

— О нет, друг мой, нет! Как вам это пришло в голову? Жить без вас невозможно. Во всяком случае мысль, что вы больше не дорожите нашей дружбой, что вы больше не думаете обо мне, для меня невыносима, мой милый нежный друг. Но поймите, что я страдаю от незаслуженных ударов, полученных от дорогого мне человека!..

— А те, что он направил против меня, не причинят вам боль? — сказала она с легким упреком.

Но она тут же удовлетворилась, убежденная искренностью его чувств, ярко проявившихся в данный момент. Кроме того не в стиле Анжелики было возвращаться к несправедливостям и невзгодам, которые выпадали на ее долю. Существует чистота и гордость, присущие исключительно женщинам, в молчании по поводу ран, которые пришлось получить. Она была подобна легендарным рыцарям, которые с состраданием относятся к чужим страданиям, летят на помощь слабым, восстают против несправедливости и следуют высокому призванию уничтожать чужих врагов; при этом они не думают, что их выслеживает неприятель, и не дорожат собственной жизнью.

Да что легенды, — думала она. — Просто приятно сознавать, что наше оружие сильно, а кровь струится в моих жилах. Я абсурдно сильно волнуюсь за судьбы своих друзей, а они пренебрегают, не задумываясь, что наносят мне удары и огорчают меня.

— Вы даже не спросили об Онорине! — резко упрекнула она Ломенье. — Господин рыцарь, вы причинили мне боль. И перемены, происшедшие в вас, только подтверждают причину, о которой я догадывалась — снова иезуит.

Я оставила мою маленькую Онорину на попечение матушки Буржуа, и в течение целого года я не увижу ее по причине, в которой я еще не разобралась, но которая вполне очевидна: Новая Франция встретила меня с

кислой миной. Я искала вас в Монреале, потому что нуждалась в поддержке, а вы сбежали от меня. Опечаленная, я села на корабль и начала спуск вниз по реке, чтобы удалиться как можно дальше.

Тогда ли я поняла, что потеряла вашу дружбу? Вы думаете, это было для меня безразлично? Довольно выгодно не знать ничего о преданности, которую я испытываю по отношению к друзьям и которая является моей слабостью. Вы считаете меня женщиной-политиком, расчетливой или легкомысленной или еще кем-нибудь. Но нет.

Я всего лишь женщина, говорю вам... и вам следовало бы возмутиться при виде того, что такой ваш друг, как я, который вас вылечил и спас и который имел глупость испытывать к вам предпочтение, слабость, которую я сама находила очаровательной, итак, вам следовало бы возмутиться при виде той ненависти и клеветы, которые обрушились на меня, да...

Он прервал ее, схватив за руку и целуя ее со страстью.

— Это правда, вы правы, простите меня! — Это было так необычно для характера шеваляе, что ее это потрясло. — Простите меня! Тысячу раз простите! Я вас умоляю. Моему поведению нет оправданий. Я знаю, я никогда не сомневался... Я знаю, что ваша сторона — сторона красоты и правды...

— Что необходимо отметить, как это то, что несмотря на все добродетели, ваш святой мученик, наш противник, был не очень-то милосерден по отношению к нам. Вы согласны?

Она бы очень хотела, чтобы он произнес, что он согласен взглянуть ситуации в лицо, что он сделал выбор. Ее ранили его сомнения.

— Да, это правда, — сказал он. — Но все же, нет, он был добрым...

— Довольно, — прервала она. — Вы меня расстраиваете, потому что никак не хотите отказаться от своих терзаний.

И видя, что он снова потянулся к жилетному карману, она решила, что он снова намеревается читать ей письмо отца д'Оржеваля.

— Довольно, я вам говорю. Я не желаю больше слышать об этом человеке.

— Это не то!

Он следовал за ней по дороге на борт «Радуги», держа ее за руку и улыбаясь.

— Вы ошибаетесь на мой счет, так же как и я на ваш, мадам. Знайте же, что в Монреале я навестил маленькую Онорину в конгрегации Нотр-Дам, и что я привез вам письмо от Маргариты Буржуа, в котором вы найдете детали и подробности жизни малышки!..

Анжелика чуть было не подпрыгнула на месте, чуть было не поцеловала его, и нежно упрекнула в том, что он ничего не сказал ей до этого момента.

Он ударил себя в грудь и поклялся, что только усталость и тяжелое путешествие послужили причинами его забывчивости до такой степени, что он с трудом вспомнил суть поручения, данного ему. В конце концов он же вспомнил. Он бы не уехал без того, чтобы не отдать ей этот сложенный в несколько раз листочек, рассказывающий о ее ребенке.

Она поверила ему только наполовину. Она подозревала, что он хотел ее испытать, заставить ее страдать, лишая радости отомстить за себя, отомстить за «него»... Это было так непохоже на него... Его ипохондрия была гораздо сильнее, чем она думала. Она не удивлялась, что именно Маргарита Буржуа распорядилась разыскать шеваляе в монастыре святого Сульпиция под предлогом дать ему поручение доставить письмо, рассказывала о новостях в жизни Онорины де Пейрак, в то время как ее родители

готовились пересечь границы Новой Франции. Своей властью над ним она воодушевляла его броситься в погоню за ними.

И она была права, потому что не без труда в последние часы прежний Ломенье предстал перед глазами Анжелики; лицо его было радушно и решительно одновременно, он рассказал, как мог только он, о своих беседах с маленькой Онориной, передал еще, кроме письма директрисы, страницу, исписанную рукой маленькой школьницы, покрытую большими А, выведенными старательно и ровно. Анжелика спрятала этот листок в корсаж, словно любовную записку.

Поскольку близился час расставания, граф де Пейрак, который незаметно улизнул, принес в свою очередь послание, которое только что составил для Онорины. Это был большой лист зеленого цвета, спрятанный в красный конверт. Граф попросил рыцаря о любезности прочитать Онорине письмо, когда он вернется в Монреаль. Он приложил к посланию кольцо, которое снял с пальца и отправил Онорине, как знак отцовской любви, чтобы она носила его на шее.

— Пусть знает, что мы по-прежнему любим ее.

Анжелика, застигнутая врасплох, добавила несколько слов и сочинила длинное послание Маргарите Буржуа. Она передала также несколько игрушек для Онорины.

Шевалье также испросил прощения за то, что был плохим сотрапезником. Рана, которую он получил в ходе кампании у Катаракви его ослабила, ибо он потерял много крови. Он часто ощущал какую-то пустоту в голове. И, возможно, этому стоило поверить.

В последний момент он снова изобразил, что забывается, но это была уже шутка, для развлечения.

Он приказал принести и поставить на стол большую коробку, украшенную индейскими узорами.

Когда подняли крышку, то оказалось, что внутри находится множество фигурок из дерева, ярко расписанных, которые шевалье принялся выстраивать в ряды, одну за другой, их равновесие удерживалось при помощи специального пьедестала.

Он узнал, — сказал он, — что брат Люк из монастыря Реколле на реке Сен-Шарль, перед тем, как стать монахом, увлекался созданием и росписью солдатских отрядов — игрушек для детей, и мальтийский рыцарь решил попросить у него несколько игрушек в подарок для счастливых родителей Раймона-Роже де Пейрак.

— Для вашего новорожденного сына, — сказал он, повернувшись к ней.

Франциск и он решили раскрасить некоторые фигурки под стражу королевского дома, костюмы которой вызвали восхищение жителей Квебека, когда государственный советник по внешним связям господин де Ла Вандри прибыл в город по специальному поручению короля. В следующем году государственный советник снова навестил Квебек, так как возникли некоторые проблемы. Ломенье довольно долго общался с ним, так что у него было достаточно возможностей изучить детали формы и знаки различия, характерные для королевской стражи, этого престижного военного формирования, создававшегося королями Франции в течение веков, и одно упоминание о котором вызвало ужас у врагов на полях сражений.

Разнообразие и тонкость исполнения этих фигурок вызвали всеобщий интерес. Они переходили из рук в руки.

Трогательный момент, подтверждающий привязанность графа де Ломенье-Шамбор по отношению к друзьям из Вапассу, несмотря на их репутацию одиночек, чересчур близких к английским и французским безбожникам.

В течение зимы граф де Ломенье неоднократно приезжал к брату Люку, чтобы помочь ему и его сыну, скульптору и художнику Ле Бассеру в изготовлении солдатиков.

— Наш новорожденный сын еще не сделал своего первого шага, — сказал де Пейрак, но я смею вас уверить, что он уже достаточно взрослый, чтобы оценить столь красивый подарок, и что он получит удовольствие, как и его сестренка, их рассматривая, и расставляя в боевом порядке.

Господин де Ломенье рассказал, как проводил длинные зимние вечера в стенах спокойного монастыря Реколле в обществе брата Люка и его помощника, с кисточками в руках, наслаждаясь фантазиями о том, как малыш будет играть. Зимний сезон почти на девять месяцев прекращал всякое сообщение Канады с внешним миром, поэтому Ломенье оставался в неведении относительно трагических событий, связанных с его другом.

«Но вы же знаете, что мы по-прежнему ваши друзья, и что мы вас не оставим», — говорили глаза Анжелики, пока он спускался по веревочному трапу в лодку, которая доставит его на корабль, держащий курс на Квебек.

Он улыбнулся.

Она тоже продолжала улыбаться, маша им вслед.

Но Анжелика знала, что, расставшись с ними, он снова станет подвержен прежним сомнениям и терзаниям, снова станет испытывать горечь, как от неразделенной любви. Горечь эта вдвое сильнее от того, что внушается чувствами к женщине и смертью друга. Он не мог служить одному без того, чтобы не предать другого, он не мог предпочесть одного и забыть другого, он любил их равной и в то же время разной любовью и не мог вырвать кого-то одного из сердца и жизни, несмотря на раздумья, принуждения,

дисциплину, исповеди. Он был не в силах изгнать из мыслей и души мученика-иезуита, лучшего друга, присутствие которого он ощущал постоянно; тот, казалось, умолял его вернуться на праведный путь и продолжать служить во благо церкви и Франции.

Он так же не мог забыть ее, воплощение того, что всегда было для него под запретом, и в то же время — подругу, образ которой представлялся перед его мысленным взором, звук ее имени, музыка ее смеха раздавались в его ушах, аромат его духов вызывал в нем слезы волнения. И шевалье де Ломенье никак не мог положить конец этим терзаниям, разрывающим его между двумя людьми, между долгом и любовью.

Ему предстояло пересечь пустыню, край, где не раздастся голос утешения, где умирает надежда, где божественность отказывается появляться, что является самым страшным испытанием для того, кто посвятил жизнь и пожертвовал всеми земными радостями во имя Господа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЖ ДВУХ МИРОВ

Глава 7

Наконец они подняли паруса и отправились прочь от Тадуссака.

Анжелика воспользовалась несколькими часами уединения с Жоффреем, они наслаждались свободой, отгородившись от внешнего мира, и это она любила больше всего. Они вновь обрели прежние привычки и не уставали им радоваться.

Они сидели лицом к лицу, под тентом, который натягивался над палубой в знойные часы, или во время дождя, или же ночью на кормовом балконе, на который выходили их апартаменты.

Там, полулежа на диванах и опираясь на подушки в восточном стиле, они проводили время в обществе друг друга, получая от этого несказанное удовольствие.

Они смогли сберечь свои чувства и позволить себе сгорать от двух огней: нежности и страсти.

Кусси-Ба подавал им турецкий кофе в маленьких чашечках тонкого фарфора на прелестных подносиках, украшенных арабесками, которые назывались зарф, и которые позволяли пить кофе и не обжигать пальцы. Весь этот ритуальный прибор, предназначенный для кофе, да и сам напиток напоинал им о Востоке, переносили их к Средиземному морю, в Кандию и на остров Мальту, о котором Анжелика так много говорила с Ломенье.

Она попыталась внушить ему, чтобы он вернулся во Францию, чтобы получить помощь и поддержку среди братьев-рыцарей Сен-Жан Иерусалимских, сегодня называемых Мальтийцами. Но он отказывался. Он не хотел покидать Канаду, где покоились останки его друга, убитого индейцами.

— Но, однако, возвращение пошло бы ему на пользу. Как и солнце. На Мальте я полюбила этот прекрасный свет, который заливал залы Большого Госпиталя. Больные ели с серебряных приборов. Я посетила аптеку, хирургические кабинеты. А в крепости я любовалась, как на ветру трепещут вымпела на разнообразных галерах Мальты, которые были готовы выйти в море, на бой с варварами.

Внезапно она осеклась. Затем Жоффрей увидел, как она спрятала в ладонях лицо и воскликнула:

— О Боже! Это был он!

И застыла, словно погруженная в картины прошлого.

— Анри де Ронье, — произнесла она затем уже спокойнее.

Жоффрей де Пейрак задумался о нынешней ситуации. А она принимала довольно сложный оборот. Анжелика должна была возвратиться в Салем, потому

что после рождения близнецов у нее случился приступ малярии.

Охваченная жаром, который случился у нее на Средиземном море, она вообразила, что снова в Алжире, в плену у Османа Терраджи, визиря Мулея Исмаила, короля Марокко, для которого она и была куплена. В бреду ей казалось, что она еще не нашла Жоффрея. Она видела себя на улицах белого города, в сопровождении стражников-мусульман. На перекрестке она натолкнулась на умирающего, побиваемого камнями, рыцаря-монаха, одного из тех, кого взяли в плен вместе с ней на мальтийской галере, и ей слышались его крики: «Я подарил вам первый поцелуй».

Возвратившись в Салем, в Новую Англию, она решила, что это сцена — плод болезненного воображения и жара. Но если тем умирающим рыцарем действительно был Анри де Ронье? Видение обретало конкретные формы.

Она напрягла память.

Анри де Ронье?.. Сейчас она была почти уверена. Это было имя одного из двух рыцарей, в обществе которых она путешествовала на мальтийской галере в поисках Жоффрея по Средиземному морю.

Анжелика подняла голову.

Взволнованная, она рассказала мужу историю, услышанную от графа де Ломенье-Шамбор, и ее продолжение, о котором она вспомнила. Она и не подозревала об этом, потому что не узнала в рыцаре в красном плаще с мальтийским крестом влюбленного в нее пажа из Пуатье.

— А он? Он узнал меня? Прошло столько лет, и путешествовала я под именем маркизы дю Плесси-Бельер. Он, во всяком случае, знал только мое имя. Но он даже не намекнул о нашей встрече в прошлом. Или я не следила за этим?..

Однако, что-то, должно быть, существовало между ними, оно проникло в ее бредовые видения, в которых она слышала слова, которых он не хотел произносить.

Она все время вызывала в памяти его черты, но тщетно. Ей вспоминалась лишь стройная фигура в плаще. Он стоял на палубе рядом с другим рыцарем, грузноватым капитаном галеры.

— Мое безразличие смутило его, и он не осмелился напомнить мне о маленьком эпизоде, который я едва ли помнила. Да, в то время только вы составляли смысл моей жизни. Я была готова бросить вызов любым опасностям, лишь бы найти ваши следы.

Она снова задумалась. Она прикидывала, насколько были бы ей интересны откровения бедного Анри де Ронье, заодно она припоминала и другие имена из своих путешествий. Вивон, Баргань, и даже Колен...

— Так я и вправду забывчива, в чем меня упрекал Клод де Ломенье, я помню только об одном человеке... о вас?

— Если это действительно я, то мне не в чем вас упрекнуть.

Она перебирала в памяти разные эпизоды своих приключений, полные смертельных опасностей, которые она презирала, и самой безумной надежды. Один из таких случаев, в Кандии, столкнул ее с загадочным корсаром в маске.

Ослепленная и взбудораженная неожиданным поворотом событий, она не узнала его. Ее поступок, который едва не разлучил их навсегда, по-прежнему мучил ее, и она не могла успокоиться.

— Я так бы хотела увидеть ваш дворец роз в Кандии. Едва я сбежала оттуда, как почувствовала, как меня мучает тоска, так привлек меня пират под маской, который меня купил. Но я предпочла сбежать. Какая глупость, если задуматься! Мечта, счастье были так близки!.. Но нет! Все же это не было глупостью. Со

старым Савари осуществили этот побег, который готовили с таким упрямством!.. Разве стремление к свободе не является мечтой каждой рабыни?

Он рассмеялся.

— В этом вы вся! Как я об этом не задумался раньше! Я же знаю вас, знаю ваш пыл, вашу неустрашимость перед любыми препятствиями! А тогда вы были для меня загадкой, и я не сумел разгадать ее в то время, когда мы расстались. Я хотел излечиться от любви, которая беспредельно мной завладела. Но я ошибался, принимая вас за легкомысленную и бесчувственную женщину. И был наказан.

Он поцеловал ее руку. Они улыбались. Они были так счастливы, что не могли выразить словами то, что испытывали.

Он смотрел на мелкие серебристые волны Сен-Лоран, которые плескались у борта корабля. Анжелика стояла рядом, и время от времени они целовались. Изредка они чувствовали себя такими умиротворенными, что могли отодвинуть завесу своих воспоминаний, и сейчас был такой момент. Возвращение к прошлому порой было для них тягостно, порой оно ранило.

— Вы правы, любовь моя, — сказала она. — Я искала вас. Но тогда мы еще не заслужили этой встречи. Мы были полны подозрительности.

Она провела пальцами вдоль шрамов на его лице, которое она так любила.

— Как я сразу не разгадала вас, несмотря на маскарад под свирепых пиратов, несмотря на ваше появление на невольничьем рынке, куда вы пришли за очередной игрушкой. Как я не разглядела вас настоящего, обманувшись вашим видом — бородой, маской, походкой?.. Я была встревожена. Я тоже виновата. Я должна была бы вас узнать по взгляду, по манере прикасаться ко мне. Сегодня мне кажется

стыдным, что имеется столько доказательств моей слепоты. Но почему вы не назвали себя сразу же?

— Там? Перед этим морским разбойником, или богачами-мусульманами, которые пришли покупать женщин на рынок Канлии!.. Нет, на такое я не смог решиться! И кроме того, по правде говоря, больше всего я боялся вас. Я боялся первого взгляда, которым мы обменяемся, я оттягивал момент осознания, что потерял вас навсегда, что вы любите кого-то другого, короля, может быть, да, короля, мне казалось, что ваш муж должен быть либо мертв, либо изгнан в глазах церковных властей и версальского двора. Вы были женщиной необъяснимой и непонятной, которая все время менялась. Вы были далеки от меня. Вас не было рядом.

В расцвете красоты, гордая и отважная, вы мало напоминали того ребенка, которого я узнал в Тулузе, хотя я был покорен этой нежной хрупкостью, которую выставили напоказ на рынке Кандии. Но все проходит. Я расстался с вами, когда вы были так молоды, а когда встретил вновь, то распознал в вас — величественной даме — ветреную и забывчивую супругу, которая носит имя другого.

— Да, такой я была, но только не по отношению к вам. Вы навсегда пленили мое сердце. Но, сомневаясь в других женщинах, вы стали сомневаться и во мне. Вы даже не захотели поверить, что я предприняла это безумное путешествие, против воли самого короля, только с той целью, чтобы найти вас. Мое нетерпение не знало предела, и я пустилась в странствия навстречу опасностям, очертя голову. Это было безумием — отправиться на розыски человека, якобы назначенного консулом Кандии.

— Мог ли я мечтать о подобной любви?

— Вот где ваше больное место, несмотря на то, что вы искушены в искусстве любви как трубадур. Вам еще

многому нужно научиться, мессир... Известно ли вам, что вы стали для меня всем, после Тулузы?

— Думаю, что мне не хватило времени в этом разобраться и в этом убедиться. Страсть — это взрыв. Верность — это нелепость. Любовь, ее суть, — не подлежит заключению в клетку, пусть и золоченую. И ее течение день ото дня, на протяжении всей жизни так мало похоже на наши хлопоты, чтобы угодить сильным мира всего или облегчить участь бедняков и отверженных. Вы отличались от других женщин тем, что когда я вас потерял, то понял, что потерял нечто большее, чем просто подругу.

Трубадуры никогда ничего не договаривают и не объясняют до конца. Они дают понять, что суть — невыразима.

Вот чему меня научили скитания изгнанника, которые делали бессмысленными все предыдущие истории, но не могли вернуть вас.

— Но это не помешало вам прекрасно обойтись без меня на островах, перебираясь с одного на другой и наслаждаясь жизнью в цветочных дворцах на восточных оттоманках...

— Я присягаю, что это было длительное и опасное путешествие с неожиданными поворотами и бурями. Я думал вначале, что не нуждаюсь в большом отрезке времени, чтобы излечиться от болезни к вам, и никогда не признал бы, что не смогу избавиться от этой страсти, что рана, нанесенная вашим взглядом, никогда не затянется. Когда же я это понял? Правда открылась мне в несколько приемов. Например, когда Меццо-Морте в Алжире предложил мне открыть место вашего пребывания в обмен на отказ от соперничества в Средиземном море. Или позже, в Мекнесе, когда мне пришлось выдумать вашу смерть и окончательный разрыв с вами, пусть даже во сне...

Итак, я был уверен, что наихудшим из всех мучений было никогда не увидеть вас. «Какая женщина, друг мой!..» — говаривал Мулей Исмаил, раздираемый бешенством, восхищением и сожалением одновременно. Мы были господами, властелинами стран Берберии и Ливана, а над ними кружил призрак женщины-рабыни с незабываемыми глазами, умершей на дорогах пустыни. Временами мы переглядывались и понимали, что оба не верим в эту смерть. «Аллах велик», — говорил мне он. Мы не принимали приговор, потому что чувствовали себя слабыми и пострадавшими.

Анжелика слушала его и улыбалась, настолько ей забавно было представить Жоффрея в обществе Мулея Исмаила, удрученных. Итак они смеялись и целовались, еще под впечатлением счастья от того, что были в объятиях друг друга, переполненные радостью, благодеяниями, имея детей, богатство и успех. Далеко от театра, где развивались эти трагические события, среди декораций природы на мрачной реке Севера, ее отдаленных берегов с холмами, покрытыми густым лесом, ее постоянных спутников — свинцовых туч, несущих завесы дождя, или бегущих от порывов ветра, в кругу друзей они вспоминали солнечное средиземноморье. Оно казалось им дружественным, ободряющим и подтверждало их уверенность найти друг друга и быть вместе.

Глава 8

Анжелика хотела бы, чтобы путешествие длилось вечно, и она наслаждалась вкусом каждого мгновения. Плаванье по Сен-Лорану было спокойным. Изредка им встречались корабли, но хоть и нельзя было сказать, что они находились в безбрежной пустыне моря, это не походило также на оживление вблизи берега. Время остановилось, они не знали — плывут они несколько дней или недель. С судами, которые встречались на

пути они обменивались издали приветствиями. Одни держали курс на Тадуссак, где начиналась новая жизнь Канады, другие плыли навстречу, чтобы достичь Новой Земли.

Но путешествие по Сен-Лорану вовсе не было безопасным. Разыгрывались бури, корабли терпели крушения, пассажиры могли заболеть цингой и умереть на дне трюма.

Однако с каждым днем передвижение по реке становилось все шире и оживленнее. У каждого, кто хоть раз совершил путешествие через него, оставались яркие впечатления. Путь связывал два мира: прошлое и будущее. То, что могло пройти на этой реке вызывало удивление, она была так широка, что, казалось, корабли отплывают в никуда, а с одного берега зачастую не был виден другой.

Находясь на борту, Анжелика всегда спала глубоким и счастливым сном. Покачивание корабля и спокойная величественность ночи, не потревоженная шумом с берега, погружала ее в настоящую летаргию, что не мешало ей, однако, несколько раз просыпаться, чтобы вновь ощутить радость жизни и уснуть, прижавшись к нему.

Однажды утром она проснулась и ощутила, что корабль не движется, хотя солнце давно встало. Запах дыма от костров, на которых коптилась рыба, проникал через открытое окно.

Она откинулась на подушку и заметила, что на ней лежит какой-то маленький предмет. Это был футлярчик из тонкой кожи, отделанной золотом, и, открыв его, она обнаружила внутри часики очень тонкой работы. Она еще никогда не видела подобного изящества. Стрелки были выполнены в виде двух цветов лилии, а корпус, покрытый голубой эмалью, украшали золотые цветки.

Лента из голубого шелка позволяла носить их на шее. Такова была новинка парижской моды.

Она поднялась и вышла на балкон.

«Радуга» находилась у входа в пролив, вокруг острых скал которого клубился туман. Небо было пасмурным, и весь пейзаж напоминал мрачную иллюстрацию к кораблекрушениям или скитаниям пиратов, с высокими утесами и шумными птицами, мечущимися над ними.

Но для Анжелики не существовало ни плохой погоды, ни неудобных мест.

Жофрей был на мостике.

— В честь какого события вы осчастливили меня сегодня утром этим прелестным подарком? — спросила она.

— Напоминание о мрачных событиях. Я никогда не забуду, как в этих самых краях, темной и ненастной ночью, вы, внезапно появившись, сделали мне самый драгоценный подарок: сохранили мою жизнь, которая была в опасности. Враги покушались на меня. Успев вовремя, вы уничтожили самого страшного — графа де Варанж.

— Теперь я вспомнила: Крест де ля Мерси!

— Так это было здесь? — спросил она с любопытством глядя на берег, на который вступила только ночью.

Местечко сохранило свой мрачный вид. На песке, однако, наблюдалось оживление.

Индийские каноэ ожидали, наполовину вытащенные из воды, некоторые были привязаны к корням деревьев и покачивались на волнах.

Матросы, прибывшие из Франции, отправились к источнику, чтобы пополнить запас пресной воды. Немного дальше виднелся домик, у которого толпились индейцы, они разговаривали с хозяином. По всей длине реки полным ходом шла торговля мехами.

Они находились на границе суровой страны Лабрадора, с его темными густыми лесами, откуда

тянулись ленты тумана, покрывающие реки.

Хуже всего здесь приходилось племенам монтанье, которые часто появлялись в окрестностях быстрых холодных речек, окутанные облаками из черных назойливых мошек. Они прорубали при помощи мачете проходы в зарослях, где было сумрачно, разве что блестит золотой головкой лютик. Даже само приближение к этим местам вызывало в сердце тревогу.

Когда-то здесь построили первую контору и первую часовню, о которых сегодня уже позабыли. Там-то граф де Варанж, преследуемый видением Дьяволицы, назначил встречу де Пейраку, чтобы его убить.

Анжелика взяла его под руку. По невероятной случайности она успела вовремя. Если бы с этим местом не были бы связаны такие страшные события, она нашла бы его даже красивым в его суровости. Но случай показался ей выгодным, чтобы рассказать о недавнем разговоре с лейтенантом полиции Квебека.

— Гарро д'Антремон продолжает раскапывать это дело об исчезновении Варанжа. Согласно распоряжениям новой полиции он разыскивает труп, это важно для него, пусть речь идет даже о низком пособнике Сатаны.

Они прошли по мостику.

Рука об руку с ним и под его защитой она чувствовала, что огорчения и тревоги Квебека исчезают, становятся незначительными. Она предпочитала вообще не говорить с мужем о неприятностях, потому что иногда слова воплощаются в реальные вещи.

В ходе их стоянки в заливе Де ля Мерси, где раньше находились контора и часовня, и где витал дух Варанжа, последнего посланца Дьяволицы, посланного, чтобы их остановить, она рассказала Жоффрею о ходе развития ситуации. Все было в том же ключе.

Лейтенант полиции имел вполне конкретные соображения относительно дела Варанжа. Чутье подсказывало ему, что разгадку тайны следует искать рядом с четой из Акадии, рядом с ними. Кроме того дело было связано с исчезновением «Ликорны» и герцогини де Модрибур, которую ожидали в Квебеке, а она исчезла вместе с королевскими дочерьми у берегов Французского залива.

— Он утверждает, что члены высшего общества беспокоятся, и что из Франции приходят запросы о подробностях кораблекрушения «Ликорны» и гибели герцогини.

Она объяснила как, для того, чтобы выиграть время и дать удовлетворительный ответ, она выдумала, что дочери короля спаслись с помощью Дельфины де Роуза.

— Может я сделала это напрасно?

— Дай Бог, чтобы нет.

Нужно ли говорить о подозрениях Дельфины насчет подмены человека, который подозревал, что герцогиня не погибла и могла вновь появиться? Она промолчала, ибо чем больше она об этом размышляла, тем больше чувствовала себя в замкнутом кругу.

В Голдсборо она поговорит с Коленом и безусловно узнает, что случилось с сестрой Жермани Майотен. Тогда она напишет Дельфине, чтобы утешить и успокоить ее.

Шагая рядом с Жоффреем по мостику корабля, где все было возможно и все подчинялось его воле, она не испытывала желания вызывать и бороться со страшными химерами подозрений. Жоффрей приложил столько усилий, чтобы ее успокоить после разлуки и вернуть ей хорошее расположение духа!

В это момент, анализируя беседу, которую она имела с лейтенантом полиции, он старался найти в ее деталях обнадеживающие моменты и расценить запросы из Франции, как ничтожные неприятности.

Кто бы ни распоряжался ходом расследования исчезновения «Ликорны» и ее владельцы, мадам де Модрибур, граф не верил, что им удастся с успехом провести в Новом свете операцию по выяснению судьбы корабля и дамы.

Жоффрей полагал, что под суровым внешним видом господина д'Антремона скрывается человек, которого можно считать надежным другом. Разве он не дал понять, что так долго, как сможет, он не вынесет в их адрес обвинительного заключения? Его долг обязывал разыскать убийц даже такого недостойного человека как Варанж.

Анжелика поступила правильно, составив список королевских дочерей, тем самым «кинув кость» всем обвинителям. Это поможет ей выиграть время.

Судя по всему он не очень симпатизировал этим скандалистам из Парижа, которые заставили его возвратиться из загородного дома, чтобы снова беседовать о неприятных вещах с госпожой де Пейрак, к которой он испытывал известные чувства.

Вот как рассуждал Жоффрей.

— Я не думаю, что дело зашло так далеко, — возразила Анжелика, у которой вовсе не было приятных воспоминаний о встречах с этим спесивым кабаном.

— Скажем так, что он отдает должное беседам с очаровательной женщиной, которая строит ему глазки, чтобы его задобрить. Однако ему известно, что она безбожно ему лжет, а он не в силах ее уличить.

Раздражение и восхищение раздирают его сердце и постоянно его мучают.

— Бедняга Гарро! Ему давно следовало бы прочитать «Маленс Малефикарум», чтобы ознакомиться с практическим колдовством, которое может послужить руководством к убийству, и тогда он будет меньше бояться простых убийц и отравителей!

Современные суды, чтобы покончить с фанатизмом инквизиции, требуют предоставления вещественных доказательств, тем самым усложнив задачу полиции.

Если дьявол совершал свое черное дело, сегодня с ним нужно было бороться оружием людей, то есть бороться с самими людьми, поскольку зло укоренилось в их сердцах. Вот почему Гарро д'Антремон не стремился облегчить задачу тем, из Франции, кто настоятельно требовал отчета о так называемой благодетельнице, которая в числе прочих друзей имела чету Ла Ферте, Сен-Эдм, Варанжа и других. Их полицейский держал под подозрением, поскольку их навечно сослали в колонии, хоть эти люди и представляли знатные семейства. Мания отравительства во имя решения многих проблем распространялась как бич.

Они так смеялись во время пира на Сен-Лоране. Она часто вспоминала, как разгоряченные вином гости обсуждали блеск королевского двора в Версале, праздники, удовольствия, которые так украшали жизнь, а она внезапно обронила: «А отравители?»

Все расхохотались, словно это была смешная шутка. Действительно, было от чего смеяться! Будто бы умереть при дворе от яда, подсыпанного нежной ручкой в перстнях было менее трагичным, чем пасть от удара кинжала в парижском переулке!

Эта странная реакция побудила ее написать полицейскому Дегрэ, помощнику господина де Рейни, лейтенанту королевской полиции. Это письмо было составлено среди ноябрьских туманов Канады и передано из рук в руки через преданного лакея господина Арребуста. Оно послужит для опытного полицейского необходимым оружием, в котором он нуждался, чтобы обвинить тех, кого изо всех сил старался разоблачить.

В этом послании она открывала ему правду обо всем. Имена колдуний, замешанных в преступлениях в Версале, список адресов и тайных местечек всего Парижа, где они принимали своих высокопоставленных клиентов, имя той, которая некогда «приготовила рубашку», — Атенаис де Монтеспан, любовницы короля и ее преемницы — мадемуазель Дезейе, что долгие годы служила посредницей с женой Мовуазена.

Это письмо определенным образом повлияло на ход событий. Она спрашивала себя, каким образом Дегрэ воспользовался им... затем предпочла не думать об этом.

Ей не хотелось тратить понапрасну эти дни на реке, где им было позволено если не забыть, то по крайней мере легче относиться к мерзостям этого мира, с которыми им предстояло бороться в ближайшем будущем.

Жест, который Жоффрей привлек ее к себе, означал, что он следовал и разделял ход ее мыслей.

Они были вместе и понимали друг друга. Они испытывали одинаковое опьянение от того, что были так близки. Он чувствовал рядом с собой тело женщины, такой желанной и такой страстной, что думая о ее достоинствах, он не мог возмущаться тем, что столько мужчин ему завидуют и мечтают о ней. Она испытывала такую бурную и вместе с тем, безмятежную радость, какую иногда ощущают дети при мысли, что солнце светит, а цветы благоухают, и что их любят. Ей достаточно было чувствовать, как его сильная рука обвивает ее стан, чтобы перестать бояться чего бы то ни было. Ее беспокойство развеивалось, а заботы переставали существовать. Она жила под защитой их ночей, полных очарования, когда мужчина, которого многие признавали вождем, многие боялись, становился таким нежным и предупредительным, таким пылким и жадным до ласк, таким внимательным к ее

малейшим желанием. Их безумства казались бесконечными и не переходили в чисто плотские утехи, они придавали живости уму и заставляли сердце биться быстрее.

Они решили найти убежище, чтобы укрыться на ночь и защититься от порывов ветра, на южном берегу, более спокойном.

Вдоль берегов виднелись вспаханные поля. Люди перевозили зерно и загружали его в специальные хранилища. Летний сезон был слишком короток и все со страхом ждали зимы. Небо было врагом, и, лишь иногда ясное, почти все время было затянуто тучами. Жаркие дни являлись предупреждением, что близится буря, скорее всего опустошительная. Другим врагом людей, согнутых на своих полях, были праздничные дни во имя святых.

Многие старались отменить эти традиции, как это делали путешественники,двигающиеся к великим озерам или на север, не боящихся ни запретов, ни отлучения от церкви. Но жить в Канаде и спастись от зимы или от разорения было разными вещами и требовало благословения Бога. Часто случались ураганы. Небеса разверзались. Корабли тряслись на якорях, словно в пляске Святого Витта. Бури Сен-Лорана могли быть такими же ужасными, как на море.

Однако путешествие продолжалось под чистым небом.

Чем дальше они продвигались к устью реки, тем реже встречались им обжитые берега и вспаханные поля.

До бесконечности, от одного края до другого, река вытягивалась, простиралась, то покрытая рябью, то застывшая словно олово. Она иногда была похожа на озеро, в котором отражается небо и танцуют солнечные блики.

Но у бортов кораблей виднелись темные волны, которые превращались незаметно в черные потоки, украшенные белой пеной.

Когда они подплывали к причалам, то видели бесконечные дикие края, похожие на бретонские берега со скалами и равнинами, покрытыми черными хвойными лесами.

Наиболее влиятельным землевладельцем в этих краях был Танкред Божар, друг детства старого Лубетта. Он нанес им визит на корабль и рассказал, как когда-то военные суда не прибыли под Квебек, как Чемплен оставил на произвол судьбы и на милость дикарей нескольких поселенцев, и как он сам в возрасте десяти лет, его сестра Элизабет и Лубетт одиннадцати лет провели зиму у племени монтанье и сохранили о тех временах лучшие воспоминания жизни.

Река все расширялась. Дракон открывал свою огромную пасть, зевал и выплевывал островки, которые лежали на пути к морю.

Глава 9

После того как они миновали Мон-Луи, следуя по речке Матан, одному из четырех горных потоков с Чикчок, на их пути возник корабль, похожий на один из королевских, он появился из тумана внезапно и без сомнения шел со стороны устья реки, где скрывался. Он сделал несколько маневров и подал сигнал бедствия. Не без опасения Жоффрей приказал спустить паруса и послал навстречу одну из своих шлюпок, легко управляемую и маневренную. Ветер был такой удачный, что было жаль изменять курс или делать остановку, особенно такому тяжелому судну, как «Радуга». Но граф предпочитал всегда соблюдать золотое правило голландских моряков, которое считали, что успех в деле зависит от того, чтобы все корабли группировались вместе. И поскольку к «Радуге» присоединились еще несколько судов, то всем им пришлось остановиться.

Раздались крики, матросы повисли на вантах, другие карабкались по реям и проклинали неуклюжих пришельцев.

Капитан этого корабля был несколько позже препровожден на борт «Радуги», и действительно оказался офицером королевского флота, ибо носил голубой камзол с красными обшлагами, белый шарф, черные штаны с темно-красными чулками и черную шляпу с перьями. Такова была форма, учрежденная министром Кольбером не столько для того, чтобы обязать офицеров королевского флота красиво одеваться, сколько с целью избавить флот от позументов, вышивки, рюшей и булавок, к которым пристрастились все в Париже, в том числе и военные. Реформа была проведена ко всеобщему негодованию. Каким образом во время боя команда могла отличить своего капитана и офицеров от простых матросов, если они не имели права носить золотое шитье, позументы и перья? Вот откуда возникла идея придать особый смысл различным галунам, от которых никто не хотел отказаться. Они были золотыми и серебряными, числом от одного до четырех и обозначали род войск и чин.

Туфли остались с красными каблуками, рубашка с кружевными рукавами и воротом или жабо. К тому же цвет штанов предоставлялся на выбор, так же как и окраска перьев на шляпе, их число и величина.

Так что новоприбывший офицер вовсе не превысил границ дозволенного.

Он положил руку на эфес шпаги и представился: маркиз Франсуа д'Эстре де Мирамон.

— Я узнал ваше судно, месье, — сказал он с низким поклоном и коснувшись пола перьями своей треуголки, которую держал в руке, — и теперь я вас вижу и благословляю волю случая, что привел наши суда в это место в этот час. К тому же я рад не только тому, что с вашей помощью смогу исправить положение, в которое

попало наше судно, но и тому, что наконец удовлетворю свое любопытство. Ведь я столько слышал о вас и, — тут он еще более почтительно поклонился Анжелике, — о вашей супруге, столь же известной своими добродетелями и подвигами, сколь своей красотой. И не только я, но смею вас уверить, что и весь экипаж, сгораем от нетерпения услышать правду из ваших уст.

И поскольку де Пейрак оставался безмолвным, офицер удивленно продолжил:

— Вы не спрашиваете у меня, месье, где я мог услышать рассказы о вас и от кого?

— Я догадываюсь об этом. Судя по вашей речи и манерам вы их слышали при дворе.

— Вы правы! Не стану с вами спорить! Но вас не интересует, кто поведал мне о вас?

Продолжая с улыбкой свою игру, ибо не следует развлекать придворного при помощи его же уловок, де Пейрак ответил:

— Буду ли я самонадеян, если скажу, что источники могли быть многочисленными, поскольку я знаю весь «цветник», что собирается вокруг его Величества? Однако, если уж говорить о ком-то одном, то осмелюсь назвать адмирала де Вивона.

— Полное поражение и полная победа, месье! Вы хотите казаться скромнее, чем вы есть на самом деле. Что до меня, то я имел в виду Его Величество. Тем не менее правда и то, что господин Вивон интересуется вами, что впрочем является его долгом.

Было известно об эскападе де Вивона в Новой Франции, или ему лишь хотелось напомнить, что высокий титул брата мадам де Монтеспан дает ему полное право вмешиваться во все дела, касающиеся колоний. Его разнообразная мимика была полна двусмысленностей и намеков, это являлось частью своеобразного языка придворных, который не каждый умел расшифровать и понять.

Пока они разговаривали, корабли то подплывали, то отплывали друг от друга, паруса то поднимались то опускались, стараясь подготовиться к дальнейшему плаванью и занять положение для окончательной отправки. К тому же бриз, дувший с берега изрядно мешал маневрам.

— Господин д'Эстре де Мирмон, — сказал Пейрак, — вы не могли не заметить, что я шел с попутным ветром. У меня мало времени, чтобы воспользоваться такой удачей. Скажите мне без дальнейших отклонений от дела, чем и как я могу вам помочь. Вы потерпели бедствие? Или у вас нет штурмана, чтобы подняться вверх по течению? Знакомы ли вам трудности нрава этого ветра, который сейчас мне на благо, но вам может помешать добраться до Квебека?

— Квебек? Я не иду на Квебек. Что мне делать в Квебеке?

Он показал рукой вверх по течению, что означало как мало ему дела до всех этих босяков, занятых сейчас сбором урожая в глубине диких земель.

Досадная случайность завела его в устье Сен-Лорана. Он повел рассказ о своем путешествии и неприятностях. Он отплыл двумя месяцами раньше из порта Бреста, из Бретани. Его сердце и ум горели великой целью, которая вела его к крайней точке севера, обозначенной на карте звездного неба. Он плыл туда, где ни один картограф не осмелился нанести контуры островов, потому что никто не знал, можно ли там обнаружить хоть клочок земли посреди океана.

Короче говоря, господин д'Эстре составлял часть партии «ледяных безумцев», которые без колебания устремлялись «подставить свою блестящую форму под блеск северного сияния». Их было гораздо больше, чем об этом было известно, и он был из них.

В начале путешествий двигала надежда обнаружить Китайское море, чтобы облегчить и

сократить «дорогу пряностей». Затем целью стали поиски золота! И наконец соблазном стали драгоценные меха, которые добывались в местах еще более далеких, чем тундра. И в большинстве случаев эти экспедиции ни к чему не приводили, если не считать того, что иногда удовлетворялось желание увидеть неведомые существа, выжившие среди льдов, экзотических животных и невероятные пейзажи.

«Ледяные безумцы», покорители полюса, составляли среди навигаторов мира отдельную расу, для которых страсть к ледяным горизонтам и неведомым землям делала смерть от голода, холода или цинги почти нежной и во всяком случае лучшей из возможных.

Несмотря на изысканный язык и кружева, господин д'Эстре, столь похожий на других придворных, принадлежал к этой самой расе.

В эти дни он возвращался с Гудзонского Залива, где вот уже шестьдесят лет французские и английские флаги, установленные кресты и даже забытая датская пушка, свидетельствовали о неудачных экспедициях покорителей крайнего севера. Что до него, то проблем не возникло. Погода была прекрасной, и несмотря на середину июля ему встречались куски льда, плывущие, словно сказочные чудовища.

Стоило ему только подплыть к серым берегам, окутанным облаками мелких черных мошек, пьющих кровь, начались такие торги из-за мехов!

Из леса с карликовыми деревьями выбежали индейцы оджибвеи и ниписсингсы, которые помнили еще о большом котле с товарами, подвешенном Баттоном на дерево, для кочующих дикарей. Господин д'Эстре закупил меха на двести пятьдесят тысяч ливров, и какого меха! Чернобурая лисица, черная выдра, куница, норка, соболь.

Затем он совершил набег на английскую компанию «Гудзонский залив» и поджег форт Руперт в бухте Джеймса.

Но отплыв победителем из Детройта в Гудзон и следуя вдоль берега в районе реки Мелвиль он очутился нос к носу с громадным судном флота Его Величества королевы Британии, который как казалось специально поджидал его корабль, словно «выслеживая, когда лисица оставит курятник».

Началась яростная погоня, от которой судно господина д'Эстре, «Несравненный» могло уйти лишь через Бель-Иль, что между Лабрадором и северным мысом Новой Земли, что, однако не остановило преследователя. И вот французы устремились в устье Сен-Лорана, на территорию Новой Франции, куда англичане не осмелились войти, не нарушив мирного соглашения двух сторон.

Чтобы быть окончательно уверенным в спасении, господин д'Эстре устремился довольно далеко вдоль южного берега, пытаясь укрыться на реке Матене. И там бросить якорь. Теперь же он желал продолжить плавание назад в Европу, но опасался, что враг его поджидает. Он был уверен, что выпутается, если будет не один, вот для чего ему и была нужна поддержка господина де Пейрака.

— Месье, — ответил граф, — несмотря на все мое желание оказать вам услугу, я не могу враждебно поступить по отношению к британцам. Это может привести к конфликту между Францией и Англией.

— Я вас об этом не прошу. Я хотел бы только, чтобы вы позволили моему кораблю присоединиться к вашему флоту, и таким образом, под прикрытием я обогну мыс Гаспе. А там он не осмелится вступить со мной в бой... Даже если допустить, что у него хватило терпения выследить меня, он не рискнет дать возможность захватить его в наших территориальных водах.

Жоффрей де Пейрак согласился.

— Пусть будет так. Я никогда не отказал бы в помощи соотечественнику.

Рассказывая, господин д'Эстре все время посматривал на собеседников, стараясь угадать, какое впечатление производит повествование о его экспедиции, раздражение или поддержку оно вызывает. Ибо ему пришлось слышать мнение, что они союзники англичан, симпатизирующие реформе, или же — согласно мнения господина де Фронтенака — искренние и надежные друзья Новой Франции.

Но кроме любезной поддержки господина де Пейрака и разрешения следовать вместе с их флотом, а также слова «соотечественник» ему не пришлось ничего выяснить.

Жоффрей де Пейрак уклонялся от всяческих разговоров насчет того, прав или неправ был д'Эстре, когда немного погромил компанию Гудзонского залива, штаб которой был в Лондоне, но основана она была не без участия канадских французов, что первыми достигли берегов залива. История эта была довольно запутанной и сложно было разделить роли и влияние Франции и Англии.

Жоффрей прервал его речи, не возражая. Он никто не одобрял и не бранил, он признавал лишь факты.

— Кажется, вы прекрасно знаете эти места? — заметил французский офицер. Он питал к этим краям чувство, похожее на влюбленность.

Граф де Пейрак улыбнулся и сказал, что однажды путешествие уже приводило его к берегам Гудзона. Он ничего не сообщил об ирокезах, которые могли бы кровавым вмешательством прервать «ярмарку» д'Эстре, как не упомянул и о картах, планах и описаниях, которые его старший сын Флоримон де Пейрак, девятнадцати лет от роду, привез из экспедиции по заливу вместе с сыном Кастель-Моржа.

Во время совместного плавания господина д'Эстре несколько раз приглашали на «Радугу» на обед или ужин.

С первого же раза Анжелика подметила, что господин Тиссо, метрдотель, не обслуживает лично. И поскольку всякий раз, когда француз появлялся на борту, Тиссо отсутствовал, ей стало любопытно, так ли это случайно. Она подозревала, что дело здесь не в совпадении. Метрдотель не отрицал этого.

— Я не должен допустить, чтобы господин д'Эстре узнал меня. Он часто бывает при дворе. Его память не должна подвести.

В прошлом офицер при королевской кухне, этот человек, о прошлом которого они почти ничего не знали, был вынужден тайком пересечь границы королевства и переплыть моря, чтобы избежать печальной участи «слуги, слишком много знающего».

— В Квебеке, когда вы были с нами, вам представлялась возможность встречаться с не очень приятными людьми, и вас не пугал даже тот огромный господин, который скрывался под фальшивым именем.

— Те, кто отвечает за кухню, продовольствие и тарелки в Версале слишком многочисленны. Это настоящая армия.

Действительно, господин де Вивон знает меня в лицо, так как я лично представлял ему некоторые блюда, но он никогда не выделял меня в числе прочих, хоть я и служил при королевской кухне.

С другой стороны господин д'Эстре был близким другом человека, которому я оказал ряд услуг. К сожалению я слишком поздно понял, что кое-кто постарается заставить меня определенным образом забыть об этом. Вознаграждение за эти услуги мне позволило вовремя скрыться. И несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, я предпочитаю оставаться в тени. В мире нет места, где человек,

который знает то, что знаю я, мог бы считать себя в безопасности.

— Я понимаю вас, господин Тиссо, держитесь же подальше от него. Ваши помощники хорошо обучены и наилучшим образом выполняют свою работу. Через несколько дней мы обогнем Гаспе и войдем в залив Сен-Лоран. Господин д'Эстре покинет нас, чтобы отправиться в Европу. Во всяком случае я не думаю, что нам следует опасаться атаки англичан.

Она по-другому взглянула на словоохотливого и любезного офицера королевского флота. Под образом «ледяного безумца» скрывался придворный. И когда его кампания закончится и его корабль бросит якорь, он покинет порт и отправиться в Версаль к старым друзьям, влиятельным женщинам и покровителям.

Нужно плести интриги вокруг трона, чтобы получить блестящие и прибыльные поручения.

Инцидент с господином Тиссо, который, казалось бы был незначительным, заставил Анжелику призадуматься, это было похоже на те размышления, когда они проплыли через Ля Мерси и она вспомнила покушение Варанжа.

Как обстояли дела при дворе? Прошла ли мода на отравительство? Ибо это действительно была мода!.. По словам Вивона. Брат Атенаис де Монтеспан удивлялся ее негоднованию, когда речь заходила об «одиннадцатичасовом бульоне», предназначенном негодным людям, старым мужьям и соперникам в любви, или о «черных мессах» — жертвоприношениях для достижения богатства или почестей, или о покупках разного сорта у колдуний...

«Все это делают...» — сказал он, глядя на нее снисходительно, словно она была из деревни.

Письма, которые она получила из Версаля от Флоримона, изобиловали деталями разного рода увеселений, балов, спектаклей и не намекали ни на что

большее. И это побуждало к осторожности: нельзя было поместить в послание даже легкий намек на мерзости такого рода.

Письма молчат. Тот, кто по легкомыслию пустился бы в откровения на бумаге и подписал бы ее своим именем, рисковал жизнью в том случае, если послание перехватят.

Устная беседа менее опасна. Слова произносятся и улетучиваются, особенно если это происходит между небом и водой, на корабле, среди великого севера.

Ей захотелось поговорить начистоту с господином д'Эстре о том, что происходит при дворе, принимая, однако, меры предосторожности, на тот случай, чтобы посторонние уши ничего не услышали.

Господин д'Эстре быстро огляделся, когда она привела его на мостик второй палубы и тихим голосом попросила рассказать правду о том, что касалось опалы мадам де Монтеспан, о которой разные люди сообщали Анжелике в письмах.

— Не могу в это поверить! Вы месье, вы живете при дворе, так расскажите же мне правду. Атенаис де Монтеспан перестала искать помощи у этой ведьмы, или же та скрылась, набив кошелек и оставив богатую клиентку без магической защиты?

Тогда господин д'Эстре, немного обескураженный внезапным вопросом, боязливо огляделся. Затем, не заметив ничего, кроме тумана, который бесконечно стлался до горизонта, и морских птиц — свидетелей разговора, он измерил расстояние, которое отделяло его от Версаля и задумался.

— Расскажите, я вас умоляю, — настаивала Анжелика. — Я отрезана от всего мира здесь. Вы же видите. Вам нечего бояться. Ну как я могу причинить вам вред в этих пустынях, зная то, что вы мне расскажете?.. Я не принадлежу ни к какой партии. Но поймите, что я любопытна, как всякая женщина, и мне

интересно все, что происходит в окружении Короля-Солнца и все, что касается людей, которых я хорошо знаю, и которых я без сомнения скоро увижу, может быть, даже раньше, чем думаю. Я должна быть в курсе. Вы, я думаю, догадываетесь, что мне ничего не удастся узнать из почты, которую я получаю. Ответы на мои вопросы невозможно получить из листка бумаги, который может быть перехвачен каким-нибудь шпионом. Так развлеките же меня, месье, рассказав мне несколько историй из-за кулис. Я буду вам так признательна.

После продолжительных колебаний, он жестом показал, что решился. Он понимал, что у него не хватит ловкости ей противоречить. Репутация ее и ее мужа при дворе все возрастала. Их оба сына, наделенные блестящими полномочиями, были в поле зрения Суверена. И кроме того, повторял он себе, в последний раз оглянувшись на далекие берега, здесь все же не кулуары Версаля, Сен-Жермена или Пале Рояля!

Он мог позволить себе доставить удовольствие красивой женщине, которая сказала, что вспомнит о нем, когда по возвращении снова будет пользоваться благосклонностью короля.

— Ладно! Позвольте вас сказать, что слухи об опале прекрасной Атенаис несколько запоздали, — произнес он. — Когда я покидал Францию, то перед Брестом заехал в Париж, чтобы встретиться с министром по делам колоний. Тогда я узнал, что мадам де Монтеспан, ваша подруга, вернулась в Версаль еще с большим триумфом, чем прежде. Правда, ее победа далась ей ценой нескольких хлопот. Ее трон отчасти потерял устойчивость. Она закатывала королю ужасные сцены. И это была не первая ссылка, которая для нее закончилась таким образом. До этого ее отправили в Сен-Жермен на несколько месяцев, три или четыре года назад. Но вот настоящее чудо! Она возвратилась, и

король подарил ей одного за другим двоих детей, которых готов признать принцами крови.

— Ваш рассказ меня ничуть не удивляет. Король никогда не мог обойтись без нее! Ее красота и ум его покорили!..

— И даже более того! Ваш вопрос относительно ведьмы был неуместен. Не умаляя красоты мадам де Монтеспан, не приуменьшая влияния ее на короля, которое укрепилось за тринадцать лет их связи, точно известно, что золото, которое она опускала в кошельки колдуний, послужило ей огромной помощью.

Анжелика понимающе улыбнулась.

— Так Мовуазен и по сей день продолжает практиковать? — сказала она, понизив голос.

— Как никогда. Весь Париж бывает у нее, самые громкие имена королевства... С тех пор, как ее поддержала мадам де Монтеспан, ее аптека полна. Что до Атенаис, то вы ее хорошо знаете, как я вижу. Так что думаете вы?.. Позволит ли она другой женщине занять ее место возле короля?.. Нет! Этого никогда не будет. Новую фаворитку ждет та же участь, что и предыдущих.

— Мадам де Ментенон! — вскричала Анжелика, уже переполненная беспокойством за несчастную Франсуазу д'Обинье, ее давнюю подругу, которая однако была и подругой Атенаис.

Но для последней, охваченной страстью к королю, и страхом его потерять никакие узы дружбы не могли иметь значения.

Придворный пожал плечами.

— Мимо. Я говорю о новой фаворитке, мадмуазель де Скорай, красивой восемнадцатилетней блондинке. Наш повелитель находится в том возрасте, когда с вожделением смотрят на молоденьких...

— Однако я слышала, что мадам де Ментенон...

— Да, я признаю, что гувернантка незаконнорожденных детей продолжает получать кое-какие подачки. Он сделал ее маркизой, что впрочем ничего не значит. Но что она может среди такой путаницы? Она довольствуется тем, что держит под крылом детишек, которые ей вверены, и избавляет их от влияния их ужасной матери. А той и без них есть кого помучить. Нравиться королю и бороться с соперницами — это предмет ее досуга. По Парижу распространились опаснейшие микстуры. В прошлом году многие были свидетелями сильной болезни короля, и ее лихорадкой не назовешь. Мадам де Монтеспан пустила слух, что может быть причастна к его недомоганию, сказав, что предпочитает получать милости от больного короля, чем видеть, как он расточает их другим.

— Если дела обстоят таким образом, господин д'Эстре, и если вы обо всем этом знаете, не считаете ли вы своим долгом предупредить Его Величество каким-либо образом?

— Вы сошли с ума? — он посмотрел на нее насмешливо. — Если то, что известно мне или вам, или нам обоим по отдельности и вместе, выплывет на свет, то возникает угроза быть «разодранным четырьмя лошадьми»...

Его фраза гулко раскатилась во влажном воздухе реки.

Он намекал на казнь, специально предназначенную для цареубийц. А таковыми признавались люди, которые готовили план покунуться на жизнь короля, даже в случае, когда план проваливался.

Казнь состояла в том, что руки и ноги осужденного привязывались к сбруе четырех лошадей. Потом лошади отпускались и тянули в разные направления, так что к исходу экзекуции каждая из них уносила одну из частей тела приговоренного.

— Что вы говорите, — пробормотала Анжелика в ужасе. — Мадам де Монтеспан дошла до того, что пыталась отравить короля?..

— Я такого не говорил, — запротестовал офицер королевского флота, старательно оглядываясь.

Казалось, он сожалел о том, что так разболтался. Но увидев, с каким заинтересованным видом она ждет продолжения, он не удержался и добавил:

— Речь не идет о смертельном яде. Я говорю о специальных порошках, которые фаворитка примешивает к пище короля, чтобы обратить на себя его внимание. И, между прочим, это приносит успех, как я вам уже сказал. Но результат оказался несколько большим, чем она это ожидала. Следствием этого, по словам врачей, стала его тяга к новым любовницам, что, естественно, не доставило особого удовольствия и мадам де Менденон. Правда, ее еще не окончательно отвергли. Король каждый вечер приходит к ней поболтать или сыграть партию в бильярд. А вообще, вы понимаете: это ведь целая процессия: мадам де Лувины, мадмуазель де Рошфор-Теобон... Говорят, что он пустился во все тяжкие, если можно так выразиться: фрейлины королевы, горничные, а недавно одна из дочерей мадам де Монтеспан представила ему некую Дезейе, и ходят слухи, что у нее от него ребенок...

Но по-моему новая фаворитка привлекла короля не только своими прелестями и детской непосредственностью, здесь имели место и другие уловки. Говорят, что ее белокурая головка и молодость — не единственные достоинства этой девицы... Наконец те, кто с ней знаком и уже давно при дворе, утверждают, что одна деталь повлияла на то, чтобы увлечь монарха.

— Какая же?

— Ее имя.

— И как же ее зовут?

— Анжелика!..

Он подмигнул ей как заговорщик и рассмеялся, откинув голову назад. Эхом этого крика отозвались птицы: чайки и крачки, населяющие прибрежные скалы, проносились на ними часто махая крыльями и щелкая клювами. Казалось, они негодовали.

Что означал этот внезапный взрыв смеха, резкого и оскорбительного?

Внезапно Франсуа д'Эстре протянул перед собой руку:

— О! Посмотрите туда!..

— Что такое? Англичане?..

— Нет! Туда!.. Свечение.

Она проследила направление, которое он ей указал. В стороне Понана она увидела, как над смутными тенями выступов высоких гор, скрытых туманом, распространяется широкая полоса светло-розового цвета, она удваивается ярко-зеленой, затем появляется золотистая. Все исчезло, быстрее, чем они смогли это рассмотреть. Потом на миг что-то вспыхнуло, словно блестящий глаз мигнул в небе.

— Северное сияние! — воскликнул граф д'Эстре, голосом, дрожащим от восхищения. — Боже мой, как это прекрасно! К тому же это редкость в данное время года. Это знак! Холод приближается. Скоро придут морозы и все покроется льдом. Англичанину следовало бы поторопиться, иначе он будет вынужден зимовать в форте Руперт, где я поработал над тем, чтобы сжечь все жилища.

Он продолжал смеяться, но по-другому, и рассеянные лучи солнца бросали на его лицо слабые отсветы, уже словно носящие печать будущих морозов, он смеялся с выражением детской беспечности.

— Хоть бы он отказался от намерения преследовать меня на выходе из пролива.

Он вернулся на свое судно, чтобы подготовиться к возможным неожиданностям.

После того, как они прошли Антикости, большой остров, около трех сотен миль, населенный исключительно белыми медведями и птицами, опасность, казалось, миновала. Они не должны были встретить английский корабль, вышедший из засады. Господин д'Эстре снова поднялся на борт в сопровождении адъютанта, чтобы попрощаться и выразить благодарность.

— Поскольку никакие напасти не подстерегли меня, позвольте выразить вам мою благодарность и восхищение теми днями, которые я провел в обществе знаменитых и влиятельных при дворе лиц, хотя вы и находитесь сейчас довольно далеко от Короля-Солнца. Нет дня, когда в Версале не говорят о той, кто обладает репутацией одной из красивейших женщин королевства, или о том, кто дал нашим поселениям в Америке новую жизнь и обеспечил безопасность, которой все так долго добивались. Правда вы имеете при дворе двух надежных поверенных — ваших сыновей, которые добились благосклонности короля.

До этого момента он не намекал, что знаком с Флоримоном и Кантором. По слухам он избегал близкого знакомства с ними. Его заинтересовал лишь тот факт, что они по почетному и ответственному поручению ездили в Америку. Теперь он знал их ближе.

Он вручил Анжелике в знак признательности маленький флакон. Он извинился, что его форма была несколько традиционной, поскольку такова была французская мода, как впрочем и мода отдаленных столиц, включая Великого Могола и испанские города Нового Света. Кроме того, не желая ее убеждать, что этот флакон из позолоченного серебра является изделием, заказанным для нее одной, д'Эстре

подчеркнул, что хочет оставить о себе память, залог безграничного уважения.

— Из всех чудесных встреч, знакомство с вами — самая значительная. Я расскажу о ней королю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕГО СЕМИСТИШИЯ

Глава 10

Каждый раз, когда Анжелика возвращалась в Голдсборо, каждый раз, когда сквозь ключья перламутрового тумана или на фоне царственно голубого неба она видела блеск розоватых снегов на вершинах Ман-Дезерта, что означало конец пути, сердце ее наполнялось радостным возбуждением. И не к чему было ей напоминать о целой лавине драм и унижений, которые обрушились на них в этих местах или могли еще раз их подстеречь.

Для нее этот край сохранил образ сказочного райского уголка, который восхитил ее в тот самый момент, когда она различила сквозь густой туман, через который блестела радуга, звон якорной цепи, возвещавший об окончании ее первого длительного путешествия. Она стояла на мостике, прижав к себе Онорину. В глубине ее рождался молчаливый крик, словно это взывали все изгнанники, избежавшие тюрьмы или казни, крик, от которого хотелось пасть на колени: «Новый Свет!»

На этой неизведанной земле могло случиться что угодно, она это понимала и заранее была готова ко всему. Самое главное, что они были свободны и спасены.

Каждый раз по возвращении в Голдсборо она снова переживала миг прилива новой крови, миг обновления сил.

Прибыв в Новый Свет, изгнанники и побежденные снова обретали мужество, иные чувствовали его в первый раз.

Вопреки тому, что ей пришлось перенести у этих берегов, Анжелика не забывала своего первого впечатления неопишуемой красоты.

К нему в последующие дни добавилась чудесная радость от известия, что оба ее сына живы. И она никогда не забудет мгновения, когда Кантор, обнаженный, словно молодой бог с Олимпа боролся с волнами в гроте Анемонов и кричал: «Посмотрите на меня, матушка!» К этому примешивалось впечатление от сна, рассказанного Флоримоном перед его отъездом в Америку вместе с Натанаэлем де Рамбур. Ей казалось, что она спит... или что она умерла. Многие здесь казалось призрачным как мечта, так был велик контраст между жизнью в Европе и в Новом Свете.

Итак Голдсборо останется местом, где реальность похожа на мираж, где вас поджидают неожиданные сюрпризы и радости, ослепляющие словно молния.

И эти радостные мысли, которые облегчали душу и наполняли сердце песней, пробуждали в ней нетерпение увидеть тех, с кем были связаны (правда не всегда наилучшим образом, надо признать) первые часы, проведенные на этих берегах.

Там жили гугеноты из Ля Рошели, которых ей и Жоффрею удалось спасти от тюрьмы и галер. Среди них — ее близкая подруга Абигаэль, жена Габриэля Берна, их дети — Мартьяль, Северина и Лорье, которых Анжелика любила, как родных... также — старая Ребекка, их служанка, тетушка Анна, чета Маниго и много других.

Она также готовилась к встрече с Коленом Патюрелем, и это всегда было связано с волнением и искренним удовольствием, в которых она себя никогда не упрекала. Когда она думала о чувствах, испытываемых при виде их губернатора, высокого и грузного, направляющегося навстречу походкой морского волка, приспособившегося к качке,

поднимающего руку в знак приветствия, окруженного постоянно детьми, она понимала, что этот человек приветлив, приятен, надежен и даже безгранично предан им обоим в равной степени.

Когда Колен был рядом с ними, Жоффрей и Анжелика чувствовали, что их груз, их заботы разделены уже на троих. Они знали, что в верности Колена по отношению к ним никогда не придется сомневаться.

Дневной прилив отнес их в спокойные воды через фарватер, знакомый и доступный лишь опытным штурманам. Они проделали маневры прежде, чем бросить якорь, ибо несколько кораблей разного водоизмещения со спущенными парусами загромождали проход. Анжелику не интересовало, что некоторые лодочки подплывали к их судну; в основном это были индейские каноэ. Дикари были любопытны, к тому же их интересовало, не удастся ли обменять меха на огненную воду.

Заняв место в шлюпке, которая должна была доставить их в порт, что находился в нескольких кабельтовых, она подняла глаза и взгляделась с улыбкой в пейзаж, ставший для нее родным. Ей бросилось в глаза нечто необычное, напомнившее ей их недавний приезд в Квебек.

— Но... нас никто не встречает, — сказала она, повернувшись к Жоффрею.

Действительно, им еще не доводилось видеть набережную Голдсборо такой пустой, хотя слово «никто» здесь было не совсем справедливо.

Они различили матросов, которые сновали туда-сюда, перекачивали бочки, переносили тюки. Иные просто слонялись вдоль берега, ожидая команды к отплытию, но среди них — ни одного знакомого лица. Не было видно просторных темных платьев дам из Ля Рошели, обычно они образовывали почетную процессию,

стоя вдоль набережной рядом с мужчинами в шляпах и с кружевными воротничками; на их лицах с трудом угадывалась скрываемая радость. Не было ни детей, прыгающих через лужи и поднимающих фонтаны брызг, даже птицы не кружили над причалом и не присоединяли свои крики к обычным приветствиям друзей. Военные в полном снаряжении и вооружении не стояли на пристани, как не стояли там живописные пары — результат брака бывших пиратов и королевских дочерей или прелестных уроженок Акадии, встреченных на побережье залива.

Как бы ни были заняты жители Голдсборо своими ремеслами, никогда они не жалели времени, чтобы, оставив все дела, придти встретить и приветствовать графа де Пейрака — основателя и благодетеля городка.

— Может быть, дать сигнал из пушки о нашем прибытии? — спросила Анжелика, в тот же момент подумав, что на их выстрел не последует ответа.

Она взглянула вопросительно на мужа и увидела, что хоть он и не показывает своего волнения, он тем не менее сильно удивлен. Его глаза изучали новые детали в пейзаже, словно он всматривался в лицо ребенка, который подросток.

Тонкие струйки дыма, которые тянулись к небу из труб домов, говорили о том, что жители в городе есть. А среди толкотни незнакомых матросов на площади они различили фигуру пожилого человека, который, казалось, прогуливался, время от времени бросая палку своей собаке и заставляя ее бегать за ней. Эта картина была успокаивающей и указывала на то, что Голдсборо не стал объектом чьего-то нападения, хотя возможность такого поворота событий никогда не теряла актуальность.

Но напрасно они всматривались в разных направлениях и все, кто был вместе с ними в шлюпке — тоже. Ни Колена Патюреля, размахивающего руками, ни

передвижения солдат на стенах форта, ни радостных подростков.

Словно в адском калейдоскопе перед мысленным взором Анжелики сменялись картины всевозможных катастроф: кровожадные пираты с французских берегов или с английских островов, например с Ямайки, обрушились на Голдсборо; индейцы-ирокезы или абенакисы уничтожили население; или англичане из Массачусеттса с Фипсом во главе напали на город и ограбили его; это могли быть и гугеноты Ля Рошели, которых сослали в Новую Англию или в английские колонии. В конце концов, в этой болотистой местности оказалось столько различных типов людей — паписты и реформаторы, пираты и разорившиеся буржуа, что они могли просто поубивать друг друга. Это предвидел маркиз де Виль д'Аврэ!..

Однако флаг де Пейрака — голубое полотно с серебряным щитом — по-прежнему развивался на башне форта рядом с двумя вымпелами: первый принадлежал войскам Ля Рошели и символизировал единство гугенотов, второй изображал «сердце Марии». Это был настоящий шедевр вышивки, изготовленный монахинями-урсулинками из Квебека, который Анжелика и Жоффрей подарили Колену Патюрелю и его друзьям во время их первого путешествия в Новую Францию. При виде этих вымпелов и флага можно было с уверенностью сказать, что все находятся дома. Но по мере того, как они приближались, выяснилось, что большинство домов стоят с заключенными дверями и окнами, что придавало поселению вид враждебный или умирающий.

«Я знаю! Болезнь! — подумала Анжелика, сраженная внезапной догадкой. — Эпидемия! Чума! Или, может быть, оспа... Но тогда Колен поднял бы черный флаг!.. Если только он еще жив!.. А если он

умер, тогда все поддались панике и не знают, что делать».

И вдруг ее как молния озарила мысль, объяснение, которое заставило ее побледнеть. Это была идея, что Дьяволица воскресла и высадилась... Действительно, в этом случае странный вид Голдсборо объяснялся, это была порча и ужас.

Глава 11

Киль шлюпки коснулся прибрежного песка. Берег круто поднимался к земляным площадкам, на которых во время отлива располагались торговые лотки. Шлюпку отнесло волной. Жоффрей де Пейрак жестом указал направление, и они поплыли на другой конец порта к новому молу на сваях. Он вел к постоялому двору мадам Каррер, который назывался «Гостиница при форте», куда сходились путешественники всех национальностей, чтобы пропустить стаканчик доброго французского вина по прибытии. Но сейчас там было пусто, окна и двери заделаны, и граф де Пейрак с опаской смотрел на все эти ослепшие дома, глухие и немые. Он предпочел держаться от них подальше.

Быть может, его орлиный глаз различил в стороне построек силуэты, которые старались остаться незамеченными и, казалось, их поджидали в засаде.

Анжелика приняла помощь двух матросов, чтобы добраться до берега, не замочив своих прелестных туфель, сшитых по последней парижской моде. Она специально надела их в честь — и, кажется, напрасно — друзей из Голдсборо. Итак она вступила на мокрый песок и, подняв глаза, увидела их перед собой, величественных и черных. Они ждали.

В своем костюме огненного цвета «старик» Сирики выступил из-за сломанной лодки и подошел в сопровождении своей жены, красавицы Акаши, которая сохранила свою царственную походку. Кофточка и нижние юбки прикрывали ее скульптурную наготу,

присущую всем уроженкам Судана. Но диковатое выражение ее лица уступило место гордости и нежности, которые дарит материнство всем королевам пустынь.

Она держала на руках прелестную куклу цвета эбенового дерева, которая уставилась на пришельцев во все глаза.

Старший сын Акаши, дитя африканских саванн, вместе с которым ее продали работоторговцам, мальчик лет десяти с короткими ногами и огромной головой, которого звали «маленький колдун», следовал за ними. В улыбках всех четверых, включая малышку, хоть у нее и не было еще ни одного зуба, но личико ее выражало счастье и спокойствие, присущее невинным созданиям, ясно читалось сияние радости, наивное и искреннее восхищение жизнью. Они так обрадовались встрече с друзьями, что тревога Анжелики улетучилась.

Важно поклонившись, Сирики указал с торжественным видом на младенца.

— Я счастлив иметь честь представить вам мою новорожденную дочь Зоэ, — объяснил он.

Юная Зоэ родилась два месяца назад. Она была на удивление оживленной девочкой в своем колпачке, который скрывал черный кучерявый пух на ее макушке и подчеркивал блеск маленьких золотых колечек, продетых в уши ребенка. Ее глаза, полные смелости и любви к окружающему миру, пленяли с первого взгляда. Просто чудо!

Сирики объяснил, что имя Зоэ по-гречески означает жизнь и даже сам источник жизни. Старик Сирики умел читать.

— Вот уж радостная новость!.. — сказал Пейрак.

— Но где же остальные? — спросила Анжелика, присоединившись к поздравлениям мужа. — Почему так получилось, что только вы нас встречаете?

— Разве вы не слышали нашего приветственного выстрела? — спросил граф. — Я не вижу даже губернатора, господина Патюреля. Что в самом деле происходит в Голдсборо?

— Подул дьявольский ветер, — ответил Сирики, подняв руку, словно библейский персонаж, и открыв розовую ладонь. — Некоторые сбежали. Другие заперлись. Но ничего не бойтесь. Те, кто убежал — вернуться, а те, кто спрятался — выйдут...

— Когда же?

— Когда перестанут бояться... Когда причины страха исчезнут... «Маленький колдун» указал пальцем на другой край берега. Все повернулись в том направлении.

— А! Вот и господин Патюрель!

Колен подходил размашистым шагом, изредка жестикулируя, но на этот раз это было знаком скорее неуверенности и подавленности, чем радости.

— Дела наши плохи, — крикнул он издалека. — Я хорошо слышал пушечный выстрел, но я находился в Голубой Бухте, а это довольно далеко...

Пока он приближался, все заметили на его лице выражение озабоченности, и на этот раз он не взглянул на Анжелику как прежде, когда при виде ее его лицо озарялось радостью, восхищением и почтением. Такой взгляд не может ни одну женщину оставить равнодушной.

— «Бесстрашный» господина Ванерейка прибыл сегодня утром, и я должен был сопровождать его до места, где он бросит якорь... Если бы меня заранее предупредили о вашем прибытии... Я побоялся протеста этих сорвиголов... Но я вижу, слава Богу, что все спокойно!

— О, да! Спокойно у вас тут на редкость! — молвила Анжелика. — Спокойнее не бывает! Колен, во имя всех

святых, расскажите нам... Что происходит? Что за драма разыгралась здесь?

— Вы жалуетесь на тех матросов, которых я видел на берегу? — спросил Пейрак.

— Да нет, нет! Их корабль прибыл вчера. Это англичане из самой Англии. Они не в первый раз заходят к нам перед отправкой в Европу. Они привозят товары из Лондона и Новой Англии.

— Так значит приезд господина Ванерейка послужил причиной тревоги?

— Гм!.. И да, и нет.

— Колен, вы хотите скрыть от нас что-то! — воскликнула Анжелика, у которой сложилось впечатление, что он не хочет говорить в ее присутствии.

— Мадам, будьте уверены, я вам все расскажу. Обещаю. Но вначале позвольте мне переговорить с господином де Пейраком.

Оба мужчины отошли на несколько шагов и стали о чем-то говорить, встав в пол-оборота. Колен бурно жестикулировал. У него был подавленный вид, что не соответствовало его обычному состоянию, ибо трудно было найти повод, который привел бы в замешательство самого Колена Патюреля, более известного в Карибском море под именем Кровавой Бороды, а в Марокко его знали как Короля Рабов с каторги Мекнеса, или Колена Распятого или Колена-Норманна, который прошел через кровь, преступления или предательства. Битвы, стычки, нападения пиратов с ножами в зубах вызывали у него лишь легкое подрагивание век и выражение скуки на лице.

Однако, его загорелый лоб прорезали глубокие морщины в то время, как он посвящал графа де Пейрак в курс событий. Ситуация казалась столь мрачной, сколь сложной. Анжелика начала успокаиваться.

«Держу пари, здесь замешаны женщины», — сказала она себе, ибо несмотря на хладнокровие и мудрость Колен относился к тому типу мужчин, которые предпочитают честный бой на прибрежном песке борьбе или спорам с женщинами.

Дьяволица?.. Нет!.. Сирики не выглядел бы так жизнерадостно и безмятежно.

Она пригляделась к Акаши и ее детям. Но она улыбалась, купаясь в своем счастье иметь честь представить благодетелям Голдсборо свое сокровище — маленькую Зоэ с египетским разрезом глаз и блестящими как черный алмаз зрачками.

Жоффрей де Пейрак возвращался к ней с полуулыбкой, обычной для него.

— Ничего серьезного, моя дорогая. Всего-навсего плохое настроение дам, которое причинило много хлопот нашему другу Патюрелю, несмотря на хорошие новости, что должны вас обрадовать.

Английский корабль из Салема доставил на борту двух их старых подруг — Рут и Номи, тех, кого называли «квакершами-волшебницами» и талантам которых они были обязаны жизнями двух своих последних детей — Раймона-Роже и Глориандры. Эти близнецы, родившиеся в Салеме, чуть не умерли в доме леди Кранмер, где Анжелика родила, и благодаря умению этих женщин, вернулись к жизни.

При вести, что подруги, которым она была так признательна, находились в Голдсборо, Анжелика подпрыгнула от радости.

— Где же они?

Затем, увидев выражение лица Колена, она усмирила свой порыв и стала ждать продолжения.

Колен объяснил, что в отсутствие графа и графини, которые во время своего первого визита их представили и сопровождали, появление этих странных персон ново-английской внешности произвело бурную

реакцию у населения Голдсборо. Это была смесь паники и нетерпимости, и стоило двум молодым женщинам появиться на берегу в своих черных одеяниях с острыми капюшонами, как раздались крики «Колдуньи! Колдуньи!», и их чуть было не линчевали.

При виде их порыв национальной солидарности сплотил в единый блок всех жителей Голдсборо: папистов и гугенотов. Они вспомнили, что все они французы и для них постоянным врагом оставался англичанин. Абсурдная мысль. Но — достаточный повод для единодушного решения не открывать дверей домов перед женщинами из Салема. А капитан лондонского корабля, как и его экипаж, был расстроен, почувствовав, что здесь оскорблена честь Его Величества и вступили в перебранку с наиболее неистовыми. Нужно было успокоить население, убедить капитана, что он может как всегда запастись продовольствием и пресной водой, купить или обменять товар: меха, французские вина и прочее.

Следствием этого стало то, что все заперли дома. Губернатор хотел бы предоставить друзьям господина и госпожи де Пейрак собственное жилище, но и это оказалось невозможным. Он понял, что гости не смогут высунуть нос на улицу и гулять, не вызвав мятежа, ибо все следили за ними сквозь ставни и бойницы. Он был вынужден, таким образом, отправить их из поселка по горной дороге к лагерю Чамплейна, где жили изгнанники-англичане.

— Ну слава Богу! Соотечественники их не оставят без внимания...

— К сожалению, вы неправы, — вздохнул Колен.

Там дела приняли такой же скверный оборот. Англичане из лагеря Чамплейна более-менее уживались, несмотря на то, что принадлежали к разным группировкам. Не существовало никакого разделения, даже по отношению к шотландцу Кромли, который был

католиком и которого считали предводителем клана. Но священный страх охватил и объединил англичан в неразделимый отряд, когда они увидели «колдуний», ибо в Библии сказано: «Ты убьешь колдуна, ты не позволишь ему жить...»

Ветхий и Новый Завет объединились против них, поэтому Рут и Номи были вынуждены укрыться на полдороге, возле источника, где была построена лачуга и установлен крест.

— Я не смог устроить их лучше, — сказал Колен расстроенно. — Поверьте, мадам, я так сожалею!

Он упустил время, чтобы направить паству на правильный путь.

Прибытие Ванерейка из Дюнкерка, который выдавал себя за французского королевского корсара, но которого от теплого Карибского моря до ледяных морей Новой Земли все знали как отъявленного пирата, добавило суматохи ко всеобщему замешательству. Этот Ванерейк, и это все знали, был очень близким другом Жоффрея де Пейрака, его побочным братом. Под этим титулом он каждый год приезжал отдыхать на Восточный берег, в Тидмагуш, или в Голдсборо. Во время своего последнего появления он произвел настоящий «взрыв», так как прибыл со своей дорогой Инес. Ходили слухи, что их разлучили, но они снова встретились на борту «Бесстрашного» и она заняла свое место любовницы и победительницы перед двумя или тремя красотками с темными глазами, смуглыми лицами и черными волосами, которые танцевали испанские танцы в свете факелов и под луной на песке.

Члены городского совета Голдсборо покинули свои дома, чтобы воспротивиться этому визиту. «Мы не позволим ему на этот раз войти в порт, — решили они. — Нам надоели эти ежегодные скандалы».

Они кричали, что Колен подозревается в том, что хочет открыть публичный дом среди их стен. И к тому

же им навязывают «колдуний».

Колен поспешно вывел на рейд небольшое судно, чтобы на нем указать гостю из Дюнкерка путь в небольшую бухту рядом с Голубой Бухтой.

— Оттуда-то я услышал ваши сигналы. Мы и не подозревали о вашем возвращении. Я уверен, что если бы они знали, что близок ваш визит, такие страсти не разыгрались бы.

— «Когда кота нет поблизости, мыши танцуют», — произнесла Анжелика. — И поскольку они не подозревают, что я заткну им глотки их же собственными проклятиями, то словно невинные агнцы и святоши, они предаются «священному гневу»!.. Ну и отродье!.. Однако им известно, что для меня более оскорбительно видеть, как плохо обращаются с моими друзьями, нежели со мной лично. И только они, — она повернулась к Сирики и его семье, — не отреклись от нас. Хотя это, наверное, может повлечь за собой неприятности для вас.

Сирики сказал, что им не так-то просто было «спрятаться».

— Когда раздался выстрел пушки с «Радуги» Сара Маниго запретила мне появляться перед вами. Был приказ вас не встречать, и все должны были ему повиноваться. Но мы все же ухитрились, моя супруга и я, улизнули.

— Решительно, они неисправимы! У них отсутствует всякая логика, одни только политические страсти. Что за безумие нашло на них?

— Подул дьявольский ветер! — повторил Сирики с загадочной серьезностью.

Колен Патюрель подтвердил, что тяжелая жара не спадала в течение всего августа, ветер приносил влажные массы воздуха, что обнажало и взвинчивало нервы и приносило только усталость и никакого утешения. Все испытывали головокружение и

растерянность. К тому же на море, за подводным рифом, поднялся легкий шторм, который осложнил вход в бухту и прогнал от берегов рыбу.

Продолжая говорить и объясняться, группа прошла вдоль берега и достигла «Гостиницы при форте».

— Войдем! — предложил Колен. — Стакан вина нас развеселит.

Но Анжелика отказалась.

— Я слишком разгневана и не хочу рисковать, представ в таком состоянии перед дамами Голдсборо, которые соберутся, чтобы встретить меня с кислыми лицами... Это происходит уже не в первый раз, и у них достаточно здравого ума, чтобы представить, что однажды я разнесу их добродетельные принципы и прекращу провозглашать справедливость и милосердие по отношению к тем, кто это не заслуживает.

Она торопилась встретиться со своими несчастными подругами-англичанками, чтобы собственным радушием заставить их забыть об ужасном приеме, который им оказали во Французском Заливе.

Она первым делом направилась в форт, куда доставили их багаж. Жоффрей сопровождал ее и присутствовал при том, как она расчесывала волосы перед зеркалом.

Несмотря на перемену в настроении населения, ей было приятно снова вернуться в Голдсборо.

Иногда она спрашивала себя, почему в этом поселке она любила всех и вся, хотя по одной или другой причине здесь всегда их поджидала трагедия.

Но когда-нибудь она рассердится.

— А вы, мой хозяин и властелин, прекратите смеяться над моими огорчениями. Я знаю, что глупа, но я не нуждаюсь в сострадании так же, как и в насмешках над моей постоянной наивностью, которая заставляет меня верить, что человек предпочитает гармонию и счастье бесконечным стычкам.

— Я не смеюсь, — сказал Пейрак, — и вовсе не думаю над вами подшучивать.

Он обнял ее и пылко поцеловал.

— Вы абсолютно правы, любовь моя. Это вы являетесь бесценным сокровищем, а люди просто безумны или глупы. Подобно беспомощным и злым детям они мстят за то, что жизнь, требовательная мать, не позволяет им быть единственными в мире и опровергать из разглагольствования. Они застыли в рамках бессмысленных законов, вот отчего они неразумны. Они мстят за то, что одним присутствием вы напоминаете им об их непоследовательности. Я сердился бы на них за такое поведение, если бы не знал, что в глубине души они нам преданы, а вас просто обожают. Я не смеюсь, я только улыбаюсь при мысли о новой схватке, которая назревает между гугенотами и вами. Спектакль обещает быть великолепным, и я поддерживаю вас тысячу раз. Снова будут конфликты душ и сердец, но вы их разрешите. Со своей стороны, я должен заняться моими пиратами, одни из них — угомонились, но они повинны в негостеприимности, другие оскорблены, как бедный Ванерейк. Задача слишком тяжела для меня. А вы передайте мой привет нашим сестрам-волшебницам.

Он поцеловал ее руку, и они отправились на горную дорогу.

Ну и пусть! Голдсборо опустел!.. А дальше что?!

Тем хуже для них, если им так нравится сидеть взаперти и лишать себя праздника... На этот раз они не поскупились в своих действиях, выражающих их осуждение!!

Горя от радости, что скоро увидит «ангелов» из Салема, она начала забывать неприятности. Она постаралась принять спокойный и радушный вид, продвигаясь между заграждений и заборов вокруг домов. Множество глаз следили за ее передвижением.

Но барьер молчания и холодности сохранился. Ей не встретилось ни души.

Однако, пока она шла по песчаной дороге среди высоких трав у нее возникло острое ощущение, что некто последовал за ней и движется, скрываясь за кустарниками.

Она шла, не стараясь узнать, кто был тем, что осмелился нарушить запреты Маниго, Берна и им подобных, покинув дом и боясь быть узнанным. Она знала, где находится место, куда поместили гостей из Салема, и время от времени, взбираясь на холмы, она уже видела крест у входа.

Сверху открывался красивейший вид на порт, поселок, рейд и отдаленные острова. Здесь она часто прогуливалась. Вначале она приходила сюда подумать, вполне доверяя хрупкости стен из светлого дерева, которые возвели без особых изысков, примитивно.

Иезуит Луи-Поль де Вернон по приезде, в силу того, что не был принят гугенотами, поселился там, и насколько она помнила, именно он водрузил крест и укрепил хижину, чтобы жить там с маленьким помощником — Аббиалем Нильсом — подкидышем из Швеции, которого он подобрал на мостовых Нью-Йорка. Он также построил алтарь, чтобы служить мессу, исповедальню для католиков, то есть крещеных индейцев и белых — из Голдсборо и Нентагуэ.

Затем хижиной стали пользоваться, как прибежищем на ночь для проезжающих путешественников, которых не хотели размещать ни у жителей поселка, ни на улице.

Отныне Голдсборо уже не был большой семьей, где все друг друга знали и заботились друг о друге. Это еще не был город с его законами, гвардией, общественными институтами, где новый человек сразу же попадает под подозрение, с первого шага оказывается скован законами городской дисциплины. В

нераскрытых кражах, в драках, причины которых были неизвестны, всегда обвинялись незнакомцы. И над всем этим — пожары, начавшиеся из-за небрежности или специально, которые сводили на нет за одну ночь работу многих лет.

Оказавшись на вершине, Анжелика окинула взглядом панораму, в которой ей открывались смешанные краски моря и неба, леса, берегов и скал. Внезапно она заметила голубое пятно в траве, и в следующий миг человек в голубом редингтоне и в шляпе с перьями вырос перед ней с пистолетом в каждой руке.

Он преграждал ей путь к хижине.

— Назад, ни шагу дальше, — выкрикнул он по-английски. — Каковы ваши намерения?

Испугавшись, Анжелика спросила себя, не прибавился ли ко всем беспорядкам еще один визит бостонцев или английских пиратов, которых она опасалась, и которые могли бы приблизиться к Голдсборо и по земле. Затем она поняла.

— Я иду навестить моих подруг из Салема, Рут Саммерс и Номи Шиперхолл, которые, как я знаю, находятся здесь.

— Вы желаете им зла?

— Конечно нет!

— Вы не воспользуетесь тем, что я дам вам дорогу, чтобы оскорбить их или причинить им беспокойство и огорчение?

— Да как вы можете так думать? Это подруги, говорю я вам. Я — мадам де Пейрак, супруга хозяина Голдсборо.

— Хорошо!! Я узнаю вас, — признал молодой офицер, отступая, чтобы освободить тропинку. — В прошлом году я видел вас, Миледи. Вы возвращались из Салема, где родили двух близнецов.

В тот миг, когда Анжелика подходила к хижине, она увидела, как возле нее возникли два силуэта ее подруг. Они бросились в объятия друг друга. Анжелика поняла, что она очень боялась никогда с ними не встретиться.

Зная, каковы суровые нравы пуритан Салема, она очень часто боялась за их жизни. Она не верила глазам, что снова видит их в их черных одеяниях с немецкими капюшонами, ткань которых, как ей показалось, слегка обтерлась и прохудилась, и по-прежнему напротив сердца на черном фоне была буква А, вышитая красными нитками. При ярком свете солнца Анжелика заметила, что на красивом лице Рут, в уголках глаз возникли маленькие морщины, а Номи стала бледнее, и вокруг ее голубых глаз появились круги.

Она заметила, положив руки на плечи подруг, что у одной из них под плащом находился кинжал, правда слишком хрупкий и тонкий, чтобы служить защитой. Они были не волшебницы, а просто обычные несчастные женщины, гонимые всеми и отовсюду.

Продолжая их обнимать, она рассыпалась в негодующих возгласах и сожалениях по поводу плохого приема, который им оказали, она сердилась, что ее не было в тот момент... И уже в их глазах исчезали знаки человеческой слабости, она заметила, что они словно бы светятся, а их улыбки подобны райским.

— Что ты говоришь, сестра моя? Нас прекрасно разместили и место здесь превосходное. Вода источника так хороша.

Номи направилась к хижине и вернулась с ковшом и кружкой.

— Выпей, сестра. Жара так сильна, а ветер сушит губы.

Анжелика выпила и нашла воду вкуснейшей. Только теперь она поняла, что испытывала сильную жажду.

Она огляделась.

Это было именно то место, откуда она увидела впервые Голдсборо, именно таким, каким он был в видении матери Мадлен, там же она исповедалась отцу де Вермону за несколько часов до его трагической гибели.

— Крест вас не стесняет? — спросила она, зная, что квакерши считали предметы культа источниками идолопоклонничества.

— Что? Крест — это символ для всех. Сила, устремленная вверх. Сила вертикальная и горизонтальная, сила земли, которая сопротивляется.

Они все так же изъяснялись, таким же языком и тоном, что и в Салеме. Их взаимопонимание, всех троих, не требовало усилий. Они сделали несколько шагов, взявшись за руки.

Нужно было опасаться прилива. Вода, поднимаясь, проникала в вертикальные трещины и порой достигала большой высоты, так что на прогулке можно было увидеть внезапный всплеск и пену, вырвавшуюся из-под самых ног. Так возникала опасность, шарахнувшись в сторону от неожиданности, упасть вниз или по меньшей мере вымокнуть. Что с ними и произошло дважды.

— Море волнуется сегодня.

И они отступили от нового фонтана, который быстро опал, словно расстроился, что они ушли.

— О море, жестокое и нежное!.. — сказала Рут Саммерс. — С тех пор как мы здесь, оно составляет нам компанию. Мы сидим и смотрим через него на лицо Всевышнего и проникаемся радостью природы, которая не желает нам зла...

Возвратившись к жилищу, Анжелика снова увидела офицера в голубом рединготе, а с другой стороны еще две фигуры, одетые по моде английских солдат. Они держали мушкеты.

— Но что это за люди? Один из них преградил мне путь, когда я шла к вам и потребовал, чтобы я

отчиталась о своих намерениях.

— Это наши добровольные стражи. Они из команды корабля, который доставил нас из Салема сюда. Вы помните, в прошлом году, когда мы покинули Голдсборо, капитан английского корабля взял нас на борт. Это был человек из Лондона, корабль которого был оснащен по приказу одного из фаворитов Короля. То есть этот капитан был наделен большими полномочиями относительно путешествий вокруг света. Он обошелся с нами почтительно, обходительно, как многие, которые приезжают из Англии, хотя он с недоверием относился к колонистам из Америки и, как всякий англиканец, с насмешкой отзывался о пуританах, которые управляют Массачусетсом и которые, однако неплохо справились с управлением Английским государством, когда оно оказалось без монарха. Да, он вовсе не был создан, чтобы понравиться нашим святошам из Салема. А они во время первого возвращения ожидали нас в порту, окруженные стражниками. Наш капитан нашел подозрительным такой прием, он подумал, что нас хотят отвести к позорному столбу, и когда об этом зашла речь, он вмешался.

Не знаю, что он им рассказал. Он вспомнил, вероятно, о вашем муже, который представил нас ему, пообещал купить у них треску и привезти им ножи. И пока по его приказу трюмы загружались свежими яблоками, он проводил нас до дома, который, к счастью, не сгорел, и пообещал нас навестить в следующем году. И сдержал слово. Прибыв в Салем в этом году, он предложил доставить нас в Голдсборо и забрать на обратном пути в Европу. И губернатор дал согласие на это предложение.

— И здесь ваш покровитель и соотечественник снова должен вас защищать.

— Моряки всегда были задирами. Достаточно малейшего повода, чтобы они схватились за пистолеты. Им везде мерещатся враги. Я уверяла его, что здесь нам нечего бояться, но капитан, да еще ваш губернатор, мистер Колин, — так она произносила имя Колен, — предпочли дать нам стражу на ночь. Мы не хотели уезжать, потому что чувствовали, что вы скоро появитесь.

— Посмотрите, как непоследовательны люди, — сказала Рут. — Жители не приняли нас, но некоторые уже побывали здесь с целью найти лекарство или медицинскую помощь...

Вот кого видела Анжелика по пути сюда.

— В Салеме все точно также, — продолжала Рут, — они кричат, что мы — порождение Дьявола и тайком бегут к нам за спасением здоровья, что может идти только от Бога...

— Думаю, — продолжала она, — что здесь неплохо бы устроить лазарет для больных на случай эпидемии, а не держать их в семьях. Здесь такой чистый воздух...

— Почему вы не пошли к моей подруге Абигаэль? — спросила Анжелика, которую шокировало поведение жителей Голдсборо. — Она приняла бы вас, да и вам известна дорога к ее дому...

— Мы туда пошли, но ее дом оказался заперт. Не знаю, был ли кто-нибудь внутри, но никто не вышел и не ответил на наш зов.

«И даже Абигаэль!» — подумала Анжелика, внезапно расстроенная.

Она продолжала осматриваться. Чего-то не хватало... или кого-то!

— А где Агар? — вскричала она. — Где ваша маленькая цыганочка?

В беспокойстве она спрашивала себя, не захватили ли ее в качестве заложницы жители города, чтобы обеспечить возвращение двух женщин.

— Агар умерла, — сказала Рут Саммерс.

— Они убили ее, — как эхо добавила Номи Шиперхолл.

Они сели на скамейку в тени хижины.

Драма разыгралась в самое тяжелое время зимы. Снег таял, и все дороги превратились в месиво, через которое невозможно было пробраться ни быкам, тянущим тяжелые повозки, ни лошадям. В эти месяцы люди подавлены пасмурной погодой, а резкий ветер, завывая по ночам, вселяет в души страх.

Что заставило маленькую Агар выйти из их домика на лесной поляне, где она была в безопасности, да еще несмотря на проливной дождь? Куда направилась она в такую ужасную погоду? Над кем смеялась по дороге? Может ей захотелось пройтись? Или она хотела увидеть прибытие корабля?

Одни говорили потом, что она украдала... на рынке кусок сыра, другие утверждали, что это было яйцо. Третьи утверждали, что она пыталась ввести в искушение почтенного пастора, который ее бранил, хотя это мог оказаться и матрос из Верджинии, который кидал ей семечки подсолнуха, словно маленькой обезьянке.

Здесь не было единого мнения.

Раздались крики ярости, анафемы, оскорбительные прозвища и проклятия. Толпа с поднятыми кулаками, вооруженная тяжелыми дубинами, ножками от стульев, рукоятками хлыстов, всем, что попало под руку, сомкнулась вокруг танцующей Агар, которая даже зимой, когда не было цветов, любила украшать себя листьями плющи и тисса... Право, не было необходимости наносить столько ударов!..

Ее приемные матери не знали, кто из жителей Салема принес на лужайку с белыми камнями безжизненное тело...

— В последнее время она часто исчезала, — вспомнила Рут Саммерс, покачивая головой. Я думаю, что она хотела найти того или ту, чьими трудами меня посадили в тюрьму на несколько недель.

Она вздохнула:

— Жестокая и длинная зима! Брайан Ньюлин тоже умер.

— Брайан Ньюлин?

— Я вышла за него замуж в Салеме, после того, как обратилась в конгрегационализм. Чтобы иметь право изгонять, а не быть изгнанной, как те квакеры, среди которых я родилась.

— Отчего же он умер?

Молодая женщина ответила не сразу, и на ее слишком бледном лице Анжелика снова различила знаки испытаний и бесконечных потерь.

— Он приносил мне книги, — сказала она наконец, — и это его погубило. Я брала его пакеты из каменного круга: Бакстер, но также и Эразм, который запрещен. Сатирические сонеты Харви. Все это я любила. Я, женщина, не имела права читать. «Ты приносишь мне больше, чем кусок хлеба», — сказала я ему однажды. «Я знаю», — ответил он, отводя взгляд. Они заметили, как мы разговариваем. Вместо того, чтобы с отвращением меня оттолкнуть, мой бывший супруг, которого я оскорбила, продолжал видеться со мной.

Пылая ненавистью к человеку, который отрекается от благочестия во имя своей жены, и, самое главное — жены виновной, — они приговорили его к повешению по причине потери разума. Они говорили, что я свела его с ума. И возможно это было правдой. Хотя причина его перемены была не во мне: еще до моего приезда он тайком читал стихотворения Гэбриеля Харви.

По дороге на казнь они задавали ему разнообразные вопросы, чтобы убедиться в его сумасшествии, и

действительно этот человек был возбужден и произносил странные речи.

«Расчешите ваши бороды! — кричал он. — И все — во дворец!.. На мой суд!..» А судьям он внушал: «Не ешьте ни лука, ни чеснока, чтобы дыхание ваше было свежим! Бойтесь поэта, ибо взгляд поэта, горящий восторженным исступлением, идет от земли к небу и с неба на землю!..»

«Я, — сказал ему Джон Кнокс Матер, когда они достигли эшафота, — я выслушал ваши речи в суде и по дороге на казнь и, будучи доктором теологии, искусства и наук, не смог ничего понять. Вы действительно — сумасшедший».

Брайан остановился и посмотрел ему в глаза дерзко и пренебрежительно, на что, я думала, он не способен: «Во Вселенной существуют такие вещи, Горацио, которые и не снились вашей философии!..»

Люди спрашивали себя, почему он назвал Матера Горацио...

Еще он кричал: «Мир выбит из колеи!.. Будь проклят Ты, пусть я буду должен возродить его!..» Только позднее они поняли, что он цитировал Шекспира.

И Рут Саммерс рассмеялась, затем слезы заблестели между бледных ресниц белокурой англичанки.

— Какая великая душа погибла, — пробормотала она.

Анжелике хотелось бы сказать ей, как и другой своей подруге: «Останьтесь! Останьтесь! Не возвращайтесь в Салем, потому что они и вас убьют».

Они ее опередили.

— Не проси нас ни о чем! Это наша судьба! Мы приехали не для того, чтобы остаться. Мы приехали только, чтобы привезти тебе фасоль с нашего поля, ту, что ты так любишь с рагу по воскресеньям, в кленовом сиропе. Мы собрали кленовые листья весной в нашем лесу возле дома и приготовили его по собственному

рецепту, доведя до густоты меда. Тебе достанется два горшка этого сиропа. Еще мы привезли тебе китайского чая лучшего сорта. Этот напиток бодрит и приносит пользу здоровью. Мы дадим тебе лекарств против лихорадки... Но хватит болтать попусту! Есть дела поважнее, а время ограничено. Мы прибыли, чтобы перечитать тебе третье четверостишие Таро, которое ты не захотела выслушать, боясь будущего.

— Как вы догадались, что я хотела бы его услышать сейчас?

— Мы видели тебя на реке, — сказала Номи.

Глава 12

— Ты стояла в одиночестве на носу корабля, — продолжала молодая англичанка из Салема, словно описывала прекрасную картину. — Вы плыли вниз по течению среди тумана. Тебя преследовали тени из твоей жизни. Они то обгоняли и поджидали тебя, то настигали издалека. На этой реке тени из твоей жизни любят собираться, словно поднимается занавес с началом нового акта. И роли распределяются заново. Так тени, которые остались позади, опережают тебя и появляются внезапно перед глазами. Те, кто оставались долгое время в отдалении, приближаются и подают знак: «Мы здесь, ты о нас забыла». Те, кого ты часто вызываешь, удалились. В этом незримом движении тебя охватила тревога, и ты пожалела, что не захотела узнать о третьем семистишье, в котором говорилось о прерванном путешествии, о переменах, которые тебя напугают.

Испытывая предчувствие от знаков судьбы, ты жалела, что не можешь вспомнить наставления, данные нами, ничего заранее не бояться, ибо мы предсказали триумф, успех, удачу. Мы видели знак победы.

Итак, сожалея, что не захотела поднять паруса, ты думала о нас...

Анжелика вспомнила состояние души, когда она плыла вниз по течению Сен-Лорана.

— Я вспомнила о Шарьо, он предсказывал мне путешествие, о возможности которого я предпочла бы не знать. Но это было ребячеством с моей стороны. И затем я вспомнила, что вы мне говорили об успехе.

— И не о случайной победе. О триумфе. За этим последует новая жизнь — вот каков твой удел, к которому ты продвигаешься, и который приближается. Также, угадав твое сожаление, мы взяли наши карты, заперли дом и отправились в порт, где в назначенный час ждал нас человек из Лондона в красном рединготе и его лейтенант в голубом камзоле. И вот мы здесь... Но сначала перейдем в тень, где нет ветра и выпьем чаю, поскольку для него пришло время.

На очаг, сложенный из трех камней, который находился в углу, Номи поставила котелок, наполненный водой.

Меблировка была более чем скромной. Стол состоял из доски, положенной на козлы.

Вязанки соломы, брошенные на утоптаный земляной пол и кормушка с зерном, свидетельствовало о том, что это место служило, как кормушка или хлев.

Молодые англичанки утверждали, что прекрасно провели ночь под охраной моряков, которые бодрствовали у костра снаружи, и которым они время от времени выносили чай.

Суровые англичане убеждались в очередной раз, что колонисты из Новой Англии делали все не так, как другие, и что с их стороны они предпочли бы джин или ром, добавленные в этот прекрасный чай. Британская метрополия еще не знала вкуса чая, точнее не привыкла к нему, в то время как пуритане Нового Света, диссиденты, баптисты, конгрегационалисты в своих скитаниях по Нидерландам или через присоединение Нового Амстердама к Америке, переняли у голландцев

эту редкую и дорогую привычку, пришедшую из Китая. Сначала его употребляли в лечебных целях, затем, как признак роскоши, свойственный для высшего общества.

Это стало не модой, а больше того — ритуалом. В Массачусетсе во всех домах влиятельных людей в определенный час пили китайский чай, и Анжелика у госпожи Кранмер видела специально отведенную для этого комнату небольших размеров, обычно выходящую в переднюю.

Она улыбнулась, увидев, как они достали из своих бедных узелков и расставили на столе изящные фарфоровые чашечки из Китая, из которых по утверждению знатоков только и надлежало пить этот напиток. Они благодарили торговлю, почитали редкость листа и посуды, привезенных из таких далеких краев усилиями моряков, они благославляли прочность кораблей, построенных на стапелях Нового Света.

Рут сказала, что эти чашечки и чайник были подарены им госпожой Кранмер в знак благодарности за уход и спасение ее отца, Сэмюэля Уэкстера.

Она пожаловалась, что не может приготовить по причине отсутствия составных частей чудодейственный лечебный напиток, который ее научили пить для поддержания сил: очень крепкий настой чая, смешанный с яйцами и молоком, сметаной, ванилью и хлебом, поджаренным на масле...

Затем гостью спросили о состоянии здоровья и новостях от «младенчиков», близнецов и пропели колыбельную, которая их убаюкивала:

Верни назад, верни назад,

Верни назад мою шляпку.

Ветер дует над океаном,

Ветер дует над морем...

Кто-то их позвал и прервал песню.

Человек в голубом камзоле подавал им знаки, размахивая пистолетами.

— Кто-то идет! — крикнул он.

Женщина взбиралась по горной дороге, она бежала несмотря на крутизну склона и тяжелую корзину, которую она держала на спине, и маленькие корзиночки у нее в руках. Она была охвачена возбуждением. Пряди волос выбились из-под чепчика и развевались по ветру.

— Это ваша подруга Абигаэль Берн.

Никогда еще Анжелика не видела Абигаэль Берн в таком небрежном виде. Однако она хоть и с трудом, но узнала в этой растрепанной женщине, навьюченной, как осел, спокойную Абигаэль, подругу со скал.

— А! Наконец-то я вас нашла! — вскричала она, заведя их. — И вы здесь, Анжелика! Слава Богу! Мы спасены!

Она поставила на землю свою ношу и, запыхавшаяся и порозовевшая стала пытаться убрать волосы под чепчик.

— Габриэль меня запер, чтобы помешать принять вас и оказать помощь вашим подругам, прибывшим из Новой Англии. Приходилось ли вам когда-нибудь слышать о подобном сумасшествии, охватившем человека, который... никогда ничего подобного я от него не ожидала! Он разве что не заткнул мне рот кляпом!..

Она с трудом удерживала слезы.

— Во всяком случае он закрыл меня в пристройке и таким образом, что я не могла ответить на ваши призывы, когда вы постучались в наш дом, — добавила она, повернувшись к англичанкам, — я не могла подать сигнал ни вам, ни кому-либо другому.

— Кто вас освободил?

— Лорье... Не правда ли, стыдно, что маленький мальчик стал свидетелем того, как его отец обращается

со своей женой... Я всего лишь приемная мать, но малыш, похоже, уважает и любит меня... Это недостойно!..

Она отдышалась. Ее напряжение прошло. Было видно, что после такого взрыва, несвойственного ее характеру, она чувствовала себя обессиленной.

— Но какая муха их всех укусила? — простонала она. — Они как с цепи сорвались!

Готовая заплакать, она уткнулась в плечо Анжелики.

— О, Анжелика! Я так его любила!.. Что теперь со мной будет, если он сошел с ума, мой Габриэль, как и другие?..

— Выпейте чаю, мы только что его приготовили, он еще горячий, — стали ее успокаивать англичанки.

Женщины окружили ее и увели в тень.

Номи налила розоватую жидкость в чашки.

— Как видите, нас не бросили на произвол судьбы, дорогая мисс Берн. У нас есть чай, хлеб для подкрепления сил и... охрана.

Она указала на мужчин, расположившихся поодаль и продолжавших следить за подступами к жилищу.

Абигаэль сказала:

— Я принесла вам продукты и напитки, и мне пришлось захватить несколько платьев на смену, потому что я не знаю, вернусь ли я под кров этого тирана...

— Абигаэль! А ваши дочурки?..

— Северина увезла их по приказу отца... словно я недостойная мать, которую надо избегать... Вы представляете себе подобное заблуждение?..

— Пейте чай, поговорим позже...

Абигаэль послушалась и стала успокаиваться. Она качала головой.

— Правда, что Габриэль очень изменился... Он больше не тот, с тех пор, как произошел случай с

Севериной.

— Что случилось с Севериной? — спросила обеспокоенная Анжелика, правда быстро сообразив, что уж если она увезла сестер, то по крайней мере жива, а это — самое главное.

— Ах, да! Вы же ничего не знаете... — вздохнула Абигаэль. — Весной этого года, перед вашей встречей с Онориной, вы проезжали через Голдсборо и были у нас. Но вы уехали так быстро, что у нас не было времени поговорить. Вы должны были поместить Онорину в пансион в Монреале, и это так грустно. Мы больше не увидим ее, — Абигаэль снова расстроилась и залилась слезами.

— Друг мой, моя дорогая! Мне так жаль! — молвила Анжелика, обняв подругу за плечи. — У нас так много обязанностей, они прямо-таки пожирают нас. И чем лучше идут дела, чем дальше отодвигаются опасности, тем меньше остается времени, чтобы видеться с друзьями и наслаждаться покоем, доставшимся такой тяжелой ценой.

— За это стоит бороться, но это нужно уметь сохранить, — сказала молодая женщина, улыбаясь сквозь слезы. — Ой, что это такое?!

Все четверо вскрикнули, потому что какой-то мохнатый клубок ловким прыжком вскарабкался на стол.

— Сэр Кот!..

— Я думала, что он уплыл с нами, — пояснила Анжелика, приласкав своего друга и свидетеля тяжелых времен. — И мы заметили его отсутствие только в Тадуссаке.

— Он провел лето в нашей компании.

— Мы особенно не беспокоились о нем, зная, что он всегда поступает так, как ему хочется.

Сэр Кот путешествовал по своему усмотрению, а не по воле кого-либо другого. Никто не знал, что

побуждает его покинуть одно место или оставаться в другом. Это зависело от его желания. Ему стоило улизнуть только в момент отправления, если он не хотел участвовать в путешествии, или проскользнуть в багажное отделение или на палубу, если ему было по вкусу уехать.

На этот раз по непонятной причине его не привлек путь до Монреаля, и он предпочел ждать возвращения Анжелики на берегу Голдсборо, свидетеле его первых подвигов.

— Он прибежал вместе со мной или появился здесь вместе с вами? — забеспокоилась Абигаэль.

Через открытую дверь они увидели, как матросы вскочили со своих мест, чем-то встревоженные.

На этот раз показалась группа людей, появление которой свидетельствовало о том, что все стало на свои места.

Рядом с Жоффреем де Пейраком и Коленом Патюрелем вышагивал, легко преодолевая подъем, и сияя от радости, знаменитый корсар из Дюнкера — Ванерейк. Он снял шляпу и стал ею размахивать, как только заметил на вершине силуэты четырех женщин.

Очень красивый мужчина лет тридцати в красном камзоле сопровождал их.

— Вот капитан корабля из Лондона, наш защитник, — представила его Рут Саммерс.

Немного сзади, но с благожелательным выражением на лице вышагивал господин Маниго, а рядом с ним тот, кого называли «адвокатом» — господин Каррер. Они представляли Городское Собрание гугенотов Ля Рошели.

Одна из дочерей Маниго Сара или Дебора, так же как и Иеремия, который вернулся на лето из колледжа, шли с ними рядом, держа в руках корзины.

Похоже на то, что жизнь в Голдсборо возвращалась в прежнее русло. Сегодня же вечером будет праздник

на большой площади, возле «гостиницы при форте», и всем представится возможность увидеть, как прекрасная Инес Предито-Тенарес танцует фанданго под шелканье кастаньет.

Глава 13

Наутро Анжелика навестила Абигаэль. Та вернулась в дом и нашла там своих дочерей. Но она была грустной. — Он не появился. Меня предупредили, что у него дела. Возникли проблемы с бостонскими рыбаками, которые находятся в Мон-Дезерте. Я все думаю, когда он вернется. — Воспользуемся его отсутствием, чтобы спокойно поговорить. Абигаэль, расскажите мне наконец, что произошло с Севериной и повлекло гнев ее отца против нее и, кажется, против меня.

Зная возраст девушки, Анжелика подозревала, что здесь сыграло роль какое-то любовное приключение.

— Габриэль сердится на вас, потому что считает вас виновной в том, что вы взяли ее в путешествие в прошлом году, где она встретила разных людей, вредных для ее воспитания и чистоты. Он не устает повторять, что вы дурно повлияли на нее.

— Ближе к делу! Это все очень непонятно.

Бедная Абигаэль никак не могла решиться. Признание было таким трудным. Она повторялась, путалась и, наконец, начала с другой стороны.

— Зима была очень трудной. Габриэль был все время в плохом расположении духа. Он очень злился на вас, был в ярости. Он упрекал себя в том, что отпустил дочь, еще такую юную, вместе с вами в это путешествие в Новую Англию, где она могла поддаться многим искушениям, чему подтверждение мы, к сожалению, нашли здесь.

— Искушения! Разнузданная жизнь! И это в Новой Англии! У пуритан?! Это не кажется мне разумной мыслью. Даже у баптистов или лютеран ей не мог представиться случай...

— Однако наши подсчеты не могут нас обманывать. Именно в ходе этого путешествия она встретила там того, кто...

Наконец, «бросившись с головой» в рассказ, Абигаэль рассказала о драме, которая в этом году потрясла их мирную и счастливую семью.

Осенью, немного спустя их отъезда из Вапассу... Нет, если точнее, то позже, потому что уже выпал снег и приближалось Рождество, у Северины случилось кровотечение. К счастью, она не побоялась рассказать об этом своей приемной матери, позвав ее к себе ночью, и та, с помощью мадам Каррер, на молчание которой можно было рассчитывать, помогла девушке. У Северины был выкидыш сроком два-три месяца, случился он самопроизвольно. Это не повлекло последствий для ее здоровья. Она быстро оправилась. Но стыд и горе вошли в дом Бернов, а Северина хоть ничего и не отрицала, но наотрез отказывалась рассказать о деталях и раскаяться.

— Мы так и не добились от нее, чтобы она назвала имя того, кто с ней такое сделал. Наши размышления убедили нас в том, что она согрешила во время своей летней отлучки. Это не могло быть связано ни с одним из молодых людей Голдсборо, но больше мы ничего не знаем. Бесспорно то, что она очень дорожит этим своим воспоминанием, и она не проявила ни малейшего сожаления о случившемся. Она чуть ли не улыбалась в лицо разгневанному отцу. Единственное, что ее огорчило, это потеря ребенка, которого она тайно носила. Думаю, что она родила бы его.

На наши упреки она часто отвечала: «Госпожа Анжелика поняла бы меня». Это и разозлило Габриэля... и заставило действовать против вас.

Я сама не была слишком сурова с ней, ведь я ее приемная мать. Я ей сказала: «Северина, пора

становиться взрослой, быть не такой легкомысленной и безответственной».

Но она рассердилась, потому что поняла, что мы рады, что ребенок не родился, и не разыгрался скандал.

— Она всегда была не так уж проста, — признала Анжелика. — В Ля Рошели она бы страдала от унижения, потому что она — протестантка. Это укрепило в ее характере упрямство и нежелание подчиняться воле взрослых. Но я не считаю себя виноватой, Абигаэль, в том, что ободряла ее и поддерживала ее стремление к свободе и пренебрежение правилами, которые основаны далеко не на любви к жизни и самой элементарной осторожности. Эти правила лицемерны. Но молодая девушка, которая ждет ребенка (хотя здесь и можно говорить о радости любви) — всегда грустное зрелище, всегда трагедия.

Мне жаль, что она расстроила вас, и я заверяю вас, что разделяю и понимаю ваши суждения на эту тему, хотя я и католичка, а вы — протестанты.

— Анжелика, — сказала Абигаэль, кладя ладонь на ее руку, — нас ничего не может разлучить и не разлучит никогда. Вы — моя сестра. И больше того — моя подруга. Вы многим отличаетесь от нас, это правда. Но когда вы приехали в Ля Рошель, то, казалось, в наши дома ворвался солнечный свет или свежий морской воздух в погожий день. Вы напомнили мне библейских ангелов-посланцев, которые возникают, излучая свет и напоминая, что близок день пришествия Господа, поэтому следует проснуться и не сходить с пути благочестия.

Такой вы предстали передо мной, и я приняла вас с сознанием благости, которую должно принести мне ваше присутствие, такое непривычное. Хотя, признаюсь, меня мучала ревность. Я любила Габриэля долгое

время, но многое ему позволяла, это правда. Мне известно, что вы наставили его на путь истинный.

— Где он должен был заметить, что вы созданы для того, чтобы идти с ним бок о бок, вы — восхитительная Абигаэль, которую он не замечал, уткнувшись в свои конторские книги.

— Разве Бог осеняет человека своим дыханием только для того, чтобы он посвятил себя посредственной жизни? — сказала Абигаэль.

— Вашему Габриэлю повезло, что он имеет вас, и я возьму на себя труд напомнить ему об этом.

— В определенном смысле он, как и я, понимает, что именно Северина имела в виду, ссылаясь на вас, когда говорила о любви. Я тоже обязана вам тем, что научилась любить крепче, что поняла, что любовь — это дар неба, и что нужно нужно предаваться этому чувству безо всяких колебаний и угрызений совести, — добавила она, слегка покраснев. — Даже сейчас я знаю, что не смогла бы так вразумить Габриэля, как это сделали вы. Но какая разница? То, что могу дать ему я, не может больше никто, я в этом уверена. Он боится, что это может выйти за рамки дозволенного. Действительно существуют эти рамки. Моя покорность не означает сдачу позиций, это просто любовь.

Я не могу одобрить его поведения по отношению к вашим подругам из Салема, как и то, что он разгневался на вас, не имея на это повода и преувеличил вину Северины.

— Абигаэль, вы служите мне утешением. Я поняла бы ваше поклонение мужу, потому что вы — хорошая супруга, но мне приятно видеть, что вы не разочаровали меня.

— Вы научили меня держать голову высоко поднятой, Анжелика, и в данных условиях, и в более унижительных, я буду всегда держаться вашего

примера. Я усвоила урок. Что только не происходило с нами на этом берегу...

— Сирики утверждает, что здесь дует дьявольский ветер, иногда или частенько.

— Страсти кипят. Ветер дует и прекращается. Когда приходит спокойствие, то все поздравляют себя, что не поддались его яростному влиянию.

— Имеете ли вы в виду Натанаэля де Рамбур? — спросила Анжелика, вернувшись к случаю с Севериной. — Но в голову приходит только он. Абигаэль, вам следовало бы поставить меня в известность раньше. Я поговорю с Севериной, а также с господином Берном. Он должен меня выслушать. Его отцовская печаль не служит оправданием его домашней тирании.

Они говорили долгое время откровенно и с удовольствием. Анжелика была единственной женщиной, которой Абигаэль могла доверить все, что лежало у нее на сердце.

— Говорят, Анжелика, что вы не покидаете «перекрестка жизни», чтобы завладеть всевозможными богатствами, которые получаете с разных сторон.

— Но не без того, чтобы иногда испытывать тревогу, сомневаться, как в данный момент. В течение этих лет все встало на свои места. Мы получили, что нам причиталось. Мы победили. И теперь я знаю, что нужно ждать новых происшествий, потому что природа не довольствуется одной победой... Может вы осуждаете меня за то, что я все время начеку, чтобы суметь вовремя понять и получить, как вы говорите, то, что идет с разных сторон.

— Я вас не только не осуждаю, но по-хорошему вам завидую. Ибо сама я не способна жить, как вы.

Еще Абигаэль признала, что ее пугает намерение Анжелики узнать будущее по картам Таро, ибо это был поступок, который еще и сегодня, и, может быть, в

большей степени, чем вчера, мог бы привести человека на костер.

— Но ведь необходимо, чтобы я знала основные направления наших судеб и исход моих побед, — сказала ей Анжелика.

— Конечно. И уж я вас отговаривать не стану, — рассмеялась Абигаэль. — Ибо мне это тоже любопытно.

Глава 14

— Вы помните, как располагались лучи этой звезды? — спросила Анжелика. — Конечно! Это такая красивая звезда! И мы часто ее выкладывали, чтобы посмотреть на нее и вспомнить вас. На вершине холма Анжелика, Рут и Номи уселись в траву вокруг гранитной плиты, на которой Рут разложила свои карты, извлеченные из велюрового мешочка.

— Вот колесница, которая тебе так не понравилась, — сказала она, указывая на карту, — ты не дала нам время объяснить тебе, что у нее есть несколько значений. Но когда она выпадает первой, наверху и в соседстве с дураком, то это означает непредвиденное путешествие, которое должно случиться, но о нем никто не подозревает... скорое отправление без приготовлений. Как мы уехали из Ля Рошели, собравшись за несколько часов.

Здесь, в Новом Свете, их путешествия были предусмотрены и подготовлены, у них была четкая цель. С окончанием зимы они приезжали в Кеннебек, что около Голдсборо. Затем причаливали или в порт Новой Англии, или Новой Франции со всем снаряжением и багажом, с подарками для всех, с товаром и запасами.

— Вы имеете ввиду бегство?

— Возможно, просто быстрые сборы, но слишком быстрые, — продолжала англичанка. — Во всяком случае, дурак перевернутый — это путешествие... непредвиденное, словно бегство... Но нужно помнить, что колесница сама по себе имеет двойное толкование,

например — победу над врагами. Итак, я сказала бы, что это путешествие похоже на бегство, ибо предпринятое быстро, оно необходимо, чтобы остановить или нейтрализовать врагов.

— Что за путешествие и в каком направлении? — вмешалась Анжелика.

Рут коснулась ее руки, чтобы успокоить.

— Не начинай бой заранее. Это путешествие тебя сильно не затронет. И помни мои советы. Силы, вызванные здесь, очень могущественны. Это силы Духа. Уважай их и сохраняй спокойствие. Звезда светла. Ничего еще не свершилось. Твой удел приближается, но сейчас, как и в прошлом году, это лишь предвестие того, что будет тебя окружать и займет свое место в тот момент, когда все начнется. Я собираюсь рассказать тебе, почему только сегодня и через какую карту осуществляются другие твои линии, и каков их возвышенный смысл.

Я вижу здесь силу и напротив — справедливость. Сила — это лев, символ солнца, это, быть может, король. Во всяком случае, это человек, в жилах которого течет королевская кровь. Эта карта, как я сказала, находится в соседстве с картой справедливости. Это означает, что человек, кем бы он ни был, дает тебе оружие, дает тебе то, что должен дать. Справедливость торжествует. Равновесие, установленное человеком, существует, и оно существует, благодаря справедливости. Это состояние будет длиться, ибо это один из составных моментов твоей жизни в будущем. Чего тебе желать лучшего, тебе, женщине, которая так долго сражалась за то, чтобы твой голос достиг ушей тирана или господина, или неважно какого человека, который отказывал тебе в этом праве?

На противоположной стороне имеются звезды и умеренность, которые заключают семистишье и

завершают его идеей глобальной победы, длительного триумфа, обеспеченного долгим и разумным постоянством.

Звезды — это терпение, потому что это принятие жизни такой, какова она есть, такой, какой она представляется. Несовершенной, иногда мерзкой, но также чудесной и опьяняющей. Нужно только уметь обращаться с жизненным материалом, который нам дается. Это в твоих силах, ибо ты выше этого, потому что тебя защищают звезды. Ты можешь понять это, хоть ты и нетерпелива.

Итак, когда здесь имеется еще и умеренность, мы можем оценить исключительное положение карт, которые тебе выпали.

Умеренность означает: то, что было спрятано во мраке, выходит на свет. Из черного возникает золото. Нужно потихоньку и спокойненько продвигаться по начертанному пути, чтобы собирать то, что тебе дается, давать феноменам развиваться...

Таким образом, противопоставленные Звезды и Умеренность — это вовсе неплохо. Почему сперва Звезды, а потом Умеренность? Это наилучшее расположение!.. Потому что терпение и спокойствие Звезд нам напоминает, что ты под защитой космоса. С другой стороны, нужно, чтобы темнота стала светом. Это трудная задача, и только покровительство космоса поможет тебе осуществить ее.

Наконец, в середине мы видим мир, линию, которая соединяет все остальные и означает успех и славу. Вот знак твоей победы. Но победы не маленькой, а которая повлечет новое будущее. Ибо, перво-наперво, Мир, расположенный таким образом, — это возможность долгой жизни. Героиня, то есть ты, предупреждаешься, что перед тобой открывается множество путей, и тебе разрешается следовать по нескольким, ибо твои годы не сочтены. Когда ты освободишься, тебе будет

позволено делать что угодно со своей дальнейшей жизнью, и прожить еще некоторое время. Время тебе отпускается, успех, наивысший, и не только материальный и практический, гарантируется. Шут остался в стороне.

— Где Шут?

— Это неоткрытая карта. И в действительности, ему нечего делать в этом семистишье.

Шут, фигляр, колеблющийся на своем канате, вмешивается в успехи коммерции, в денежные дела или планы. В самом деле, ваше состояние уже сложилось. У вас самая важная ставка и самые широкие намерения. Долгое время вы научились обходиться без него.

Звезда Давида, которую мы имеем перед собой, имеет и другие толкования.

Ты должна отправиться к новой жизни. Может быть речь не идет о новой форме жизни, но ты сама изменишься.

Мир — это люди, которые имеют счастье достичь изменения жизни или, по крайней мере, чистоты. Все возможности для них открыты, как мужчинам, так и женщинам. Вот почему эта карта представлена бесполом существом: люди чувствуют себя обнаженными перед силами судьбы, им ничего не скрыть, не о чем сожалеть...

Анжелика склонилась и принялась рассматривать карту Мир: существо необычайно красивое, в лавровом венке, держало в руках золотые палочки, а вокруг рассыпались капельки серебра.

— Это женщина, потому что она представляет тебя, и ты видишь ее «осыпаемую», согласно терминологии, всеми благами, радостью, эйфорией. Это существо — победитель.

— Что она держит в руках?

— Сначала это были лучи, которые приняли потом более примитивную форму палочек, как у восточных

статуэток. Но в них — все его силы: Добро и Зло, Сила и Слабость, Инь и Янь, как у китайцев, то есть мужское и женское начало. Все в его руках. Это триумф.

— Когда это случится?

— Это уже случилось. Но в том месте и тогда, когда ты пройдешь последнее испытание.

И она указала на Дурака в золоченом поясе.

— Вот кто говорит об этом — Дурак. Ибо Колесница, которой ты боишься, не опасна. Но в соседстве с Дураком это означает испытание. Дурак — это не сумасшедший, как утверждают некоторые. Он просто не такой, как остальные.

Он не соответствует общепринятому «коду», верному для остальных, что и делает их похожими и заставляет следовать основным законам и нравам. Он не такой. Что не означает, что он ничем не замечателен.

— Это тот, кто невиновен, но кажется таким в глазах остальных и соответственно Закону. Его Закон находится в нем самом. Ибо благость выше всяких законов.

Это тот или та, кто принимается другими или, напротив, отвергается. Он позволяет им это, ибо управляется мудростью более высокой, чем та, которая находится внутри него, помимо него...

Она прервалась и посмотрела на подруг по очереди.

— Это ты. Это мы. Это человек, которого ты любишь — граф де Пейрак, твой супруг, связанный со всеми, и находящийся в отдалении... И вон тот, — она указала на человека в голубом камзоле, который продолжал охранять их, готовый застрелить всякого, кто осмелится потревожить покой несчастных женщин, которых считали сумасшедшими или колдуньями. — И человек из Лондона тоже, капитан в красном камзоле, который не забыл о нас и прибыл, чтобы отвезти нас к тебе.

— И, без сомнения, Брайан Ньюлин? — спросила Анжелика.

— Да, правда. Спасибо, сестра, что подумала о нем. Такие одинокие, мы на самом деле не одни. Люди, объединенные Арканом, безумные, танцующие в одном хороводе, многочисленны. И у каждого есть причина танцевать. Причина, которая пробуждает безумца и его усыпляет. Спать запрещено, мессир Безумец. И он, кроме того, — Свободный Судья. А чему служит свобода выбора пути? Можно выбрать сон. Укус! Пес хватает нас за пятку. Нужно просыпаться, нужно отправляться в путь, нужно смириться с необходимостью действовать. Нужно побороть преграды, иначе предсказания судьбы не исполнятся. Ты уже знаешь, что пройдешь испытание, потому что тебе наверняка обещан успех.

— Если это не путешествие, то тогда что же это за испытание? — спросила Анжелика после минутного молчания, ибо она боялась затронуть откровение, вокруг которого они постоянно «кружили», как кружит лис вокруг курятника.

Эти «лучи», ярко окрашенные, и освещающие светлое будущее, тем не менее, скрывали обещанные неприятности, которые заставят ее споткнуться на пути.

И эта собака?.. Надо принять всерьез этого сторожевого пса — символ, к которому Рут, кажется, относилась с безразличием, и мало обращала внимания на его укусы.

На вопрос Анжелики Рут ответила:

— Я не знаю.

Затем, увидев, что расстроила Анжелику отказом захотеть узнать побольше о ее будущем, она сделала усилие. Посмотрев на Номи, она погрузилась в глубокие размышления.

Она установила локти на коленях, закрыла ладонями щеки, а взгляд устремила на глубокое море. Его гладь отливала всеми оттенками синевы, словно шелк, с которым играет небрежная рука. Его складки

возникали вокруг линии островов и венчались зеленовато-белыми хлопьями пены.

Легкое головокружение рождалось от такого созерцания. Ветер дул сильными порывами. Один из них сорвал капюшон с головы Рут и разметал ее светлые волосы. Золотистые, они горели на солнце и образовывали вокруг ее головы нечто вроде ореола. Среди этого золотого сияния Анжелика различила седые пряди, которые появились преждевременно, как результат внутренних потрясений, невосполнимых потерь, несправедливости. «Колдуньи!..» И она вспомнила колдунью из своего детства. Была ли это Мелюзина-первая или Мелюзина-вторая? Скорее — первая, та, которую повесили. У нее были красивые белокурые волосы, которые вились, и которые она распускала по плечам и украшала цветами, что делало ее похожей на старенькую маленькую девочку. Более простая, более грузная, чем Рут Саммерс, но такая же мудрая и умная... Колдуньи!.. Деревенские колдуньи. Сколько же прогулок совершила Анжелика в их компании? сколько тайн они ей открыли... Лесные колдуньи!.. Сколько их было сожжено!..

Молодая англичанка все еще была погружена в задумчивость.

Наконец она произнесла торжественным и почти загробным голосом:

— Ты встретишься с мертвецом! Ты будешь говорить с ним!

Анжелика ощутила ледяную дрожь в корнях волос.

— Что это значит?

— Я точно не знаю, — ответила англичанка, покачав головой. Это неопределено. Это странно.

Анжелика вспомнила видение матушки Мадлон и не испытала при этой мысли никакого энтузиазма.

— Я вовсе не хочу говорить с мертвецом.

— Какая ты строптивая! Ты хочешь знать свою судьбу, ты хочешь знать все, даже из области невидимого, но ты ничего не принимаешь!.. А если бы ты узнала, что твоей судьбе угодно заставить тебя ненавидеть? Или если бы тебя должны были забросать камнями?.. или нас?..

— Я этого не хочу. С меня хватит побивания камнями!

— Вот так, ты права, моя дорогая. Все разрешается. То, что ты совершила в своей жизни, причисляет тебя к победителям, а не к побежденным... Вот почему мы везде видим триумф и славу, связанные с твоим именем... Послушай еще. Напрасно и безрассудно желать придать предсказаниям Таро конкретный смысл. Наше толкование иносказательно. И как я только что тебе говорила, на этой карте может быть изображен король, а может быть твой супруг, или оба, или кто-нибудь другой, кто их напоминает. Об этих вещах узнают только потом... Это символ, который нам явился... К чему насиловать наше воображение? Будь мудрой и терпеливой к предсказаниям. Ты все поймешь в нужное время.

Затем они принялись смеяться, как дети-сообщники, которые радуются своим шуткам и затеям.

Волна разбилась о край скалы и на них пахло соленым ветром. Все было спокойно и тихо. Все говорило о согласии. Вдали на волнах французского залива белели паруса больших кораблей и рыбацких лодок. Все, казалось, походило на элегические мечты. Ветер играл волосами трех женщин, склонившихся над магической звездой.

Глава 15

«Они ничего не сказали мне ни о «Блестящем человеке», ни о «Панессе», — подумала Анжелика, когда спускалась к порту, чтобы распорядиться об отъезде своих подруг. Она не была полностью

удовлетворена. Несмотря на то, что ей предсказали такие успехи и победы, Анжелика, которая соотносила свое путешествие в Новую Францию с обилием всякого рода опасностей, удивлялась, что эти хрупкие предсказательницы забыли рассказать ей о персонажах, о которых всегда отзывались с ужасом: о «Черном мужчине» и «Черной женщине», его сообщнице. Они их называли еще «Блестящий человек» и «Панесса», эти эпитеты были столь неожиданны, что Анжелике показалось, что англичанки забыли об этих людях, словно бы никогда ничего о них не слышали.

Пусть будет так! Они мертвы, их похоронили. Похоже «забывчивость» предсказательниц убедила ее.

Но Анжелика надеялась, что ей стоит безоговорочно поверить в те знаки и предзнаменования, на которые указывали Рут и Номи.

Ибо Рут, после того, как объявила ей об испытании и с большим трудом объяснила в чем состоит его сущность, ничего к этому не добавила. То ли потому, что была рассеянна, то ли оттого, что не была уж столь близка с Анжеликой, как в Салеме, или может, ее меньше интересовали ее дела по причине слабости здоровья и души после смерти Агар, тюрьмы... волшебница не могла уже так далеко заглядывать в будущее. Ее спокойствие по поводу судьбы Анжелики было полным. Все было окутано голубой дымкой, все, что касалось будущего Императрицы, то есть ее, по определению карт Таро, — героини трех триумфальных семистиший.

С большим трудом двое английских моряков тащили своего компаньона, пьяницу из экипажа. Его тошнило одновременно вином, которое он в неограниченном количестве употребил в «Гостинице при форте» и проклятьями в адрес этих «пожирателей тумана», напоивших его отменными французскими винами.

Ему связали руки и ноги и кинули на дно шлюпки.

Пришел момент прощания.

Рут Саммерс повернулась к Анжелике.

— Не терзайся!

— Мое беспокойство бессмысленно?

— Ты беспокоишься преждевременно. Это глупость.

Ты обращаешь свои силы против немощных призраков.

На берегу собралось немного побольше людей, чем во время их приезда.

Жофрей пришел попрощаться и вручил англичанкам подарки, среди которых был большой отрез черной ткани, чтобы они могли сшить себе более удобные одеяния.

Анжелика стояла рядом и смотрела, как они удаляются в шлюпке, танцующей на волнах, прижавшиеся друг к другу в своих черных капюшонах и плащах. Они напоминали черных ворон. Рядом с ними находились их защитники — английские дворяне и офицеры в красных и черных камзолах, с развевающимися перьями, жабо и кружевными манжетами — и матросы в красно-белых шапочках, которые работали веслами, посылая последние прощальные крики берегам Французского залива от берегов Темзы.

Они возвращались в Салем, красивейший маленький городок с его сиренью, тыквами и позорным столбом.

Глава 16

— Приходите мне помочь, — сказала Анжелика Северине Берн.

После отъезда двух англичанок, появление которых произвело переворот в спокойной жизни города, но возле которых многие объединились, чтобы получить совет и лекарство, был созван Городской Совет, решивший устроить на скале лазарет. Каменщики и столяры отправились туда, чтобы обновить стены, балки, дверные петли и замок, залатать дыры в крыше. Вдоль стен укрепили доски, чтобы расставить на них

склянки, коробочки, порошки, мензурки и колбы, а на полу разместили несколько сундуков для белья, ваты, корпии и одеял, а также для запасов масла, свечей и топлива.

Оставалось подмести пол и промыть щелочным раствором стол и скамеечки.

Анжелика поднималась по тропинке в сопровождении девушки и целого выводка маленьких девочек, среди которых были Доротея и Джаннетон с острова Монеган и маленькая англичанка, избежавшая гибели в Брюнсвик-Фолс — Роза-Анна, дочка Уильямов.

Немного спустя, пока малышки выносили корзины с мусором, Анжелика и Северина, вооружившись вениками из еловых лап, старательно и энергично подметали пол и площадку вокруг будущего лазарета.

Анжелика «открыла огонь».

— А теперь скажи мне, есть ли у тебя новости о Натаниэле де Рамбур?

— Почему именно о нем? — спросила девушка, отводя взгляд.

— Потому что и у него найдется повод интересоваться тобой!

Северина пожалала плечами и издала ехидный смешок, смягченный, однако, чем-то вроде снисходительности.

— Он? Меня бы это удивило! Что это взбрело ему в голову? Ничего. Меньше, чем ничего! Он похож на большую чайку, которая заблудилась в бурю! И больше того! Чайка всегда найдет своих, ее интересуют средства к существованию. Тогда, как его — нет! Он ни о чем не думает! Одни только неосуществимые проекты. Он ничего не знает...

Она перестала подметать и повернула к Анжелике лицо, на котором горели блестящие и оживленные черные глаза.

— Представьте себе, он даже не представлял себе, откуда взялось слово «гугенот», которым называют нас, французских реформистов.

Он не знал, что это слово произошло от немецкого «айдгеноссен», что значит «конфедераты». Так называли швейцарских партизан, которые хотели присоединиться к Конфедерации Швейцарии и бороться против герцога французской Савойи.

А позднее другие наши кальвинисты объявили себя вне старых доктрин. Тогда наши противники-католики прозвали нас «егенеты», что мало-помалу превратилось в «гугеноты». Я все это отлично знаю. Тетя Анна такая ученая, и она многое мне рассказала. Но он! Его невежество... это... жалко его слушать!..

Батюшка прав, когда говорит, что дворяне-реформаторы еще более глупы и невежественны, чем католики.

— Если ты находишь его таким глупым и малопривлекательным, то зачем же ты...

Северина снова принялась энергично подметать, затем бросила веник и, подбежав к Анжелике, спрятала лицо на ее груди.

— О, госпожа Анжелика, это из-за вас...

— Не говори так! Твои родители обвиняют меня в самом плохом, в том, что я плохо на тебя повлияла, что я тебя надоумила... в чем только не обвиняют...

— Вы сама, ваш образ меня вдохновил. Вы открыли мне, что любовь — это великая тайна. Я-то думала о свадьбе, приданом, блестящей партии. И однажды я поняла, что в любви нет никакой логики. Что настоящая любовь подобна молнии, что мы имеем на нее полное право, но теряем ее из-за того, что не узнаем, из-за того, что не склоняемся перед ней, оттого, что не понимаем, что это милость божья... Я не знаю, как объяснить... Слова так ничтожны... Нужно бы говорить

часами о таких вещах, которые недоступны человеческому глазу.

Это правда, я находила его глупым, некрасивым, неприспособленным к жизни. И, однако, как вам объяснить, почему это произошло? Это было в прошлом году. Тот же английский корабль, что стоял в нашем порту недавно готовился поднять паруса и увезти ваших подруг в Новую Англию. Они зашли к нам, чтобы попрощаться.

Меня охватило предчувствие, возникла уверенность, что он тоже хочет уехать, несмотря на все мои усилия, приложенные, чтобы привезти его в Голдсборо. Он собирался нас покинуть, и я никогда бы с ним не встретила. Я тайком выбежала из дома и побежала на площадь. Я увидела его в толпе, и, как я и предполагала, он нес свой багаж, сумку к трапу корабля.

С этого момента началось нечто, что я вам не берусь объяснить. Мы словно бы очутились в облаке. Как только я подошла к нему, и взгляды наши встретились, он бросил сумку и взял меня за руку. Мы пошли, ни слова не говоря, прочь из города, и углубились в дикий лес. Что за сила владела нами! Что за страсть! Он ничего не знал. А я тем более. Это было в первый раз. Мы впервые любили, ничего не зная об этом. Что за чудные ощущения, несмотря на боль! Небеса разверзлись! В своем порыве он преобразился. Моя покорность поразила его... и меня. О!.. Я уверена, что Адам и Ева в земном раю, впервые узнав друг друга не были более счастливы. Вы правы, госпожа Анжелика, экстаз стоит всех бед, всех жертв...

Нет, не браните меня. Вы заботитесь обо мне, потому что я и для вас немножко дочка, но я знаю, что вы одобряете, когда кто-то следует своему пути. Тот, кто бережет сверх меры себя, не заслуживает внимания. Что до упреков, которыми меня осыпают мои

родители... И Северина, рассмеявшись, встряхнула головой, разметав по плечам свои чудные черные волосы.

— Нет! Нет! Дорогая госпожа Анжелика, это не только ваши слова или строчки из письма, которое вы мне читали. Я говорю вам: это ваш пример! Это ваш образ! Это то, как вы живете с вашим супругом, который доказал мне, что любовь существует. И также — это то, что существует между отцом и Абигаэль. Их не за что осуждать... И я сказала об этом отцу. Он разгневался из-за этих слов. Нужно было защищаться, и я нашла веский аргумент...

То плача, то смеясь, она загрустила, склонив голову.

— Я потеряла моего ребенка, — прошептала она с горечью.

Сдержав рыдание, она овладела собой. Она видела, как с ее кровью исчез плод ее надежды, ожидания новой радостной жизни, связанной с рождением ребенка.

— Да, я знаю, я понимаю...

Анжелика вспомнила свое подавленное состояние, когда с ней случилось подобное. Она чуть не выцарапала глаза вельможе, который сопровождал ее в качестве пленницы до Парижа, когда перевернулась карета, и она поняла, что теряет «милое обещание» будущего счастья. В этот момент не существовало судьбы, будущего и настоящего, не существовало Жоффрея и Колена. Было лишь ощущение потери ребенка. Таковы женщины!

— Ну почему вас не было рядом, госпожа Анжелика! Никто не понимал меня. Они думали только об одном: как бы не узнали соседи.

Анжелика постаралась объяснить, до какой степени испытание, выпавшее на долю их семьи, изменило бы судьбу Бернов.

— Они должны были бы отвечать на унижительные вопросы, сносить насмешки, критику и несправедливые упреки друзей, защищать свою дочь, требовать для новорожденного ребенка нормальной жизни. И они сделали бы это. Но кто знает, не вынудило ли бы это их к добровольному отказу от общения, к затворничеству? Ибо здесь лелеют порицание с таким удовольствием. Может быть вам бы пришлось покинуть Голдсборо. А Лорье? А Мартьяль? Таков уж наш мир. Тебе не следует на них сердиться.

— Но я сержусь на них, и никогда им этого не прощу.

— Не будь так категорична, маленькая безумная девчонка! Ты стала женщиной, и ты больше не та малышка, что думала, что вся жизнь и окружающие люди созданы только для тебя. Ты лелеешь свою любовь! Прекрасно! Приготовься встретить супруга, который должен приехать. Я напишу господину Молину в Нью-Йорк. Он встретился с моим братом Жоссленом после долгих лет разлуки. Меня удивит, если он не попытается «наложить руку» на Натанаэля. Так значит ты его имела в виду, когда сказала мне: «В моем сердце живет любовь, которая помогает мне выжить?»

— Да.

Анжелика рассказала, как Онорина, будучи сильно взволнована этими словами, приложив руку к сердцу, сказала то же самое в момент расставания в передней пансиона Маргариты Буржуа.

— Онорина! Милая сестренка! — произнесла Северина с меланхолической улыбкой. — Как она непредсказуема и забавна. Я бы дорого заплатила, чтобы узнать имя ее тайной любви. Мы не узнаем его никогда, без сомнения. Она всегда дорожила своими мыслями, слишком дорожила, чтобы доверять их непонятливым и неблагодарным взрослым.

Они снова принялись подметать. Анжелика спросила:

— Итак, никаких новостей?

— О нем? Никаких. Однако я не отчаиваюсь и с нетерпением жду. Я жду, что он вернется. Я ничего другого не жду. Он вернется. То, что мы испытали вместе, ему не сможет дать больше ни одна женщина. И он этого не забудет. А я тем более.

Глава 17

Габриэль Берн остановился на краю тропинки, чтобы всмотреться пристальным и суровым взглядом в группу молодых девушек и детей, которые прыскали от смеха при виде трех сыновей старика Мак Грегора и их отца, одетых в настоящее шотландское платье. Это были традиционные ритуальные костюмы, и хотя они смешили молодежь и вызывали любопытство взрослых, во всем этом не было ничего предосудительного.

Однако это возбудило в господине Берне раздражение и злость, которые еще больше усилились при виде Анжелики. Она была в нескольких шагах, и не было возможности избежать встречи. А это ему удавалось с успехом в течение нескольких дней.

Анжелика, которая повсюду искала его, не хотела уезжать из Голдсборо, не переговорив с ним. Как только она заметила его, наблюдающего за происходящим на улице, она устремилась навстречу.

Рассерженный, что дал себя застать врасплох, он первый пошел в атаку.

— Вы только посмотрите на этих кралечек! — сказал он, широким жестом, указав на смеющихся девушек, даже не удосужившись поприветствовать ее. — Они хихикают, кудахчут, как куры, шепчутся о разных глупостях насчет этих увальней, которые осмеливаются предстать средь бела дня без чулок и штанов и прогуливаться в таком виде по городу, славящемуся своими благочестивыми нравами.

Анжелика перенесла свое внимание на сценку, которая его так разгневала.

В радостном свете солнца три массивных фигуры молодых людей и их отца, не менее крепкого, несмотря на седые бакенбарды, появились на пороге дома, где они провели ночь. Они и вправду были одеты только в блузы с развевающимися полами.

Эти шотландцы из Нового Света носили традиционные блузы, отделанные кожей и шафраном, сшитые из так называемой ирландской ткани, которую еще иногда пропитывают смолой, чтобы укрываться от дождя и морских брызг.

Они сделали несколько шагов и, стоя на небольшой дистанции друг от друга, принялись важно надевать на головы большие голубые береты с помпонами, а затем натягивать чулки из красной шерсти, которые в городе назывались «красные колени». Чулки укреплялись под коленями специальными лентами зеленого или желтого цвета. Полы их блуз развевались по ветру, что особенно бесило господина Берна.

— Они не носят белья. В Лондоне я слышал, как их офицеры говорили, что это облегчает порку.

С давних времен, находясь в отрыве от остальной армии, шотландцы с острова Монеган были далеки от подобных воспоминаний. После того, как были повязаны двойным узлом шейные платки, они начали самую важную часть одевания, — облачение в традиционные большие пледы, украшенные традиционными узорами их клана, клана Мак Грегора, прибывшего из Шотландии в 1628 году вместе с сэром Уильямсом Александром.

Сначала все четверо расположили свои пояса на земле в равном расстоянии друг от друга. Затем были расстелены пледы, клетчатой расцветки, которые по ночам служили одеялами, а днем — одеждой. Важно было соблюсти пропорции, ибо нижняя часть пледа

служила юбочкой или килтом, и была короче, чем верхняя. Они тщательно расправили складки, так чтобы одна сторона накрыла другую, и чтобы длина юбочки точно соответствовала правилам. Она должна доходить до колен.

Затем они застегнули пояса, и завернувшись всякий на свой манер в верхнюю часть пледа, они поприветствовали толпу юных зевак, которая отозвалась веселыми криками и аплодисментами. Закончив обряд одевания, все четверо отправились в «Гостиницу при форте».

Берн отвернулся, не ответив на их сердечное приветствие.

— Нас повсюду окружают недостойные, нечестивые люди.

— Я думаю, что скорее всего — ваше восприятие, ваше дурное настроение виновато в том, что вы видите в плохом свете жителей Голдсборо, из которых эти господа с Монегана — далеко не самые неприятные. Всякий шотландец, пусть даже и без белья, если уж это вас так волнует, между прочим, так же, как и вы сторонник Реформы, и это самое главное... Но... Довольно. У меня есть неприятный повод с вами поговорить, и вы от этого разговора не отвертитесь.

Как вы осмелились дойти до того, что такую прекрасную женщину, как Абигаэль, вы заперли и лишили возможности просить помощи у собственных детей? В первый раз слышу подобные рассказы о цивилизованном человеке, который позволяет себе подобное по отношению к супруге, которая этого не заслуживает. И, однако, самому Богу известно, что мне пришлось повидать разных негодяев! И я не встречала ничего подобного, говорю я вам! И надо же, чтобы вы, господин Габриэль Берн, перешли всякие границы!

Вы заслуживаете того, чтобы она обошлась с вами подобно той, кто дала ей имя, Абигаэль Библейская,

которая бросила своего «медведя» — мужа Набаля, родом из Маона, человека очень богатого. «Имя этого человека — Набаль, а его жены — Абигаэль. Это была умная и красивая женщина, но муж был груб и зол...»

Вы знаете, что произошло с этим Набалем, когда бедняжка Абигаэль пустилась бежать куда глаза глядят лишь бы избежать его несправедливых придирок и кровопролития, которое ей угрожало из-за грубости и невежества супруга? Вам это известно?.. Или нужно, чтобы я напомнила?

— Нет, во имя Неба, — стал протестовать Берн, который безуспешно пытался ее остановить. — Ни к чему! Я знаю Библию, и даже получше вас.

— Это еще как сказать. Во всяком случае я не стану притворяться, будто не знаю причин, которые вас толкнули на этот непростительный поступок относительно вашей Абигаэль. Вы хотели помешать ей принять моих друзей, приехавших из Салема, чтобы встретиться со мной. Перед тем, как вынести вам приговор, я, так и быть, выслушаю вас. Что сделали вам эти женщины?

— Они англичанки, колдуньи и грешницы.

— «Пусть, кто без греха первым кинет в нее камень».

Она знала, что господин Берн терпеть не мог слышать, как она цитирует Святое Писание. Всегда восхищаясь ей, тайно ей поклоняясь, он предпочитал, чтобы она, чей образ жизни он считал легкомысленным и фривольным, не касалась в разговоре Священной Книги. Поэтому он разозлился, когда Анжелика напомнила ему библейскую историю Набаля и Абигаэль, хотя и не мог ей возразить.

— Кроме того, они красивы и любезны, что является, как мне известно, по мнению многих, дьявольской ошибкой... Умы светлые и глубокие, что, к сожалению, не является достоинством многих в этом городе.

— Сказано: «Ты не позволишь колдуну жить».

— А я вам отвечу: они творят одно Добро. А также сказано: «Узнаем древо по плодам его». Это истина, и чтобы с этим покончить, добавлю, что мне было больно узнать, что мои дорогие подруги были изгнаны из города, в котором искали пристанища, и были изгнаны моими друзьями, к которым я в равной степени привязана. Это ставит меня перед невозможностью выбора, который я не могу совершить без боли, без сердечного терзания, и, который я не сделаю. Но это все вынуждает меня бранить тех, у которых не сердца...

Берн краснел, бледнел, мучался.

— Но признайте, что персоны, о которых вы говорите, не такие уж заурядные личности, — наконец он вставил слово. — И признайте, что вы напрасно вступили с ними в дружеские отношения, — продолжил он тоном, однако, более неуверенным, чем вначале.

Этим он навлек на себя бурю. Глаза Анжелики потемнели и метали молнии, как во время грозы. Она бы ударила кулаком по столу, если бы таковой находился в пределах ее досягаемости.

— А вам не кажется, господин Берн, что и вы-то человек не совсем простой?.. И что у меня гораздо больше поводов отказать в дружбе вам за те неприятности, которые вы причинили моим друзьям и мне во ответ на то добро, которое я вам делала?

Габриэль Берн был так рассержен и в то же время обескуражен, что пустился мерить шагами пространство вокруг Анжелики, сопровождая свои передвижения какими-то неопределенными жестами, не находя слов, чтобы объяснить. Он произносил только бессвязные фразы.

— Опасность для наших детей... Безопасно на них смотреть издали... Приметы ведьм...

Анжелика следовала за ним, не собираясь успокаиваться.

— В юности вы были не так нетерпимы к грешницам. Я помню, когда вы возвращались из Шарантонского храма, после службы, на которой вы были вместе со своими друзьями-студентами, вы заметили босую женщину, вымокшую под дождем. Тогда вы посадили ее на круп вашей лошади. Если я правильно поняла, сегодня бы вы оставили ее барахтаться в грязи, бедную проститутку, спешащую в Париж.

— Не говорите так! — возразил он, шокированный ее словами.

— Кем же я была в ваших глазах, как не проституткой? И, однако, вы проявили себя как человек достойный, честный и сердечный, полный сострадания и далекий от того, чтобы воспользоваться моим тяжелым положением.

— Все меняются с возрастом, — оправдывался Берн. — Ответственность, налагаемая на нас с годами, заставляет нас быть мудрыми. Вообще, я обыкновенный человек, во мне нет ничего героического. Да, в юности все мечтают о подвигах, о том, чтобы установить справедливость в отношении всех обездоленных, о том, чтобы изменить мир. Но позже я вернулся к тому, чему учил меня отец, к его принципам, а он был мудр. Как и он, я не одобряю авантюры приключения, источником которых не является праведная борьба и уважение к законам.

— О, конечно! Я в этом убедилась. Боевой дух? Кажется, он вам еще не совсем изменил. Его у вас оставалось предостаточно, когда вы пытались при помощи только одной дубинки защитить от бандитов ваш обоз в Сабль-д'Олонн. И еще, когда в Ля Рошели вы задушили шпигов Бомье и закопали их тела под слоем соли, в то время, как полицейские и религиозные деятели стучали в вашу дверь, чтобы арестовать вас! Ваше уважение к законам, поэтому мне кажется весьма спорным!

Габриэль Берн вздрогнул, остановился, как вкопанный и уставился бессмысленным взглядом, как если бы события, о которых она говорит, полностью стерлись из его памяти.

Она улыбнулась ему, довольная, что напомнила о том времени, когда он творил безумства и горел невообразимыми страстями.

Он сделал усилие, чтобы говорить спокойно.

— Прежде всего, — начал он, — в то время, когда мы жили во Франции, буржуа были вынуждены уметь драться, чтобы защитить свои богатства. Их давние сторонники, дворяне, пользовались шпагой лишь для того, чтобы отличиться на дуэли или блеснуть перед королем. Кроме того, Ля Рошель со времен Ришелье, — это город, захваченный чужаками, врагами, которые стремились изгнать законных жителей. Мы, гугеноты, первые среди реформаторов, вот уже более века ведем борьбу с ними и передаем нашу ненависть из поколения в поколение. Я не знал ничего другого и ни о чем другом не мечтал.

— Если я правильно понимаю, то вы — человек мирный и без особых забот, как другие. Действительно, в Ля Рошели жизнь была проще, чем здесь. Вы хранили чистоту вашей протестантской веры; вы мстили отступникам в течение многих лет; вы, бесспорно, жили в полном душевном покое вместе с вашими детьми, которых похищали на улицах и отвозили к иезуитам; «провокаторы» из полиции не давали покоя вашим женам и дочерям, вы душили их собственными руками, но прежде, чем кинуть их в резервуар для солений и затем подвесить их в колодце господина Мерсело, вы...

— Это была борьба, к которой мы имели пристрастие, — вскричал Берн. — И, кроме того, вопрос состоит не в том. Вы не можете понять. Разориться, для человека, подобного моему отцу, деду, значило лишиться жизни, даже хуже! И это закаляет, делает

каждого суровым. Это несчастье, стыд! Когда ценой труда и жертв достигается цель, к которой стремишься, то чувствуешь себя в полном согласии с Богом и с самим собой. Чувствуешь, что выполнил долг по отношению к детям и потомкам. Мой отец хотел, чтобы я продолжил его дело и привел его к процветанию.

Увидев, что я тоже желаю этого, он благословил меня на смертном ложе, передав мне плоды своих трудов, развитию которых вы были свидетельницей.

Потерять все, что составляло наше существование, оставить на произвол судьбы плоды трудов нескольких поколений, предать их в недостойные руки грешников... католиков... я все время себя в этом упрекаю. Достойнее было бы остаться в Ля Рошели, среди наших стен.

— И погибнуть на галерах?

— Не знаю... Может быть, это было бы достойнее...

— Вот мужчины!.. Вас, похоже, мало интересует будущее ваших детей, которые остались без защиты.

Словно иллюстрация ее слов маленький Лорье выбежал навстречу с покрасневшими щеками, с развевающимися волосами, с победоносным и озабоченным видом. Он, как и остальные дети, бегущие следом, держал ведро, наполненное ракушками и другими дарами берега.

Габриэль Берн отвел взгляд, отказываясь признать свою неправоту.

— Вы отвергаете героизм!

— Если это ваш единственный аргумент, то я его отвергаю. Хотя воспоминание о гугенотах, которые гонят в спину других гугенотов, ставших католиками, и нещадно поражают их своими саблями, не является самой красивой картиной в моей памяти.

Обескураженный, Берн предпочел не отвечать.

Они оба знали, что во время этой прогулки, этой оживленной перепалки, пройдя город и подходя к лесу,

они не решались коснуться основной темы, которая мучала их обоих: несчастья, которое произошло с любимой и провинившейся дочерью Берна — Севериной. Словно, чтобы перейти к этому вопросу, он заговорил о своем сыне, Мартьяле. Вопрос был о том, что он должен возвратиться в Новую Англию для продолжения занятий. Большую часть свободного времени он проводил на воде вместе со сверстниками. Они не задумывались о том, что нужно перенимать опыт старших и не расстраивать их своим постоянным отсутствием. Их родители потеряли все на родине и не уставали оплакивать свои богатства. А дети считали себя уже Гражданами Нового Света, здесь они быстрее освоились, чем старшие, и это, по их мнению, давало им право пренебрежительно относиться к их советам.

Если взглянуть на ситуацию под этим углом, то действительно, она выглядела мрачновато, признала Анжелика. Но она знала также, и это подтверждал ее муж, что деятельность молодежи, плавающей по заливу, была довольно выгодна Голдсборо. Отважные подростки патрулировали водные рубежи города, словно кочевые племена, и довольно хорошо следили за подступами к нему.

Что же касается Мартьяла, то проводя половину своего времени в лодке, он, тем не менее, продолжал с успехом выполнять обязанности секретаря губернатора, замещая молодого человека, найденного Анжеликой и сбежавшего без лишних прощаний.

— Вы говорите об этом... Натанаэле де Рамбур? — спросил Берн, который стал похож на быка, увидевшего красную «мулету» на испанской корриде. — Меня бы не удивило, если бы этот большой дурак, без всяких принципов был бы... был бы...

— Возлюбленным Северины, — dokonчила Анжелика. — Ну, и если так оно и есть — а так оно и есть — то к чему столько переживаний? Вы не устаете опасаться,

что у нее интрижка с папистом. Так успокойтесь же. Я могу вас заверить, что претендент на руку вашей дочери принадлежит к реформаторам и из достойной семьи. Вы не испытаете стыда, доверив ему дочь!

— Я был бы обесчещен, доверив свою дочь безответственному молодому человеку, который лишил ее невинности! — взорвался Берн. — Высокородные дворяне принизили высокие цели Реформы.

И он пустился в пространные разглагольствования, где обвинил высокородных дворян, которые принизили цели Реформы, потому что не имели достаточно веры, ее хватило только на то, чтобы создать мятежную партию под самым носом короля. К счастью, буржуазия — суровая, благочестивая, трудолюбивая показала свое настоящее лицо перед испытаниями веры.

Из этого следовало, что бедный и бесчестный наследник семьи де Рамбуров не являлся подходящей кандидатурой в мужья их Северине. Последняя была не хуже, ни лучше этого Натаниэля. Но они были из разных кругов, из разных миров, что делало их союз невозможным и воздвигало между ними непреодолимые барьеры.

— Господин Берн, — сказала Анжелика, — позвольте вам напомнить, что мы находимся в Америке, и что вдали от обычаев и нравов вашего города, ваши взгляды и кастовые принципы выглядят неуместно и смешно.

Посмотрите на меня. Я перед вами. Урожденная Сансе де Монтелу. Я вышла замуж за графа де Пейрак де Моран. В разговоре, который ставит нас по разные стороны баррикад, когда я чувствую, что наши характеры сталкиваются, все-таки никакой кастовый барьер не ограничивает тем наших бесед, не служит препятствием для искренности, хотя вы — почтенный буржуа из Ля Рошели, а я — потомок линии Гуго Капета,

или еще какого-либо короля того времени, согласно рассказов господина Молина.

— Вы, мадам, это дело другое!..

— Нет! Мы все похожи и все различны. Вот, что нас сближает и придает нам храбрости... Часто я опускаю глаза и разглядываю ваши башмаки...

— Мои башмаки!.. Но почему?..

— Потому что те же они или нет, но я вспоминаю, что они были на ногах спасителя, которого я видела через окошечко моей тюрьмы, и я не знала буржуа ли это, или судья, стражник, священник или дворянин. Но я кричала ему: «Кто вы бы ни были, спасите моего ребенка, который остался в лесу один». Из-за этих воспоминаний я никогда с вами не рассорюсь, хоть вы это заслужили уже сто раз.

Вот почему я сейчас говорю о том, что меня мучает... Когда-то вы привезли меня под вашу крышу, вы сделали мне добро, потому что по природе добры. А здесь, где вы имеете все, чтобы быть счастливым, вы почему-то позволяете себе зачерстветь.

— В Ля Рошели я был у себя дома. Мне было просто быть добрым и справедливым.

Я обыкновенный человек, повторяю вам, я думаю, что большинство людей предпочитает привычки мимолетным радостям, они мало приспособлены к жизни, которая иногда присылает им страсти, несвойственные их натуре, что интересует их меньше, чем...

— Чем цифровые колонки... Я знаю. Вы смешите меня, господин Берн! Я видела вас, охваченного страстью, в угоду которой вы чуть не пожертвовали и вашим делом, и вашей жизнью, и вашей душой.

Вы думаете, что вы первый и единственный человек, от которого зависели эти жертвы?.. Кто может утверждать, что Авраам не любил свой город Ур, и ему

не было горько, когда Бог явился ему и сказал: «Вставай и иди в страну, которую я тебе покажу»?

— Довольно!

Господин Берн заткнул уши.

— Я вам запрещаю, вы слышите?! Я вам запрещаю цитировать мне Библию.

— Хорошо. Я замолчу. Но и вас я поправлю. Библия и Евангелие составляют часть Священного Писания, которые в равной степени уважаются как католиками, так и протестантами. И я напомню вам, что Бог у нас один — Иисус Христос.

Габриэль Берн сдался:

— Всегда одно и то же. Нужно... Или слушаться вас или... потерять вашу дружбу. Вы переворачиваете, вы разрушаете все! Вы принуждаете нас втискивать жизнь в более узкие рамки, которые сами определяете. Крак! Крак! Но знайте, что однажды я не смогу больше слушаться вас, или моя вера, мои принципы обяжут... обяжут меня... порвать... обяжут меня с вами...

Он неопределенно махнул рукой.

— Добровольно отказаться от дружбы с вами обоими! С вами и с ним. Несмотря на помощь и благодеяния, которыми мы обязаны господину де Пейраку. И вовсе не потому, что это зависит от сердца и души, просто это вопрос принципа.

— Со своей стороны я считаю, что дружба — это не то чувство, которое зависит от принципов и догм.

Когда я кого-нибудь люблю, мне невозможно просто вырвать его из сердца и памяти, и вам известно, что вы занимаете там большое место с давних, давних пор. Господин Берн, я всегда к вашим услугам. Можете меня считать вашей служанкой.

В знак крайнего несогласия он покачал головой.

— Вы обезоруживаете меня.

Он вздохнул.

— Женщины нуждаются в гармонии. Они не могут жить без того, чтобы без конца не согреваться на огне чувств.

Она коснулась его руки.

— Слушаться меня или потерять, говорите вы? Что за мысли! Я знаю вас, вы ловкий человек. Вы все сумеете уладить, не слушаясь и не теряя меня.

Они продолжали путь, держа друг друга под руку.

— Это сирота, — продолжала Анжелика, — бедный мальчик без семьи (он понял, что речь идет о Натанаэле). Он скитается вдоль берегов Америки, где ему не находится места, потому что он одинок, потому что он француз и реформист. С моим братом было то же самое: он был один, он был французом и католиком, но все это кончилось, когда он нашел себе невесту. Этот Натанаэль — такой же изгнанник, как и все мы, он скрывается от смерти, которая преследует его с самого рождения.

Я думаю, что вы одобрите мое решение написать Молину. Он знает все. Он найдет его и выяснит, что стало с его наследством во Франции и как можно доставить оттуда большую его часть.

— Дела французских гугенотов не так уж хороши, если верить письмам.

— Однако существуют законы, которыми нужно уметь оперировать и с их помощью добиваться своего, правда, если это — действующие законы.

— Нужно поговорить с королем, — сказал Берн. — Это должен быть некто, кого монарх выслушает с доверием и на кого мы сможем положиться. Может это будете вы?

Анжелика вздрогнула и ничего не ответила.

«Монарх! — подумала она. — Несчастные! Если они думают, что мое вмешательство перед королем может иметь хоть какой-нибудь вес, то они ошибаются. Кто я такая, изгнанница, слабая женщина... А против меня —

сборище иезуитов, фанатиков, которые убеждают короля, Франции, что Нантский эдикт устарел и стал бесполезен. И к тому же — нужно переплыть океан. Возвратиться ко двору. Нет, я еще не готова!..»

* * *

Вокруг дома Абигаэль росли малиновые кусты, которые привлекали горлиц. Это были красивые птицы, хрупкие и изящные с бежево-голубым оперением и длинной шеей, чье прерывистое щебетание опьяняло.

Те, кто жили неподалеку от леса, жаловались на них. Абигаэль, которая радовалась всему, их любила. Она говорила, что их пение усыпляло детей лучше, чем колыбельная.

Она с улыбкой смотрела, стоя на пороге, как к дому подходят Анжелика и ее муж.

— Вы не ревнивы, Абигаэль? — крикнула Анжелика.

— Не сегодня. Но я была такой. Когда в Ля Рошели я заметила вас возле него и в первый раз увидела, как он оставил в покое свои конторские книги и взглянул на женщину другими глазами...

— Ну что я говорила, господин Берн?! Разве бы вам досталось такое сокровище, как Абигаэль, останься вы в Ля Рошели? Для этого нужно было переплыть океан и чуть не умереть от раны, нанесенной вам предательской рукой... Иначе она бы не открыла вам своих чувств. Не правда ли?

— Никогда! — призналась Абигаэль. — Тем более, что вы были соперницей, чья красота и шарм обрекали на неудачу все мои надежды. Я была в отчаянии!.. Я была готова лишиться себя жизни!..

— Все женщины безумны! — пробормотал Берн, входя в дом с притворно-оскорбленным видом.

Но он покраснел от удовольствия под перекрестным огнем этого ненастоящего спора. Он находил, что не так уж неприятно быть предметом соперничества таких прекрасных дам. Сам не зная почему, он почувствовал

себя моложе, чем в те времена, когда не отрывал носа от своих счетов.

— Но мужчины тоже безумны! — признал он, садясь на свое место у очага. (И он притянул к себе руку Абигаэль, чтобы пылко поцеловать.) — Они безумны, потому что предпочитают оставить старые привычки ради... ради счастья любви. Вы правы, госпожа Анжелика.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КРЕПОСТЬ СЕРДЦА

Глава 18

Каждый год, в начале октября, возвращаясь в Вапассу, Анжелика обещала себе, что в следующем году проведет лето в своей любимой резиденции. Необходимость воспользоваться солнечными месяцами, чтобы осуществить путешествия на берег океана, или в Новую Францию, или в Новую Англию, лишали ее возможности жить в Вапассу во время цветения и сбора урожая, сельскохозяйственных и медицинских.

К счастью у нее были друзья: супруги Джонс и несколько женщин городка, посвященные в науку, которые в течение ее отсутствия и следуя ее инструкциям, занимались сбором растений согласно рекомендованных дат.

В Вапассу не было бездельников и безработных ни в одной области труда.

Бархатный сезон, который в своем величии, мог, однако быть коротким, менял образ жизни городка. Пока еще не отгремели выстрелы последних больших охотничьих игр, пока в лесах еще оставались ягоды и грибы, это служило предметом развлечения жителей. Но новоприбывшие с юга должны были, едва переведя дух, приниматься за устройство быта и подготовку к грядущим морозам.

Нужно было решить вопросы, которые с приходом зимы затруднялись, делались почти невыполнимыми.

Запас топливом был уже произведен. Вязанки хвороста приготавливались заранее.

Обновлялись снегоходы, лыжи, лыжные палки, сани.

Эхо разносило последние удары молотков, данные по последним деталям домов и пристроек, где вскоре спрячутся от морозов семьи и их животные: коровы, свиньи и лошади...

Если зима предоставляла спокойный отдых, то каждый мог с уверенностью сказать, что он его заслужил.

Дом — это такая вещь, которая каждый день «начинается сначала». Форт Вапассу был таким домом, который разрастался с каждым годом, у которого были свои требования и законы. С каждым годом в нем менялось число жителей, у них изменялись обязанности и необходимости. Дом был населен густо, и это требовало совместных усилий и разделения обязанностей. Очаги, печи, дымоходы, засаливание мяса, хлебопекарни, стирка белья, освещение и свечи — этим занимались разные группы.

На стороне раздобыли несколько бочонков особого жира, который обеспечивал прекрасный свет.

В этом году Анжелика нашла время, чтобы собрать в лесу ягоды, которые после особого приготовления выделяли специальный зеленоватый сок, который, загустев, напоминал воск. Этот воск, смешанный с другими добавками являлся прекрасным материалом для изготовления ароматизированных свечей.

Она научилась этому в Кеннебеке, у голландцев. Это был особый секрет, о котором когда-то знал отец д'Оржеваль, и который он унес с собой с могилу. И вот старый Петер Богган рассказал ей, что зеленые свечи изготавливались при помощи ягод кустарника, название которого — воксберри. Она удивлялась, почему не спросила его об этом раньше. Старый Жозуа, хоть и был англичанином, но тоже разбирался в секретах

растений, словно индеец. Еще ребенком, странствуя с людьми из Мейфловера, он видел, как в первую зиму погибло более двух третей колонистов. И необходимость заставила его узнать все об окружающей природе.

Он не скрыл, что именно он, много лет назад, научил готовить зеленые свечи иезуита из Норриджвука, отца д'Оржеваля, потому что у того были проблемы с освещением на службах.

— Он выходил оттуда, — сказал он, указывая на тропинку, вьющуюся через лес. — Меня никогда не пугали ни Черные Сутаны, ни французы.

— Что он у вас покупал?

— Всего понемногу: гвозди, покрывала, пшеничный хлеб. Он говорил на разных языках, даже на индейских. Иногда, он заходил ко мне в домик и улыбался. Я не могу сказать, что это была за улыбка... он словно радовался тому, что мы сообщники... но в чем?

— Мы говорим об одном человеке? Он знал, что вы — англичанин?

Старый Жозуа, казалось, не догадывался, что его посетитель в сутане был известен как истребитель англичан. Он принимал его с простотой переселенцев из Мейфловера, группа которых, пройдя через Лейден в Голландию, сумела смягчить суровость первых реформистов и сохранила в сердцах и обычаях только мягкость евангелических заповедей.

Открытие этого секрета зеленых свечей оставило в ее душе смешанное чувство. Все, что было связано с этим врагом, ей казалось ложным. У нее было чувство, что «событиям не следовало бы проходить именно так». Однако, когда она зажгла одну из этих свечей в серебряном подсвечнике, она не смогла воспротивиться мимолетному ощущению реванша и успокоения при мысли, что его уже не существует в этом мире.

Немного спустя после первой годовщины со дня рождения, близнецы сделали свои первые шаги под гром аплодисментов и смеха жителей форта. Несколько позже смех приумолк, потому что дети стали ползать по дому, с трудом преодолевая лестницы, коридоры и переходы, заглядывая в каждую дверь и везде оставляя следы зубов, которые не замедлили у них появиться. Сиделки и кормилицы, кухарки и швеи стали просить защиты у мужчин.

Молочные братья и сестры близнецов также подрастали, так что вскоре они образовали целую толпу.

После отъезда Онорины старшим стал Шарль-Анри. На него очень рассчитывали, потому что он был внимателен, полон нежности и преданности по отношению к Раймону-Роже и Глориандре. А те тоже не могли обойтись без него.

Онорина обрадовалась бы при виде того, как волосы Раймона-Роже превращаются в густые локоны, светлые с рыжеватым отливом.

Глориандра была черноволосой, ее шевелюра доходила ей до плеч. Она была похожа на маленькую куклу с ангельскими глазами. Все заметили, что она своенравна, но никогда не впадает в гнев. И несмотря на крошечные детские платьица — очень активна.

Но все эти черты характера проявились постепенно. Анжелика утверждала, что поскольку ей не противоречили и позволяли делать все, что ей захочется, она не имела возможности проявить свою индивидуальность. Она была немного таинственным и загадочным ребенком.

Часто Анжелика брала ее на руки и тихо разговаривала с ней, глядя в ее голубые глаза, но никогда ей не удавалось догадаться, о чем думает ее дочь.

— Как ты красива! — шептала она, прижимая ее к себе и целуя круглую свежую щечку.

Ребенок улыбался. Счастье исходило от нее, счастье и спокойствие, и Анжелике не нужно было в этом сомневаться. Она приходила в восторг при мысли, что произвела на свет счастливого ребенка.

В другие моменты, вспоминая об их рождении, вспоминая, что они были обречены, слыша вой прибрежных волков, которые приблизились к Салему в ту ночь, словно празднуя торжества призраков, она переживала заново свои ощущения того времени. Глядя на Глориандру, она спрашивала себя, что тревожило ее в этой маленькой девочке, такой живой и послушной на первый взгляд. Ей казалось, что она еще не совсем «находится здесь». Она вздрагивала и сжимала сильнее, охваченная предчувствием.

— Не уходи. Остайся с нами.

Она заметила, что Жоффрей также испытывал похожее чувство. Но он не беспокоился. Он находил нормальным, что ребенок, родившийся при таких страшных и жестоких обстоятельствах, не решался полностью отдаться земной жизни. Он улыбался ей с любовью, он брал ее на руки, где она выглядела как игрушка, он уносил ее к себе в лабораторию и показывал всевозможные блестящие вещи, интересные формы, драгоценные камни, золото.

А те, кому был доверен присмотр за «маленькой принцессой» задавали себе гораздо меньше вопросов, чем ее родители. Здоровье ее было превосходным, и в некоторые моменты ее называли таким же «ужасным ребенком», как и ее братца.

Тот прекратил беспокоить окружающих своим отсутствующим видом. Во время того, когда их бранили, он пытался спрятаться за спину сестры, но, будучи старше, всегда имел такой вид, будто защищает ее.

Жизнь была ключом из-за присутствия детей и их животных: собаки и кот, который соизволил поехать в Вапассу, что было хорошим знаком.

С каждым годом вокруг форта собиралось все больше индейцев. С переменой погоды они приводили своих стариков и больных. Позже, когда они возвращались, многих не досчитывались: они погибали в непогоду или от голода.

Незадолго до Рождества Анжелика обошла все семьи, потому что каждое лето там прибавлялись новые члены.

Она познакомилась с англичанами, которые прибыли с Юго-Запада через лес.

Они принадлежали к секте крайних христиан XIII века, которые, как и сторонники Жана Вальдо из Лиона, изгнанные церковниками, старательно сохраняли обычаи своей веры.

Их глава объяснил, что они посвящают себя уходу за больными и бесплатным похоронам. Их называют «лолларды», это происходит от старо-немецкого слова «лоллен» или «люллен» — поющий тихо.

Каждый здесь был свободен рассказать свою историю или все, что захочется. Много пропутешествовав по океану, из-за прихоти или по необходимости, они с удовольствием слушали рассказы о нравах и образе жизни в незнакомых краях.

Общая жизнь, почти семейная, была гарантирована от ссор и стычек.

Они не искали сестер и братьев, им нужен был лишь кусок земли, чтобы работать на нем и получать урожай.

У них не было пристрастий.

В общем, их работа, принятая и выполненная, — это была их родина, их каждодневное существование, чтобы обеспечить и оправдать цель их усилий, плоды, которые они получали и откладывали, награда, которую

они прятали в сундуки или иногда зарывали в землю: это была часть их будущего и их мечты.

Был собран совет, чтобы обсудить у жителей Вапассу, как они намерены отпраздновать новогодние праздники.

Это было, быть может, впервые, с тех пор, как религиозные войны заливали кровью христианский мир, что предводители различных сект признали, что Рождество, то есть день рождения Того, кого называют Мессией, единым праздником. И ничто не помешает людям после исполнения традиционных для них ритуалов, собраться вместе, устроить большой пир и обменяться подарками.

Она увидела, как Жоффрей проходит через переднюю, он торопится. Затем она услышала, как он произносит, ни к кому не обращаясь:

— Он скрылся у Лаймона Уайта!

Анжелика подошла к нему.

— О ком вы говорите?

Затем, увидев, что он выходит на улицу, она накинула на плечи шубу и последовала за ним. Это было время перед ужином, но ночь наступала рано. Было очень темно. Деревья раскачивались под ветром. Первый снег выпал сегодня после полудня и лежал тонким слоем.

Они отошли от форта, откуда доносились соблазнительные запахи вечерней трапезы. Два солдата-испанца шли следом, держа в руках фонари. Жоффрей де Пейрак объяснил причину своего беспокойства; она видела, что он озабочен и обеспокоен, что не был достаточно внимателен и позволил Дону Жуану Альваресу себя обмануть. Но ему следовало бы осведомиться о нем гораздо раньше, даже если капитан испанской стражи и запретил своим людям говорить что-либо. После их приезда все время он посвятил подготовке к зиме, обследованию зданий,

построенных летом, знакомству с новичками. Дона Альвареса он видел редко, и вот уже несколько дней совсем с ним не встречался. И вот наконец он узнал, и это стоило громадных усилий — вырвать признание у Хуана Карильо, который открывал рот три раза в год, — что испанский вельможа, болевший уже долгое время, почувствовал, что умирает и тайком отправился к англичанину Лаймону Уайту. Он хотел отойти в мир иной, никого не огорчив, а его гибелью многие в форте были бы опечалены.

Это была бы первая смерть в Вапассу.

Лаймон Уайт, один из четырех первых шахтеров, которые появились в Вапассу, занимал старое жилище, послужившее убежище семье де Пейрак в первую зиму. Когда же было решено устроиться более широко, англичанин предпочел остаться там, уважая свои привычки и будучи склонным к одиночеству. Он был немым, потому что пуритане из Бостона вырвали ему язык, как еретику.

Это был спокойный работающий человек, очень способный и обязательный. Он попросил разрешения продолжать разработку некоторых полезных ископаемых, которые могли бы послужить помощью в жизни форта. Кроме того, поскольку по профессии он был оружейником, он продолжал охотно свое занятие, оказывая услуги жителям Вапассу. Время от времени они приносили ему оружие, чтобы он его подправил, починил или почистил. У него были охотничьи и боевые ружья, мушкеты, аркебузы, пистолеты и даже арбалеты... так же как и шпаги без эфеса и рукоятки, очень ценимые индейцами и часто встречающиеся в домашнем хозяйстве колонистов.

Когда кто-то входил в его дом, то оказывался в настоящем арсенале. Кроме того Лаймон умел делать порох и пули.

Анжелике нравилось заходить в старый дом, их первое убежище, которое навевало воспоминания о времени, прожитом героически и счастливо.

Немой англичанин предоставил испанцу свою собственную кровать. Когда Анжелика увидела дон Альвареса, лежащего на подушках, похудевшего и пожелтевшего, ее охватило дурное предчувствие. Она тоже упрекнула себя, что уделила недостаточно внимания окружающим. В Вапассу было теперь слишком много народу, слишком много детей, за которыми нужно следить, слишком много болтунов, которых нужно выслушать, а те, кто предпочитали молчать и тихо испустить дух в чужом углу — не испытывали затруднения.

— Но почему?.. — сказала она ему, опустившись на колени у его изголовья. — Дорогой дон Альварес, вы не позволили никому ухаживать за вами! Вы не считаете себя вправе обратиться с просьбой к женщине, даже если эта просьба заключается в чашке отвара. И вот где вы оказались теперь...

Она протянула руку к груди больного, но он удержал ее. Это был жест человека, переносящего невообразимые страдания, и малейшее движение исторгало стон из его уст.

— Нет, мадам! Я знаю, что ваши руки — руки целительницы. Но уже слишком поздно.

Она почувствовала опухоль.

Жоффрей де Пейрак по-испански выразил дружеские упреки своему другу — капитану испанской стражи.

Пока они возвращались в форт, она угадывала в нем напряжение, глухую боль, которые передавались и ей. Сколько же лет находится рядом с ним эта группа испанских наемников? Где он их встретил? Какие битвы выиграли они вместе?

Граф спросил:

— Что вы думаете о его состоянии?

— Все пропало!

Она тут же добавила:

— Я его вылечу!..

* * *

«Она его вылечила!.. Она его вылечила!.. Кажется, что он поправился!»

Слух распространился, и никто не хотел этому верить. Потому что Анжелика каждый день, по нескольку раз, отправлялась в хижину к умирающему испанцу, держа в руках свою сумку с травами. Она мало об этом рассказывала, а общественное мнение утвердилось в мысли о неизлечимости болезни донна Хуана Альвареса. И мало-помалу установилось меланхолическое настроение, которое возникает над всеми актами жизни, когда люди ждут чьего-нибудь близкого конца.

Многие говорили, что Рождество будет грустным и траурным. В Рождество дон Хуан Альварес еще не смог участвовать в общем веселье, но принял одну за другой небольшие группы друзей, пришедших навестить его. Он сидел в большом кресле в форме тетраэдра, что составляло единственную меблировку дома англичанина, в котором он любил читать свою Библию.

Наградой Анжелике были счастливые искорки в глазах человека, к которому она была привязана. Жоффрей также был в восторге.

— Что за сокровище досталось мне! — воскричал он, приподнимая ее в своих объятиях, чтобы крепче прижать к себе.

Она замечала, что никогда не сказала бы «Я его вылечу», если бы не находила это возможным.

У нее были ее книги, все книги по медицине, которые она достала и колдовские талмуды Шаплей, которые она расшифровывала каждый день, добывая

рецепты и изучая их состав. Она часто вспоминала и то, чему ее научила колдунья Мелюзина.

В течение этих лет в Америке, она смогла, пользуясь спокойствием Вапассу, заняться изучением работ и опытов, за которые во Франции ей угрожали бы презрение и смертельная опасность. Там вовсю продолжалась охота на ведьм, а неумелые, но обученные в университетах юнцы занимали свое бесполезное место у изголовья больных.

Она проводила долгие часы в двух больших комнатах, где Жоффрей приказал расставить предметы из ее аптеки, которая уже могла соперничать с коллекциями самых знаменитых аббатов.

Пока испанец болел, она распорядилась принести в дом Лаймона Уайта целую кучу настоек и порошков. Так старый пост Вапассу превратился в фармакологическую лабораторию, размещенную в подвале. Это сыграет в дальнейшем свою роль.

Снег выпал, но бураны еще не начались. Испанца доставили в форт, где он должен был окончательно встать на ноги. Ему отвели апартаменты недалеко от де Пейраков, и дети часто наносили ему визиты. Он был крестным отцом Раймона-Роже, а еще один испанец крестил Глориандру. В Салеме, стоя на страже возле церкви, где должны были состояться крестины двух новорожденных умирающих близнецов, они были захвачены врасплох акушеркой-ирландкой, которая уговорила их стать кумовьями двум ее дочерям — крестным матерям детей. Не такое это уж простое дело найти двух католиков в городе, подобном Салему. Небо послало для этого двух испанцев.

Начали прокладывать траншеи и расчищать в снегу дороги при помощи брусков, сложенных треугольником, которые тащили лошади.

Иногда, перебираясь из дома в дом по таким дорогам, Анжелика брала с собой Шарля-Анри.

Он был похож на Иеремию Маниго, своего юного дядю, но глаза его были такие же темные, как у Дженни.

Однажды, когда они возвращались домой, Анжелика поймала себя на том, что усиленно думает об этом ребенке под хруст снега под ногами. У него никого не было. О нем все заботились, любили и баловали его, но он был ничей. Дженни никогда не вернется. И она передала его именно ей.

— Шарль-Анри, зови меня мамой.

— Как это делает Онорина и близнецы?

— Да, как Онорина и близнецы.

Глава 19

Благодаря письмам Флоримона, годы разлуки со старшими сыновьями не стали отмечены печатью тяжелого молчания, которое обычно устанавливается между теми, кто пересек океан и теми, кто остался.

Флоримон жил во Франции дольше, чем его брат. У него были воспоминания, которые его живой ум постоянно заставлял возрождаться. Он писал, что ходил на улицу Фран-Буржуа и навестил их старый дом, где в возрасте двух-трех лет жил со служанкой Баро, пока его мать держала «Таверну Красной Маски». Затем он навестил Давида Шайу и Жавотту, которые стали процветающими коммерсантами и по-прежнему пили шоколад, несмотря на новую моду на чай.

Она знала, что в данный момент ее сыновья находятся в прекрасном состоянии здоровья.

Находясь на службе у короля, что требовало каждодневного присутствия в Версале, братья и их компания должны были найти себе жилье непосредственно возле дворца.

Не без труда они нашли в деревушке Шеснэ, специально построенный маленький домик для дворян из окружения короля.

Они жили там довольно весело, но не без стеснения, как казалось, до тех пор пока господин Кантор «не смысля», найдя другое жилье, устроенное при помощи двух нежных ручек, более просторное, с предоставлением стола и всего остального...

По поводу «любовных интрижек» Кантора Флоримон больше ничего не сообщал.

Но по крайней мере он объяснял загадочную фразу из предыдущего письма: «Я нашел золотое платье». Случай представил ему возможность найти одну из сестер Анжелики.

Их тетка, мадам Гортензия Фалло была, по его словам, единственной женщиной Парижа, да и всего королевства, которой новая модная прическа «а ля Сейетт» была к лицу.

У Флоримона был дар расточать комплименты, которые позволяли ему пользоваться всеобщим расположением. Он появился вместе с Кантором в доме их тетки, которая жила в квартале Марэ, известном хорошей репутацией своих обитателей. Анжелика думала, что ее сестра не особенно похорошела с годами. Но Гортензия понравилась племянникам, с которыми охотно поделилась воспоминаниями детства, затем рассказала о годах, которые они вместе с Анжеликой провели в замке Монтелу.

«Я очень ревновала из-за нее, — призналась она. — Я хотела, чтобы она «исчезла». Увы! Она исчезла, а потом исчезла снова. И я очень сожалела о ней, несмотря на все неприятности, которые она мне доставила».

Вот как она рассказала о золотом платье.

— «Она оставила у меня, вместе с другими своими вещами, золотое платье, которое было на ней во время свадьбы и на представлении королю. У нас не хватило духу избавиться от него или продать, даже когда мы

оказались в почти полной нищете из-за процесса, связанного с ее супругом».

Тетя Гортензия отвела их на чердак и показала золотое платье, хранящееся в сундуке.

— «Я жду, чтобы ваша мать вернулась за этим платьем. Но, увы, оно уже вышло из моды».

* * *

Так прошлое и будущее смешались в письмах Флоримона, дошедших в форт на другом конце мира, привнесших аромат старых квартир Парижа.

В Вапассу в домах не были настланы полы, но в квартирах постелили ковры и расклеили обои, что придавало элегантность жилищам и спасало от сквозняков.

В следующем году Анжелика планировала съездить к Джобу Симону и привезти ему картину, изображающую трех ее сыновей и написанную ее братом Гонтраном, чтобы Симон, как опытный резчик по дереву, изготовил золоченую рамку, достойную этого шедевра.

Она любила картины на стенах, зеркала, ценные безделушки, доставленные из Европы и Новой Англии. Эти предметы не только составляли украшение ее жилья, но и защищали и отгораживали ее от холодного ветра и снега. Каждый изгнанник привозил с собой вещи, будь то картина, драгоценность, книга, которые были олицетворением прежней жизни. Их хранили и берегли, словно ветку, которая должна дать жизнь новому дереву, потому что они составляли часть украшения быта, зачастую бедного, разрушаемого постоянными преследованиями и погонями, быта, который напоминал о детстве и о родине.

Сама она считала себя закаленной и ставшей суровее из-за испытаний, выпавших на ее долю во Франции. Однако она с нежностью перечитывала письма сына и мысленно возвращалась в квартал Марэ.

Вот новости, которые ее развлекали, персонажи из прошлого, которые были давно знакомы, с которыми были разделены многие тяготы, с которыми связывались надежды на будущее.

Юноша сожалел, что не может по причине определенных обстоятельств приехать к отцу и матери и обратиться к ним за советом, в котором часто нуждался.

Эти двое, бросившие вызов опасностям, предательству и разного рода мерзостям, присущим роду человеческому, научили его (или передали со своей кровью) твердости, уверенности и ясности взгляда на трудности жизни, благородству и всем способностям, присущим людям, научившимся многому на своих ошибках.

Флоримон, взяв на себя поручения короля, выполнял их добросовестно. У него было чувство ответственности за вверенные ему дела. И он охотно их выполнял, делая даже больше, чем требовалось.

Она поняла, что на службе у короля, ее сын считал своим долгом быть безгранично ему преданным. Людовик XIV искусно владел ремеслом правителя и внушал подданным чувство самоотречения.

Флоримон писал:

«О, дорогая матушка, я так нуждаюсь в вашем совете, ведь вы столько знаете о сложностях жизни при дворе...»

Он, вероятно, колебался, когда писал слово «сложности». Он тщательно его подобрал, чтобы не вызвать подозрений у шпионов, если они перехватят его письмо.

Отвечая ему, она также должна была следить за пером и быть осторожной.

«Я знаю обо всех опасностях, которые могут подстергать возле этой толпы придворных...»

Но составляя письмо, она чувствовала себя спокойно. Она не волновалась за них с тех пор, как они оказались при дворе. У них было достаточно сил противостоять интригам, как они противостояли волнам в гроте Арк-ан-Съель, крича: «Посмотрите, посмотрите, матушка, как это просто!..»

Она чувствовала себя рядом с ними, несмотря на расстояние.

«Когда-нибудь, может быть... я вернусь...»

Но несмотря на притягательность улиц Парижа и величие Версаля, она плохо представляла себе появление на другом берегу океана.

Она была так счастлива во время этих мирных дней. Столько важных дел удалось ей совершить. Были эти двое близнецов. Жоффрей мог наблюдать за тем, как они растут.

Были дела, которым они могли посвятить себя, посвятить всю свою свободу.

Сейчас, когда ее любовь была в безопасности, когда она была рядом с мужем, ее существование было освящено его присутствием, жизнь в Вапассу была окутана плотной завесой счастья. Это изменило ее внутреннее видение.

Сейчас связь ее и ее семьи не могла быть нарушена.

Она закрывала глаза и мысленно встречалась с ними, не особенно беспокоясь, так как верила, что они устоят перед испытаниями.

О! Она без сомнения заплатила бы дорого, чтобы узнать, что имел в виду Флоримон, говоря о «любовных интрижках Кантора», или увидеть, как юный ответственный за удовольствия короля открывает бал на ночном празднике, или как на берегах Сен-Лорана под заснеженной крышей конгрегации Нотр-Дам маленькая Онорина пишет, старательно выводя: «И.М.Ж.», — «Иисус Мария Жозеф» наверху странички.

Ее взгляд уносился за пределы окна, пока сердце ее было далеко, вместе с детьми.

Она угадывала их, жила их жизнью с опасностями и удовольствиями, и это лучшее, что могло с ними произойти.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ФЛОРИМОН В ПАРИЖЕ

Глава 20

Одним солнечным зимним утром, которое радостным светом заливало фасады домов в районе моста Нотр-Дам на Сене, Флоримон де Пейрак находился на третьем этаже одного из них, в скромной комнатке, обставленной согласно вкусов буржуа. Никому не пришло бы в голову искать его здесь, где он имел разговор с полицейским высокого чина, господином Франсуа Дегрэ, «правой рукой» одно из самых важных чиновников королевства, лейтенанта гражданской и криминальной полиции, господина де Ля Рейни, который назначил ему в этом месте тайное свидание.

— Благодарю вас, господин де Пейрак, — говорил Франсуа Дегрэ, — за ваши многочисленные отчеты, что вы посылали мне. Добавив к ним наши собственные, собранные с большим трудом сведения, ибо у нас гораздо меньше возможностей приблизиться к тем, кого мы хотим разоблачить, мы сможем вскоре представить рапорт Его Величеству. Там будут изложены конкретные факты и обвинения, которые, как ни жаль, станут тяжелым известием для него. Но ему придется взглянуть в лицо реальности. В самом деле, он не устает повторять, что настаивает, чтобы на преступления, виновники которых, по его мнению, находятся возле него, и слухи о которых широко разносятся в народе, был пролит свет. Он питает иллюзию, что с торжеством правды двор будет освобожден от всяческих подозрений и скандальных поводов. Он надеется, что правосудие, внимательное к

мелочам и беспристрастное, присоединившееся к расследованиям полиции в равной степени беспристрастным и скрупулезным, откроет, что его подозрения были слишком преувеличены, и удовольствуется наказанием нескольких лиц, виновных в незначительных проступках.

Но нет. Быть может, размеры катастрофы его потрясут, но мы сможем представить ему элементы дела, которые заставят его разрешить открытие публичного суда. Сделать это необходимо как можно раньше.

Вот почему я не стану от вас скрывать, что очень рассчитываю на свидетельство вашего брата Кантора, которого хотел бы видеть сегодня. Его показания для меня бесценны, так как он единственный среди нас, кто знал, видел, близко общался с одной из наиболее опасных отравительниц нашего века. Я говорю о подруге некой маркизы де Бринвилье, которую я имел счастье арестовать и препроводить на эшафот несколько лет назад. Но другая ускользнула у меня из-под носа и скрылась в Америке.

Ваш брат видел ее там и сможет информировать меня о ней. Это будет одно из имен, которые не играют большой роли для монарха, но которые отлично послужат как экран, на котором возникнут другие, более громкие.

— Мой брат поглощен своими любовными приключениями, — ответил Флоримон с отеческим видом, — и если для меня эти галантные истории не имеют никакого веса, то для него-то, напротив, имеют. К тому же, должен вам сказать, что по натуре он не болтун, и вы ничего из него не вытянете, если ему взбредет в голову заупрямиться...

— Посмотрим, посмотрим... — сказал Дегрэ с легкой улыбкой. — Не забудьте, что я вас еще на коленях качал!

— Ладно! — согласился Флоримон с притворным вздохом. — Постараюсь вырвать его из теплой постели, что не так-то просто. Я доставлю вам его под личным эскортом.

Флоримон стремительно вышел, и Франсуа Дегрэ поднялся из-за письменного стола и подошел к окну, за которым виднелась Сена.

Потом взгляд его перенесся на черно-белые плиты пола. Машинально он погрузился в воспоминания.

— Те времена... — пробормотал он мечтательно.

Его пальцы повернули ключик от ящика. Письмо всегда было там. Он осторожно его взял, потому что бумага по краям истерлась, развернул и нежно поднес к лицу.

Содержание он знал наизусть.

«Дегрэ, мой друг Дегрэ, я пишу вам из далекой страны. Вы знаете откуда. Вы должны знать или по крайней мере догадываться. Вы всегда все обо мне знали...»

Когда он брал письмо в руки, то он не собирался его перечитывать. Целью его было почувствовать ее, все, что ее представляло: бумагу, почерк, мысль, что она держала перо, выводящее строчки, что ее нежные тонкие пальчики складывали лист, еще хранящий аромат ее духов.

Жест, с которым он подносил к губам ее послание, был для него священным, и он скорее бы погиб на колесе, чем открыл бы его кому-нибудь. Он не мог ни сопротивляться ему, ни обойтись без него.

В течение многих лет, когда он боролся с преступлениями, он замечал, что огромное количество высокородных людей предаются им с непонятным простодушием и бессознательностью, словно общество вновь вернулось во времена языческих убийств. Но поскольку такое утверждение было бы ложным, то оставалось принять идею заразы сатанинским

безумием, бессознательного ослепления сердец, умов, душ, словно эпидемия сделала их незрячими и невосприимчивыми по отношению к границам нормального, существующим между ужасом и благом.

Как всякая эпидемия, этот бред существовал строго определенное время. Дегрэ был из тех, кто должен был знать это, не позволить распространиться, но был не в силах уничтожить.

Кроме того, его ужасало нечто вроде мистического возбуждения, особенно среди женщин, с которым некоторые злодеи погружались во зло и умывали руки в крови.

«Итак, этим вечером в Париже, этом мрачном городе у меня есть только это письмо.

Я узнал женщину, которая была способна вонзить свой кинжал в сердце монстра, но лишь с целью спасти свое дитя, и в этом вся женская сущность, ибо женщина должна быть способной убить во имя своего ребенка.

...Те, чьими делами я занимаюсь сейчас, кого я смог арестовать благодаря этому письму, кто теперь сидит на этом стуле во время допросов, были бы скорее способны ударить кинжалом в сердце собственного ребенка, и иногда они так и поступают, если это облегчает им путь к Дьяволу и его адской власти. Из-за этого они кажутся мне холодными, словно овеянными ледяным дыханием смерти, как красивы они ни были бы. Когда горечь во время подобных допросов становится нестерпимой, я подхожу к столу, открываю ящик и смотрю на письмо, всегда лежащее в нем, или... я смотрю на Сену через окно... и тихонько повторяю: Маркиза Ангелов! Маркиза Ангелов... Волшебство действует! Я знаю, что ты существуешь... и, может быть, вернешься?..

Где-то вдали от этого мира сверкает огонек... Это она.

Однажды ночью, в далеком Новом Свете, который видится мне суровым, мрачным, ледяным, наполненным тысячью незнакомых криков, она написала эти слова для меня. На корабле, я думаю, что это было на корабле, она вывела строки:

«Дегрэ, друг мой Дегрэ, вот что я вам скажу...»

И только оттого, что я перечитываю его, я испытываю головокружение, которое охватило меня в первый же момент, когда я понял, что она написала мне, она обращалась ко мне.

...Вкус ее губ на моих никогда не забудется... Ее бурные поцелуи, которые облагородили губы недостойного полицейского, который беспрестанно оскорбляет подозреваемых, чтобы заставить их признаться. Ее взгляд, устремленный на одного меня, окутывающий меня светом, музыкой ее голоса, разносящегося в воздухе: «Прощайте, прощайте, мой друг Дегрэ...»

Вот что позволило мне сохранить человеческий облик...»

* * *

Кто-то стучался в калитку.

Один из лучников, который стоял на страже его дома, известил о приходе нового посетителя.

Тот вошел немного спустя, в сопровождении стража, и Дегрэ, узнав его, адресовал ему широкую и сердечную улыбку.

— Приветствую вас, господин де Баргань. Присаживайтесь.

Последний, не ответив на приглашение, продолжал стоять, даже не сняв шляпы.

Он осмотрелся и внезапно сказал:

— Не правда ли, юноша, который только что вышел от вас — это Флоримон де Пейрак?

— Да, действительно.

Николя де Баргань побледнел, покраснел и пробормотал:

— Бог мой! «Они» что, в Париже?!

— Нет, пока еще нет. Но их старшие сыновья находятся при короле вот уже три года...

— Три года! — повторил собеседник — Уже столько времени...

Затем, очень холодно и по-прежнему не снимая шляпы, он объявил, что первый раз находится в столице после прибытия из Канады, и что он выполняет то, что обещал сделать в данных обстоятельствах: найти господина Франсуа Дегрэ и проинформировать его в том, что он думает по поводу его поведения. Он долгое время провел над размышлениями над непорядочностью и коварством его действий. Он, Николя де Баргань, думал, что поскольку Франсуа Дегрэ рекомендовал его королю в качестве посланца с миссией в Новую Францию, то он ценил его опыт и таланты, тогда как Дегрэ знал уже тогда прекрасно, скажем, что он прекрасно догадывался, кто встретит его там и о роли, которую сыграла эта персона в его жизни. Не зная ничего о прошлом вышеназванной персоны, он написал королю рапорт, который навсегда принизил его в глазах Его Величества. И это было еще более мучительно, потому что в течение этой трудной зимы в Квебеке, зимы, которая заперла его и лишила всякого сообщения с внешним миром, он, в ожидании почты, поздравлял себя с тем, что был опытен и компетентен. Он думал, что поступил, как можно лучше, и был похож на дурака, на простака, да он им и был!

Дегрэ слушал его, руки за спиной, лицо непроницаемо.

— Так вы жалеете, что прожили эту долгую зиму в Квебеке?

— Н-нет.

— Ну так на что вы жалуетесь?

— А разве не унижительно стать жертвой такого обмана? Она-то сразу же поняла сущность вашей махинации, поняла, что вы уготовили мне роль марионетки. Она все время знала, что я выставлен на посмешище.

— Она пожалела вас?

Николя де Баргань покраснел и опустил глаза, избегая острого взгляда полицейского.

— Да! Она пожалела меня, — признал он прерывающимся голосом.

Он не знал, видя лишь квадратную спину Дегрэ, который внезапно отвернулся к окну, какое выражение лица будет сейчас у его собеседника.

Он увидел, что плечи его затряслись и что он повернулся с лицом, на котором играла широчайшая улыбка.

— Так я и думал! Ха! Ха! Ха!.. Чего ожидать еще от такой лояльной и достойной женщины. Она на все способна. На все, чтобы противостоять несправедливости, чтобы утешить наивное сердце, несправедливо и гадко раненое ищейкой. Дорогой, вы неблагодарны, что сердитесь на меня, ведь вы обязаны мне таким утешением.

Он потирал руки.

— Ха! Ха! Сколько раз она говорила себе, видя как я вас одурачил: «Ну уж этот Дегрэ! Что за мошенник!» Посмотрите, я радуюсь этому, мне приятно, что она ругает меня!..

Его смех внезапно прекратился и они остались в тишине.

— Она вернется? — пробормотал наконец Баргань.

— Король надеется на это... Но поймите, месье. Вы... Я... Король... Нам достанутся только крохи... Ну и ладно... Это и так прекрасно... Это делает незабываемыми наши встречи. Подумайте же, чем

одарила нас судьба. Когда-нибудь, проезжая через вашу провинцию, в сопровождении (или нет) человека, которого обожают, проезжая, говорю я вам, через ваш Берри в Аквитанию она или они остановятся в вашем замке... Вы увидите ее за вашим столом... Вы покажете ей сады, деревню, и может быть, кто знает? — очаровательную жену и счастливых детей...

Готовы ли вы жить спокойно и ждать осуществления вашей мечты?

А я?.. Я, опасный мошенник, который заставляет трепетать злодея, продавшего себя ради преступления, и высокородного господина, оплатившего это преступление. Я, который пачкаю руки, разбираясь в интригах отвратительных людей, губы которых умеют только лгать, сердце которых сделано из камня, я, который очищаю Париж и двор, преследую негодяев и колдуний, отравителей и убийц, что сохраняет нетронутой мою душу в неблагодарной и часто опасной работе? Мысль, что однажды она вернется к нам, не рискуя жизнью. Я надеюсь, что она, увидев меня в толпе почитателей, адресует мне свою улыбку, короткий взгляд... и не нужно мне другой награды.

Вот истинные секреты мужчин. Те, которыми они дорожат. Те, что радуют их и освещают их путь ярким светом... Это надежда на встречу, пусть мимолетную, пусть мучительную, которая позволит им повторять всю оставшуюся жизнь: «По крайней мере один раз и я любил».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. КАНТОР В ВЕРСАЛЕ

Глава 21

Маркиза де Шольн играла в пике с господами де Сугрэ, де Шавиньи и д'Оремас, когда из глубины галереи возникла фигурка юного пажа, одетого в белое, который незаметно подошел к игрокам. Они не были особенно увлечены игрой, но не обратили внимания на юношу, который стоял позади них в полной

неподвижности. — Кто вас прислал, господин де Пейрак, — внезапно спросил встревоженный Сугрэ.

Он узнал пажа. Это был один из двоих братьев, прибывших то ли из Гаскони, то ли из Новой Франции...

С самого начала они с успехом расположились в окружении короля, и старшего очень быстро назначили Ответственным за Удовольствия Короля, что было очень почетным, но трудновыполнимым титулом.

— Мы задали вам вопрос, юноша, — продолжал де Сугрэ, которому несколько льстило знакомство с братьями, пользующимися милостями монарха.

Несмотря на юный возраст, они, казалось повидали мир, и разбирались в том, что происходило в Версале.

Мадам де Шольн, которая до этого времени была занята плохими картами, доставшимися ей, что грозило проигрышем, не обратила внимания на происходящее. Затем она подняла глаза и была поражена двумя вещами: он был потрясающе красив и смотрел только на нее.

Мадам де Шольн из-за своей изящной фигуры, прелестного бюста, ни слишком маленького, ни слишком большого, нежного цвета лица, тонкой, но не хрупкой кожи и роскошных светло-пепельных волос считалась женщиной, которой вечно будет тридцать лет, и которая уж во всяком случае не будет старше сорока.

Однако, несмотря на то, что она была моложе маркизы де Монтеспан, она чувствовала, что время коснулось ее в большей степени, чем маркизы. Та, в счастье материнства, продолжала потрясать двор своим темпераментом, пылом горячей крови и телом в зените красоты и цветения.

Для мадам де Шольн сознание возраста было делом сугубо внутренним и деликатным. Себе по этому поводу она не лгала. Она знала, что ничего в ней не говорило о старости, и что, напротив, многие завидовали ее юному

виду. Некоторые даже принимали ее за одну из благородных девиц, только что вышедших из монастыря, или прибывших ко двору из провинции, чтобы там обучиться служить Их Величеству, перенять хорошие манеры и правила, приличествующие девушкам их ранга. Когда же ошибка раскрывалась, она смеялась и вспоминала как приехала ко двору в возрасте четырнадцати лет и впервые показала в Лувре под покровительством госпожи де Марэ.

В то время молодые девушки учились танцевать с королем, который был в их возрасте.

Мадам де Шольн была олицетворением ловкости. Более двадцати лет при дворе научили ее всем тонкостям и хитростям, свойственным персонам из свиты короля.

Фрейлина королевы, она умела показывать ей свою преданность, не раздражая монарха, и выполняла свои обязанности без излишнего подхалимажа. Ее видели повсюду, что, однако не мешало ей иногда удаляться в свою квартиру на улице Резервуар, недалеко от дворца. Это происходило из-за усталости, или по причине любовного приключения, или просто из-за ее прихоти. Она знала, что ее уединения играют самую положительную роль, что никто не осмелится ее упрекнуть, потому что она не заслуживает упрека; все были уверены в том, что все что она делает — прекрасно и только на пользу тем, кому она служит. Она была истинной придворной дамой. Такт, сдержанная любезность, любовь к танцам и прогулкам и готовность составить компанию в карточной игре — вот каковы были ее качества.

Она прекрасно играла, выигрывала со скромностью, проигрывала с изяществом, и никогда не имела карточных долгов.

Привыкнув к тому, что она постоянно находится среди других дам — таких же фрейлин, и что у нее

наиболее независимый вид в Версале, все уже забыли, была ли она вдовой, или ее муж был жив, — но в таком случае, где он жил? — На своих землях?.. Служил в армии?.. Или, быть может, при дворе?..

Вот какова была женщина, которая этим утром, подняв глаза от карт, заметила юного пажа, уставившегося на нее. Его глаза блестели, словно изумруды.

По непонятной причине, может быть из-за отблесков зеркал или оконных стекол, его лицо и весь он казались воплощением света, словно он не был сделан из плоти и крови. Она заметила это, в то время как глубокое молчание установилось и сгустилось до такой степени, что присутствующие почувствовали себя в глупом положении.

Она услышала свой голос, который раздавался словно издали:

— Ну и ну!.. Что с вами, мессир?.. Я прошу вас, расскажите нам о вашем деле!..

— Дело в том, мадам, что вы мне неопишимо нравитесь.

Важность, с которой это было сказано, немного смягчила дерзость заявления.

Мадам де Шольн призвала все свои светские способности на выручку, потому что чувствовала себя обескураженной.

— Что... что вы этим хотите сказать?..

— Что я был бы счастливейшим из людей, если бы вы, мадам, приняли бы меня в своей спальне!..

— Вы сошли с ума!

— У вас, мадам, так мало уважения к своим достоинствам, что вы не можете понять мои чувства и, находя их опасными, расцениваете как оскорбление?

— Да отдаете ли вы себе отчет в вашем возрасте? — бросила она ему.

Она испугалась, потому что чуть было не сказала «В моем возрасте».

— Мой возраст? Так это он, мадам, толкает меня к вам. Неопытность, свойственная ему, причиняет мне больше затруднений, чем моя потребность любить приносит мне выгоды. Мало зная любовь, и никогда не имея дел с дамой вашего ранга, вашей красоты и вашей недосыгаемости, я решил, что вижу перед собой божественное создание.

Маркизе не хватало слов. Она пробормотала:

— Ваши... ваши затруднения... Ваши притязания превышают то, на что вы можете рассчитывать... Я посоветую вам подождать... У вас на губах еще молоко не обсохло, а вы осмеливаетесь...

— Подождать!.. Мадам, вы что, из тех красавиц, которые заставляют любовников ждать по пять-десять лет, чтобы испытать искренность их чувств и постоянство их намерений?!.. Это вам не идет. Я в это не верю. Ибо слухи, которые может и не очень для вас приятны, но которые еще более увлекли меня вашим образом, говорят, что вы совсем не такая жестокая, и готовы принести свою жертву на алтарь Венеры, когда того хочет жертвователь!..

— Докажите это, наглец! — вскричала мадам де Шольн, сопровождая свои слова резким смехом.

Оглядываясь, она искала поддержки у своих партнеров по игре. Но они не пришли ей на помощь. Застыв с картами в руках, опустив к ним глаза, они представляли собой олицетворение бесчувственности. Живость и пикантность диалога не оставляли им времени подсчитывать удары.

Мадам де Шольн не обратила внимания, что по щекам ее текут слезы, прочерчивая серебристые полосы на бархатной пудре. Ее занимал разговор, вызвавший у нее тревогу, и бесило молчание друзей.

— Вы заслуживаете того, чтобы я вас наказала.

— Вы очень меня обижаете, мадам. Где и когда?

— У меня, на улице Резервуар. После трапезы с королевой.

— Я там буду.

Столько высокомерия и ледяной снисходительности в простом паже ужасало и привлекало ее.

Она захотела выйти из боя победительницей.

— Итак, вы собираетесь придти? И вы собираетесь принести мне в дар свежесть ваших щек, твердость ваших губ и... продемонстрировать мне вашу силу, еще такую нерастраченную?

— А вы, мадам, что предложите мне вы, в обмен?

Она вышла из себя:

— Искусство любви, если уж вы так этого добиваетесь!.. Красавчик-паж. Или этого вам мало?..

И не желая, да и не в силах, продолжать дальше, дрожа, непонятно от какого бешенства, она схватила перчатки и веер, щелкнувший как хлыст, и гордо удалилась.

Игроки пришли в себя. Они испытывали чувство человека, который только что проснулся и не может осмыслить дурацкий сон.

Привычка не оставлять ни одно событие без внимания и комментария вынудила их сказать несколько слов, несмотря на замешательство.

— А малыш-то дерзок! — сказал д'Ореманс. — Его дело сделано.

— Что за дело! — проворчал де Шавиньи, пожав плечами. — Он богаче ее, и всем известно, что он и его братец пользуются особой милостью короля.

— Ну?.. И что на него нашло?

— Что на них нашло?

— Особенно на нее.

— Нет! На него!..

— Нет! На нее!..

* * *

Возвратившись к себе, маркиза переполошила слуг, раздав им тысячи противоречащих поручений, приказав им в то же время срочно убраться вон. Она не желала никого видеть. Она не знала, чего ждет и чего хочет. Не имея детей, она их не любила. Но из-за отсутствия их она лишила себя привилегий, свойственных матерям, особенно, если они производят на свет наследника. Особенно, и, быть может, по этой причине, ей не нравились молодые люди, они вызывали у нее необъяснимый гнев. Она ненавидела их ломающийся голос, их манеры маленьких мужчин, которые овладевают властью. Этот будет постарше. Ему можно дать шестнадцать или семнадцать лет. Но по части дерзости он многим даст фору.

Мало-помалу она приготовилась к тому, чтобы, когда он появится, отчитать его и захлопнуть перед ним дверь, а если он станет настаивать, то тогда... тогда она убежит, или будет защищаться...

Придет ли он? Если нет, то она чувствовала, что поведет себя непредсказуемо, она будет способна разбить любимые безделушки, разрезать картины и даже новый пеньюар лионского шелка...

Но если он придет... При этой мысли она испытывала ужас.

И когда она увидела его перед собой, то ей показалось, что он затеял этот маскарад и спектакль, с единственной целью — убить ее ударом кинжала без свидетелей.

Ее чувства отразились на ее лице, потому что после минутного молчания он удивленно сказал:

— Мадам, какой страх вас мучает?.. При мне моя шпага. Если вам кто-нибудь угрожает, укажите его мне, я готов защитить вас.

— Да, правда, я боюсь.

— Кого вы боитесь?

— Вас... Я не понимаю, чего вы хотите.

Он застыл в изумлении, затем улыбка заиграла на его губах. Он несколькими шагами пересек пространство, которое их разделяло, и, встав на колени, обняв ее, приник лицом к ее груди. Она попыталась освободиться, но он держал крепко, с неожиданной страстью.

— Мадам, чего вам страшиться во мне? Я всего лишь молодой человек, который не знает тонкостей любви. Ваш образ вдохновил мое доверие, хоть и вызвал мучения и тревоги, а ваша красота дает мне дерзкое основание желать вас. Остальное — в ваших руках. Говорите, я все исполню. Учите меня, и я усвою урок. Я предоставляю себя на ваше распоряжение.

Она подняла его.

Ее пальцы дрожали, пока она расстегивала одну за другой пуговицы его камзола, а затем длинного жилета из шелка. Она раздела его как ребенка. Она до спазма в горле боялась, что он поведет себя холодно, это будет знаком трусости, разочарования и, кто знает? — может быть отвращения перед знаками возраста, которые прочтет на ее теле... Но он был нежен и внимателен, готовый к выполнению ее малейших прихотей, стоило ей только дать знак.

Она же научилась произносить слова нежной мольбы, которые до этого времени никогда не срывались с ее губ.

— «Еще... Остаься ненадолго!.. Еще раз!..»

Это были просьбы, которым он отвечал не только со страстью, но и с благодарностью.

Так, поддерживаемая очевидными и бесспорными свидетельствами вкуса и необходимости, которые он не уставал проявлять перед ней, мадам де Шольн успокоилась. К тому же, он никогда не скрывал свои мысли. Он был простым ребенком.

Дрожащая от страха разочаровать его, но горящая от любопытства узнать все о нем, она спрашивала его

проводя пальцем по его лбу, поправляя кудрявую прядь...

— Где ты?.. О ком ты думаешь?..

Она смотрела на его неповторимую красоту, когда он, опершись о подушки и положив руку на колено, чтобы придержать кружевное одеяло говорил ей:

— Я думаю о нем. Он так далеко... И он так одинок. Это маленькое лесное создание. Его считают диким, с душой, данной дьяволом. (А она тем временем ласкала его гладкую грудь, которая блестела как мрамор среди игры света и тени в алькове.) Но это не так. Он наделен человеческим разумом, и гораздо более добр, чем люди, которые его гонят. Да, некоторые из этих созданий дики и недоброжелательны, потому что привыкли защищаться, разрушать ловушки и делать невыносимой жизнь тем, кто их терзает... Но мой был воспитан рядом с человеком...

Она наконец поняла, что речь идет о каком-то диком животном, неизвестном во Франции, но распространенном в Америке, откуда он только что вернулся.

— Они пугают, потому что природа наделила их черной маской вокруг глаз, что делает их похожими на бандитов и с каждого угла челюсти торчит по острому длинному клыку, словно как у вампиров. Но если бы вы знали, мадам, как трогательна их душа, — он стал словоохотливым, рассказывая ей об этом странном животном, покрытом шерстью, которого сам вырастил, и который следовал за ним как собака... или домашний кот... — Он думает обо мне... Однажды мы забудем друг друга, но я знаю, что он все еще думает обо мне, несмотря на жизненную силу леса, которая владеет им. И если он меня не забывает, это значит, что между нами еще не все кончено. Иногда я чувствую, что он зовет меня. Это не крик о помощи, он не боится ничего. Это —

связь, вы понимаете?.. Он связан со мной... Мадам, что вы об этом думаете? Что у нас общего с ним?

Мадам де Шольн приложила усилие, чтобы найти ответ, дать правильный совет, и это усилие привело ее к воспоминаниям о детстве, когда много раз, в башне отцовского замка она разговаривала со старой совой.

Но, внезапно, его лицо озарила улыбка, его уже мучили угрызения совести.

— Милый друг, вот пример неуклюжей попытки привлечь внимание прелестной придворной дамы.

— Все, что исходит от вас, мой дорогой, это великолепно. Я люблю вашу непосредственность, а вы возвращаете мне мою.

— Так проверим же это! — воскликнул он, обнимая ее и покрывая ее изысканными поцелуями.

В его руках, слегка покрытых светлыми волосками, она чувствовала, что забывается, почти теряет голову.

Ей нравилось, что его внешней наивностью скрывается глубокий ум, что в нем столько чувственности, несмотря на кажущуюся невинность. Она не уставала себя спрашивать, а знала ли она до этого настоящее удовольствие, наслаждение?

Однажды она узнала через камеристку, что он всегда улыбался только ей.

— Даже в присутствии короля, мадам, и несмотря на знаки внимания, которые Его Величество оказывал ему, этот молодой господин не веселился. Это мне сказал ваш кучер, а тот узнал об этом от камердинера короля, господина Бонтана.

— Итак... ты говоришь, что только одна я способна вырвать у него улыбку?..

— Этого не может даже король, говорю я вам! Даже я не могу, хотя я пробовала. Только вы, мадам. Это оттого, что у него пристрастие к вам, что вы ему нравитесь. Я не вижу других причин.

— Действительно. Ты уверена? — сомневалась мадам де Шольн, ожидая приговора девушки.

Она находила ее довольно милой и изящной и взяла на службу, чтобы она не потратила жизнь на то, чтобы носить ведра на ферме.

— Вы заслуживаете это, мадам, — сказала она с очаровательной улыбкой. — Вы это заслуживаете, поверьте мне. Вы так красивы и так добры.

— «Сладострастие пожирает ее», — уверял господин де Марэ, настоящий придворный по духу и по рождению — он был рожден в тайне в кулуарах Лувра одной из фрейлин Анны Австрийской, в день большой церемонии, на которой должны были присутствовать все придворные дамы. Вельможа знал все обо всех, так что можно было подумать, что каждый или каждая поверяли ему самые сокровенные тайны. Однако, это было далеко не так. Наоборот, зная, что он угадывал по взгляду малейший секрет, люди избегали его, если им было что скрывать. Но напрасно. Можно было подумать, что он прячет в каждом углу любого алькова по шпиону.

Мадам де Скюдери, выражаясь более элегантно языком, который начал выходить из моды после того, как его высмеял королевский комедиант Жан-Батист-Поклен, говорила: «Она заблудилась в лесу Страсти, чтобы отдохнуть в гроте Забытья, который стоит на пути ко дворцу Секретных возвышенностей», что было несколько запутанно, но прекрасно передавало реальность.

* * *

Это были дни и месяцы безумств без границ. Для мадам де Шольн жизнь замкнулась на часах возбужденного ожидания, в которых смешивались беспокойство, надежды и жгучие страдания. Затем наступало время, когда он приходил и требовал все новых и новых знаний, требовал незамедлительного

начала уроков, которым отдавался с радостной и пылкой страстью.

Она находила в нем самую утонченную красоту, очарование и прелесть. Она называла его «мое лакомство». Она не знала ни одного его недостатка.

Она не удерживала его после занятий любовью, когда он хотел ополоснуться. Его запах возбуждал ее сильнее, чем все самые изысканные благовония.

Она говорила ему: Пей! Ешь!

Она сама наливала ему вина, смотрела как он пьет, как блестят его зубы сквозь хрусталь, она смотрела, как он, не поправляя белья, соскользнувшего с его обнаженного плеча, выбирает персик, такой же нежный, как и его щека, и надкусывает его с аппетитом и желанием наслаждения.

И последней каплей в океане ее обожания стало открытие, что этот юный принц, слишком достойный, слишком красивый, который имел над ней полную власть и одним нечаянным словом мог причинить ей нечеловеческие муки, этот мальчик был добр.

Она была опьянена, она почти бредила.

Она купалась в счастье, не решаясь признать, что это — счастье.

Это было больше, чем счастье.

Идея исповедаться в новой страсти, как это она делала раньше и получала прощение, не привлекала ее на этот раз.

Наоборот, ее страсть была так сильна, что много раз, проснувшись среди ночи и глядя при свете ночника на это тело, невинное и сильное, на эти губы, которые она целовала тихонько, чтобы не разбудить, она спрашивала себя со смирением и удивлением, а также с благодарностью к небу: чем она заслужила этот божий дар?

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ОНОРИНА В МОНРЕАЛЕ

Глава 22

Онорина помогала матушке Буржуа изготавливать свечи. Настоятельница из Конгрегации Нотр-Дам часто занималась этой работой. Она любила вспоминать, что была дочерью хозяина свечной лавки в Труайя. Ей всегда помогала какая-нибудь ученица, что было для ребенка счастьем и наградой. Это был и ловкий педагогический ход — возможность доверительно и подружески поговорить с детьми, которые были доверены пансиону.

На этот раз была очередь Онорины де Пейрак. Она подвешивала хлопчатобумажные фитили, вокруг которых монахиня топила воск в специальной формочке.

Онорина, погруженная в работу, вспомнила, что в форте Вапассу также производили свечи.

Она помогала матери готовить растения для отвара.

Маргарита Буржуа спрашивала и слушала ее с интересом. Приключения этих европейцев, которые приехали строить жизнь в глубине самого недоступного района Северной Америки, в котором не жили даже индейцы, напомнили ей опасностью предприятия, верой в успех — историю с основанием городка Виль-Мари. С другой стороны, уже не в первый раз она спрашивала ребенка о впечатлениях, как казалось — самых приятных, о краях, где, судя по всему, она была счастлива.

— Я не хочу возвращаться в Вапассу, — сказала внезапно Онорина.

Матушка Буржуа волновалась до тех пор, пока Онорина не открыла ей причину такого высказывания.

— Я не вижу старика на скале в горах, а другие его видят. Это несправедливо. Я думала, что когда человеку даны глаза, чтобы видеть, он видит все.

— Увы, нет! Это было бы слишком много для каждого. Глаза души выбирают то, что им необходимо, чтобы открыть мир вашей жизни. Мы не можем

получать все подарки одновременно. Будьте терпеливы. Когда-нибудь этот дар будет у вас.

Онорина любила манеру, с которой директриса говорила ей «вы», словно она была большой, взрослой персоной, когда речь шла о важных вещах. В повседневных вопросах ее называли на «ты».

Проникшись доверием, она поделилась своими огорчениями, но как всегда это было не то, чего ожидала монахиня, не было проявлений ревности по отношению к маленьким брату и сестре, не было ни малейшего намека на эгоизм.

Но вот старшие братья ее оставили, и это ее ранило, особенно, что касалось Кантора.

Даже его медведь Ланселот бросил ее. Она не нашла его, когда возвратилась из Квебека. «Они» отпустили его в лес. Она хотела убедиться, что он (по крайней мере она могла бы сказать себе, что он спит) этой зимой находится в убежище, в берлоге.

Но волки! Волки! Кто же теперь будет разговаривать с ними, если ни Кантора, ни ее нет поблизости?

— Мы можем делать только малую часть того, что касается других, — объяснила матушка Буржуа, затрудняясь как-либо ответить на этот тревожный взгляд.

И она стала рассказывать обо всех детях, которых научила читать, которых окружила заботой, и которые теперь, став большими, подвергались большим опасностям у дикарей-язычников или на реке, а она не могла больше им помогать, несмотря на то, что по-прежнему их любила.

— Но мы можем всегда помогать издалека, любя.

— Да, как любовники, — сказала Онорина с понимающим видом.

Матушка Буржуа взглянула на нее с любопытством, затем улыбнулась, вспомнив послание, которое писала

госпоже де Пейрак.

— Да, как любовники, — повторила она. — Такая любовь не боится ничего и может все, ибо она берет начало в любви Бога, и у нее нет иной заботы, кроме жажды быть любимым. Она делает невозможное возможным. И вот так мы и можем помочь тем, кто находится вдали от нас...

— Даже волкам?..

— Даже волкам. Святой Франциск Ассизский это говорил.

Поскольку эти вопросы были улажены, то казалось, что Онорина утешилась.

После того, как она рассказала о нескольких персонажах из Вапассу, она описала близнецов и была охвачена ностальгией.

— Я хотела бы их увидеть, — простонала она. — Они такие забавные. Они не говорят, но все понимают. Вы отпустите меня летом в Вапассу? Я хочу добраться туда через лес.

— Через лес?.. Но это безумие!

— Почему? Я переоденусь в мальчика и буду послушно сидеть в каноэ...

— Это край, полный опасностей. Мне говорили, что дороги исчезают, реки плохо проходимы. Самым сильным людям стоит большого труда их пересечь.

— Но плавание — это слишком долго. Я знаю, я видела карты моего отца и Флоримона.

«Что у нее за новая идея? — подумала директриса. Что заставило ее решить добираться через лес, словно индейцы!»

— Летом, — продолжала она громче, — ваши родители приедут к вам, и прибудут они на корабле. Для всех нас их приезд станет таким радостным событием! Но вам нужно постараться и сделать побольше успехов в письме.

Они начали вытаскивать из формочек уже остывшие свечи, и Онорина принялась их (формочки) начищать, соскребая остатки воска маленьким ножичком.

— Вам нравится учиться читать и писать? — спросила матушка Буржуа, которая достаточно знала маленькую пансионерку, чтобы быть уверенной в искренности ее ответов.

— Я для этого приехала, — ответила малышка, не прерывая работу.

Анжелика предупредила наставницу, что Онорина сама решила приехать в Монреаль, и той было интересно получить этому подтверждение из уст самого ребенка, который, может быть, и не помнил об этом, или поступил так из прихоти. Или, и вокруг этого замыкался круг забот воспитательницы, по причине обиды или ревности, которые она проявляла мало-помалу. Эти чувства были детскими, но важными для ее внутреннего спокойствия и такие подчас непредвиденные, что самые внимательные и добрые люди могли бы быть их виновниками.

Она упрекнула себя в том, что таким образом сформулировала вопрос, но иногда «стоило солгать ради торжества правды».

— Вы не сожалеете, что ваши родители отправили вас так далеко, чтобы научиться читать и писать? Ведь Монреаль еще дальше, чем Квебек.

Онорина прервала работу и пристально посмотрела на директрису. В ее взгляде был оттенок суровости, но суровости смягченной. Это было похоже на улыбку. И Маргарита Буржуа думала, что нет ничего лучше и ничто так не волнует, как взгляд ребенка, открывающего вам свою душу с трогательной доверительностью и прелестной невинностью.

— Я сама захотела приехать сюда, — ответила наконец Онорина тоном, который значил: будто бы вы сами не знаете. Я увидела вас в Тадуссакке и также в

соборе, когда пели «Те Деум», и мне всегда нравилось свечение вокруг вашей головы.

Монахиня даже вздрогнула, услышав такой неожиданный ответ.

— Милая девочка, это правда, что ты не похожа на других детей. Ты должна признать и не противиться этому, и не сердиться на других людей, которые тебя никогда не поймут. Ибо ты видишь вещи не такими, какими их видят остальные.

— Но мне не нравится свет вокруг головы матери Деламар, — продолжила Онорина старательно собирая остатки белого воска. — Если вы уедете, матушка Буржуа, то я тоже здесь не останусь.

— Но дитя мое, я не собираюсь уезжать.

— Не бросайте меня, если даже вам прикажет мать Деламар. Она не похожа на вас и не любит меня.

«Это правда», — подумала директриса.

Она торопливо перекрестила лоб Онорины и сказала, что нужно молиться. Она задумчиво приглаживала ее длинные волосы цвета меди, и ее жест был похож на благословение.

Затем она вернулась к практическим вопросам.

— Дитя мое, скоро начнется лето. Тебе будет тяжело с такими длинными волосами. Но ты не хочешь обстричь их. Если я тебе подкорочу их до плеч, может тебе будет удобнее?

— Матушка не хочет. Она так сердится, когда кто-нибудь трогает мои волосы.

Она рассказала как однажды захотела сделать себе прическу «а ля ирокез», и какие неприятности за этим последовали.

Рассказ очень позабавил Маргариту Буржуа. Она смеялась с такой искренней и юношеской веселостью, что Онорина, вдохновленная своим успехом и тем, что она сумела развлечь наставницу, которую считала

немного суровой, радостно побежала в сад — играть в мяч со сверстниками.

В этой игре часто принимали участие дети ирокезов миссии Канавак. Их приняли в Конгрегацию Нотр-Дам, потому что их семьи часто приезжали в Монреаль — делать покупки, торговать или еще по каким-нибудь делам.

Группа индейцев-христиан несколько раз меняла места поселения, потому что, разместившись в первый раз около озера Гурон, она стала объектом нападений их соплеменников-язычников, и пришлось их переместить поближе к Монреалю, под защиту французских фортов и городов.

Теперь они располагались на правом берегу Сен-Лорана, напротив Ля Шины, в местечке Канавак.

Двадцать лет назад они жили рядом с городом Кентаке-ля-Прери, и всего там было пять хижин. Через четыре года они перебрались на речку на границе с дикарями, иезуиты считали, что их соседство с французами пагубно влияет на их веру.

Матушка Буржуа говорила, что индейцы ирокезы, ставшие христианами, являлись примером для всех. Несмотря на массовые убийства, которым подвергались их поселения, они чувствовали себя ответственными за спасение своих братьев-язычников и поддерживали дружеские отношения с семьями европейцев. Они спокойно перенесли то, что их считали народом без территории и без корней, потому что в действительности они не считали себя оторванными от людей Длинного Дома, которые жили в священной долине, где сажают маис, фасоль, и где под благодатным солнцем цветут подсолнухи.

Онорина сожалела, что не видела, как они прибывают в Нотр-Дам, вооруженные и раскрашенные традиционными военными узорами, но, услышав рассказ матушки Буржуа, она полюбила встречаться и

общаться с ирокезами. Ей нравилось разговаривать с ними, узнавать их язык, беседовать с Тагонтагетом — великим вождем сенеков и Уттাকে-Богом туч.

Они звали ее Розовая туча.

Среди женщин, которые сопровождали детей и проводили некоторое время с Виль-Мари, была молодая индианка, с которой Онорина любила играть, петь и молиться. Ее глаза излучали свет любви, а традиционная жемчужная повязка делала ее кудрявую черноволосую головку еще прелестнее.

Звали ее Катрин. Ее изгнали из племени моговков или аньеров, потому что она хотела жить идеалами христианства и быть крещеной, как ее мать. Вся семья Катрин погибла во время эпидемии оспы, а она одна выжила.

Сирота, оставленная на попечение дяди, который с ней плохо обращался, она с удовольствием покинула его. Она лучилась счастьем, от того, что обрела свою судьбу, что находилась рядом с церквями и часовнями, где обитал Бог любви, которого она избрала всем сердцем. Ее соплеменники добавили к ее христианскому имени Катрин, более легкое для их произношения — Текаквита, что обладало двойным смыслом и означало «попирающая препятствия» и свидетельствовало о ее воле сопротивляться испытаниям, которые в избытке выпали на ее долю. Также ее индейское прозвище означало «шагающая наощупь, чтобы не натолкнуться на препятствия», ибо оспа, поразившая ее в четыре года, сделала ее наполовину слепой.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ДУРАК И ЗОЛОТОЙ ПОЯС

Глава 23

Они прибыли накануне в Тидмагуш на восточном берегу. Им объявили, что рейд занят рыбацкими лодками и кораблями, а также судами, отплывающими в Европу, или прибывающими оттуда. Они бросили якорь

южнее, в бухте напротив острова Сен-Жан и высадились на берег в сопровождении членов экипажа, которые несли на головах, на спинах, на плечах мешки и сумки для краткого привала.

Место было не особенно освоенное, если не считать немногочисленных портовых построек, складов и барачков, где жили рыбаки из Сен-Мало и Бретани, которые «снимали пески» каждый год.

Старый дом, построенный Николя Пари, служил убежищем графу де Пейрак и его жене, когда они приезжали на несколько дней.

Город еще пока не расширили и не сделали уютнее.

Каждый раз граф обещал себе распорядится насчет работ, но не было человека, который мог бы руководить: Старый Джоб Симон был занят своей лавкой и мастерской, а зять Николя Пари вовсе не обладал качествами, необходимыми для начала стройки и надзора за ней во время их отсутствия.

Тидмагуш таким образом был пока всего лишь перевалочным пунктом.

Анжелика никогда не приезжала туда охотно, хотя испытывала возбуждение, помня насыщенные дни, требующие решений и усиленных раздумий, которые она провела в борьбе с Дьяволицей и которые были связаны с этим заброшенным уголком. Эпизоды того времени всплывали в ее памяти, когда до ее ноздрей доносился запах приготавливаемой рыбы, смешанный с ароматом нагретого летним солнцем леса.

Тидмагуш находился на пол-пути между Квебеком и Голдсборо. Следовательно он вызывал у Анжелики несмотря на все, чувство радостного нетерпения при мысли о встрече с друзьями из Квебека, с Онориной, которую они очень хотели невестить в Монреале, с семьей брата, или при мысли о возвращении на свои южные земли.

По всем этим причинам Анжелика хотела задержаться здесь не дольше, чем на двадцать четыре часа. Но это был пункт пересечения маршрутов многих людей, и у Жоффрея возникло там много дел.

В этом году близнецы совершили путешествие из Кеннебека в Вапассу. Встал вопрос о том, чтобы взять их с собой в Новую Францию. Но этот переезд, короткий для взрослых, был слишком длинным для младенцев и грозил разными неприятностями их здоровью. Поэтому решено было оставить их в Голдсборо, где они испытывали силу своей власти на Абигаэль, взявшей их под присмотр.

* * *

Оставив господина Тиссо и его помощников наводить порядок в доме, на котором уже водрузили герб с серебряным щитом на голубом фоне, Анжелика вышла и огляделась. Она слушала смешанный шум, смутно доносящийся до ее ушей: разговоры рыбаков, приготавливающих сети, плеск весел и крики моряков, которым надо было набрать пресной воды в источнике или продать пойманную рыбу — ей казалось, что она слышит мир призраков.

И, что было сильнее ее, она не могла не думать о другой женщине, с ее эксцентрическими платьями, фигурой, изящной словно статуэтка из Тангары, с невинной улыбкой и огромными волнующими глазами. Она словно была создана для царствования в этом королевстве, лишенном всех благ, править народом одиноким, наивным или жестоким, невинным словно дети или коварным как демоны, народом, которого необходимость выжить обязывала ловить треску, жить на песках этой проклятой земли.

В прошлом году, по возвращении из путешествия в Новую Францию; находясь под впечатлением потрясений, которые были вызваны приключениями Дельфины де Розуа и разговором с лейтенантом

полицейскому Гарро д'Антремоном, она попыталась прогнать из головы мысли о неприятном, отвлечься и дать последним событиям уложиться в ее мозг. Сегодня же, в этом путешествии вместе с Жоффреем, она чувствовала себя как нельзя лучше.

Ее ждали письма. Первое от мадам де Меркувиль, сообщало, что Дельфина де Розуа ждет ребенка, который должен родиться в конце августа, такой срок сделает возможным посещение подруги в этот радостный миг, — подсчитала Анжелика. Другое письмо было от Маргариты Буржуа, помеченное июнем, оно сообщало подробно и обстоятельно обо всех новостях Онорины. К посланию был приложен листочек, исписанный крупными буквами: «Моя дорогая мама, мой дорогой папа...» Больше ничего не было, эти слова заполнили лист, но это первое подтверждение хорошего самочувствия и любезного характера Онорины, а также первый опыт письма, наполнили их сердца живой радостью.

* * *

Жужжание насекомых в воздухе отмечало разгар лета.

Анжелика устремилась по тропинке и пошла через высокие травы, почти полностью скошенные или сожженные солнцем. В первый раз она решилась на это, и с тех пор, когда они приехали в Тидмагуш, она избегала смотреть в сторону леса.

Она нашла могилу.

Насколько она могла помнить, будучи вынужденной тогда присутствовать на похоронах, это было здесь.

Несмотря на пышную растительность, крест еще виднелся, наполовину скрытый большим муравейником.

Никто не ухаживал за могилой в течение всех этих лет. После того, как ее засыпали свежей землей, Жоффрей велел положить сверху тяжелую плиту и наказал бретонскому рыбаку, который в своих краях

был резчиком по камню, высечь без эпитафии имя и фамилию богатой, высокородной и достойной жалости герцогини, трагически погибшей на одном из необжитых берегов Нового Света.

Бретонец добросовестно выполнил работу. Ему было трудно уместить имя Амбруазина и фамилию де Модрибур на надгробном камне, так что к концу строки буквы сплющивались. Ему удалось еще изобразить небольшой крест и дату смерти, поскольку дату рождения не знал никто.

«Если верить дуэнье Петронилье Дамур, она была старше меня, — вспомнила Анжелика. — Но ей всегда давали меньше. Еще одна, познавшая секрет вечной юности. Но при помощи Мефистофеля!»

Если подумать, так ли уж она была красива и молода? Какова природа ее очарования, которое исходило от ее персоны и «пускало пыль в глаза» окружающим?

Анжелика наклонилась, чтобы прочесть надпись, которая как кружево вилась по каменной плоскости. Она потерла ее, развела листья растений в разные стороны, и вот уже ее пальчик скользил, нащупывая слова: «Здесь покоится дама Амбруазина де Модрибур».

Она выпрямилась и отступила на несколько шагов, чтобы взглянуть на могилу издалека. Она не испытывала в этот момент ни малейшего укола страха или предчувствия, что случилось всегда при упоминании имени этой женщины.

Кто покоится здесь? Она, тело, бранные останки Дьяволицы, адский ум которой был разоблачен отцом иезуитом Жаном-Полем Мареше де Вернон, или несчастная девушка, преданная своей хозяйке, Генриетта Майотен, восторженная, готовая на все ради той, кого она обожествляла. А ее «благодетели» страшно обманули ее, принесли в жертву и убили... Может так.

Когда гроб со страшными останками опускали в могилу, Анжелика не стала приближаться к мертвому телу, потому что была на грани нервного срыва. Она узнала только оборки запачканной юбки желто-голубого цвета, она всегда носила наряды необычной расцветки.

Но Марселина из великодушия захотела проявить некоторую заботу об этом бездыханном теле, по крайней мере обернуть его тканью, пока оно еще не оказалось в земле. Она рассказала о том, что видела:

— Мешанина мяса и костей... словно ее били молотком... Никто не поддержал ее мнения, правда она немногим его сообщила. Все придерживались версии, что здесь поработали волки и рысь.

«А волосы, Марселина?.. Какие были волосы?.. Длинные?.. Черные?..»

Они, конечно, были испачканы в крови и вырваны целыми прядками... Но все-таки надо будет еще раз поговорить с Марселиной.

Она снова села возле могилы.

В жужжании насекомых, в спокойствии леса, было что-то печальное и тревожное. Но она удивилась, потому что здесь она не испытывала своей всегдашней тревоги, нападающей на нее в Тидмагуше. Полевые цветы, растущие как придется, окружали ее, оберегали от ветра, который покачивал их головки, так что поле было похоже на поверхность моря. Белые аквилегии, маленькие сиреневые астры с желтым сердечком, розовый люпин спешивались с травами, а вьюнок уже начал опутывать крест своими нежными лианами.

«Ее здесь нет! Если бы она была здесь... цветы не выросли бы», — сказала себе Анжелика.

Затем она поднялась и удалилась, после того как у нее хватило мужества перекреститься, повторяя себе, что ее мнение на счет цветов было ребячеством, потому

что природа всегда смеется над подобного рода нюансами.

И даже если предположить, что из-за своей ловкости или власти над Николая Пари или еще над кем-либо из мужчин, герцогиня де Модрибур сумела спастись, то Анжелике больше не представлялось, что она столь же опасна, как и раньше.

Эта борьба, эти испытания, эти битвы не могут возобновиться в похожих условиях и с теми же персонажами, ибо и одни и другие уже изменились.

Что касается прошлого, она признавала, что не так уж плохо сражалась, но сегодня ее было бы не так-то просто выбить из колеи странными взглядами, улыбками и мимикой. Потом она с содроганием вспомнила об огоньках в глазах Амбруазины, которые часто блестели сквозь ее черные зрачки и которые не могли принадлежать человеку. Глазами женщины иногда глядел демон. Перед подобной встречей с духом тьмы никакое создание не сможет похвастать тем, что не боится. Даже самые сильные застывали, парализованные этим взглядом, словно кролики перед удавом.

«Моя кульпа! Моя вина! — говорила она себе. — Если я допустила некоторый просчет в этом деле, так это то, что я сразу не почувствовала, что это — адское создание. Сделав такое заявление, я не обижусь».

«Такими вещами не шутят, — говорил маркиз де Виль д'Аврэ, хоть он и был легкомысленным. — Я узнаю почерк Сатаны в ее письмах. Дорогая, не прикасайтесь к ним!»

Он попросил проанализировать подпись мадам де Модрибур иезуита Жанрусса, и тот подтвердил это.

Маркиз очень серьезно относился к опасностям оккультизма, которые исходили от нее, хотя с маркизой он был неизменно любезен, галантен, не переставал

осыпать ее комплиментами и изображал простачка, что служило лучшей защитой.

«Двадцать четыре легиона, дорогое мое дитя, это очень серьезно!.. Да, я получил несколько уроков по демонологии», — небрежно замечал он, изящно кладя в рот драже из бонбоньерки...

Прожив рядом с ним страшные дни в Тидмагуше, она смогла заметить, что он был очень силен в разного рода науках.

И вот, стоило ей с нежностью вспомнить о нем, как он возник перед ее глазами. Он по-прежнему размеренно шагал, помахивая тросточкой с рукояткой из слоновой кости, был по-королевски элегантен в башмаках красными каблуками и в расшитом цветами жилете.

Заметив ее, он остановился. Она снова увидела его радостную улыбку.

— Анжелика! — вскричал он. — Вы здесь? А я и не знал!

Придя в себя, она уставилась на него, не веря глазам.

— Господин де Виль д'Аврэ! Я думала, что вы во Франции!

— Я приехал повидаться с Марселиной, — сказал он, словно речь шла о простом визите вежливости.

— Вы переплыли океан, чтобы повидаться с Марселиной?..

— Она заслуживает это, — ответил он гордо. — И я привез ей сына.

— Как шли дела «дьявола на четырех ногах» — Керубина?

— Довольно хорошо. Он превратился в настоящего светского льва, если верить словам его отца.

— И почти не забудьте, что я по-прежнему губернатор Акадии. Вы думаете, что я намерен позволить братьям Дефур и остальным мошенникам

набивать карманы деньгами в мое отсутствие, да так, чтобы они не думали возвращать мне дивиденды? Я, конечно, не имею в виду господина де Пейрак. Его банкир в Париже всегда мне исправно платит. Однако, придав восточному берегу статус экстерриториальной земли, он мог бы найти повод воспользоваться им получше. Старый Пари никогда меня особенно не радовал. А теперь он мертв... Во Франции и на подстилке из соломы!.. Хорошенькое дельце! Его зять известил меня об этом. Это все значит, что я не особенно жалуюсь на мои дела.

— Вы собираетесь ехать в Квебек?

— Квебек! Даже вопроса не возникало. Там слишком хилоидут дела. Однако, я работаю над своими планами. Представьте себе: вчера я был в Шедиаке и собирался отправиться в Шинекту, где оставил Керубина, когда вдруг я узнал, что господин де Фронтенак собирается приехать на отдых в Тидмагуш. Я предпочел явиться сюда и ждать его, чем пускаться в плаванье по заливу навстречу ему, где можно заблудиться среди островов.

— Господин де Фронтенак сейчас находится на пути к восточному берегу?.. Мне никто об этом не говорил.

— Это знаю только я... У меня шпионы, и очень преданные... Заметьте, если господин де Пейрак приехал с вами, то он тоже незамедлительно будет предупрежден. Господин де Фронтенак прибывает на «Королеве Анне», адмиральском судне в сопровождении «Неукротимого» и «Храброго». Хороший эскорт, посланный самим королем. Но я решил его дождаться. Для путешественника нет ничего лучше, чем вдруг оказаться в хорошей компании. К тому же, я убежден, что господин де Фронтенак оценит присутствие верного друга, каким я всегда для него был.

— Он собирается во Францию?

Виль д'Авре покачал головой, прикрыв глаза.

— По приказу короля.

Оглянувшись, он продолжал:

— Это очень плохо для него. Его враги-иезуиты сыграли в этом не последнюю роль.

— Это так неожиданно! Но в чем можно упрекнуть губернатора Фронтенака?

— Интрига — это оружие, которое особенно заботится о тонкостях! И наверняка... я об этом знаю один... ибо он еще не поставлен и в известность... он даже не догадывается... но вам я скажу... в общем, перед отъездом я узнал, что его собираются отозвать из правительства Новой Франции... Но тсс! Настанет время и все станет известно. Если он еще не знает, надо его предупредить.

— Вы не преувеличиваете?..

Анжелика была ошеломлена. Прежде всего, ей было трудно привыкнуть к разговорам с людьми, считающими путешествия через океан простыми прогулками.

В Канаде было два типа людей, очень отличающихся друг от друга. Были те, кто без колебания пересекал океан, чтобы обсудить в метрополии ход дел, не обращая внимания на бури, пиратов и морскую болезнь. Другие же предпочитали умереть, лишь бы не вступить на борт корабля. Не решаясь с уверенностью сказать, Анжелика склонна была причислить себя скорее ко второй группе, чем к первой.

Тревоги их первого путешествия превратились в ее восприятии в ощущения непреодолимых расстояний и вечной разлуки.

Услышав об отправлении де Фронтенака во Францию, она не могла отделаться от мысли, что по приезде в конце осени из Квебека, он словно догадывался о катастрофе.

— Ну кто может желать зла такому превосходному губернатору? Вы, который вращаетесь при дворе...

— О! Так мало! — сказал маркиз с жестом сожаления. — Вы знаете, что Его Величество меня не любит. Когда я появился в Версале, после стольких лет отсутствия, король, чья память великолепна, сморщил лоб при виде меня. Однако, я имел на руках козырь, и тотчас же заговорил о вас. С тех пор он терпит меня, но никогда не бывает особенно любезен. Хотя ему понравилось то, что я рассказал, потому что случайно упомянув о вашем искусстве и вкусе, связанными с растениями, ароматическими и медицинскими веществами, он приказал, как вы и хотели, устроить травяной сад господину Ле Нотр, в личном огороде. А! Вы не забыли, дорогая Анжелика! Я видел ваших сыновей. Я расскажу вам о них. Их очень любят. Я слышал краем уха, что мадам де Кастель-Моржа находится в расцвете красоты!..

Он слегка подмигнул ей, но она была так озабочена, что не задумалась о смысле этого жеста.

* * *

На берегу они встретили графа де Пейрака, которому докладывали о прибытии кораблей королевского флота, следующих из Квебека, на борту которых, по слухам, находился губернатор де Фронтенак.

Виль д'Аврэ был прав. Он наслаждался удивлением, которое вызвало его появление, и более того — доказательствами того, что он знал обо всех новостях задолго до других.

Тогда как вдалеке показались белые паруса и позолоченные мачты линейных кораблей, Жоффрей задал маркизу тот же вопрос, что и Анжелика.

— Кому может придти в голову вредить господину де Фронтенаку?

— К сожалению, я не знаю их имен! Я нахожусь немного в стороне от слухов, не желая быть на виду... Свой человек в министерстве Морских перевозок сообщил мне о прощении, который Николя Пари, предыдущий владелец восточного берега, по возвращении из Америки подал королю, когда сообщал ему о ходе дел в Новом Свете; он таким образом надеялся выхлопотать себе вознаграждение или пенсию. Но сейчас он мертв, что, естественно, делает его попытки бесполезными и бессмысленными.

Все это может повернуться против вас, господин де Пейрак. Защищайтесь, если зять Пари начнет проявлять свои притязания из-за этого прощения.

С берега, полностью занятого толпой, они наблюдали приближение кораблей. Рейд Тидмагуша, привыкший к более скромным эскадрам, еще не видел столь большого количества блестящих гостей.

Виль д'Аврэ концом трости указал Анжелике на корабль, самый маленький, но украшенный скульптурами и позолоченный, который поднял якорь и грациозно маневрировал, пока остальные громоздкие суда занимали места на рейде.

— Это мой корабль... Вы помните? Тот, который господин де Пейрак подарил мне, чтобы компенсировать потерю моей бедной «Асмодеи», украденной бандитами.

Анжелике показалось, что она различила лицо очень красивой сирены с длинными волосами и соблазнительным бюстом, которая располагалась на носу корабля.

Но корабль перемещался, и вскоре Анжелика увидела украшения кормы. Это были резные гирлянды из фруктов и цветов, в середине которых располагалось название — имя морской птицы.

— Афродита!..

— К счастью вы обещали господину Сен-Шамону не называть судно языческим именем типа «Асмодея», — сказала Анжелика, смеясь.

Затем она рассмеялась еще громче, увидев картину, представляющую Афродиту, рождающуюся из морской пены, и как и подобает — очень красивую, обнаженную, черты которой могли вызвать у посвященных определенные воспоминания.

— Вам, однако, удалось воплотить в жизнь один из ваших самых экстравагантных капризов.

— У меня возникло много трудностей, но я нашел художника. Не правда ли, похоже? — сказал он, польщенный. — Вас все узнают. Картина господина Патюреля на его «Сердце Марии» по сравнению с этой ничего не стоит.

— Не кажется ли вам, что вы путаете жанры и символы? вспомните, что это судно до того, как попало к вам, принадлежало сообщникам мадам де Модрибур и составляло часть флота, целью которого было изгнать нас и уничтожить.

— Прекрасно!.. Это лучшая протекция, чтобы разрушить корабль, нежели поставить его под эгиду богини Красоты и Анжелики, которая, впрочем, и есть эта Богиня! Я всегда вижу вас излучающую свет и наделенную шармом, которым вы обладаете помимо вашей воли, и который делает вас неуязвимой, и каждый раз, когда кто-то думает, что вы его потеряли или по крайней мере потеряли некоторую его часть, вы предстаёте еще более соблазнительной и обворожительной. Как это вам удастся? Я думаю о короле. Я скажу ему об этом. Ибо он ждет вас, но я чувствую, что он опасается момента, когда после стольких лет вашего отсутствия и мечтаний, вы вновь предстанете перед ним. Я смогу, с самым изысканным тактом, его обнадежить.

— Не вмешивайтесь в это.

— О, Анжелика, как вы со мной суровы!

Глава 24

После маневров шлюпки причалили, и губернатор Фронтенак, в сопровождении экипажа в униформе Королевского флота широким шагом приближался к графу де Пейрак и его жене. — Я счастлив видеть вас обоих до того, как продолжу путешествие. Быть может, это безумие, но я думаю, что вы меня поддержите. Я принял решение отправиться во Францию и поговорить с королем. Я не думаю, что он меня не одобрит. Речь идет только о пути туда — обратно. Но нам необходимо поговорить конфиденциально. Ибо здесь есть люди, которые мне вредят.

Анжелика посмотрела в сторону де Виль д'Аврэ. После того, что она от него услышала, она поняла, что господин Фронтенак начинает попадать в немилость короля. Интересно, по-прежнему ли маркиз был лжецом, и не возросла ли его способность сочинять слухи, особенно если речь шла о делах сильных мира сего?

Он ответил на ее немой вопрос тем, что поднял глаза к небу с жалостливым видом.

Затем, обращаясь к де Фронтенаку, словно речь шла о тяжело больном, он сказал ему:

— Вместе мы со всем справимся. Все чудесно устроится.

— Смотрите-ка, и вы здесь?.. — пробормотал Фронтенак, узнав его. — Не очень хороший момент вы выбрали для возвращения. Квебек невыносим!

— У меня нет ни малейшего намерения ехать в Квебек...

* * *

Фронтенак был очень весел, хотя и сожалел, что из-за этого внезапного путешествия, пришлось отказаться от поездки к берегам озера Онтарио, в Форт-Фронтенак. Там он должен был встретиться с ирокезами и

удостовериться в том, что топор войны по-прежнему закопан.

Тщательно взвесив все за и против, — говорил он, — он принял решение воспользоваться летом и удобной навигацией, чтобы разобраться в неприятностях.

Его супруга, которая была при дворе в Версале, «шепнула ему на ухо» о положении дел.

Говоря о ней, он обращался к Анжелике.

— Несмотря на серьезную семейную ссору, согласитесь, что присутствие при дворе моей жены, Анны де ля Гранж — это счастливый случай. Ибо она никогда не сомневается, когда речь заходит об интересах Канады, и мешает интригам, которые затеваются перед королем против меня.

— На этот раз она дала понять, что не может открыть источник зла, но что все это достаточно серьезно. Мадмуазель де Монпансье, ее закадычная подруга, и, как вам известно, заядлая интриганка, раскрыла какое-то злодеяние. Я должен приехать. Отметьте, что я не знаю, не преувеличивают ли эти дамы моего влияния. Я слишком злоупотреблял семейными связями, которые объединяли меня с Бурбонами. Мой отец был соратником Его Величества Людовика Тринадцатого. По привычке я считал короля своим кузеном, и не особенно пресмыкался перед ним. Но я не могу разочаровывать графиню, которая считает, что я всегда с наибольшим уважением относился к ее мнению. Мне нечего терять. В Квебеке дела идут все хуже и хуже.

Он показал письмо епископа, копию которого раздобыл один из его шпионов, который обрушивался на него и обвинял в том, что форт Катаракун был основан единственно с целью тайного обогащения путем торговли мехами.

— Даже епископ меня предал, хотя я всегда защищал его перед иезуитами. Карлон тоже

«выстрелил мне в спину»...

— Интендант?! А мы думали, что он впал в немилость.

— Так оно и есть, но он от этого не стал мне меньше мешать. Его цель — поддержать родственника, который заправляет законами в Монреале, и которого я хотел арестовать. Он думает, что если повредит мне, то это послужит ему на пользу. Он обольщается... человек, который должен заменить его, уже в пути... Но Карлон спокойно ждет его, потому что ему сказали, что это всего лишь временно, пока он будет во Франции отчитываться по счетам.

Я, по крайней мере, еду, не передав своих полномочий кому-либо. Мой секретарь выполнит все текущие дела. Это очень затруднит нового интенданта. Кажется, ему приказали...

— Кто приказал?

— Вот в этом-то и нужно разобраться. Даже господин де Вандри, который доставил мне письма от короля с первым же кораблем, не в курсе!.. По крайней мере он ничего не скрывает.

— Король таким образом не может незамедлительно осуществлять свои намерения в колониях.

— Значит, его нужно предупредить... И вот почему я еду во Францию. Но речь идет только о визите к королю.

Он озабоченно вздохнул...

— Еще один удар иезуитов, — проворчал он. — Призыв отца де Мобег, который славится своей медлительностью, и поддерживает своих грабителей с Великих Озер, придав им облик церковников, положил конец умеренности.

Чтобы наиболее конфиденциально беседовать, он приблизился к группе, образованной Жоффреем де Пейраком, Анжеликой и Виль д'Аврэ, которых окружали офицеры флота де Пейрака и которые заслуживали

доверия, будучи с графом еще в салонах замка Сен-Луи: Барсемпюи, Юрвилль, Ле Куеннек и другие.

Предоставив экипажи Королевского флота, их юным лейтенантам и разодетым кадетам встряхивать платочками, чтобы заглушить запахи рассола, масла и тресковой печени, которые усиливались от жары, а бретонские рыбаки, которые солили рыбу, и никогда не видели такого блестящего общества, столпились вокруг в своих грязных робах, в кожаных передниках с рыбьей чешуей, он вполголоса продолжал:

— Вы представить себе не можете, что творится в Квебеке. Это напоминает события в тот год, когда случилось великое землетрясение, или перед вашим приездом, когда этот д'Оржеваль желал править всем и вся, и это ему удавалось, хотя он прикидывался тихим и уравновешенным. Никто не чувствовал себя хозяином ни на своей территории, ни в своей хижине, ни в своем дворце, это относится даже к губернатору. Я облегченно вздохнул, когда узнал о его конце, хоть его и объявили Святым мучеником. Лучшего исхода я и не представлял. Говорю вам честно.

Как бы то ни было, живой или мертвый, он всегда приносил мне хлопоты. О его словах помнят, и хотят весь мир увлечь на путь войны, чтобы отдать дань его памяти.

Когда я уезжал из Квебека, разнесся слух, что боевые лодки из галерной эскадры подошли к городу. Я сам их не видел, но вы знаете, что каждый раз при таких разговорах народ сильно возбуждается. В этом видят знак общественного бедствия или послания от тех, которые должны напомнить жителям об их высоком предназначении. И вот, на этот раз он своего добился, и он сам там был!

— Кто?

— Д'Оржеваль. Они его увидели и узнали, как меня уверяют. В компании первых святых, иезуитов и лесных

бродяг. Сумасшедшие! Я хотел отправить конную стражу против банды обезумевших от ярости людей, которые собирались отправиться на Орлеанский остров, чтобы повесить Гильметту де Монтсарра-Беар, госпожу, которую обвинили в колдовстве.

Нужно, чтобы я объяснил королю суть конфликтов, с которыми я столкнулся на другом конце мира, и сказал о вреде, который иезуиты наносят интересам монархии в Новом Свете, играя с сознанием людей.

Жоффрей де Пейрак положил тяжелую руку на плечо своего друга-гасконца.

— Мой дорогой друг, вы проделали долгий путь в несколько дней. Солнце сейчас в зените. Если мы и дальше будем оставаться на этом берегу, то скоро растаем, как тресковая печень. Я советую вам пойти освежиться на борт корабля.

Сегодня вечером я приглашаю вас на ужин и мы сможем поговорить обо всем этом не в свое удовольствие и начать строить план действий.

Его голос и жесты, похоже, успокоили де Фронтенака. Он снова улыбался.

Граф де Пейрак подошел к господину де Ля Вандри и офицерам его штаба, и пригласил их выпить кофе в тени их скромного колониального жилища, сложенного из бревен, а фундамент был каменный для подвалов и склада пороха.

Эта светская любезность не помешает им принять позже Фронтенака. Выпив прекрасный напиток и прогулявшись с хозяином в атмосфере настоящего пекла, они возвратились на свои корабли, довольные, что смогут там подышать свежим морским воздухом, в то время как господин Тиссо, метрдотель, уже готовил большой зал форта для достойного приема губернатора Новой Франции.

Зять Николя Пари был человеком грубым и неразговорчивым, ему было около тридцати лет. Он

родился в Сен-Пьер-дю-Ка-Бретон в те времена, когда там было около четырех домиков колонистов и часовня. Теперь все это исчезло. Теперь там заправляли люди ловкие и с коммерческой жилкой. Нашествие судов и матросов из Старого Света встряхнуло маленьких колонистов Академии, медлительных по натуре.

Но когда они сражались и имели возможность вставить свое слово, они защищались с яростным пылом.

Старик действительно подал прошение королю, но это было еще четыре года назад. Таким образом нельзя было обвинить составителя этих страниц, которые король, быть может, и не читал, в непредвиденных изменениях, которые господа из Парижа произвели в колониальной политике.

Кроме того, старик был женат. Кроме того он умер в отдаленной провинции, где он намеревался поселиться, чтобы наслаждаться жизнью с супругой, пользоваться состоянием — результатом продажи областей Акадии, и щедротами короля. Его вдова вторично вышла замуж за одного из высокопоставленных людей области, интенданта или кого-то с похожим родом занятий, так что было похоже, что она перестала интересоваться американским наследством.

Все это он узнал разом, как и дочь вышеуказанного Николя Пари, с первой же почтой, прибывшей весной, на одном из первых кораблей.

Он извлек из плюшевой сумки связку важных бумаг, которые стоили ему и его жене большим количеством часов и пота. Они расшифровывали, меняясь в лице и становясь время от времени «всех цветом радуги» по ходу чтения, потому что это были, заверенные нотариально, первые и единственные письма, которые они получили от старика после его отъезда. По поводу этих бумаг он и его жена издали вздох облегчения, потому что после беспорядочных описаний его

представления ко двору, женитьба и (это, естественно, было написано не стариком) его смерти, следовали мысли, которые единственно могли их утешить — что эта дурочка-вдова — не станет вмешиваться в дела по наследству. Так или иначе, старик должен был что-то оставить. Быть может, «там», находясь при деньгах, вывезенных из Америки, он вспомнил о них; во всяком случае, нотариусы сообщали, что в Академии было чем поживиться.

— Здесь, мой дорогой друг, — вмешался Виль д'Аврэ, все ясно, здесь дорожка накатана. Не надейтесь затеивать бесконечный процесс, чтобы вернуть во владение территории, которые ваш тесть продал господину де Пейрак.

Я был свидетелем собрания, созванного в подобающей и достойной форме по поводу господина Карлона, интенданта Новой Франции. Он оставил вам Кансо, «пески», чтобы сдавать их рыбакам и небольшие угольные копи. Что касается понятия «там», то ничто не мешает вам отправиться туда и посмотреть, как обстоят дела.

Зять Николая Пари отправился вместе с женой, не сопротивляясь.

После долгих раздумий над бутылкой с джином, который поступал с Новой Земли, он сказал своей супруге, что это было делом времени и терпения. Нужно подождать. Нужно посмотреть откуда ветер дует.

Вот уже поползли слухи, что господин де Фронтенак впал в немилость, что его «отзывают». Интендант Карлон последует за ним?! Тогда в этом случае чего стоили права дворянина-искателя приключений без флага, веры, закона, так называемого графа де Пейрак, который получал доходы с налогов всех предприятий Восточного берега? Теперь возникал не один повод прогнать его, либо пользуясь законами наследования,

либо обвинив его в том, что он пират или союзник англичан.

Теперь наступала очередь его, зятя Николя Пари, быть королем восточного берега. Что до того, чтобы разбираться с этими бандитами из Старого Света, из Европы, то он никогда не рисковал даже в Квебеке, так что лучше с этим подождать. Может быть в следующем году. А сейчас лучше всего известить нотариусов и адвокатов о своем приезде, чтобы они сохраняли деньги «тепленькими».

В Тидмагуше, в форте с четырьмя башенками, здании скромном с виду, в зале хоть и с низкими потолками, но широко, можно было свободно накрыть изысканный стол, согласно вкусов Жоффрея де Пейрака. Когда представлялся случай, то можно было там видеть настоящие пиры, достойные по меньшей мере, официальных приемов в Квебеке с изысканными винами, разнообразными блюдами, подававшимися на золотой посуде; и в этот вечер на столе красовались бокалы с ножками Богемского хрусталя, отсвечивающие красным, поставленные в честь губернатора. Сам король не имел подобной посуды.

Господин Тиссо, метрдотель, священнодействовал со столовыми приборами вместе с четырьмя помощниками, восьмью подавальщиками жаркого и целой тучи поварят, разодетых лучше, чем труппа комедиантов перед королем.

Господин де Фронтенак был очень растроган таким приемом, достойным принца крови, поскольку предполагал съесть скромный кусок дичи на борту корабля на приколе.

Он прибыл вечером в сопровождении господина д'Аврессона, помощника по административной части, который возвратится в столицу после его отъезда, а также вместе с привычным окружением из советников,

мажордомов и нескольких представителей Городского совета.

Он был несколько мрачен, видимо поразмыслив о своих планах, но вина оказали благотворное влияние на его подавленное настроение. Он вновь обрел жизнерадостность. В конце банкета разгоряченные гости принялись рассказывать о битвах, высоких делах и подвигах, которыми эти достойные господа могли похвастаться. Затем зазвучали повествования о жизни двора и галантных приключениях. Господин де Фронтенак решился процитировать знаменитое стихотворение, которое хоть и принесло ему славу, но стало поводом для ссылки, замаскированной как почетная миссия, на другой берег Атлантики. Ибо, будучи на двенадцать лет старше короля Людовика Четырнадцатого, он обольстил его пылкую любовницу, что свидетельствовало о его исключительных способностях, в избытке проявленных на поле любовных интриг. Гасконец по рождению, он ничуть не сожалел о происшедшем, ибо произведенный скандал его несказанно развлек.

Он прочитал:

*Я счастлив тем, что наш король Де Монтеспан
увлекся страстно*

*Я, Фронтенак, смеюсь до боли,
Ведь тратит пыл он свой напрасно!*

И я скажу, улыбки не тая,

В той спальне первым буду я!

Король!

В той спальне первым буду я!!!

Исключительность напитков создала климат дружеской доверительности, то и дело раздавались взрывы хохота.

Король, над поражением которого острили, был далеко. Даже у самых льстивых людей невероятная почтительность, которую монарх внушал своим присутствием, отступала перед злорадностью от того, что он, задетый за живое, опустил до мести, словно простой смертный. К тому же все хотели сделать приятное де Фронтенаку, из-за угрозы неприятностей и наказаний, которые король налагал без колебания, и которые нужно было выносить безропотно.

Изрядно развеселившиеся гости, увлекшись куртуазной темой, приняли к сведению этот анекдот и оценили по достоинству дерзость губернатора.

Фронтенаку не нужно было прилагать особенных усилий, чтобы это понять. Быть может, он увидел дружеское предупреждение в глазах хозяина дома.

Момент был выбран не слишком удачно, чтобы вызывать в памяти подобные истории перед отплытием во Францию для доверительной беседы с королем.

Анжелика переживала за него. От своего визита он ожидал результатов, благоприятных для колонии. Однако, будучи тонким политиком, он должен был догадываться о неприятностях и уже давно испытывал беспокойство, ибо, беседуя кое с кем, узнавая о сплетнях, прислушиваясь к разным интонациям, он не мог не знать, что люди из его окружения, его советники и самые верные и искренние друзья, как граф де Пейрак, не разделяли его оптимизма.

— Может быть, я совершаю ошибку, но я не смогу отказаться от путешествия, потому что знаю, что оно необходимо.

— У вас есть выбор? — сказал Виль д'Аврэ. — Вас приглашает сам король, не правда ли?

— Вы тысячу раз ошибаетесь. Я лично решил ехать. Спросите у господина де Ля Вандри.

— Господин де Ля Вандри — мошенник, который вам завидует, который вас ненавидит, и который настроил против вас троих своих друзей с целью заменить вас на посту губернатора.

Фронтенак вскочил, задыхаясь, выпил стакан воды, поданный лакеем и наконец успокоился.

— Не верю ни единому слову. Я тщательно взвесил все варианты нашей встречи с королем.

— А Ля Вандри, приехав с вашими распоряжениями в кармане, которые он затрудняется выполнять, и видя, что вы намерены уехать, не замедлил вас поддержать в этом.

— Наглец!.. Если вы говорите правду, то я разыщу его и заставлю предъявить мне письма, которые он имел дерзость мне не передать.

— Бесплезно показывать, что вы разгадали его игру. Оставайтесь непроницаемым. Это послужит на пользу вашей безопасности!..

— А если по приезде меня арестуют и отправят в Бастилию?

— Дело не зашло так далеко, — возразил Виль д'Аврэ тоном, который означал, что они на пути к этому.

— Да говорите же искренне, вы! — вскричал внезапно Фронтенак, подскочив к Виль д'Аврэ и чуть ли не схватив его за горло. — Скажите, что вам известно?

Виль д'Аврэ признал, что ему известно немного. Когда он уезжал в мае — а сейчас начало августа — это были только слабые слухи в самых низших кругах министерства. Он готов был бы поспорить, что король ни о чем не знал и продолжал с благожелательностью смотреть на Фронтенака, которому он был обязан примирением с господином и госпожой де Пейрак, что наполняло его душу надеждой.

Но надо сказать, что эти слабые отголоски распространились быстрее, чем он, Виль д'Аврэ вернулся из Академии с мельницы Красавицы-Марселины. И если, вернувшись на побережье, он и беспокоился за Фронтенака, то в первую очередь по причине того, что ему были известны намерения господина де Ля Вандри; и во-вторых у него был тонкий нюх, который его никогда не обманывал, и этот нюх говорил ему, что дела одного из его друзей идут плохо.

Фронтенак повернулся к Жоффрею де Пейраку, словно хотел услышать его мнение. Граф посоветовал ему сохранять позицию губернатора, когда он будет обсуждать с королем состояние дел в колонии.

— Король всегда отдает должное людям, которые добросовестно выполняют свою работу, а вы — как раз такой человек. Король Франции никогда не даст в обиду преданного и честного поданного, тем более в угоду интриганам.

— Это правда, — признал Фронтенак. — Но ведь еще этот стишок, — сказал он жалобно, — и этого он мне никогда не простит.

Затем его охватил гнев при мысли обо всех ложных обвинениях и глупостях, которые его враги обрушили на него, и как бы абсурдны они ни были, они могли пошатнуть его авторитет в глазах монарха, и так не очень расположенного к нему.

— Вы знаете, чтобы спровоцировать меня, они обвинили меня в том, что я избрал для национальной и королевской эмблемы Новой Франции бело-голубое знамя с золотыми лилиями Бурбонов! Мне прекрасно известно, что он — потомок Генриха Четвертого, и что французы его восприняли с трудом, потому что белое знамя — это знамя гугенотов и напоминает белый плюмаж протестанта Генриха Наваррского, который сражался с католиками и заморил голодом Париж,

прежде чем стал Генрихом Четвертым, первым из Бурбонов.

Мне известно кроме того, что французы любят Орифламму или красное знамя Сен-Дени, и даже еще более старинное, голубое, часовни Сен-Мартен. Со своей стороны, должен сказать, что предпочитаю небесно-голубое знамя кавалерии, к которому наш суверен Людовик Четырнадцатый присоединил золотое солнце.

Но прибыв в Канаду, я должен был подчиниться и другим мнениям, ибо передо мной стояла дилемма. Для ирокезов красный цвет означает войну, в смысле смерть. Тогда как белое — это МИР, а золотое — богатство.

И вот осталось белое знамя с золотыми лилиями, редко встречающиеся во Франции, которое символизировало здесь очень многое. Вот почему я его выбрал.

— Ну вот видите! Король не может на вас сердиться за то, что вы отдали ему дань уважения, также как и Франция, колыбель его предков, Бурбонов!..

— Как знать? — пробормотал Фронтенак с неопределенным видом. — Мои действия могли быть истолкованы перед ним по-другому... Люди так злы... и так глупы.

Все подстроено наилучшим образом для моего поражения. Они додумались до того, что я подстрекал ирокезов воевать с нами, потому что сам отправил к ним оружейника для починки их оружия.

Однако у меня есть, — продолжал он с нежностью, — несколько колье-вампумов неоценимого значения, которые я получил от вождей Пяти Наций. Я могу показать их королю.

Присутствующие обменялись взглядами сострадания, а Виль д'Аврэ скорчил гримасу.

— Я сильно сомневаюсь, что король и господин Кольбер поймут важность этих непонятных трофеев.

— Однако, они олицетворяют мир в Северной Америке. Мир с ирокезами. Открытый путь к Миссисипи.

— Во всяком случае это тонкости, которые необходимо тщательно разъяснить королю и господину Кольберу, — сказал господин д'Аврессон.

— И должен сделать это человек, в котором ни один, ни другой не усомнятся, — сказал маркиз. — Во всяком случае я, несмотря на все мое дружеское расположение, не возьмусь за это. Я погорел на истории с королевскими китайскими вазами. Но я уцелел.

— Итак, нужно ответить атакой на атаку.

Фронтенака больше всего уязвляло то, что ему ставили в вину то, что он сознательно вредил делам колонии с целью личного обогащения. В Канаде он набил полные карманы денег.

— Если уж меня обвиняют в этом, то и я не постесняюсь раскрыть махинации иезуитов...

Затем, убедившись в том, что королю это не понравится, тем более, что влияние иезуитов при дворе было значительно, а активность их возрастает, он замолчал.

— Нет! Нет! — вскричал он вдруг, чуть не опрокинув кубок, который слуга ловко подхватил. — Нет, я не могу начинать такую важную игру с таким маленьким количеством козырей, не рассчитывая на надежных, быстрых и искренних помощников. Козыри! — говорю я вам. — У меня хоть один имеется? Клевета и обвинения ранят меня как стрелы. Мятежники подготовили себе поле деятельности, и их не заботит наша работа, наши трудности на этих диких территориях. Им нужно только вредить, и стоит теперь мне только рот открыть перед королем по поводу Канады, как он вспомнит все, что ему наговорили; и на что я смогу надеяться? Какого результата я могу ожидать?

И однако, — сказал он грустно, — я работаю лишь на пользу и спасение Новой Франции, над которой развеивается знамя с золотыми лилиями.

Опершись локтем о стол, он обхватил ладонями лоб и застыл в раздумьях. «Нужно это сделать, — было слышно, как он повторил это несколько раз, — нужно это сделать! Другого выхода нет. Иначе мое путешествие превратится только в фарс, в маскарад».

Он поднял голову с решительным видом; его глаза блестели надеждой, а неуверенность исчезла с его лица.

— Ну и пусть это смахивает на смелый замысел, на хитрость. Я к этому привык, а король не против приятных неожиданностей, связанных с воплощением его планов и верным служением его интересам. В любом случае я убежден в своей правоте. Есть только один человек с моей стороны, который, говоря обо мне, сможет привлечь его благосклонность к моей персоне, чтобы оживить его память; он сможет заставить выслушать себя и ясно изложить суть дела, возобновить интерес Его Величества к проблемам колонии, которые сейчас кажутся ему скучными и скорее расстраивают его. К тому же в его окружении никто не может или не хочет пролить свет на истинное положение вещей, никто, кроме одного единственного человека. И этот человек — Вы, господин де Пейрак.

Он некоторое время стоял, застыв и уставившись в одну точку, казалось, его взгляд терялся в красный отсветах вина в хрустальном бокале.

Затем, подняв свой кубок и повернувшись к хозяину дома, он сказал:

— Господин де Пейрак де Морранс д'Иррустру, мой соотечественник, во имя дружбы, которая нас связывает, во имя услуг, которые мы неоднократно оказывали друг другу, во имя широких и прекрасных планов, которые мы строили вместе на благо и мир

народов края, к которому мы так привязаны, я вас прошу, я вас очень прошу, я вас умоляю: поезжайте со мной!

Глава 25

— Я вас умоляю, поезжайте со мной во Францию, чтобы защищать интересы Новой Франции, — вскричал Фронтенак, обращаясь к графу де Пейрак. — Никогда! — как эхо раздался женский голос, это Анжелика поняла смысл только что произнесенных слов. — Никогда, — повторила она категорично. И в то же время она осознала, что Фронтенак был прав, и что так оно и будет, потому что... это... это наилучший выход!

Молин в своих последних письмах намекал на полезность «визита», которого король долгое время ожидал. Пусть этот визит будет даже и политическим.

— Нет, нет и нет. Никогда! Я не отпущу его.

Европа была так далеко! Океан был слишком велик. Когда покидали один континент, чтобы достичь другого, то возвращение становилось невозможным.

Она перестала смотреть в сторону востока. Хотя там находились ее сыновья. Но они вернутся. Сегодня же речь шла о ее жизни. А ее жизнью был Жоффрей. Без него она не могла существовать. И было решено, что они не расстанутся больше никогда. Если их разлучат, или они окажутся на расстоянии друг от друга, то возникнет опасность, что разрыв станет окончательным.

А океан! Это грозило тем же!

Жоффрей вступал на землю Франции, и это грозило тем же!..

Жоффрей де Пейрак говорит с королем! Это конец.

Нет, никогда, никогда она его не отпустит.

Она повторила: «Никогда!»

Она смотрела с вызовом то на одного, то на другого. Они, каждый по-своему принимали, утверждали и судили ее импульсивную реакцию, ее волнение и

протест. Одни с удивлением, другие, шокированные, возмущенные, любопытные или заинтригованные. Фронтенак не понимал. Он был так доволен, тем, что придумал. Он никогда бы не подумал, что мадам де Пейрак воспротивится. Виль д'Аврэ понимал все и не удивлялся. Он знал, что такое любовь, и какими чувствами горело сердце этой женщины. Он подумал, что начнутся споры и можно будет заключать пари.

Что до Жоффрея... Нет, Анжелика не хотела прочитать на лице Жоффрея то, в чем была уверена: он принимал предложение Фронтенака... Он собирался предать ее, бросить!

Она бросилась вон, и оказалась, после того, как миновала деревушку, на дороге, которая вилась среди скал. Она почти бежала, словно это могло бы помочь ей избавиться от испытания, обрушившегося на нее, от дилеммы, которая принесет ей мучения, которую ей придется обсуждать и оспаривать не только наедине с собой, но и с другими, чтобы в конце концов смириться, разбив сердце, с такой неожиданной, невозможной вещью, которую она обещала себе никогда не принимать, не давать проникать в свою жизнь: с разлукой.

После того, как она добралась до конца тропинки, которая выходила на берег, она развернулась и упала почти без сил и чувств к подножию бретонского креста, который был поставлен здесь почти век назад бесстрашными рыбаками. Затем она поднялась и вдруг ей стало еще хуже, потому что она вспомнила, что именно с этого места столкнул на камни несчастную Нежную Мари отвратительный секретарь Амбруазины, Арман Дако. Она никак не могла соединить воедино обе ассоциации, и только повторяла про себя, что ненавидит этот ужасный восточный берег, который всегда приносил ей беды.

Она наконец уселась у обочины дороги, и тем хуже, если на этом самом месте она рыдала, уткнувшись в колени абенакиса Пиксаретта, когда представляла себе, что Жоффрей изменил ей с ее проклятой соперницей — Дьяволицей.

Все это было уже в прошлом. Бой был объявлен и выигран. Это ее изменило и сделало сильнее.

И вот новое испытание снова лишало ее сил.

Отступление! Бегство! Вот что означал Дурак, которого сторожевой пес кусает за пятку! Нет! Нет! Только не это. Больше никаких отступлений, никакого бегства, по крайней мере если только смерть не станет им угрожать, смерть физическая или духовная.

Мы сейчас можем отвечать за все. И так?.. Что говорили карты Таро?.. «Путешествие непредвиденное, нежеланное, но неизбежное», словно сторожевой пес укусил за пятку... Обязанность, которую нельзя игнорировать. Дурак, одетый в небесно-голубое — разум — и его золотой пояс — мистика... Путешествие? Допустим. Если это записано в книге судьбы, спасения и успеха. Но разлука... Нет! Не дважды. Нельзя дважды наказывать, дважды испытывать тревогу и безысходность!.. Только не разлука. Я буду противиться этому изо всех сил!..

Разлука — это море мрака. Это значило, что она будет на этом, а он на том берегу.

Они приехали вместе в Новый Свет и провели бок о бок эту войну, которую совместно выиграли.

Недолгие расставания, выпавшие на их долю, только способствовали успеху, который заключался для них в возможности жить в мире, друг возле друга, как было обещано на заре их любви, когда они встретились, уверенные в своем счастье, в Тулузе.

Они часто возвращались в разговоре к этому первому и еще нерешительному моменту начала их страсти.

Удар молнии!..

Разве они не заслужили, чтобы хоть в Новом Свете их оставили в покое?

То, что случилось, было переломом, пропастью.

Нет! Она не допустит совершения новой ошибки... она не даст ему удалиться от нее.

Когда она вернулась в Тидмагуш, Жоффрей де Пейрак ждал ее в их квартире. Через окно он без сомнения видел ее. Он скрестил руки на груди. Он облокотился о дверную раму, давая по привычке отдохнуть больной ноге, склонив голову немного вбок, размышляя. Его взгляд угадывал все, а легкая улыбка краем рта не настораживала... а иногда — настораживала. «О, ты — это ты! — подумала она. — Ты так не похож на других мужчин. Твои мысли, твои мечты, твоя ученость, твоя сила, и твои слабости — это только твое. И если ты исчезнешь, я останусь в пустоте».

— Если ты исчезнешь, я останусь в пустоте, — сказала она вслух.

— Что за безумие говорить такие слова, — сказал он ей. — Моя дорогая, и ты жалуешься на это, ты, привыкшая «гарцевать» в пустыне одиночества?!

— Больше ничего не существует, ты все взял себе.

Вся ее жизнь была выбита из колеи. Под его защитой, под его эгидой, она могла мечтать о свободе, лелеять сокровенные мысли, предаваться тайным замыслам. Но как только она воображала себе разлуку, сердце ее сжималось, ее ужасали тяготы женской судьбы, удела всех женщин, следующих за мужчиной, который постоянно в пути. Они удерживают его за полы одежды, ломают ногти о его доспехи, целуют ноги рыцарю, уже севшему в седло, падают лицом в дорожную пыль, когда он удаляется.

— Женщинам повезло, потому что у них есть возможность выразить свои чувства, — сказал он, целуя

ее глаза и щеки, мокрые от слез. — Им повезло, потому что за ними закреплено право на плач, на крик, на заламывание рук, на посыпание головы пеплом, на то, чтобы упасть лицом в придорожную пыль, — на все проявления исключительной боли. А что будет позволено мне; мужчине, когда я увижу как вы расстаетесь со мной, вы, — на ком отдыхает мое сердце, вы — утешение моих горьких мыслей и постоянное обещание огромной любви, которую только можно познать? Что скажу я, бедный мужчина, перед лицом новой жизни, полной разочарования, в которой не будет другого солнца, кроме надежды видеть вас как можно скорее, и перед важными дипломатическими разговорами я буду знать, что вы не ждете меня у дверей, и мы не сможем побеседовать? Передо мной находится необходимость пожертвовать во имя комедии глупого и тщеславного мира, пресыщенное чванство которого я не в силах устранить, самым удивительным и прекрасным созданием вселенной. По вечерам у меня не будет надежды, что после долгих и изнурительных дипломатических баталий я смогу отдохнуть, что какая-то другая женщина сможет меня успокоить и развлечь, кроме той, которой мне не хватает. И я буду мечтать о ней в одиночестве, надеясь, что и она...

Прижав лоб к его плечу, она сначала легко улыбнулась, затем рассмеялась. Она подняла голову.

— Я не верю ни единому вашему слову, и вы не разжалобите меня рассказами о вашей горькой судьбе. Я не сомневаюсь лишь в последней части вашей речи.

Она приложила пальцы к его губам, чтобы помешать ему возразить.

— Никаких обещаний... я вам уже сказала, что не верю ничему и не собираюсь верить... Я даже не хочу думать, представлять себе, воображать, что вы собираетесь жить без меня... Остальное не важно! Все

равно! Какая разница кем вы будете вдали от меня! Вы будете вдали от меня. Как я смогу вынести это!

И она снова разрыдалась.

— Я умру...

Она прижимала голову к его груди, она обнимала его так крепко, словно хотела до отказа взять запасы его страсти, его запах, все, что она любила в нем. Его руки вокруг ее стана. Эта вибрация жизни пронзала его сильное тело, проявлялась в его жестах, его выражениях, вызывала у нее каждое мгновение опьянение и негу, которыми она в тайне наслаждалась и которыми она жила.

Он был такой энергичный, что другие, все остальные, казались ей не просто медлительными, а почти мертвыми, но мертвыми от скуки.

— Итак, — сказал он, — вы действительно не желаете поверить, что я буду очень несчастен без вас?..

— Нет. У меня нет никакого доверия. Я слишком хорошо вас знаю! Вы испытываете огромное удовольствие, властвуя над людьми, противостоя интригам, разрушая преграды, строя из ничего и возрождая то, что было разрушено. Вы мужчина. Даже сам король — всего лишь ставка в вашей игре. Вы не сомневаетесь в том, что сумеете обмануть его, если вам представится подходящий случай и возможность. Перед вами слишком много дел и слишком много грядет подвигов, вы и не заметите, как пройдет время!

— А вы, мадам, разве не будете испытывать то же самое? — сказал он, держа в своих сильных руках ее голову, так, чтобы она смотрела ему в глаза. — Ведь я тоже вас отлично знаю. И слава Богу, любовь, которая дана вам, будет вам помогать во время моего отсутствия, и я знаю, что вернувшись, найду вас победившей все беды, ваши и мои, и еще более похорошевшей.

— Допустим. Я должна подчиняться и мириться с тем, к чему меня обязывает положение супруги. Оно более тяжелое, чем ваше, потому что мужчины всегда куда-то уезжают.

— Иногда и женщины тоже. Вы принижаете место, которое занимаете в моей жизни. Это я буду страдать, при виде того как вы удаляетесь от меня, возвращаетесь в Голдсборо, чтобы продолжать жизнь, к которой я в течение долгих месяцев не буду принадлежать, у меня не будет права излить боль или по меньшей мере беспокойство и, я знаю, вам это понравится, мою ревность, которая охватывает меня при мысли, что вы снова одна, вы хозяйка вашей жизни. И я не говорю о том, что ситуация в Америке может усложниться. Я ведь понимаю, что вы можете оказаться в опасности.

Эти слова, в которых она чувствовала искреннюю озабоченность, помогли ей взять себя в руки.

— Я сама гарантирую свое поведение. Я за себя не боюсь, вы можете ехать спокойно.

— Итак, ответьте мне тем же. Поверьте тому, что я говорил о моей любви к вам. Тогда я смогу выпутаться из любой ловушки. Ваше безграничное горе не имеет оснований. Давайте поразмыслим хладнокровно: нам предстоит провести зиму друг без друга, но это не значит, что мысленно мы не будем друг с другом. Миссия, возложенная на меня господином де Фронтенаком — это дело чрезвычайной важности. Вам это известно так же как и мне. На этот раз я думаю, что наше вмешательство перед королем необходимо: одно слово может спасти положение и может его погубить. На карту поставлены бессмысленные войны, мучительные ссылки. И во время этой борьбы вы будете рядом со мной, как и я буду рядом с вами...

Так, словно расставляя пешки на опрокинутой шахматной доске, а пешки в этой игре казались самыми

разумными и простыми фигурами, ему удалось смягчить ее реакцию, ее слепой и яростный отказ.

В его руках, прижимающих ее к нему, она согласилась признать, что, да, высшая сила, которая управляла их судьбами и судьбами их детей, их душами, их друзьями и союзниками, в игре обязывала их совершить эту жертву. Что, если посмотреть внимательнее, да, соотношение пользы и испытаний в этом деле, сводилось к максимуму выгод и минимуму препятствий. Все будет хорошо, она не уставала повторять это про себя. Месяцы разлуки пролетят очень быстро.

И действительно, она в это верила. Она знала, что все будет хорошо. Она видела, как он переплывает море без всяких приключений. Попадал ли он когда-нибудь в плен? Терпел ли кораблекрушение? Она видела, как он причаливает и высаживается на берег Франции, где его сторонники, сгруппировавшись, образуют вокруг него защитное полотно. Она видела его возле короля. Чего проще и естественнее? Вельможа королевства, представитель старинного рода, занимает место среди равных.

«Рано или поздно это должно будет случиться» — сказал ей Молин.

Король! Жоффрей де Пейрак! Двое мужчин, которые имели намного бы меньше сложностей узнать друг друга и понять — плевать на обиды прошлого и сентиментальности — если бы причина этого возвращения и внезапного сбора был бы тем, что задевало обоих за живое: власть короля Людовика Четырнадцатого над Америкой. Людовик Четырнадцатый любил все проверять сам. А она доверяла Жоффрею. Он был так силен и ловок. И у него был такой ясный и всеобъемлющий взгляд на вещи...

Глава 26

Наутро, выходя, она обнаружила маркиза де Виль д'Аврэ, который ждал ее и взял ее под руку. Шагая по песчаной дороге, ставя ногу и конец трости с обычным для него изяществом, он начал говорить о королевских садах. — Я не говорю вам о садах и парках большого размера, но лишь об огородах. Их величие, рожденное из красоты всех фруктов, овощей, цветов, выращенных и посаженных со вкусом и согласно науки, восхищает при первом же рассмотрении, словно оказываешься на пейзаже какого-нибудь художника. Что до запахов, то аромат груш возле стены ста ступеней, против которой король велел посадить пятьдесят груш, этот аромат, особенно усилившись в тепле лета, вызывает в памяти и чуть ли не ставит перед глазами создания, похожие на вас.

— Почему вы говорите мне об этих утонченностях, когда мы находимся вдалеке от них и к тому же в рамках дикой природы и природы неблагоприятной, а уж о запахах я и не говорю, одна тресковая печень. А в Вапассу мне так и не удалось заставить нормандскую яблоню зацвести.

— Если я в качестве контраста описываю королевские сады, это значит, что я знаю, что ваша любовь к жизни делает вас чувствительной к таким картинам и может заставить вас захотеть увидеть их вновь.

— Этьен, вы знаете, что я не могу сопровождать господина де Пейрак, вам это прекрасно известно. Все удерживает меня в Америке. Мое место возле детей, наших друзей и компаньонов и я добавлю, без принуждения, что буду жить здесь в отсутствие моего мужа и не знаю, вернусь ли в Европу когда-нибудь...

— Вы туда вернетесь! Вернетесь! Вспомните!.. Я приглашал вас в Квебек, а вы говорили: мне никак невозможно вступить на французскую территорию без риска для жизни. Но потом вы приехали и мы провели

очень приятные дни и месяцы зимы в нашей маленькой столице, а ваш визит только укрепил узы дружбы.

— Счастливым результатом! Но потом вдруг он потерял значение.

— Но как вы можете так говорить? Потому что вы пессимистка, дорогая Анжелика! Ничего нет! Это всего-навсего интрига, которую затеяли злобные и завистливые люди против Фронтенака. Тот вышел из себя и решил отправиться во Францию. На самом деле — это слух, что король его вызывает, я не знаю так ли это, но правда. Фронтенак прав. Все идет к тому, что ему придется очистить дом. Это всего лишь интрига колонистов, продавцов меха, иезуитов и тех, о ком королю слышать не приходилось.

Он казался очень убежденным.

Она спрашивала себя, не скрывает ли он что-нибудь, или же это она, ослабленная своей любовью к Жоффрею, единственному в ее жизни, расслабленная постоянным счастьем, придавала испытанию, которое их ожидало, драматические оттенки и искала зловещие причины?

Когда все было решено и она чувствовала, что она устала и у нее кружится голова, словно после болезни, и несмотря на все она испытывала уверенность, что не нужно показывать страха, который на сегодняшний день рождал в ней желание кричать, нужно было возвращаться к повседневным привычкам.

Это решение повлекло за собой другие. Цель их тогдашнего переезда — Онорина, которую она собиралась навестить. Она думала плыть в направлении Квебека и Монреаля, подняться по течению реки Сен-Лоран... Но Жоффрей де Пейрак воспротивился этому, и его реакция доказала Анжелике, что недоверие и подозрительность вновь проснулись в нем, и что он не хотел держать Онорину в Новой Франции в отсутствие де Фронтенака.

— А Онорина!..

Огорчения следовали одни за другими. Теперь радостное ожидание встречи с дочерью сменилось внезапной неуверенностью.

После двух дней дебатов и разных споров было решено, что корабль Джоба Симона «Сен-Корентен», взяв на борт лейтенанта де Барсемпюи для руководства плаваньем, довезет до Квебека и Монреала пассажиров, которым было обещано это; такими людьми были господин де Вовенар и его подруга Ля Дантельер, Адемар, Иоланда и их дети, которых везли показать родственникам в Квебек, Янн де Куэннек, который собирался встретить Мореск и другие...

Барсемпюи и господин Кентери будут писать, пока не доберутся до Монреала, господину и госпоже де Пейрак. Они повидают Онорину, поговорят с матушкой Буржуа, навещают господина де Лу и его семью, возьмут письма и почту и в Квебеке встретятся с четой Адемар-Иоланда и Янн, который, быть может, будет с невестой.

Анжелика написала письма во все концы. Мысль, что Онорина получит новости из Голдсборо и Вапассу, а сама она узнает многое о своем ребенке, не очень-то смягчала ее горечь.

— Я поеду до Виль-Мари, чтобы самой увидеть ее, — обещала ей добрая Иоланда. — Я смогу вам сообщить больше деталей о ней. То, что она увидит меня, ее немного утешит, хоть она и не встретится с вами, мадам, в этом году.

Нужно ли было Онорине, чтобы ее кто-нибудь утешал? — спросила себя Анжелика. Она чувствовала этого ребенка таким далеким и очень изменившимся, без сомнения. Она должно быть привыкла к жизни маленькой девочкой, разделяя игры, занятия и молитвы с детьми ее возраста, под очаровательной опекой сестер из Конгрегации Нотр-Дам. И это делало расставание особенно мучительным. Радость, которую

она испытывала при мысли о дочери смешивалась с горечью скорого расставания.

После «Сен-Корентена» «Королева Анна», взяв на борт Фронтенака и людей из его окружения в сопровождении «Славы Солнца» и «Мон-Дезерта» с графом де Пейраком отправлялись в открытое море.

В момент отплытия «Сен-Корентена» в Гаспе Анжелика отозвала в сторону Иоланду.

— Увези ее, — сказала она настойчиво. — Увези ее, если тебе подскажет сердце. Увези ее. Я написала об этом матушке Буржуа. Она найдет меня слабой и безумной матерью, но в отсутствие моего мужа мне страшно чувствовать ее вдалеке и не видеть еще год.

— А если малышка покажется мне счастливой и не захочет возвращаться? — забеспокоилась Иоланда, которая знала девочку. — Вспомните, мадам, она сама захотела отправиться в монастырь к матушке Буржуа.

Анжелика еще некоторое время колебалась.

— Если ей хорошо там и она счастлива, значит оставьте ее там. Следующим летом мы встретимся... Но... не особенно верь тому, что тебе скажут. Осмотрись. Посмотри, не угрожает ли ей что-нибудь. Если тебе покажется, что мы можем потерять наше влияние в Новой Франции и затем возвращение туда будет связано с трудностями, привези ее. Я доверяю тебе. Я также написала моему брату. Теперь я хочу поговорить с господином де Барсемпюи.

И чем ближе был день и час, тем сильнее становилась ее боль и мужество тех женщин из далеких времен, которые смотрели вслед своим рыцарям, которые, быть может, оставляли их навсегда.

«Но это не одно и то же. Люди тех времен не любили друг друга как мы. Нужно было иметь каменное сердце, чтобы вынести эти разлуки, опустошенный разум заботился только о повседневных мелочах, о суровом существовании в крепких замках средних

веков, где что-то значили только удары шпагой, чтобы почувствовать вкус крови и грубая сила».

Затем она брала себя в руки и просила прощения у предков, вспоминала, что они отправлялись в путь с целью найти гроб Господен, вызывала в памяти строки из эпических поэм, «Песней о деяниях», которые очень украшали их времяпровождение в Вапассу, и «Песнь о Роланде», рассказывающую о боли короля Карла Великого при известии о смерти Роланда.

Любовь, любовь-страсть, любовь мистическая всегда была с людьми. Это была вечная песнь душераздирающие и патетические отголоски которой ей слышались в прощальных плачах женщин, в их образах, смотрящих вслед тем, кто отправился на войну, кого они любили, этим рыцарям, долгом которых была защита слабых, установление справедливости. Они орудовали шпагой, пикой, тяжелым топором, мушкетом, они защищали женщин и детей так, как могли, будучи мужчинами, часто жестокими, часто грубыми, но ими руководила высшая сила справедливости.

Жоффрей нарушил картину ее воспоминаний и размышлений.

— Вы отправитесь перед нами, моя дорогая. Так вы будете меньше страдать.

Но она не захотела. Она была похожа на всех женщин. А женщины остаются на берегу.

Он приблизил свое лицо к ее лицу и повторил несколько раз с закрытыми глазами: Моя дорогая! Моя дорогая!

Ветер отрывал их друг от друга, и, наконец, разлученные, с тяжестью на сердце, плохо приспособленные к разрывам и отсутствию друг возле друга, они отправлялись каждый к предначертанным событиям, к той цели, которую каждый из них единственно мог исполнить, и которую им надлежало

воплотить в одиночку. Если для Жоффрея все было ясно, и он уже мог измерить тяжесть испытания и подготовиться к его этапам, он удивлялся предчувствию, что Анжелике предстояла более тяжелая участь.

Анжелика видела, как время от времени он мерял шагами пол с озабоченным видом. Он думал не о предстоящей встрече с королем, что было бы вполне в его стиле. Стоило только ему получить важное поручение свыше или придумать план, как он тут же начинал его прорабатывать. Ее удивило то, что он решал, куда ей поехать на зиму.

Вапассу был слишком удален от берега. Он посоветовал ей устроиться с детьми в Голдсборо. Он внезапно ощутил себя чуть ли не англичанином. И хотел для нее свободного моря, которое было бы открыто для внезапного бегства. Море казалось ему доброжелательным сообщником, которому не страшно было доверять их драгоценные жизни.

— При случае, если что-нибудь произойдет, вы сможете отправиться в Салем или в Нью-Йорк к господину Молину...

— Чего вы боитесь?

— Ничего, по правде говоря... Но в Голдсборо вам будет не так одиноко, там вы будете с друзьями.

— Я люблю Вапассу. Там всегда меня окружают вниманием и там я чувствую себя как дома. К тому же я знаю, что мое присутствие там необходимо. Это один из наших аванпостов, и те, кто там живут, нуждаются в присутствии кого-либо из нас, вам не кажется?

По всей очевидности один из них должен быть в Америке, чтобы следить за тем, чтобы знамя Франции развевалось над Вапассу и Голдсборо.

Наконец нужно было принять во внимание то, что спонтанная стратегия, разработанная на месте, соответствовала их отношениям с королем. Здесь

вступали в игру мужчины. Женщина, яблоко раздора, должна выступить на сцену позднее, в нужное время и в благоприятной обстановке.

Попав под суровость его гнева разрушались все способы защиты и никогда еще граф де Пейрак не испытывал такой уверенности в своей любви к ней. Еще никогда они не были так близки друг с другом и это примешивало к грусти, которую они испытывали перед расставанием, чувства обожания, забытья и нежности, еще никогда не испытанные. О них она будет помнить в разлуке. В этот момент между ними ничего не стояло, ничто не могло разделить их души. По крайней мере они чувствовали, что жестокая несправедливость расставания захватила их врасплох в разгар их счастья, во время чудесного сна и ожиданий.

То, что они пережили, открывало новую главу в истории их жизни, тогда, как они закрывали с болью сияющую страницу их безоблачной любви.

«Стоило нам снова обрести друг друга, как надо разлучаться» — жаловалась Анжелика сама себе. Это было несправедливо, ибо длительный период в несколько лет был предоставлен им для жизни друг возле друга. Но она еще не сумела насладиться чудом их встреч. Она жалела о том, что с самого начала потратила столько времени на недоверие к нему, и что не прочувствовала вкуса их любви в каждый из тех дней. Хотя, нет! Каждый час, каждый день из этих лет, прожитых в Новом Свете, делал их чувство крепче, волшебнее и непобедимее.

Последний вечер они провели вне форта, стоя на фоне красного заката, целуясь, словно сумасшедшие. Они тонули в пропасти их любви и уверяли друг друга в том, что это последнее испытание, которое выпало на их долю, и было необходимо, чтобы заслужить право впредь быть рядом. Они больше не расстанутся. А пока

он не вернется они будут поддерживать друг друга мысленно.

На этот раз, — говорил он ей, лаская ее волосы, и покрывая поцелуями ее лоб, чтобы успокоить ее, — они не расстались бы, если бы она настояла. Если бы она настояла, она смогла бы ему помочь, не только будучи здесь, в Америке, наблюдая за Вапассу и Голдсборо, но храня мысленную связь с ним и по-прежнему испытывая любовь, сила которой возрастала день ото дня. С первого дня они совершали непростительную ошибку, потому что недостаточно отдавались чувству.

Разлука прервала серебряную нить их страсти. Они оказались в пустоте, стеноя от неутоленной страсти, от безнадежности, которая казалась им вечной, готовые к тому, что все кончено. Они были похожи на детей, сломавших игрушку и плачущих над ней.

Но они могли бы поддерживать друг друга в душе. И разве они этого не делали? Великая любовь в конце концов вновь объединили их.

— Теперь мы верим в силу любви. Не станем давать волю нашим страхам, которые не имеют причин, и неуместному недоверию.

Это просто ностальгия по присутствию друг возле друга, жажда новой встречи, грусть из-за отсутствия «своей половинки». Это притяжение — не просто неразрывная связь, это наша поддержка, усилие нашей мощи, нашего сопротивления в борьбе, к которой нас призвали.

Я буду без конца думать о вас, любовь мой, — говорил он. Как всегда. Мне будет не хватать ваших прекрасных глаз. Но я как всегда буду испытывать страх и недоверие, придавая женщине которую я обожаю, потому что я ее уже терял, безразличие и легкомысленность. Я начисто забыл обо всех остальных женщинах.

Я теперь знаю, кто вы такая. Вы — это вы. И я люблю в вас все. Меня все очаровывает. Я хочу в вас все. Я ничего в вас не боюсь. Я узнал это благодаря тому, что вы дарили мне себя каждый день, вы внушили мне, что я — свет вашей жизни, как вы — свет моей жизни. Ничто не может погасить этот огонь, и это самое главное.

Будьте сильно, любовь моя, будьте самой собой, будьте радостью глаз, сердец всех народов нашего королевства. Живите, смейтесь, пойте, собирайте вокруг себя свет и радость жизни, дарите всем и самой себе радость любви, смеха. Такой я вас вижу, такой я вас люблю. Такой я вас знаю и принимаю. Передо мной вы никогда не притворялись. Вы — мое сокровище, моя вселенная, моя жизнь. Продолжайте жить, продолжайте быть, продолжайте собирать друзей вокруг вас, ухаживать за несчастными и утешать их, продолжайте собирать легенды, разговаривайте со всеми и вы все поймете. Ветер подует в наши паруса, не принося бурю и я скоро вернусь. Нужно только выдержать зиму.

Дни будут следовать друг за другом, как вы любите, непохожие и разнообразные как театральные действия — комедии или трагедии.

Вот увидите: всего одна зима. Берегите себя! Берегите свою жизнь! Это все, что я прошу у вас.

В этот последний вечер они испытывали такую сильную боль, что не испытывали ни боли ни желаний. На заре, проснувшись после глубокого сна в объятиях друг друга, они улыбались, словно перед ними была вечность. Они снова заговорили в сумеречном свете раннего утра, привнося в эти минуты очарование, забытие, ожидание, страсть, бред и нежность, о которой они могли бы только мечтать, если бы это были последние часы планеты.

* * *

— Не бойтесь, я буду заботиться о нем, — шепнул Виль д'Аврэ, коснувшись плеча Анжелики и ласково сжимая его. — Мне следовало бы остаться возле вас, но вам полезнее будет, если я уеду. Я займусь господином де Пейрак, я позабочусь о нем, — повторял он. И это не пустые слова. При дворе я неплохо устроился, я многое знаю, мало кто сможет надуть меня.

Он дольше всех задержался рядом с Анжеликой, чтобы помочь ей пережить первые тягостные часы разлуки.

«Афродита» выйдет в море со следующим приливом, и он уверял, что ей не составит большого труда догнать остальной флот.

Что касается Керубина, которого ему некогда было разыскивать в Шинекту, то ему предстояло провести год на берегу Французского залива. Маркиз надеялся, что он не забудет о существовании хороших манер и правил грамматики, которые выучил с трудом.

Эти берега видели столько отплытий! Анжелике нужно было держать себя в руках. На глазах привыкшей к этому театру публики Жоффрей и она могли целоваться, ибо они находились не в Бостоне, а среди французских аристократов. Жоффрей де Пейрак никого не забыл, когда прощался и давал распоряжения.

Затем он повернулся к Анжелике, говоря себе, что на земле нет глаз прекраснее.

Однако, она удивила его в последний момент, умоляя его тихим и настойчивым тоном:

— Обещайте мне!.. Обещайте мне!..

— Я вас слушаю!..

— Обещайте мне, что не поедете в Прагу.

— Нет времени объяснять... Обещайте мне, и все!

Он обещал. Она была так непредсказуема.

Прага? Да, это правда, он вспомнил. Это город, где, как ученый, он всегда мечтал о...

Когда он садился в шлюпку, он смотрел на Анжелику с любопытством. «Моя обворожительная жена! Моя непредсказуемая!»

Анжелика чувствовала себя удовлетворенной и утешалась тем, что в самый последний момент она успела вырвать у него это обещание.

Господин де Фронтенак, упомянув однажды о колдунье с Орлеанского острова, напомнил ей смутное предсказание Гильметты. Лучше всего было подготовиться тщательнее к ударам судьбы...

Это небольшое происшествие перебило непереносимое волнение, которое вызывали первые удары волн о борта лодки, уносившей ее к кораблю, который в нескольких кабельтовых от берега готовился к отплытию. «Слава Солнца» была очень красивым кораблем, заказанным Жоффреем де Пейраком в Салеме. Это было первое путешествие этого судна.

Стоя на корме, Жоффрей долгое время смотрел в сторону берега, на котором все уменьшалась фигурка, такая любимая и такая одинокая в толпе.

Он никогда не подозревал, что он, сильный мужчина, который мог свернуть горы для достижения своей цели, с таким трудом выдержит испытание. А ее поддержать было еще труднее.

«Я всегда буду с тобой, я тебе обещаю, я всегда буду с тобой, моя любовь, моя красавица, мой нежно-любимый ребенок. И моя сила соединится с твоей в нашей борьбе».

Его адъютант Энрико Энци заметил, как заострились черты лица хозяина, и впервые за все время службы ему показалось, что в его глазах блеснули слезы.

Анжелика отплывала на «Радуге», которая отчаливала вместе с «Афродитой». Она должна была признать, что присутствие болтливого маркиза оказало ей большую помощь.

После того, как он вынудил ее выпить с ним красного вина, он поделился с ней новостями двора в Версале и Сен-Клу, где обосновалась новая фаворитка короля, проведшая с ним несколько ночей, сильное и юное создание. Там была очень приятная атмосфера. Затем он принялся рассказывать ей о сыновьях, Фроримоне и Канторе.

В открытом море настал момент, когда корабль, после обмена сигналами жестов и флажков, разошлись, один, направляясь к западу и углубляясь в ночь на море мрака, другой — на юг, следуя вдоль диких берегов Новой Шотландии, которые направляли Анжелике, единственной на борту, ароматы своих цветущих лугов.

* * *

В Голдсборо, она бросилась в объятия Абигаэль и горько расплакалась. Абигаэль, выслушав ее внимательно, села возле нее и с нежностью сострадания спросила:

— Кроме горечи расставания, вас еще что-нибудь тревожит в отношениях с графом?

— И да и нет, — ответила Анжелика. — Я поняла, что такова судьба женщин — пройти испытание разлукой, которое без сомнения для них более мучительно, чем для мужчин. Кто может похвастаться, что видел в жизни супругов, которые ни разу не расставались? А в эти времена потрясений — тем более. Но ко всему этому примешивается тягость, которая пугает меня больше других.

Она призналась, что думает о словах, которые ей сказал Пиксаретт: Доверяй интуиции. И ей было страшно оттого, что интуиция ей подсказывала, что в отсутствие Жоффрея с ней, ее детьми и друзьями должно произойти что-то страшное, какие-то напасти обрушатся на них.

— Быть может, я ошибаюсь, но время от времени меня охватывает тревога. Однако, по правде, я не

боюсь за него, как не боялась за сыновей, которые тоже уехали от меня. Я чувствовала, что они так же сильны как и он.

Поскольку это была Абигаэль, и она знала, что эта женщина готова с одинаковым вниманием выслушать бормотание младенца, загадочные высказывание Северины, выкрики мадам Маниго, или рассуждения тети Анны, Анжелика рискнула поделиться с ней своими страхами, на которые не было достаточно оснований. Но ее беспокоило, когда налаженная счастливая жизнь, начинала вдруг буксовать и скрипеть как колесо плохо смазанной телеги.

— Вы видите, Абигаэль, это как внезапный порыв ветра, который заставляет поверхность моря изменять свой цвет. Все становится мрачным и холодным.

Она вспомнила прошедший год, когда она почувствовала изменившуюся атмосферу Квебека во время последнего путешествия, что могло быть обусловлено летним оживлением. Но было еще и расследование Гарро, связанное с исчезновением «Ликорны» и Дочерей Короля.

Она рассказала Абигаэль о своей работе вместе с Дельфиной дю Розье, о невозможности узнать о судьбе одной из Дочерей Короля, о подозрении, родившемся из ее сомнений: Дьяволица жива.

— Вы говорили об этом с господином де Пейраком?

— А что я могла сказать?

Так или иначе сестра Жермены де Майотен исчезла, и никто не знал каким образом и когда.

— В этом году еще отозвали господина де Фронтенака. Мне не нравится, что поток неприятностей, интриг и неудач усиливается.

Абигаэль слушала ее очень внимательно. Она сказала наконец, что уже тот факт, что они вдвоем рассматривали ситуацию, значил, что задача облегчается. Если против них был затеян заговор,

можно было себя поздравить с тем, что меры были приняты вовремя. Во Франции Жоффрей де Пейрак не даст ни обмануть ни оклеветать себя, он сможет выдержать удар, если ему его нанесут.

Вместе с Абигаэль они пришли к выводу, что предстоящие месяцы будут тяжелыми и возможно богатыми потрясениями. Нужно быть ловким, удвоить осторожность. Это будет временем выживания.

— Все находится в движении, — признала Анжелика. — Свет и тень. Солнце и буря. Не стоит обольщаться, считая, что мы сможем быть в стороне от движения и выжить.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ВЕТЕР

Глава 27

Волнение началось с приездом четы Адемара и Иоланды, которых не ждали так рано. У них обоих был ошеломленный, натянутый и неловкий вид простаков из леса, который они охотно принимали.

Анжелика, которая выходила из форта, держа близнецов за руки и направляясь к постоялому двору, чтобы там как следует поесть, при их виде стала спрашивать себя, откуда они взялись, если, конечно, это были они, и где она могла их видеть в последний раз. Наконец, вспомнив, что это было в Тидмагуше, она попыталась понять, что за путешествие они совершили. Память подсказала ей, даже нарисовала картину, как они удаляются со своими двумя детьми на «Сен-Корентене», бригантине Джоба Симона, с намерением навестить родственников в Квебеке, затем добраться до Монреаля, чтобы узнать новости Онорины и, если возможно, привезти ее.

Но даже с попутным ветром они не могли вернуться так быстро.

Что это значило?

После долгого молчания, в течение которого супруги напоминали деревянные фигурки, наконец,

Анжелика спросила:

— Что вы здесь делаете? Где Онорина?

— Мы так и не миновали Гаспе, — ответила Иоланда глухо.

— Почему?

— Кораблекрушение.

— «Сен-Корентен» затонул, — добавил Адемар.

— Затонул?

— Да, затонул!

С тех пор, как они поселились в этой стране дикарей, ни одно судно из флота Голдсборо не тонуло.

Они были очень ветхими, триумфально пересекали океан или плавали вдоль берегов, но ни один корабль никогда не тонул.

Анжелика несколько секунд не могла поверить.

— Шторм? — спросила она, наконец.

Все время надеясь на везение, никто не забывал, тем не менее, что Сен-Лоран был очень капризной рекой, почти как море.

Они отрицательно покачали головами, посмотрели друг на друга с каким-то неловким движением головы, затем снова застыли. Она собралась было их расспрашивать, чтобы помочь им заговорить, когда Иоланда вдруг решила:

— По нам стреляли.

— Ядро! Два ядра и прямо в цель! — продолжил Адемар. — И вот уже «Сен-Корентен» погружается, а мы оказываемся в воде.

Охваченные единым порывом, они заговорили оба одновременно. Это произошло, когда маленькая яхта довольно далеко углубилась в устье Сен-Лорана.

Вдруг с другого корабля, который можно было с трудом различить в густом тумане, донесся глухой звук, что-то вспыхнуло, и они почувствовали удар. Корабль стал крениться, экипаж пытался заделать пробоину, остановить поток воды.

Пока господин де Барсемпюи приказывал спустить на воду большую шлюпку, и советовал пассажирам, среди которых было несколько женщин, занять свои места, сам но уже спускался в другую лодку вместе с четырьмя членами экипажа. Налегая на весла, они направились к силуэту большого неподвижного корабля, нереального, как угрожающее привидение. Стоя в лодке, крича и размахивая знаменем господина де Пейрака, Барсемпюи повторял в свой специальный аппарат для усиления голоса, что они из Голдсборо, и что он просит помощи и спасения.

Все видели, как они исчезли, без сомнения, за бортом корабля.

Все это время, повинувшись приказаниям капитана, все пассажиры «Сен-Корентена», не участвующие в починке, пересели в шлюпку.

И правильно сделали, потому что в тумане снова раздался гром, вспышка, и на этот раз корабль Джоба Симона перевернулся и затонул.

— Все спаслись?

— Увы, нет. У двоих людей не хватило времени покинуть тонущий корабль, они исчезли вместе с «Сен-Корентеном».

Другие бросились в воду. Среди них был и Джоб Симон, задыхающийся, отплевывающийся, проклиная все свои неудачи; он, как и другие, был подобран шлюпкой. Она была перегружена и находилась под угрозой потопления, но все-таки оставалась неподвижной на поверхности реки среди тумана.

— Вам это приснилось!

Она искала на их лицах признаки помешательства ума, или — она надеялась на это какое-то время — розыгрыша, шутки, без сомнения, неудачной, на которую они решились по глупости.

Нет! Катастрофа, внезапный удар и ошеломление, во власти которого они находились, не были притворными.

Иоланда зарыдала.

— Где ваши дети? — спросила Анжелика, холодея от ужасного подозрения.

Женщина расплакалась еще больше.

Наконец среди слез, всхлипываний, стонов молодой жительницы Акадии Анжелика разобрала, испытав облегчение, что дети находятся в безопасности у бабушки с чудным именем Красавица-Марселина, на ее мельнице в Шинекту.

К тому же бедные Мелани и Ансельм чуть было не расстались с жизнью в этой тяжелой шлюпке.

Они наконец встретили большую барку одного из местных колонистов, Танкреда Божара, который взял их на борт и довез до скал Гаспе. Друзья господина и госпожи де Пейрак, выслушав их рассказ, посоветовали им не пытаться проникнуть дальше, чтобы попасть в Квебек. По их мнению, готовилась какая-то гадкая затея, связанная с заместителем господина де Фронтенак на его посту. Они готовы были поспорить, что это был официальный корабль, который вез его и который и нанес смертельный удар «Сен-Корентену».

«Как можно скорее возвращайтесь к себе и предупредите господина де Пейрак», — сказал им старик Божар.

Он любезно предоставил им свою одномачтовую яхту и штурмана. «Вернете, когда сможете, с небольшим грузом угля из Ка-Бретон и несколькими пакетами прекрасной сушеной трески».

От поста к посту потерпевшие кораблекрушение добрались до Тидмагуша. И вот, когда ни хотели пересечь пролив между восточным берегом и островом Сен-Жан, тот оказался занят тюленями, которые ошиблись в своей дороге миграции.

— Во всяком случае, в этом новый губернатор не виноват, — сказала Анжелика.

— Когда люди начинают терять голову, сама природа приходит в разлад, — сказал Адемар задумчиво. — Если только дело не обстоит наоборот. Когда природа приходит в разлад, люди теряют головы!

Адемар заговорил тоном назидательных проповедей, как и раньше. Он продолжал, почти стеная:

— А! Двести тысяч тюленей в проливе. Поверьте мне, мадам, когда природа ошибается, это самое ужасное зрелище. Это тоже знак. Конец света не так далек! Это начало катастроф... катастрофических масштабов.

Остановившись из-за тюленей, неправильно выбравших путь по причине ли звездных перемещений, луны или солнца, они пристали к берегу недалеко от Шедиака, затем пешком пересекли перешеек, чтобы достичь форта Французская бухта.

Оставив детей у Марселины, они отчалили, чтобы достичь Голдсборо.

— Танкред говорил о новом губернаторе, — удивилась Анжелика. — Не правда ли, речь шла скорее о новом интенданте?..

— Он говорил: губернатор.

— А Барсемпюи и его люди, они остались в руках пиратов? Говорите же!

— Вот! Пока мы пытались — одни — сесть в шлюпку, другие — спасти «Сен-Корентен» — и второе ядро еще не было выпущено, — некоторые видели, скорее, это было смутное ощущение через туман, лейтенанта де Барсемпюи повешенным на рее.

— Повешенным?

— Мы сами этого не видели. Спросите вон у них.

Адемар указал на двух мужчин, подходящих к группе, которую составляли Анжелика с детьми и сурруги, стоявшей около постоянного двора.

Они были из Французской бухты и составляли часть экипажа «Сен-Корентена». Спасшиеся из кораблекрушения, они перевозили свои семьи под покровительство форта Голдсборо.

Видя, что они все еще дрожат и чуть не плачут, как дети, она увела их к Колену Патюрелю, чтобы представить ему события одно за другим. Можно было бесконечно рассуждать о подробностях происшедшего, начиная с ошибочного выстрела, виной чему туман, заканчивая возможностью войны между Англией и Францией, которая еще не докатилась до Америки.

Но была смерть Барсемпюи, необъяснимая, необъясняемая. Она надеялась, что это ложная новость. Ей нравился этот молодой человек; который был не так уж молод, но который взволновал ее своей чистой любовью и искренностью по отношению к нежной Марии, одной из дочерей Короля. Она была коварно убита Арманом Дако, секретарем дьяволицы, и он никогда не мог утешиться от сознания ее потери. Любовь и страдания украшали жизнь этого человека.

— Повесили! — повторяла она. — Это невозможно. Даже английский капитан, оказавшись в устье Сен-Лорана, не осмелился бы... Эти испуганные бедные люди ошиблись.

Барахтаясь в воде, как говорил Адемар, и в безумии первого удара пушки, ослепленные туманом, они решили, что видели худшее. Да еще Жоффрей уехал! И господин де Фронтенак тоже!..

В смешении событий был некий нарочитый призыв к беспорядку, а это всегда означало появление дьяволицы. Все та же напористость.

Неспособная проанализировать то, что она испытывала, она могла только лишь думать: «Все идет хуже и хуже».

Происшедшие события не разуверили ее в этом.

Глава 28

Дьяволица! Паутина ее хитростей мало-помалу опутывала жертвы, парализовывало волю, усыпляла бдительность и обманывала взгляд.

Анжелика почувствовала, что сеть сжимается вокруг них. Только она это поняла, как одним утром она услышала крики и проклятия, доносящиеся из порта. Она увидела женщину, которая отбивалась от нескольких мужчин, державших ее. Вид ее был ужасным, растрепанный и растерзанным. Анжелика была шокирована. «Нет, этого не может быть», — подумала она.

Дети подбежали, крича:

— Госпожа Анжелика! Скорее! Только что причалила женщина, охваченная ужасной болезнью.

Ей пришлось призвать на помощь все свое спокойствие, привычку обуздывать истерические проявления, которые начинались, когда кто-нибудь пронзительно кричал.

Издаലെка она увидела силуэт молодой женщины, которая пыталась бежать из рук, которые ее удерживали. Без чепца, потому что она сорвала его, ее волосы растрепались и скрывали лицо. Без сомнения, она была иностранкой, то есть ей не были знакомы берега Французской бухты, ибо люди из Голдсборо принимали вид одновременно безразличный и несколько насмешливый, про таких говорят «их не поймешь». Если немного жалости и присутствовало на некоторых лицах, ибо всегда грустно видеть человека, потерявшего разум, то большинство было попросту заинтриговано сценой. Анжелика подошла и проникла внутрь кружка вокруг несчастной, которая стояла на коленях.

— Что происходит? Кто эта женщина?

— Кто знает? Она не захотела сказать нам свое имя, — объяснил один из матросов, которые держали ее под руки.

Он был рыбаком, он ловил треску. Ему поручили на его лодке доставить сюда эту несчастную, которая не уставала повторять: «Голдсборо! Голдсборо!» и которая от поселка к поселку шла, спрашивая дорогу на Голдсборо.

* * *

Пока он говорил, женщина, а точнее, молодая, хрупкая и хорошо сложенная дама, была распростерта навзничь. Затем ее подняли и, поддерживаемая под руки, она осталась на коленях. Однако, она успокоилась, стоило ей только услышать голос Анжелики, или это было только совпадением? — потому что в этот момент внимание несколько ослабло и было направлено в другом направлении. Ее прекратили бранить и требовать, чтобы она «стояла спокойно». Но можно было видеть, как она вдруг конвульсивно вздрагивает, как рыба, которую считают мертвой, и которая в последнем прыжке стремится перескочить через борт, ибо, вырвавшись, наконец, из рук тех, кто ее держал, она обняла колени Анжелики обеими руками.

Затем, подняв голову, она закричала тревожным и скорбным голосом:

— Она идет! Она идет!

И Анжелика, сбита с толку, узнала, хоть и бледную, испуганную и растерзанную, утонченную супругу морского лейтенанта Жильдаса из полка Кариньян-Сальер, Дельфину Барбье дю Розуа собственной персоной. Она видела ее в прошлом году во время их пребывания в Квебеке.

— Дельфина! Это действительно вы? Дельфина, что с вами? Зачем вы приехали? И в таком виде! Отвечайте!

Губы молодой женщины дрожали, в уголках блестела пена. Казалось, ей было трудно отклеить язык от неба.

— Она хочет пить, — сказал кто-то.

Бретонцы сказали, что она отказывалась пить и есть в течение нескольких дней, она только твердила: «Голдсборо! Голдсборо! Скорее! Скорее!»

— Или же это страх.

Анжелика взяла в ладони лицо Дельфины и с нежностью стала говорить, чтобы помочь ей прийти в себя: она приехала в спокойный порт, сейчас она освежится и отдохнет. Здесь, в Голдсборо, с ней не приключится ничего плохого...

Эти слова, казалось, достигли измученного разума, взгляд молодой женщины становился все более осмысленным. Она попыталась объяснить:

— Я ее видела! — удалось выговорить ей не без труда. — Я ее видела! Ах! Я знала, что наши предчувствия были справедливы, и что будет не так просто избавиться от нее. Она нас настигла! Мы пропали! Я ее видела.

— Но кого?

— Ее! — выдохнула Дельфина дю Розуа. — Вы ее знаете очень хорошо. Она! Герцогиня, благодетельница. Она, дья...

Она запнулась на последнем слове и упала.

* * *

Анжелика велела унести ее в форт, в свою квартиру и положить на ее собственную кровать. Это было место, где можно было наилучшим образом ухаживать за больной и откровенно беседовать.

Она начала смачивать ей губы, словно у той был жар. Потом она дала ей свежей воды, и, как догадывались моряки, Дельфина было очень голодна и хотела пить. Она пила долго, что возвратило ей немного румянца. Она откинулась на подушки с глубоким вздохом, но скоро снова задрожала.

— Бог мой! Что с нами будет? — стонала она, заламывая руки. — Она меня всегда ненавидела, особенно меня. Ненавидела за то, что я скрылась от

нее... Она убьет меня, убьет Жильдаса, моего бедного мужа. Она поклялась меня уничтожить. Даже в течение этих лет мне доводилось просыпаться и ожидать, когда она позовет меня и вновь пообещает, что отомстит семьсот семьдесят семь раз... и вот она появилась из могилы! О! Госпожа Анжелика, помогите мне!

— Я очень хочу помочь вам, но нужно, чтобы вы успокоились и рассказали о том, что вас так напугало.

— Хорошо! Я видела ее, живую, возле меня, и я поняла, что она меня видит! Господи, какой ужас!

— Где, Дельфина? Где вы были в момент, когда ее видели?.. В кровати?.. во сне?..

— Нет! На набережной, как и все. Я смотрела, как причаливает корабль с новым губернатором, которого нам представляли вместе с его супругой, французенкой, и вдруг я увидела ее, со всем ее окружением. Ах! Кровь застыла у меня в жилах. Я поняла, что время настало. Это была она!

— Вас не обмануло сходство? Вы всегда боялись ее воскрешения.

— Именно!.. А разве мы уже давным-давно не разгадали ее злонамеренности? С тех пор, как пропала Генриетта Майотен, у меня не было надежды.

Она настаивала.

— Разве вам неизвестно? Могила там, в Тидмагуше, это могила Генриетты Майотен, сестры Жермены, которая заплатила слишком большую цену той, которую хотела спасти. Они убили ее, обезобразили, затем выставили на видном месте в лесу, переодев в платье герцогини, тогда как герцогиня снова была свободна и готовила новые пакости.

— Как она оправилась от ран?

— Старый Николя Пари занялся всем. Он в избытке имел сообщников на островах... не забудьте. Это был король восточного берега, более могущественный, чем все индейские вожди и даже чем господин Виль д'Аврэ.

Это произошло таким образом, я уверена. Два сообщника из ада... которые стоили друг друга.

— Но если это она, почему она так долго не появлялась?..

Молодая женщина пожала плечами.

— Как знать... Для нее время не существует. Она вечна. Это демон. Демон, который не торопится забыть... но который внушает ее другим, чтобы избежать суда инквизиции... Если взглянуть на ее здоровье, ее красоту... Во Франции, куда она уехала и откуда возвращалась, ее преследовали как сообщницу мадам де Бринвилье. Ее повесили... Она была в довольно жалком состоянии, когда вы вырвали ее из их рук.

— Старик Пари мертв.

— Вот почему она возвратилась! Видите, все совпадает! Годы? Что это для нее? Они так коротки для нас, потому что мы работаем, мы возрождаем наше бывшее разрушенное счастье.

Для нее, может быть, настало время покончить со своим старым любовником, разорить его, убить его и выйти замуж за другого. Это позволит ей под новым именем появиться в Канаде, где, зная все обо всех, она будет продолжать всех дурачить и будет мстить нам.

— Но если предположить, что это она, ибо вы узнали ее легко и быстро, не будут ли и другие заинтригованы? Ей грозит опасность быть разоблаченной в любой миг.

— Кем? Все свидетели молчат. Кто осмелится?

— Интендант Карлон, например. Он не из самых худших.

Дельфина рассмеялась с разочарованием.

— Интендант, что он может? Он очень плохо устроился, чтобы позволить себе роскошь выступить обвинителем. Он знает, что рискует жизнью. У нового губернатора в руках вся власть.

— Но это не мешает...

— Наоборот... Ибо вы еще не знаете, что новый губернатор женился, и что его жена сопровождала его, и что... супруга нового губернатора, мадам де Горреста... это она! Что до других, то она их обманет. Ей ничего не пришлось потерять из своей дьявольской власти. Эта власть более могущественна, чем когда-либо. Она их всех обманет, как и здесь. вспомните вас, вдохновенную, в момент, когда она причаливала, якобы после кораблекрушения и показывая якобы разорванное платье, прическу, которую она разрушила... и никто, никто ни о чем не догадался. Даже вы, поспешившая ей на помощь, даже мы, считавшие ее безупречной и красивой. Сколько же людей живут иллюзиями и боятся реальности. Она любила играть с необходимостью мечты и забвения. Нас, как и других, она убаюкала, очаровала своей улыбкой, изящными речами и взглядами, полными полунамеков и скрытых обещаний.

При этих словах Анжелика снова вызвала в памяти лицо Амбруазины, точнее, оно само возникло перед ее глазами.

— Это невозможно! — вскричала она, изо всех сил сопротивляясь реальности, не желая верить. — Дельфина, это точно была она?

— Может быть, она изменилась. Другое лицо, другие черты... волосы другого цвета — но это достигается легко — и прическа по новой моде... по моде, которая ей не идет. Она стала другой. Она стала менее красивой... она кажется старше...

— В самом деле?

— Но ее взгляд — тот же, ее улыбка, манеры, и она смотрела на меня... Я была парализована, словно кролик перед взглядом змеи. Она прошла рядом со мной, в толпе, со своим эскортом, улыбающаяся, и она сказала мне так, что никто больше не слышал: «Этим

вечером ты умрешь!..», она смотрела мне в глаза и почти не двигала губами.

— Вы действительно слышали эти слова? Вы узнали ее голос?

Дельфина вздохнула и закрыла глаза.

— Я поклялась бы в этом перед Богом. Ее взгляд повторял ее речи. И, вспомнив о ее ловкости, о молниеносности, с которой она наносит удар, я поняла, что не должна предоставлять ей малейшую возможность застать меня врасплох, вечером она пришлет убийц. Квебек — это опасная ловушка; мне надо было бежать незамедлительно, если я хотела спастись.

Воспользовавшись суматохой прибытия высоких гостей, я устремилась в лодку, которая, некоторое время спустя, доставила меня и других пассажиров на маленький корабль, который направлялся в Тадуссак. Он отчалил с приливом, и экипаж, увлеченно рассматривавший корабль губернатора и высоких гостей, не обратил никакого внимания на мое присутствие. И...

Она прервала рассказ, казалось, она ослабла.

— И вот я здесь, — заключила она. — Я пропавшая, умирающая после этого ужасного путешествия. В начале у меня не было никакого намерения отправиться в определенное место. Я хотела только убежать, удалиться как можно дальше от Квебека... До вечера. Затем, мало-помалу у меня возникла идея. Найти вас, потому что только вы можете... вы можете меня понять, мне поверить.

Она замолчала. Ее снова трясла нервная дрожь.

— Но моя дорогая Дельфина, — сказал Анжелика, подбирая слова, — вы абсолютно уверены, что не поддались импульсивному толчку, что не поспешили? Эта дама находилась среди новоприбывших, вы видели много незнакомых лиц. Всем известно, что такое

суматоха, которая сопровождает прибытие кораблей. Сходство... и вам показалось...

— Нет! Нет! Этот взгляд не забывается! И эта улыбка победительницы, когда она меня заметила. Все ждали нового губернатора, господина Горреста и его супругу... но это была она, говорю я вам.

— Сильное сходство с названной дамой вам напомнило другие обстоятельства, слишком тяжелые.

Молодая женщина вздрогнула и посмотрела на Анжелику потухшим взглядом.

— Вы мне не верите?

Чтобы отвлечь ее от заботы, Анжелика спросила:

— Где Жильдас?

— Жильдас? — повторила Дельфина с отсутствующим видом.

— Да! Жильдас, ваш супруг.

Дельфина несколько раз провела рукой по лицу.

— Жильдас! Ах, да! — сказала она, словно очнувшись от сна. — Бедный друг! Только бы... Нет! К счастью, он ничего не знает. Он ничего не поймет. Она не может причинить ему зло. И, во всяком случае, я от нее сбежала.

— Но, наконец, Дельфина, ваш муж! Вы его предупредили?

— Нет! Нет! Я уехала так быстро! Так было нужно. Ее глаза сказали: до сегодняшнего вечера. У меня был только один выход. Тотчас же скрыться, река была рядом... Я знаю ее дьявольскую ловкость, и как она одним движением захлопывает несколько ловушек, в которые мы попадаем, как мухи в паутину, где в середине сидит кровожадный паук. Но я знаю ее слишком хорошо. Много раз несколькими словами она ставила меня в известность о своих планах, и они тотчас же исполнялись, словно ее слова — это змеи, которые уползали и устремлялись к намеченной цели без промедления.

Пока Анжелика пыталась выяснить реальность рассказа Дельфины, та, казалось, погрузилась в себя. Она села на край кровати, затем поднялась. Ее жесты были механическими. Она осмотрелась, словно узнавая место, где находится, затем расправила обеими руками складки платья и подошла к окну.

Она оперлась о раму, посмотрела на улицу. Она была спокойна. Мало-помалу выражение меланхолической радости и нежности появилось на ее лице. Она медленно подняла руки, этот жест мог означать мольбу небесам, но в нем было что-то колдовское.

— О, Голдсборо! Голдсборо! — пробормотала она. — Как я люблю тебя и как ненавижу. Здесь начались мои страдания, но здесь я возродилась. Как я тебя ненавижу, Голдсборо, за то, что узнала здесь о ее существовании, и как я люблю тебя за то, что ты оторвал меня от нее.

В Голдсборо Дельфина проявила много мужества. Анжелика сразу же увидела в ней самую надежную из своих союзниц, которые составляли ее окружение. Она всегда уважала Дельфину за хладнокровие и самоконтроль. Только герцогиня де Модрибур имела власть над ней, только она одна могла видеть ее насквозь.

Она доказала, что не была такой слабой, чтобы потерять разум из-за пустяков.

Не поворачиваясь к Анжелике, Дельфина снова заговорила. Ее голос теперь стал нормальным, но с оттенком легкой грусти и упрека.

— Почему вы сомневаетесь во мне, мадам де Пейрак? И почему вы считаете меня сумасшедшей?

Она продолжала смотреть в окно.

— Напрасно вы уверяете, что не разделяете моих страхов. С самого начала вы спрашивали меня об очень большом количестве моих знакомых. И мы поняли,

изучив список, который просил составить господин д'Антремон. Но я похожа на вас, я знаю, люди всегда надеются, когда ничто не поддерживает их уверенности, что секрет будет сохранен; они пребывают в страхе, что их выдадут. По крайней мере, следуя опыту, нужно быть осторожной, особенно, если вас предупреждают, нужно быть мужественной и готовой ко всему. Я про себя могу это сказать. Я всегда была такой. И это в тот раз помогло мне спасти свою жизнь.

И позже вы поздравите меня, госпожа Анжелика, с тем, что я ни секунды не колебалась, и перестанете беспокоиться о моем состоянии и здоровье. Вы хорошо меня знаете, мадам. Вы знаете, что наша демоническая знакомая может заставить меня вести себя как сумасшедшая, но не сделает меня безумной.

Эти речи подействовали на Анжелику. Обескураженная, она не знала, что думать, и внимательно посмотрела на Дельфину, на ее изможденный силуэт, и ее поразила одна деталь.

— Дельфина, разве это неправда, меня предупредили, что вы в положении? Если мои подсчеты верны, то вы должны находиться на шестом или седьмом месяце.

Дельфина согнулась пополам, как от внезапной боли.

— Я потеряла его, — закричала она, рыдая. (Она закрыла лицо руками). — О мой Бог! Мне было обещано такое счастье... А потом... все кончилось. Бедный малыш! Бедный Жильдас! Какая беда для него в разгар счастливых дней!

Эта драма могла бы иметь и другое объяснение. Происшедшее могло повлиять на разум Дельфины. Такое иногда случается.

Дельфина угадала ход ее мыслей.

— Не думайте. Это произошло не в Квебеке, — сказала Дельфина, подойдя к Анжелике. — В Квебеке я хорошо себя чувствовала и готовилась стать счастливой матерью. Может быть, ее взгляд убил его во мне, но я думаю, что, скорее всего, это усталость и страдания этого ужасного путешествия.

Задыхаясь, она рассказала, как это случилось.

— Это произошло на проклятом корабле из-за ужасной бури, которая обрушилась на нас в заливе Сен-Лоран. Нас кидало от одного борта к другому, мы падали и ударялись о снасти. Немного спустя после бури я почувствовала, что внутри у меня что-то разрывается, я почти потеряла сознание, и чуть позже он уже был в крови на грубой палубе. О, мой бедный малыш!

Она отчаянно зарыдала и стала раскачиваться взад-вперед.

— Он уже был такой хорошенький, такой нежный, такой чудесный. Матросы хотели выбросить его в море на съедение бакланам. Я вырвала его у них и сколь долго могла, прижимала его к сердцу. В конце концов капитан понял, какого рода страдания я испытываю, и принес мне маленький сундучок из дерева, который он запечатал свинцом. Я сама положила его на мостик. Я сама хотела опустить его в море. Но стоило мне выйти на воздух, как меня поразил адский шум. Море было черным от морских львов, которые по ошибке попали в пролив и кричали, как тысяча приговоренных грешников. Я стояла, парализованная зрелищем и шумом, а капитан взял ящичек и кинул его прямо в воду. К счастью, он сразу поплыл от этих животных, черных и блестящих.

Этот капитан оказался славным человеком, — признала она.

Она молчала, по щекам текли слезы.

— При следующем переходе, уже в заливе, индианки выходили меня. Но я больше никого не видела. Я мечтала только об одном: быть рядом с вами. Я повторяла: Голдсборо! Голдсборо! Капитан поручил бретонскому рыбаку позаботиться обо мне, и я высадилась на берег, и там люди взялись проводить меня к вам.

Она замолчала, потеряв силы. Анжелика была очень расстроена. Действительно, женская судьба достойна большой жалости. Она только что готова была обвинить Дельфину в слабости, а теперь она спрашивала себя, как разум этой женщины смог выдержать столько испытаний. Ее рассказ доказывал, что она сохранила ясность мышления. Сообщение о тюленях в проливе, которых видел Адемар, был точен. И при их виде молодая мать испытала еще большие страдания от того, что рассталась с маленьким телом своего ребенка. Дельфина не сошла с ума. Напротив, она с открытым забралом встретила все, что выпало на ее долю.

— Бедный малыш, — пробормотала Дельфина с горечью. — Бедный мой дорогой крошка. Он оказался среди первых жертв возвращения Дьяволицы, это ее первое преступление. Будут еще и другие!

* * *

— «Будут и другие, — предупредила Дельфина де Розуа. — И берегите себя, мадам, потому что из-за ненависти к вам она вернулась в Канаду».

Иногда она подбегала к окну, чтобы посмотреть в направлении порта, словно ожидала увидеть, как она внезапно появится оттуда.

— Отдохните, Дельфина! Она не окажется здесь так быстро. Все-таки она не настолько сильна, чтобы перелететь по воздуху из Квебека в Голдсборо.

Она обняла ее за худые дрожащие плечи.

— Вам надо отдохнуть, моя бедная Дельфина. Я буду за вами ухаживать. Здесь вы можете спать

спокойно, что вам не удавалось так долго. Я еще раз повторяю вам. Здесь вы в безопасности.

— А если она разозлится, не обнаружив вас в Квебеке и отправится в Голдсборо?

— Она прибудет не завтра.

— Напротив, она может приехать завтра, — расплакалась Дельфина, как ребенок.

— Нет! Подумайте. Вы внезапно покинули Квебек в момент, когда она прибыла. Если она приехала в качестве супруги нового губернатора, надо, чтобы она принимала участие в торжествах, ей нужно устроиться... И если предположить, что она вас действительно узнала, она не так-то быстро нападет на ваш след.

— Напротив, она это может.

— Да нет же!

— Она может послать ищеек.

— А я говорю вам, что при таком положении вещей нам выпадают несколько дней, и мы сможем подготовиться к бою. Надо поговорить обо всем этом с господином Патюрелем. Здесь мы среди друзей, мы защищены.

Она по-дружески сжимала в объятиях измученную подругу, укачивая ее, стараясь ее приободрить. И это мешало ей продумывать действия на шаг вперед, и она боялась, что если начнет размышлять, то ее охватит паника.

— Успокойтесь, — повторяла она в сотый раз, исчерпав все аргументы:

— Друг мой, что бы ни случилось, вспомните, что спасение и покой даются в этом мире тем, кто борется за победу Добра... что бы ни случилось. Даже если она возникнет перед вами, сопровождаемая всеми демонами земли и ада, вспомните и никогда не забывайте: Бог всегда сильнее.

Глава 29

Вечером Анжелика устроила Дельфину у тети Анны, которая часто снимала комнату в ее жилище. Ей не удалось поговорить с Коленом Патюрелем, хотя она имела такое намерение, потому что он был в отъезде. Ей нужно было также заняться детьми, которых она забрала у Бернов. Она в двух словах описала Абигаэль неожиданный приезд Дельфины де Розуа, но ничего не сказала о том, что слышала от нее. Она хотела удостовериться, по меньшей мере, перед Абигаэль и до прихода более реальных событий, что сходство было случайным, что Дельфина перепутала.

Она почти в это верила, проснувшись на следующее утро, начиная новый день, за который ей нужно было многое успеть. Надо было подумать об отъезде в Вапассу и заняться сбором вещей в дорогу.

Но с берега доносился шум, извещающий о прибытии кораблей, и она не смогла противостоять желанию подойти к порту и взглянуть на маленькие группы людей, страшась различить среди них силуэт одной женщины. И она рассуждала: «Если предположить, что это она, то мне теперь нечего бояться. Она была побеждена. Я готова ко встрече с ней».

Но когда ей пришли доложить, что ее спрашивают две незнакомые дамы, она вдруг поверила, что она видела, действительно видела, как блестит над водой красное, голубое и желтое, — цвета, предпочитаемые герцогиней.

«Ну вот», — сказала она себе, остановившись, чтобы восстановить силы. Она зажмурилась, затем открыла глаза. Никаких вычурных одежд, никаких кричащих цветов не было на двух путешественницах, которые только что прибыли и которых сопровождали слуги, согласно правил. И Ля Полак, с трудом поднимающаяся по каменистому берегу Голдсборо, браня своего лакея, хоть и являлась неожиданной гостьей, но вовсе не было

нежеланной. Ее силуэт ни малейшим образом не мог быть перепутан с очертаниями фигуры угрожающего эльфа, очень красивого и опасного — дамы де Модрибур, сегодня ставшей мадам де Горреста.

Ля Полак бушевала: из-за своего веса она увязала в мокром песке почти по щиколотку.

— Помоги мне, — сказала она, протягивая остолбеневшей Анжелике свою пухлую руку. — Ну что! Что! Что! Это я! А что ты думала? Что я была не в состоянии, как все остальные, подняться на борт корабля, чтобы нанести тебе визит в твоём Голдсборо, у черта на рогах?

Брызги намочили нечто пышное, похожее на строение из кружев, которое красовалось на ее голове; время от времени она его поправляла, когда оно неуклюже разваливалось.

— Это «фонтанж», — объяснила она. — Кажется, любовница короля, которую зовут, как и тебя, Анжелика, только так и выряжается. И твоя мадам де Горреста ввела это в моду в Квебеке.

— «МА», Мадам де Горреста, — перебила Анжелика, — что означает?

— Жюльенн мне сообщила, — вмешалась Жанина Гонфарель, подмигнув, как заговорщица. — Я знаю все. Но — тихо! Нужно поговорить спокойно, и у меня куча новостей. Что необходимо срочно, так это тарелка супа со шпиком в сопровождении бокала красного вина, ибо я не в силах стоять на ногах от слабости.

Анжелика заметила Жюльенн; это была вторая путешественница. Еще одна Дочь Короля, которая потерпела у этих берегов кораблекрушение на «Ликорне» и которая снова вернулась сюда при тревожных обстоятельствах. Ее супруг, Аристид, раскаявшийся пират, был недалеко, он поднимался по тропинке, ведущей от пристани, и нес багаж этих дам. Несмотря на кружевное жабо, костюм прекрасно

сшитый и с роговыми пуговицами, что свидетельствовало о непринужденности и благополучии, он боялся появляться в Голдсборо, где уже был однажды, в далекие времена, скованный цепями заключенного.

— Если бы не Жюльенн, вы меня бы здесь не увидели, мадам, — сказал он, заметив Анжелику. — Но она захотела уехать из Квебека, словно дьявол гнался за ней по пятам.

Он добавил, понизив голос:

— Кажется, благодетельница, дама дьявола, жива!

После того, как Жанина Гонфарель бросила: «твоя мадам де Горреста», Анжелика была не в силах говорить, придти в себя, и встретить гостей, как того требовала ситуация, словами радости и удивления. Ледяной ком был у нее внутри. В действительности она понимала, что до настоящего момента она не до конца верила Дельфине дю Розуа, теперь нужно было уступить очевидности: Амбруазина, Дьяволица, вернулась!..

* * *

В молчании она провела гостей, которые, не осознав ее молчаливости, удовольствовались ее машинальной улыбкой и болтали, возбужденные и успокоенные тем, что, наконец, добрались до цели своего путешествия.

Она привела их в «Гостиницу при форте», затем — в комнату, смежную с большим залом, где они могли бы побеседовать так, что их никто не подслушал бы, и не стали бы объектом любопытства публики.

Словно привлеченная и ведомая интуицией, Дельфина дю Розуа находилась там и бросилась на шею Жюльенн.

— Так значит, и ты ее узнала! — вскричала она, забыв в своем волнении о дистанции, которую всегда соблюдала в общении с бедной Жюльенн, когда они обе принадлежали к контингенту Дочерей Короля,

привезенных в Канаду благодетельницей, госпожой де Модрибур.

Радость Жюльенн при виде Дельфины была неожиданной, ибо они всегда держались на расстоянии друг от друга.

— Дельфина, милая моя, я находила вас иногда вздорной и чопорной, но мы вместе потерпели кораблекрушение, разве не правда? Вместе мы перенесли смерть и страсть по приказу этой дьяволицы, вместе прожили годы в Квебеке в мире и благе, и я счастлива видеть, что вы убежали от нее.

Вот и до этого дошла очередь.

— Итак, это правда? И вы, Жюльенн, узнали ее? — спросила Анжелика.

— Узнала? Да-да. Это она. Никакого сомнения. И особенно глаза. Ее лицо немного изменилось из-за ран, которые ей нанесли. Я видела ее совсем близко. Она стала менее красивой. Но это она. Я видела шрамы.

По крайней мере, Жюльенн еще никогда не обманывалась насчет благодетельницы, что стоило ей, в ее время, презрения ее соратниц.

— Какой удар! Я уже позабыла ее, эту негодяйку! Она была мертвой, она оставалась мертвой! И с появлением этой мадам де Горреста я считала все происшедшее слухами. У меня не было времени прибыть в порт и приветствовать нового губернатора и его жену. У меня серьезная работа в отеле Дье с огромным количеством больных и раненых, которых к нам привозят, индейцев и французов. И затем на другой день к нам привезли Генриетту.

— Какую Генриетту?

— Генриетту Губэ, девушку из окружения мадам де Бомон. Они обе только что вернулись из Франции, с весенними кораблями. Она рассказывала о Париже. Я видела Генриетту. Она была невестой интенданта дома мадам де Бомон. Она была счастлива. И вот ее привозят

к нам умирающей. Несчастный случай! — вот что говорили... Падение! Я побежала, потому что мы все составляем часть одного братства, не так ли? Я тут же увидела, что с ней все кончено, и когда я наклонилась к ней со словами: «Моя бедная Генриетта, скажи мне, что с тобой происходит? Что произошло?», а священник, вызванный матушкой Жанро, обращался с последними словами, я подняла глаза и увидела взгляд, который притягивал меня, и в нескольких шагах я увидела ее. Она стояла с другой стороны кровати, я ее узнала, потому что она улыбалась мне. Она не была мертва, и она вернулась. Мне показалось, что я брежу: дьявол! И в следующую секунду я все поняла. Боже! Какая ошибка! Мадам де Бомон говорила мне, что мадам де Горреста, будучи их соседкой, взяла на себя любезность спасти Генриетту, когда та упала с крыши, куда поднялась, чтобы проверить, укреплена ли пожарная лестница, и затем она велела ее подобрать и положить в ее карету, чтобы доставить в Отель Дье, и вызвала священника... Кто знает, может, она заметила ее из окна и узнала? Кто знает, не прикончил ли ее кто-нибудь в карете?.. Никто не узнает... во всяком случае, если я не умерла тут же на месте, то только потому, что я человек, твердый по натуре, и еще у меня было предчувствие, что ля Роншон приезжал и задавал мне вопросы о «Линкорне», и что во Франции интересовались нашими именами и нашим состоянием. И потом я слишком много повидала, чтобы не придумать способа себя защитить. Я воспользовалась обрядом соборования, чтобы наострить лыжи и удрать через заднюю дверь Отель Дье. Сначала я разыскивала Дельфину, но не обнаружила ее дома. «Нет времени», — сказала я себе. Я начала с того, что стала разыскивать д'Аристид, которая была в лесу со своим аппаратом.

— Эта герцогиня никогда не опомнится, — прогремела д'Аристид. — Мне пришлось оставить в

стороне план изготовления огненной воды, которой нет даже у господина губернатора де Фронтенака, как моя Жюльенн — тут как тут и тащит меня даже не знаю — куда!

— Я тебя, наверное, дважды от смерти спасла, — сказала Жюльенн. — Ты отравилась бы насмерть своей микстурой.

Анжелика слушала их оживленные голоса, не решаясь понять окончательно — не были ли они жертвами коллективного безумия.

Были экстраординарные исключительные явления, которые потрясали умы: горящие лодки, бури, тюлени в проливе...

— Во всяком случае, Генриетта-то мертва, и если бы мы не сбежали, то вскорости настал бы наш черед.

Ля Поллак начала вполголоса рассказывать с таинственным видом:

— Я тоже ее видела, эту «губернаторшу», и мне она не понравилась — слишком приторна. Но старую мартышку не учат гримасничать. Сначала я решила, что она явилась ко мне, улыбаясь, потому, что у меня лучшая кухня в городе, но потом мало-помалу она принялась говорить о себе:

«Мадам де Пейрак! Вы знаете мадам де Пейрак?», и стоило мне только заикнуться о тебе, как она стала облизывать губы, то и дело проводя по ним языком.

— опиши ее.

— Не могу. Только глаза. Иногда они, как золото, иногда, как ночь. Но это не заставило бы меня затеять путешествие. Есть еще кое-что.

Однажды утром я получила записку из монастыря Урсулинок, что якобы мои подсвечники, которые я сдавала им для позолоты, готовы. Однако, я прекрасно помнила, что все мои подсвечники находятся у меня, и никакого заказа я не делала. Но ты же знаешь, я всегда неизменно вежлива и предупредительна с

представителями церкви, и если, — подумала я, — тут и вкралась ошибка, то я уж пойду туда и все выясню. Или, может быть, мне необходимо явиться туда, потому что меня хотят видеть...

В общем, я распорядилась, чтобы меня доставили туда.

В мастерской для позолоты я встретила матушку Мадлен, которая так обрадовалась, увидев меня, словно я принесла ей Благую весть.

— О, дорогая, вы пришли, — сказала она мне. — И, к счастью, мы одни. О! Мадам Гонфарель, вы — подруга мадам де Пейрак, должны передать ей кое-что. Вы скажете ей, что на этот раз я ее узнала.

— Кого «ее»? — спросила я.

— Дьяволицу из Акадии (я уставилась на нее, и она объяснила): Разве вы не слышали о моем видении много лет назад о Дьяволице из Акадии?

— Конечно, слышала, — сказала я ей. — О! Я знаю об этом видении наизусть все подробности, как и все вокруг. И мне известно, что совершенно несправедливо сюда вмешали мадам де Пейрак. Но вы ее оправдали. И теперь вы говорите, что видели ее по-настоящему?..

Очень тихо она сообщила мне, что это была знатная дама, которая накануне нанесла визит Урсулинкам вместе с новым губернатором. Время от времени в мастерскую заглядывала монашка, и смотрела, а матушка Мадлен казалась застигнутой врасплох.

— Но, сестрица, — сказала я ей тоже тихо, — если вы уверены в этом, то почему бы вам, если уж эта дама, она мне тоже не нравится, по правде говоря, — ваша дьяволица, не сообщить ли об этом епископу или вашему исповеднику? Представители духовной власти должны заняться ею, не вмешивая сюда мадам де Пейрак, нашу подругу, которой и так хватило истории с видением.

Она принялась плакать:

— Я им все рассказала!.. Но они мне не верят.

— И вот, понимая ее, я решила уехать, — продолжала ля Поллак. — Тебя нужно предупредить, ведь ты противостоишь ей. Она именно тебя ищет, чтобы отомстить.

— Она не нашла меня в Квебеке, куда направилась в первую очередь. Что до того, чтобы приехать сюда, так это будет не так-то легко. На этот раз мы предупреждены. Здесь мы в безопасности, а губернатор Канады, новый он или старый, здесь не имеет никакого влияния.

— Но она могла бы отправиться в Монреаль, — простонала Дельфина.

— В Монреаль!

И вдруг Анжелика побледнела. Она почувствовала, как у нее на лбу выступил холодный пот.

Монреаль — это Онорина.

В Монреале была Онорина.

И если, будучи в Квебеке, эта ужасная женщина узнает, что дочь Анжелики — пансионерка в Виль-Мари, то она решит отправиться в Монреаль и напасть на Онорину...

Анжелика увидела, как на всех лицах отразилась тень тревоги, охватившей ее.

— Но почему вы сбежали, как зайцы? — вскричала она, повернувшись к гостям. — Наоборот, нельзя было упускать ее из виду, и если она отправлялась в Монреаль, нужно было сесть на один корабль с ней!

— На один корабль с ней? — повторила Жюльенн с испуганным видом.

— Нужно было наблюдать за ней, разоблачить, помешать вредить!.. Разве не понятно?.. Если она поедет в Монреаль, Онорина попадет к ней в лапы!..

Ля Поллак вскочила на ноги и, как ядро, вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

Немного погодя она вернулась в сопровождении мадам Каррер и двух ее дочерей, которые очень ловко накрыли на стол и подали устриц и жаркое.

Анжелика видела себя словно со стороны. Она сидела на стуле, когда ее чуть ли не силой усадила не то Ля Поллак, не то мадам Каррер, перед полной тарелкой и полным стаканом, в руках — столовые приборы, которые ей дали, как ребенку. Ля Поллак подносила стакан к ее губам и говорила, что заставит ее кушать силой, пользуясь собственным опытом, когда в Париже экзекутор влил ей в желудок два полных чайника холодной воды, чтобы заставить ее признаться в краже двух унций огненной воды у трактирщика.

— Хорошие времена тогда были! Да-да. Мы теперь свободны. Но я не позволю этим знатым дамам-отравительницам свободно творить злодеяния здесь. Пей и ешь, мы поговорим позже.

Я сказал хозяйке: кума, вы здесь распорядитесь. Накормите нас быстро и хорошо. Мы иначе не можем продолжать жить спокойно, мы умрем или попадаем без сил.

Отказываясь думать, Анжелика приняла предложение разделить трапезу с подругами, изнемогающими от усталости и впечатлений тяжелого путешествия.

Глава 30

— Следить за ней?.. Разоблачить? Да ты что?! — сказала Ля Поллак, когда они снова были в состоянии разговаривать и почувствовали, что не так нервничают. — Ты видишь, что произошло с Генриеттой, с мадмуазель Ле Башуа?.. Эта убийца действует молниеносно. А мы — против нее!.. Если никто не верит матушке Мадлен, то ты думаешь, послушают нас, Жюльенн или меня?..

— Но все-таки, кто поедет спасти Онорину? — вскричала Анжелика, ломая руки.

Время, которое требовалось, чтобы доехать до Монреалья, дни, недели, месяцы, да, почти месяцы, стоит только вмешаться неудаче; тупое непонимание окружающих действовало на нее, словно высокие стены, мешающие ей взлететь и устремиться на помощь любимому ребенку.

Она вскочила, выбежала на улицу и устремила к Колену, который, к счастью, уже вернулся.

— И прежде всего, эта женщина, кто вам сказал, что она намерена ехать в Монреаль? — заметил господин Берн. — Она и ее муж должны выяснить положение дел у ответственных лиц Квебека, что займет некоторое время. Затем зима помешает им отправиться куда бы то ни было по реке.

Совет проходил в жилище губернатора Патюреля, куда сошлись все, пригласив еще Бернов, чтобы поставить их в известность и принять решение.

Колен ничего не сказал по поводу правдоподобия истории с возвращением Благодетельницы, когда-то предводительницы дочерей Короля. Внимательно выслушав одних и других, он долгое время молчал под пристальными взглядами присутствующих, затем четко заговорил.

Сначала он предложил незамедлительно направить в Монреаль, но по суше, посланца, скорохода, который бы знал все тропинки и проходимые места. Предлогом может быть обмен денег, торговля или огненная вода. Он доберется до индейцев, а те на каноэ доставят его в Виль-Мари. Там он отдаст матушке Буржуа письмо Анжелики, в котором она будет настаивать на самом строгом присмотре за Онориной, чтобы ее не отпускали никуда и никому не доверяли. Если Анжелика захочет, она сможет также предупредить брата, господина Жосслена дю Лу. В согласии с ним и под его контролем малыша посадят на борт корабля, который мало-помалу, этап за этапом, достигнет Голдсборо. Времени

хватит, чтобы спуститься по течению Сен-Лорана до того, как река замерзнет.

Анжелика вернулась в форт, в свою квартиру, чтобы написать это письмо, пока Колен Патюрель разыскивал подходящего человека для путешествия.

Она погрузилась в составление послания, скрип пера ее почти убаюкал. Ее успокаивала мысль, что она что-то может сделать для Онорины.

Она лишь колебалась подчеркнуть в письме к монахине чрезвычайную опасность, которую может представлять собой жена нового губернатора, мадам де Горреста, если она случайно нанесет визит в Монреаль. Никакой ценой нельзя допускать, чтобы эта женщина как-то приблизилась бы к Онорине. Она решила тонко намекнуть двумя словами, что названная дама — это ее давнишний враг. Она надеялась, что настоятельница примет это всерьез. Матушка Буржуа была очень умной и тонкой, ее интуиция подводила редко. Анжелика подумала, что она не даст себя обмануть Амбруазине.

Время от времени Анжелика поднимала глаза. По прекрасным стеклам, привезенным из Европы, стучали капли дождя, стекая по нему, как слезы. Анжелика видела, как природа разделяет ее горести и негодование. Море внезапно взбунтовалось, обрушиваясь на берег с сильными ударами, оставляя на песке белую пену. Песок скрипел под ударами.

Кто-то постучал в калитку, и, поскольку она не отвечала, Колен (а это был он) позволил себе войти без разрешения.

Он успокоился, увидев, что она сидит за секретером и пишет, склонив голову, как послушный ребенок.

Он отдал бы все, чтобы облегчить ее груз.

Он сказал, что подумал.

— Лучше всего было бы, предупредив Маргариту Буржуа об опасности, угрожающей Онорине, детали которой они смогут сообщить ей только спустя

некоторое время, настоятельно попросить монахиню отпустить девочку с посланцем, который присоединится к переселенцам или индейцам, спустится вниз по Сен-Лорану и достигнет Вапассу. Этот путь будет короче и безопаснее, чем плавание вдоль берегов континента. Пока не выпал первый снег, переезд возможен.

Девочка у вас крепкая, ее воспитывали в условиях дикой природы. Поэтому ей ничего не будет стоить провести в каноэ все эти дни, преодолевать перевалы, спастись на жесткой подстилке. Напротив, она будет в восторге, что ей придется вести себя, словно она — канадский мальчишка. У Онорины будет возможность надеть одежду маленького вельможи, представляете себе?

К тому же Колен нашел посланца и относился к нему, как к знаку, данному с неба, который его обнадеживал. Это был метис Пьер-Андрэ, сын Мопертюи, один из самых верных сторонников с начала образования колонии, Онорина его прекрасно знала. Молодой человек прибыл в Голдсборо через горы Вермонта с грузом кож, которые он хотел продать англичанам.

Он тут же отказался от своих планов и выразил готовность тотчас же отправиться в путь со своим братом-индейцем, чтобы придти на помощь Онорине.

Он отбыл вечером того же дня.

Анжелика дала ему массу наставлений, посвятив его в подробности письма, но настояла, что главная цель его путешествия — добиться, чтобы ему доверили Онорину для перевозки ее в Вапассу. Курьеров снабдили едой, огненной водой для согрева и для подкупа проводников, золотыми экю для жителей Монреаля. «В дороге, — говорил он, — можно пользоваться мехами, необходимыми разменными деньгами, тем более, что они прибудут как раз к концу осенних торгов мехом». Против всего этого, а также его

ловкости, свойственной детям лесов, его соратников, его преданности, все коварные действия жены губернатора становились бессмысленными.

Он хорошо знал Маргариту Буржуа, которая научила его читать и доверяла ему.

Анжелика не сомкнула глаз, посылая свои мысли вперед, представляя Пьера-Андрэ, его переезд в Вапассу и мечтая о моменте, когда она сможет прижать Онорину к своей груди.

Только тогда вмешательство Амбруазины перестанет ее беспокоить. Она предоставит другим разбираться с этим ужасным демоном.

Находясь в убежище под крышей их форта в Вапассу, под охраной солдат и зимних снегов, Анжелика и Онорина вместе с маленьким принцем и принцессой смогут спокойно дожидаться возвращения весны и Жоффрея, пользуясь временем, приносящим новые радости. Будут дети, друзья, животные, визиты индейцев и изменения неба и земли. В некоторые дни будут бури, и эти дни станут временем ожидания возле камина, временем песен и рассказов. Потом солнце начнет свой золотой балет на сверкающем снегу, и это будут чудеса «карнавалов», игры и радостные прогулки под уколами морозного воздуха.

Колен принимал их у себя.

Понимая замешательство женщин, втянутых помимо воли в эти события, которые угрожали их жизни и отнимали покой, он предоставлял им своим присутствием и советами необходимую поддержку. Он следил, чтобы они хорошо отдыхали и питались, ибо известно, что женщина — супруга, мать или возлюбленная — легко теряет сон и аппетит, если беспокоится.

Он присылал за ними стражников, которые приглашали их на обеды от имени хозяев, разумеется, и сопровождали. Они обретали спокойствие, когда

оказывались в его обществе. Он просил их рассказать и описать Квебек, особенно мадам Гонфарель. Когда говорил он, никто не скучал. Иногда он адресовал Анжелике настойчивый взгляд, чтобы она приложила усилие и доела свою порцию. Она чувствовала надзор и пристальное внимание, что напоминало ей отношение к себе Жоффрея. Колен, как и ее муж, обладал даром делать ситуацию менее драматичной, не отрицая, тем не менее, ее важность.

— Ваши дети более разумны, чем вы, мадам, — говорил он. — Посмотрите, как они едят, они словно взрослые.

Ибо малыши часто были вместе с ними, а иногда к ним присоединялись Берны и их дети, Лорье, Северина и другие.

Благодаря ему в компании царила атмосфера доверительности и веселья. Все говорили про себя, что с каждым новым днем их посланник приближается к Монреалю.

Оставалась надежда, которая позволяла поддерживать друг друга и верить.

— «Она» не может быть в Монреале в это время. Он успеет вовремя.

Дельфина, окруженная заботой, наконец, вышла из состояния животного, попавшего в ловушку, и снова расцвела.

Небольшая одномачтовая яхта входила в порт. Это был «Сент-Антуан» господами де Ля Фальер, которую долгое время никто не видел.

Его потомство, как обычно, прибыло вместе с отцом и с радостным криком присоединилось к другим детям.

Господин де Ля Фальер сказал, что, возвращаясь из Квебека, он прошел через форт Устриц, чтобы взять на борт свою «команду» и наполнить ветром новостей парус.

— Когда вы были в Квебеке? — спросили у него тотчас же, пока он обедал у мадам Каррер, то и дело погружая свой нож в изрядную головку сыра, затеяв настоящий балет между колбасой, куском хлеба и собственным ртом. Дети прерывали это священнодействие и, пока он пил пиво, ждали, что он бросит одному или другому кусочек, получив который, они удалялись.

— Около месяца назад, — ответил он между двумя глотками. — Я хотел поговорить с новым губернатором по поводу долгов, которые мне не возвращает господин Виль д'Аврэ.

Но он опоздал. Нового губернатора не было на месте. Он уехал в Монреаль вместе с супругой, чтобы посетить в качестве вице-короля все поселения по берегам Сен-Лорана.

— Вместе с супругой!..

— Очень любезная дама, как о ней говорят, — сказал Ля Фальер, который, старательно работая челюстями, не обратил никакого внимания на тягостное молчание, воцарившееся за столом.

— Почему такая спешка — отправиться в Монреаль, не успев приехать? — осведомился Колен, произнеся вопрос, бывший у всех в мыслях.

— Кто знает!

Владелец порта Устриц прервал свои гастрономические действия и задумался.

— Да! Ему нужно было бы дожждаться меня. Я проиграл. Я не мог решиться на то, чтобы последовать за ним, ибо потом мне было бы сложно добраться до дома. Индейцы говорят, что зима наступит рано. Я застрял бы во льдах.

Но этот новый губернатор торопился так, словно сам дьявол гнался за ним, а его жена — еще пуще.

Глава 31

Анжелика уткнулась в плечо Абигаэль.

— Посланец прибудет слишком поздно. Она убьет ее! Она убьет ее!

Абигаэль задрожала, но осталась безмолвной. Ее длинные ресницы опустились и скрыли взгляд, в котором она прятала страх. Анжелика особенно нуждалась в доверительных словах. Она увела ее к себе.

Вокруг нее собрались все члены семьи Бернов и старательно увещевали и успокаивали ее, говорили, что судьба не обрушится на них.

Мартьяль подсчитывал время, которое было необходимо правительственному кораблю, чтобы добраться до Монреала по Сен-Лорану. И, предполагая, что мадам де Горреста не появится тотчас же в доме Конгрегации Нотр-Дам, или Маргарита Буржуа проявит недоверие, то получалось, что у Пьера-Андрэ достаточно времени, чтобы достичь цели.

Он будет лететь на крыльях ветра.

И Анжелика благословляла Канаду, которая взрастила таких людей, которых не останавливали препятствия, которые в одиночку совершали подвиги, недоступные группе, которые проходили там, где обыкновенный человек был бессилён.

— Где гарантии, что эта женщина в курсе, что дочь Анжелики находится в Монреале? Может быть, она этого не знает? И не узнает никогда?

— Она не замедлит узнать. Она такая ловкая.

И только мысль, что Амбруазина-Дьяволица идет по улицам Виль-Мари в поисках Онорины, уже рождала неопиcуемый страх, от которого кожа покрывалась мурашками.

Время от времени младшие дети, Элизабет, Аполлина и близнецы, которые играли вместе, замечали тревогу взрослых, подходили к Анжелике и просили поцеловать ее, протягивая к ней свои маленькие ручки. Шарль-Анри не осмеливался на такие вольности. Он

находился в тени возле старших, и Абигаэль, поняв, что он разделяет их заботу и тревогу, взяла его на колени.

Кот, в свою очередь, тоже оставался в стороне, бесстрастно глядя на людей.

Габриэль Берн заметил, что все, что было в человеческих силах, было сделано. Теперь нужно было надеяться на разум, ибо они хотели добиться победы и имели силы.

Часто, когда она оставалась одна, она подолгу глядела на Голдсборо, который никогда не казался ей таким спокойным, напоминающим о днях повседневной жизни без неожиданностей. Но дул дьявольский ветер.

Он дул, принося страх в гораздо большие поселения, нежели этот маленький городок.

Он дул в нескольких душах, нескольких сердцах. Иногда, охваченный необъяснимым ужасом, человек, который видел, который знал, чувствовал себя чужим по отношению к своему собственному брату.

Итак, в этом смертельном одиночестве, свойственном тому, кого проклятие отделяет от равнодушной толпы, началось сплочение людей, призванных разделить боль и принять участие в драме. Но эта драма была лишь частью другой, более грандиозной, более герметичной. Ответ на «почему» ускользал... Никто ничего не знал. В этом мраке никто не видел ничего перед собой в нескольких шагах. Ветер дьявола дул, но дул не для всех.

Секрет переходил от одного к другому среди посвященных и до последнего момента игра должна была быть тайной.

Вспоминая, что она сама спасла жизнь Амбруазины, Анжелика приходила в ярость, потому что теперь эта женщина возникла снова и угрожала ее ребенку. Это было слишком несправедливо!

Она не хотела жертв. Она ненавидела жертвы. И только не Онорина! Малышка Онорина.

Она видела ее, стоящую среди подруг, внимательную и важную. Они танцуют Ронду, маленькая Онорина так красива в свои восемь лет со своим доверчивым взглядом, жаждой жизни и любви, с непониманием жестокости. Она не сможет осмыслить, почему ее мучают, отталкивают, ведь она не сделала ничего плохого!

Анжелика устремляла внутренний взор за горизонт, вызывая армии неба на помощь в справедливом деле.

«Сен-Оноре, Сен-Оноре... Ваше изображение находится на фронте маленькой часовни... построенной там наверху, где ветер обрушивается на вершину Гатинэ, где нашли пристанище мятежницы... неужели вы покинете ребенка, который однажды переступил ваш порог? И был окрещен вашим именем?!.. А вы, аббат, вы оставите ее?

Легион! Легион! Ко мне!!!»

Стоило ей поднять глаза к небу в припадке ярости и бросая призыв сверхъестественным силам, как она увидела возле себя три силуэта черных рабов, хотя нет, четыре, если считать маленькую Зоэ, которая выглядывала из-за спины матери и сверкала черными глазками.

— Дама Анжелика, — раздался голос Сирики, пронзающий пелену тревоги, — мы знаем об опасности, грозящей вашему ребенку. Бакари-Темба предлагает тебе помощь.

— Кто такой Бакари-Темба? — спросила Анжелика, сделав усилие, чтобы возвратиться с небес на землю.

— Сын Акаши. Его старший. Он приехал из края сухих трав, из Африки, с моей родины.

Анжелика едва заметила маленькую семью верного слуги семьи Маниго. Она только знала, что красавица Акаши снова беременна.

Ее глаза перенеслись на мальчика, которого назвал Сирики. Он не вырос с тех пор, как Жоффрей де Пейрак

купил его на набережной Ньюпорта, и когда Анжелика, придя в себя после болезни, заметила его рядом с Тимоти, что заставило ее поверить, что она все еще находится в королевстве Марокко, в гареме Мулэ Исмаэля. Он так и не вырастет больше. Это рождало впечатление, что его голова увеличилась, а ноги стали еще короче и еще сильнее выделялось покалеченное плечо.

— Темба предлагает тебе помощь, — повторил Сирики.

— Помощь? Но чем он может мне помочь? — удивилась Анжелика, глядя машинальным движением голову маленького гнома.

Сирики бросил взгляд на супругу, затем, получив знак согласия, он начал рассказ, который он сократил, как мог, но который был необходим, чтобы она поняла, насколько интересно их предложение.

В стране, откуда были родом Акаши и ее сын, традиция обязывала племена жертвовать новорожденных калек и слабоумных своим богам. Жестокая жизнь этих обнаженных чернокожих принуждала их только к суровости и проявлению силы. Никаких лишних ртов. Приговоренных детей помещали на верхушку гигантского муравейника, обитатели которого очень быстро лишали жизни несчастные создания.

Когда королева произвела на свет — беспрецедентное несчастье — ребенка, который оказался горбатым и безобразным, она не смогла противостоять требованиям закона.

Новорожденный был без церемоний доставлен на съедение прожорливым насекомым.

Два дня спустя охотник, выслеживающий льва, услышал хныканье ребенка, доносящееся с верхушки муравейника. Подойдя, он обнаружил, что

приговоренный малыш не только жив, но муравьи охраняют его.

Благодаря этим знакам защиты Богов ребенка вернули матери, королеве Акаши.

Единственный калека в племени, он вырос в обстановке недоверия и опаски по отношению к способностям к магии, которые не замедлили проявиться.

Пришли торговцы рабами, которые подкупили короля соседнего племени, и те отвлекли охотников саванны и увели их далеко от родных мест.

Воспользовавшись их отсутствием, работоторговцы забрали всех женщин и детей городка.

Так королева и ее больной сын оказались на берегу Сенегала и попали в руки арабов, потом проделали первое путешествие в Сент-Есташ; потом в Сен-Доминик и затем в Ньюпорт, в одну из семи колоний Англии на севере Африки, где они и привлекли внимание графа де Пейрак, который купил их.

Сегодня, узнав об опасности, грозящей ребенку их благодетельницы, маленький колдун просил позволения сделать то, что он хотел, называя это на языке западной Африки «Билонго», то есть магическое действие.

— Ему приснилась страшная женщина. Он уверяет, что может кое-что сделать, чтобы помешать ей вредить. Он уже приготовил из дерева и кости фигурку, ее представляющую.

К счастью, африканский ребенок смог привезти во время своих скитаний основные предметы, в которых он нуждался для своих заклинаний, и этот маленький багаж у него не отняли, ибо с рабами хорошо обращались на голландских кораблях, если они были послушны.

Словно он хотел показать ей свои игрушки или предметы, найденные на земле, — предмет гордости

любого ребенка — он полуоткрыл свою сумку из кожи антилопы и указал ей на предметы неизвестного назначения: коготь пантеры, перья, коробочки с шерстинками, порошками и пылью, волосяные кольца разных размеров.

Он начал вырезать из плотного дерева фигурку, которая должна была бы изображать Амбруазину. «Достаточно головы и шеи, — говорил он. — Нужно только вставить камни, совпадающие по цвету с ее глазами».

— А ты ведь относишься к этому скептически, — заметил Сирики. Он не сводил глаз с лица Анжелики. — Напрасно ты не веришь, ведь момент очень серьезен, а на карту поставлена жизнь твоей дочери.

— Но, однако, наука колдунов не помогла ему и его матери избежать плена.

Сирики вытаращил глаза.

— А ты забыла, что оба человека, которые купили Акаши в Сент-Есташе, пленившись ее красотой, умерли в первые же часы, так и не дотронувшись до нее? И что из-за этого французы и англичане с Антильских островов только и думали, как от нее избавиться, не осмеливаясь убить ее из страха перед еще большими несчастьями.

И, поскольку она молчала, он продолжал:

— Разве ты не знаешь, что магия — это оружие слабого? Все это остается женщине, ребенку, рабу для борьбы с грубой силой мужчины и его оружия из железа и огня. Но в нее посвящены немногие. Вот почему мужчина не перестает испытывать силу своего оружия на слабом, не оставляя ему почти никакого выхода.

Ты мне скажешь, что я тоже мужчина, но как моя жена и сын, я ничего не имею, я — раб. Нужно быть заключенным, попавшим в руки более сильных, чтобы понять проклятие, которое довлеет над женщинами, и

детьми, и слабыми. Ибо я прошел от слабости ребенка к слабости угнетенных.

Продавцы-арабы оторвали меня от моего племени, когда я был так юн, что меня еще не отправили на охоту за первым львом, что доказало бы, что я стал мужчиной. Арабы увели меня в пески, избитого, голодного, и я не был так красив или так молод, чтобы понравиться паше, не был так силен, чтобы носить портшез, слишком слаб, чтобы перенести операцию для евнуха. Я был ничем, мое тело было так истерзано, что я не мог быть достаточно почтителен по отношению к продавцу. В Ля Рошели меня купил Амос Маниго, каким бы бесполезным я ни был, и в его доме я узнал о вере в Бога, пришедшего, чтобы защитить слабых и угнетенных... Какая мне разница, что хозяева потеряли нить доктрины. В их доме он, Бог, которого распяли, шептал мне: «Я пришел ради тебя. Узнай мой язык и мою власть... когда она открывается для защиты слабого и невинного, магия — это инструмент Бога».

Он отдышался и, прежде, чем ей удалось прервать его, он заговорил еще пуще:

— Ты забыла, что Иисус был магом, он прославился при помощи этого оружия. Кто из людей был более слаб, чем он? Человек низкого происхождения, ремесленник, зарабатывающий на хлеб трудом собственных рук, бедный гражданин поращенной нации! Кем был этот молодой человек, который, несмотря на всю свою власть, не смог противостоять силе и оружию?.. Ему во всем было отказано в годы детства, юности, кроме унижения... Магическая сила стала его оружием. Он изгнал демонов, которые терзали бедных людей и были повсюду, он умножил хлебы, вылечил калек, оживил мертвых...

А его последователи, первые христиане? Бедные, как и он, незнающие, кем они были без этого чуда, перед которым могущественные и богатые люди, а

также левиты падали и только и могли сказать: «Верую...»?

— Сирики, ты совсем меня запугал. Не знаю, что и сказать!..

Незамедлительно негр обратился с несколькими словами на родном языке к мальчику, который ответил ему непонятными фразами.

Все последующее произошло очень быстро.

— Он говорит, что уверен, что победит демона этой женщины, если у него будут какие-нибудь предметы, ей принадлежащие, или которых она касалась, а еще лучше, если ему дадут обрезки ее ногтей или пряди волос...

— Предметы! Обрезки ногтей этой женщины? Да вы с ума сошли! Кто осмелится хранить малейшую вещь, принадлежащую ей. Даже если они и были, то их давно выбросили или сожгли с молитвами о спасении. Я знаю, что мадам Каррер избавилась даже от иголок, которыми зашивала ее одежду.

Сирики подумал и предложил:

— Если мы спросим тех двух женщин, которые приехали из Квебека и недавно ее видели?

Все направились на поиски Дельфины и Ля Поллак.

Обе издали громкие крики.

— Предмет? Вещь этой твари! Храни нас Бог от такого! Да мы бы сразу бросили ее в огонь. Во всяком случае мы при виде ее смылись, не собрав толком собственные вещи.

В ответ на такое заявление Аристид Бомаршан скорчил гримасу, потому что нес багаж мадам Гонфарель и знал, что вышеозначенные «собственные вещи» были собраны очень старательно, и сумки были очень тяжелы.

Поскольку разговор шел в «Гостинице при форте», мадам Каррер подошла и объявила, что выбросила не только иголки, которыми она чинила платье герцогини,

но даже нитки, хотя все швейные принадлежности стоили в этих краях очень дорого. Но она предпочитала, чтобы все, что могло напомнить об этой даме, колдунье, отравительнице, которая хотела отправить ее «к праотцам», было уничтожено.

Тут появилась Северина Берн, которая вспомнила, что тетя Анна получила в подарок от герцогини де Модрибур индийскую шаль в знак признательности за гостеприимство. Они отправились к старушке. Тетя Анна, как и ее служанка Ребекка, нисколько не пострадали от того, что общались с демоном. Несмотря на то, что они отказались воспользоваться средствами против нечистой силы и вампиров, с ними ничего не произошло. Они были абсолютно здоровы и спокойны.

Шаль, подаренную мадам де Модрибур, она никогда не носила, что доказывало, что у нее несколько больше здравомыслия, чем кажется. Она даже не прикасалась к этой вещи. Да и к самой герцогине она относилась прохладно. Шаль хранилась в сундуке, и однажды там же они обнаружили мешочек с шейными ленточками и принадлежностями, забытыми герцогиней. Все это должно храниться по-прежнему. Все побежали туда.

Тетя Анна углубилась в недра сундука.

— А! Вот и предметы, которые оставила эта дама.

Она повернулась к ним, держа в руках запыленную шаль и мешочек, открыв который, они увидели несколько шейных лент, гребень и щетку, на которых — неслыханная удача! — осталось несколько длинных черных волос.

Ни за какую награду никто из присутствующих дам, включая Анжелику, не согласился бы прикоснуться к этим предметам, которые тетя Анна поставила на пол. И вот маленький Бакари опустился возле них на колени.

Они смотрели издали, как он выполнял различные ритуальные пассы, бормоча, изредка сплевывая со странным звуком, напоминающим шипение змеи, а его

руки, сложенные так, что каждая ладонь напоминала морду змеи или ящера, двигались в сторону предметов.

Наконец, Темба собрал все — шаль, ленты, гребень и волосы — и сложил их в отдельные мешочки из рыбьих пузырей, которые в свою очередь поместил в большой кожаный мешок. Его он держал в одной руке, а свои приспособления, также в сумке, в другой.

Он весь покрылся потом и дышал с трудом.

Стоя с закрытыми глазами, он произнес несколько фраз монотонным голосом, а на лице его появилось выражение гнева. Потом он прошел мимо них, ни на кого не глядя.

Они медленно вышли из магазина и отпустили тетю Анну, которая ни малейшего понятия не имела о колдовстве до сегодняшнего момента.

Анжелика взглянула на Сирики и на прекрасную Акаши, которая была очень бледна.

— Что он сказал?

— Он сказал, что демон очень силен. Очень силен, очень опасен, его поддерживают другие демоны. Но бояться не нужно. Когда он доберется до основного духа, остальные улетят... Это будет очень тяжело, но он уверяет: твоя дочь будет спасена. Его собственная магия сильнее, потому что он собирается обратиться к Богу Замби, это Бог неба, и он сильнее земных Богов.

— Это опасно?

— Он может умереть, — прошептал Сирики. — И Акаши это знает.

* * *

Накануне отъезда в Вапассу она пообедала наедине с Коленом.

В его присутствии ей не нужно было притворяться и принуждать себя улыбаться и болтать.

Уверенность и спокойствие, исходившие от него, а также любовь, которую, она чувствовала, он испытывает к ней, притупляли ее боль, как наркотики.

Она с трудом проглотила несколько ложек супа и, подняв глаза, встретилась взглядом с Коленом.

— О чем ты думаешь, Колен?

— Я думал... Сколько женщин становятся недоступными, когда их ребенок попадает в опасное положение. И сколько мужчин чувствуют свое бессилие, не в состоянии помочь и смягчить их тревоги.

— Вы можете гораздо больше, чем думаете. Хорошо чувствовать, что ты не одна любишь ребенка.

И она вспомнила Жоффрея, который склонялся над маленькой Онориной, еще младенцем, которая спрашивала:

— «Почему ты меня любишь? Почему?»

И он отвечал важно:

— «Потому, что я ваш отец, девица».

Она была не одна.

Колен положил свою широкую теплую руку на ее.

— Ты не одна, — словно эхо ее мыслей раздался его голос. — Наша любовь везде с тобой. Наша любовь всегда с ней.

И он с уверенностью повторил ту же фразу, которую произнес Сирики:

— Твоя дочь будет спасена.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ОДИССЕЯ ОНОРИНЫ

Глава 32

Онорина знала, что дама с желтыми глазами желала ей смерти. И даже хуже! Когда взгляд дамы падал на нее, когда они были в приемной, она чувствовала себя очень плохо. Ночью ей снились эти страшные глаза, смотрящие на нее. «Дама Ломбард, отравительница». С тех пор, как матушка Буржуа уехала, девочка была охвачена болезнью, которая мешала ей дышать и почти не давала спать. Если бы она рассказала об этих симптомах матушке-наставнице, то та сказала бы, может быть, что эта болезнь называется страх.

Она никогда раньше так не болела.

«Даже когда медведь хотел убить нас, чтобы спасти своих детенышей, он не был так кровожаден, как эта женщина с желтыми глазами».

Мать Жалмен и ее младшие помощницы, которые восторгались: вы поедете в карете вместе с женой губернатора... были глупыми. Когда дама вернется, они заставят ее, хохоча и говоря идиотские фразы, следовать за этой ужасной женщиной, уехать с ней. И она почувствует, как на ее маленьком запястье сомкнутся железные пальцы, как и в первый раз, но на этот раз матушки Буржуа не будет рядом. И она ничего не сможет сделать!

Против этого даже ее лук и стрелы будут бессильны. Если она воспользуется ими, все станут насмехаться над ней. И она позволит увезти себя. И она станет пленницей!..

Когда ей объявили, что сегодня после полудня мадам де Горреста приедет за ней, чтобы взять ее на праздник, она решила спрятаться. Но ее скоро найдут.

Она подумала о бегстве. Но куда?

Вдруг ее осенило:

«Я направлюсь к дяде и тете дю Лу, они живут около Ля Шин».

Это она хорошо вспомнила.

«У меня есть семья!» Она принадлежала к этой семье. Семья должна защищать тех, кто к ней принадлежит, как в племенах. В то время, как никто не может быть уверен, что чужие люди, даже если они клянутся вам в любви и преданности, не повернутся к вам спиной в один прекрасный день. Ведь вы не составляете «часть их семьи».

«Моя тетья, мой дядя, мои кузены», — повторяла она с удовлетворением. А ее тетья была так мила.

Заметив, что дверь в сад открыта, она уже была готова осуществить свой план бегства. Она сожалела о двух коробочках с сокровищами, которые не могла

бросить здесь, это ее задержало. Тут началась перемена, и ей, как и другим, выдали хлебец и грушу.

Онорина положила еду в кармашек передника. Дорога будет долгой, и ей нужно будет перекусить.

Ей удалось проникнуть на второй этаж в дортуар так, что никто ее не заметил.

Она залезла на стул и достала с этажерки свои коробочки. Очутившись на полу, она схватила индейскую сумку Мелани Кутюр — это научит ее никому больше ее не одалживать, — в которую она положила свое богатство. Сумку она надела на плечо.

Теперь она шла берегом реки, счастливая, что ее никто не видел при выходе из дома. Она не была уверена, что выбрала правильное направление, поэтому она нерешительно продвигалась вперед. Все к тому же было окутано туманом.

Если туман не рассеется, то Онорина станет почти невидимой.

Иногда она останавливалась. Она стояла в задумчивости, маленькое создание в простом платье и легком чепчике, из-под которого выбивались волосы, в смутном блеске солнца отсвечивающие медью.

Раздался голос молодого человека, который пел, и из-за поворота реки показалась лодка под парусом, которая причалила к берегу.

Ее владелец, Пьер Лемуан, высокий молодой человек, узнал Онорину.

— Вы прогуливаетесь, девушка?

— Я направляюсь к моим дяде и тете, — сказала Онорина, приняв важный вид. — К господам дю Лу в Сен-Пьер.

Внезапно ее озарило отличное решение. Она добавила:

— Не могли бы вы доставить меня туда?

— Почему бы и нет? — ответил с живостью молодой человек.

Сын реки, он был счастлив, что он был хозяин самого себя на этой реке, что он мог свободно передвигаться между небом и водой, и с удовольствием оказывал подобного рода услуги.

Он помог ей войти в лодку, сесть на скамью и после того, как на веслах добрался до середины реки, поднял парус.

Ветер был попутным. Юный моряк пообещал девочке доставить ее за два часа к району Сен-Пьер.

В районе приходской церкви Сен-Мартен туман рассеялся, и показалась река под голубым небом, блестящая, как кожа змеи.

Это была прекрасная прогулка. Они пели один за другим или хором песни, которым Онорину учили в пансионе. Пьер тоже знал несколько песенок, которым научился у Великих Озер, пример одной из них он привел:

«Я возвращаюсь из далекого края,

Прощайте, мои дикари...»

— Теперь вам нужно будет немного пройтись пешком, — сказал он, высадив ее на берег, — но я укажу вам путь.

Когда вы доберетесь до красного бука, вон там, то не идите по дороге Короля, которая делает большой крюк, а сворачивайте направо и, пройдя маленький лесочек, вы окажетесь на тропинке, которая бежит через луга. Замок сеньора дю Лу — в конце тропинки.

Она посмотрела, как он удаляется, снова распевая свои песни. Ему повезло, что он мальчик и может бегать по лесу, добираясь до Нежных Морей или до Долины Ирокезов.

Она пустилась в путь, радуясь, что узнает места. Здесь она уже была однажды вместе с матерью.

Анжелика, прежде чем оставить ее, посоветовала ей обращаться к семье дю Лу, если ей будет грустно. Но до

сей поры она не испытывала такой сильной грусти, чтобы ей хотелось их видеть. Ибо она была очень счастлива у матушки Буржуа. Ее дядя и тетя приезжали к ней время от времени, но она вредничала и капризничала, сама не зная, почему.

Но несмотря на это, она была уверена, что дядя ее защитит.

Ее дядя скажет: «Это дочь моей сестры! Не приближайтесь!»

Когда она вырастет, она тоже станет защищать детей Глориандры. Она скажет: «Это дети моей сестры». Она попыталась представить Глориандру и ее детей.

Она мужественно продвигалась вперед. Было очень жарко. Пот заливал ее глаза. Сумка стала очень тяжелой. Она перевесила ее на другое плечо. Она спросила себя, хватит ли у нее ловкости, чтобы защитить детей Флоримона и Кантора.

Кантор, конечно, не позволит. Он ей не доверяет и не допустит к семье. А Флоримон и сам достаточно силен, чтобы защитить своих детей.

Ей оставались близнецы. Они были добрыми и всегда показывали свою признательность за помощь. И они не станут спорить, ведь она их старшая сестра.

Ее размышления, в которые был погружен ее ум, позволили Онорине проделать долгий путь так, что она и не заметила. Когда она подняла голову, то увидела ту самую тропинку, о которой ей говорил Пьер Лемуан и которая пересекала луга с овцами и коровами.

Она пошла по ней. Она снова опустила голову, чтобы не пугаться большого расстояния, которое предстояло пройти. Ей показалось, что она слышит где-то недалеко шум колес и звон подков, но не придала этому значения. Тропинка шла в гору. Она устала.

Наконец она заметила башни замка дяди Жосслена. Ее сердечко забило. Скоро она окажется в кругу

семьи. Тетя Люс подойдет, чтобы поцеловать ее, и тогда она обнимет ее за шею и спрячет лицо на ее груди. Как хорошо, что есть такие женщины, как тетя Люс, которые любят детей и ничего не боятся!

Она торопилась, задыхалась, в горле у нее пересохло.

Она добежала до вершины холма. Теперь перед ней открывался вид на плато, через которое по-прежнему бежала тропинка, но она уже ясно могла различить белый фасад замка, отсвечивающий розовым, и голубую крышу.

Поле, через которое она бежала, было разделено на участки, каждый из которых отделялся от других оградой. Возле одной из оград находилась группа людей, без сомнения, знатных, потому что было видно, как развеваются на ветру перья на их шляпах.

Они только что приехали в карете по дороге Короля. Они располагались как раз между Онориной и домом. Среди них была пышно разодетая женщины.

Узнав ее, ребенок остановился в ужасе.

Женщина с желтыми глазами!..

Глава 33

Они привезли ее в каретный сарай, который находился позади необитаемого дома — его хозяин был во Франции, — а сад отделял его от остальных построек и проходящей рядом улицы. Там они принялись разглядывать ее, не обращая внимания на ее страх. — Она более злобная, чем все монашки, вместе взятые, — сказала Амбруазина, щелкая зубами. — Но это не поможет ей обмануть меня, убежать от меня.

Она посмотрела на маленькую дрожащую фигурку и представила позади нее лицо ее матери, которая будет в отчаянии.

Она ликовала и дрожала от истерической радости. Наконец-то она сможет отомстить, она об этом так долго мечтала.

— Позже мы приедем за тобой, — сказала она, — и тогда мы хорошенько позабудемся, моя маленькая любовь!.. Ты пожалеешь, что родилась на свет, что ты — дочь своей матери.

Она приближалась небольшими шагами, ее глаза сверкали все ближе.

— Да! Ты можешь уже сейчас сожалеть, что ты ее дочь. Хорошенько это усвой. Потому что именно из-за нее я заставлю тебя умереть в муках... Хочешь узнать, что тебя ожидает?

Она вытащила прядку волос Онорины из-под чепца и дернула с такой жестокостью, что оторвала кусок мяса. Онорина не издала ни звука. Она открыла рот и стояла безмолвно.

Амбруазина расхохоталась.

— Вы видите, она стала немой от страха!.. Беспокоиться не нужно. И не стоит устанавливать на двери цепь. Она больше не пошевелится. Пойдем. Мы потеряли много времени, пока догоняли ее. В городе могут удивиться моему отсутствию. После всех церемоний мы вернемся... и отправим ее... сами знаете, куда.

Хоть она и сказала, что не надо, они все-таки установили цепь, и Онорина услышала, как щелкнул ключ в висячем замке.

Это ничего не меняло. Женщина с желтыми глазами была права. Она не убежит, ибо она не может двигаться.

Онорина испытывала чувство страшного стыда и бешенства против самой себя. Это причиняло ей большие страдания, чем рана на лбу, которая кровоточила.

Змея, гипнотизирующая кролика.

«Я — это кролик». Чем больше был ее страх, тем меньше она была способна сопротивляться! Она открывала рот, и ни малейшего звука не раздавалось, и

никогда не раздастся. «Вы что, не видите, что она онемела?», — сказала эта женщина, смеясь.

Никогда больше она не сможет бегать, смеяться. Ее мысль застыла, словно в ее голове все превратилось в лед. Ее сердце таяло. Иногда у нее возникало впечатление, что она растворяется в глубине самой себя, как будто она тонула, затем она «всплывала» на поверхность, и это было еще страшнее, ибо тогда она вспоминала.

Время шло, время тянулось... тень надвигалась.

Она различила смутный шум голосов вдалеке, в котором ясно слышался демонический смех.

«Они» возвращались.

«Я хочу умереть».

Дверь открывалась.

Но нет, это была не дверь, а доска в стене, которая была закреплена на одном гвозде и качалась. В щель проскользнула хрупкая и неясная тень. Онорина узнала молодую индианку Катрин, с которой она так здорово пообщалась в приемной в день праздника.

«Катери! Катери! — хотела она закричать. — Помоги!»

Но индианка не могла услышать этот внутренний зов, который не срывался с губ девочки. Она не могла видеть ее, так как было очень темно.

«Она почти слепая!.. Она не увидит меня! Я пропала!»

В своем горе она только повторяла: «Она не увидит меня! Она не увидит меня!» Потом она поняла, и от радости чуть не потеряла сознание, что Катрин Тетаквита проникла сюда, чтобы спасти именно ее, что именно маленькую Онорину она хотела отыскать.

Ибо, наконец наткнувшись на нее, как на застывшую фигуру из воска или дерева, она нежно и торжествующе улыбнулась.

Снаружи приближались голоса и сатанинский смех.

Молодая индианка приложила палец к губам. Она дала знак Онорине, чтобы та следовала за ней. Затем, поняв, что ребенок не был способен двигаться, она взяла ее на руки, хоть сама была очень хрупкой.

Те, кто приехал и был за дверью, не торопились повернуть ключ в замке, они были уверены в беспомощности своей жертвы и смаковали предстоящие моменты, когда та, кого они закрыли внутри, будет корчиться от страха и страданий. Только такого рода удовольствия и могли их развлекать — это были демоны, приверженные своей предводительнице, большинство которых потеряло душу и человеческий облик. Они потом вспомнят, что пока они приближались, какая-то индейская женщина промелькнула мимо них с ребенком на руках и исчезла в лабиринте улочек.

— О! Катрин! Ты спасла меня! — сказала Онорина, обняв молодую индианку за шею. — О! Катрин, ты спасла меня из «преисподней»!..

ЧАСТЬ ОДИНАДЦАТАЯ. ОГНИ ОСЕНИ

Глава 34

По тропинкам между Кеннебеком и Пенобскотом продвигался караван. Среди шелеста листьев и шума леса раздавались голоса детей.

— Когда приходит несчастье, сэра Кот не появляется.

— Несчастье, а какое оно?

— Это высокий человек черного цвета с большим мешком.

— Может быть, несчастье хочет съесть нашего сэра Кота?

Шарль-Анри и близнецы спорили по поводу отсутствия сэра Кота, который в момент отъезда каравана в Вапассу куда-то исчез, что лишило детей их соратника по играм до следующего лета. И Анжелике это не нравилось. Она, конечно, не боялась за кота. Ему всегда удавалось быть там, где он хотел. Но Анжелика

не могла противиться мысли, что если он покидал ее, то на это у него были серьезные причины.

И пока шаги мулов, которые везли детей, и ее лошади раздавались на лесной тропинке, она спрашивала себя, не избегал ли кот того проклятия, которое наложила на нее Дьяволица, словно это было заразной болезнью.

Вот об этом-то сейчас и говорили дети, надежно закрепленные в маленьких креслах на спинах кротких мулов. Они не были глухи к разговорам, которые взволновали весь Голдсборо, и сделали свои выводы из этой истории. Шарль-Анри был одновременно переводчиком и комментатором рассказов близнецов, ибо их язык оставался пока невнятным. Они придумали, как должен выглядеть образ Несчастья — длинная, черная фигура, они почувствовали, что она волнует умы взрослых.

— Я не хочу, чтобы Несчастье съело сэра Кота, — сказала Глориандра, розовые губки которой уже дрожали от приближающихся рыданий.

— Сэр Кот не даст себя съесть, — успокоила ее тотчас Анжелика. — Наоборот, быть может, сэр Кот выцарапает глаза этому Несчастью.

— Но у Несчастья нет глаз, — ответил Раймон-Роже, глядя на нее своими темно-кариими глазами, которые контрастировали с вьющимися волосами и нежным цветом лица, и когда он смотрел, то они сразу же выделялись на фоне белой кожи и светлых волос.

Анжелике нравилось детское бормотание.

Она сажала их перед собой по очереди в седло и ощущала, обняв, как бьются их сердца, как работает их мысль, похожая на птичку, только что пробудившуюся и начинающую петь, и знала, что между ними и ей день ото дня крепнет связь, которая будет длиться всю жизнь: «Мое дитя!» — «Моя матушка!».

Голубые глаза Глориандры и ее черные волосы, более красивые, чем самая красивая ночь, и красоты Раймона-Роже «рыжего графа», в котором она уже видела волю к победе в бою, что, безусловно, он взял от отца, с первого дня жизни победив смерть, немного успокаивала ее тревоги.

И наконец, Шарль-Анри, странный одинокий ребенок, отмеченный судьбой, добрый, редко, но мягко улыбающийся, он смотрел на нее с такой радостью, когда она брала его в седло. Он напоминал ей ребенка, который исчез, и который носил то же имя.

— Лось — это спокойное животное с угрюмым характером, которое любит сырость.

Постепенно они продвигались от одного маленького пруда к другому, и везде они видели лосей, пьющих зеленоватую воду, а на фоне неба, словно крылья, выделялись роскошные рога.

Потом Анжелика поняла, что это одно и то же животное, которое всегда приходило встречать их, когда они совершали такой путь.

Она говорила ему: «Здравствуйте, страж Кеннебека».

А дети вслед за ней повторяли ее приветствие.

Они должны были достичь Вапассу в течение месяца.

Погода была хорошей, ничто не торопило их в пути, поэтому они могли позволить себе останавливаться в местах, ставших привычными.

В Волвиче, английском городке, где родился их друг-недруг Фипс, Анжелика надеялась повидать Шаплея, который был посвящен в секреты медицины. Но его не было, и, жалея, что не увидела его, его жены, сына и невестки, которая вскормила Глориандру, они продолжили путешествие. Анжелика также жалела, что не встретила его, потому что у нее не было достаточно

запасов лекарственных трав против малярии, и именно он смог бы ее выручить.

Широкая река разворачивалась, превращалась в громадную сеть речушек поменьше, огибающих несметное количество островов и островков, утыканных черными елями.

В этом лабиринте сновали каноэ индейцев и парусные корабли.

Каждое лето пираты с Карибского моря появлялись на реке, в надежде достичь поста голландца Петера Боггана на острове Хусснок, самыми большими ценностями которого были произведенные им же самим буханки белого пшеничного хлеба и бочонки пива.

Пираты успокаивались вокруг бочки с «горячей» жидкостью, секретом изготовления которой владел только один голландец, в которую входили два галлона лучшей мадеры, три галлона воды, семь литров сахара, овсяная мука, сушеный виноград, лимоны, специи... и все это поджигалось в большом серебряном котле.

Затем они прошли мимо разрушенной миссии Норриджвук, где жил отец д'Оржеваль, остановились на несколько дней на шахте Со-Барре, которую держал ирландец О'Коннел. После того, как он женился на акушерке Глории Хиллери, его характер заметно изменился к лучшему. В ходе путешествия произошел небольшой, но важный случай.

Немного спустя они оставили позади шахту Со-Барре, и тогда прибыли первые разведчики, которые объявили, что видели впереди большое скопление ирокезов. Со времени драмы в Катарунке отряды индейцев, пришедшие убивать и грабить, не наблюдались в этих местах.

— Может, это были гуроны?

Но жители этих краев были наблюдательны. Их инстинкт, особенно обостренный из-за убийств, совершавшихся в прошлом, не обманывал их.

Некоторые отправились в хвост каравана, имея намерение сбежать. Солдаты из авангарда сгруппировались вокруг Анжелики и детей.

Сидя на лошади, она осмотрелась и узнала это место. Его называли «Бухточка Трех Кормилиц». Они были на подходе к нему.

— Постараемся добраться дотуда, — предложила она. — Мы сможем перегруппироваться, создать линию обороны, если нужно.

Она не очень беспокоилась. У нее с собой было «слово» матерей Пяти Наций Ирокезов, которое ей сослужило уже службу однажды в Квебеке.

Она присмотрелась, и на другой стороне реки среди деревьев она заметила силуэт Уттаке, вождя Могавков.

Это был он, несмотря на другую прическу.

Его головной убор был короче, он был, как щетка, и с одним пером черного ворона.

Он был один, но она не сомневалась, что в ветвях окружающих деревьев и за стволами прячутся еще целые толпы дикарей.

О'Коннел, который привел караван к следующему этапу, громко задышал.

В последний раз, когда ирокезы сожгли Катарунк, он потерял все, его прекрасные меха погибли в огне. Это не могло повториться!

Уттаке поднял руку и приветствовал Анжелику словами:

— Привет тебе, Орагаванентатон!

Для большей торжественности он произнес полностью ее имя, которым ее нарекли индейцы и которое значило «полярная звезда, которая ведет нас к небесному своду и не оставит спасательной дороги, которую освещает».

Она ответила:

— Привет тебе, Уттакевата.

— Мы пришли обмыть останки мертвых, — возвестил Уттаке.

Река была узкой, и можно было разговаривать без особого усилия.

Эхо разносилось по поверхности воды.

— Пришло время воздать почести нашим мертвым из Катарунка. Мы еще не можем привезти их на большой пир смерти, но мы должны омыть их кости и завернуть в новые одежды, таков обычай. Они рассердятся на нас, если мы не навестим их, наших братьев и вождей, предательски убитых в Катарунке. Позже мы вернемся и заберем их в край длинных домов, где они должны лежать, но сегодня они должны получить свои почести.

К сожалению, мы не можем рассказать о подвигах великого племени ирокезов. Обещания, которые мы дали твоему мужу Тикондероге и тебе, а также Ононтио, связывают руки ирокезов, которые живут в городах, они могут потерять вкус к войне, пока собаки-гуроны и альгонкины точат свои топоры и томагавки. Но что в этом толку! Мы обменялись «словами», и я не нарушу клятвы.

Чтобы тебя успокоить, я крикнул слово: Оскенон, которое означает мир. Я повторяю его вновь.

Он поднял руку и крикнул:

— Оскенон!.. — что было подхвачено многими глухими голосами. Это спрятавшиеся воины вторили вождю.

Крик о мире здесь наводил больше страха, чем любой боевой клич в Европе.

Уттаке дал слово, что прибыл сюда единственно с целью воздания почести соплеменникам, что никто не падет жертвой их стрел, если только сам не нападет или не станет им мешать. Выполнив долг, они пройдут через Кеннебек и вернутся к себе.

— Церемония будет продолжаться шесть-восемь дней. Во время этого вы должны находиться в вашем лагере, который разобьете несколько выше по течению. Никто не должен покидать лагерь до назначенного срока. Когда вы узнаете, что праздник мертвых окончен, мы будем уже далеко, и будем уверены, что никто из наших не попадет в плен из-за предательства.

— Как мы узнаем, что церемония закончилась и мы можем возобновить путь?

— Орел пролетит над вашим лагерем.

* * *

— Орел пролетит над лагерем! Вот так! Все просто! — ворчал О'Коннел. — Ну, как привыкнуть к обычаям этой страны? Они собираются нарядить свои скелеты и гнилые тела, полные червей и еще бог знает чего, в роскошные бобровые костюмы, а ведь это целое состояние! Потом все это будет закопано в землю. Ну, не дураки ли?!

Но и он был вынужден, как и другие, усмирить свое недовольство на шесть-семь дней, пока будет проходить праздник мертвых.

Старый Катарунк был недалеко, и иногда ветер доносил оттуда запах дыма и крики «Хаэ! Хаэ!».

— Это крик войны?

— Нет, это то, что называется «крик душ»...

Когда показался орел, такой далекий, такой спокойный, никто сначала не поверил в это. Потом все собрались в путь. Ничего не произошло.

Последние акации, первые большие массы хвойных деревьев, дубов и тюльпанных деревьев перемешивались с колониями кленов, которые особенно выделялись осенней окраской листьев.

Они пересекали леса, которые украшали горные массивы, выходили на открытые пространства и с высоты смотрели на звездочки озер внизу или на громадные вершины перед собой. Осень уже наступала,

окрашивая природу в свои роскошные цвета, вокруг было так торжественно, что, казалось, они слышат пение хора и музыку в исполнении самого небесного оркестра.

Внезапный холод нескольких ночей окрасил золотым цветом листву берез, которая отражалась в серебристо-голубой воде озер.

Разгул красок...

Гора вдалеке была фиолетовой, клены — розовыми, вишневыми и золотыми. К ним примешивался золотисто-зеленый, золотисто-желтый и лимонный цвета.

Анжелика думала о своем брате Гонтроне, который смог бы все это изобразить на потолках Версаля.

В глубинах леса, где шумела листва, изредка голубая сойка издавала резкий крик.

Затем они нашли лошадей. Переход больше не представлял трудности. Но через два дня началась буря, и потоки воды размыли дорогу.

Пришлось слезть с лошадей и продолжить путь пешком, причем, дети сидели на спинах мужчин.

Потом снова настали хорошие дни, и время, остававшееся до конца пути, прошло очень быстро и легко. И вот наступил момент, которым Анжелика всегда наслаждалась: при выходе из леса она увидела обширные луга на подходе к Вапассу, на которых паслись коровы.

Она заметила также на вершине скалы черты старого человека, высеченные ветром и дождем, выделяющиеся от игры света и тени при вечерней заре. И ее сердце сжалось при мысли об Онорине, которая так расстраивалась оттого, что не видит его. Она не прекращала думать об Онорине. Но, стараясь сдерживать свое воображение, запрещая себе думать об испытаниях, в изобилии выпавших на долю ребенка, и тех, которые ей еще предстояли.

Она только и могла, что повторять: «Ты будешь спасена, дитя мое».

Не важно, каким образом. Хотелось бы, чтобы усилиями посланца. Она подсчитывала время и проигрывала в уме «этапы» продвижения Онорины.

Самые оптимистические прогнозы не могли позволить надеяться, что Онорина будет ожидать их в Вапассу, но скоро она увидит ее в сопровождении Пьера-Андрэ.

В Вапассу все было по-прежнему: стояла, дома, общие залы, склады, большой колодец и два других, интерьеры квартир и кухонь, на манер моды Квебека и Монреалья.

Дети и женщины на время прервали свои занятия.

На берегу полоскалось белье, в воде, которая стирала лучше мыла. Раздавались запахи приготовляемой пищи. Поодаль расположился лагерь индейцев, от вигвамов которых поднимались ленивые дымки.

С башенки она засмотрелась на ночную панораму гор и неба, по которым так скучала. Над фортом развевалось знамя голубого цвета с золотым щитом — знамя Жоффрея де Пейрака. Однако, под идиллическим спокойствием Вапассу скрывалось нечто другое.

В эйфории возвращения и радости новой встречи с домом она не обратила на это внимания. Но позже внезапно поселение показалось ей опустевшим. Большинство населения отсутствовало. Даже Поргани, итальянец, которого негласно считали заместителем графа де Пейрак, не пришел к ней навстречу. Антин, полковник наемных войск, которые он перевел в свой кантон, замещал его вместе с помощником Куртом Ритцем; они продолжали выполнять обязанности по военной защите городка, но в распоряжении имели только трех солдат. Объяснение, которое предъявили Анжелике, не могло возбудить никакого беспокойства.

— Все остальные, — сказали ей, — участвовали в большой осенней охоте вместе с племенами металлаков.

Это стало уже традицией, начиная с первой осени, когда их пригласили на первую охоту, хотя у них еще не было крыши над головой, жизнь была не налажена. Вождь металлаков позволил им присоединиться к их племенам и находиться с ними в лесу в течение нескольких месяцев.

Прекрасное бабье лето располагало к традиционным празднествам охоты. Томас и Бартелеми, дети Эльвиры, получили разрешение участвовать в них. Женщины и дети, которые оставались, были заняты двумя вещами: во-первых, надо было подготовить триумфальный прием охотникам, во-вторых, у них было более скромное дело — сбор ягод, грибов и растений в осеннем лесу, что являлось их маленьким вкладом в подготовку к зиме.

Эти занятия занимали много времени, это была кропотливая ручная работа, и Анжелика по приезде заметила, что ничего еще не сделано.

Даже капуста не была срезана, а надвигались первые заморозки. Первая партия капусты должна уже была быть засолена, это было необходимое средство в борьбе с цингой.

В качестве оправдания ей представили причину — отсутствие соли. Действительно, она привезла несколько мешков. Ей пришлось, чтобы заставить солдат вооружиться ножами и идти срезать капусту, напомнить им, что господин де Пейрак, который обожает тушеную капусту со свиной, не попробовав ее в этом сезоне, будет недоволен.

— Господин Антин, у вас осталось очень мало людей, не слишком ли облегчен контингент нашего поста? Если что-нибудь произойдет? Атака?.. Что-нибудь еще?..

Но счастливые обитатели Вапассу обращали на нее удивленные взгляды. Что могло произойти в Вапассу? Форт и город вокруг него, а также окрестные поселения рассматривались, несмотря на стычки англичан и французов, как привал, необходимое убежище, нейтральная точка, где можно было проводить любые переговоры. Обстановка там была похожа на засушливые времена в Африке, когда льва и газели пьют из одного источника.

Анжелике оставалось только верить в эти успокоительные слова.

Солнце светило постоянно.

Каждый прошедший день — это была гарантия удачного путешествия Онорины, без ураганов, поваленных на пути деревьев, перевернутых лодок.

Малейшее движение на лесной опушке заставляло ее вздрагивать в ожидании появления каравана метиса Пьера-Андрэ.

Однажды, когда какой-то индеец, бродивший в окрестностях форта, воспользовался тем, что она вышла из-за ограды и подошел к ней. Он жестами просил следовать за ним, но не давал никаких объяснений. Он только подмигивал ей и улыбался. Наконец, она решила, что он зовет ее к больному в свое племя и решилась идти за ним.

Он поднялся на холм позади форта, пересек вершину, затем спустился, удостоверившись, что она идет за ним. Наконец, они оказались на дне пересохшего ручейка.

Там, на бережку, рос развесистый куст сумаха, пламенеющий осенними красками. Из его веток и листвы поднимался неясный голос, голос того, кто спрятался внутри густо переплетенных ветвей.

Голос был похож на непонятное бормотание, из которого Анжелика с трудом выделила французское обращение:

— Соседка! Соседка!
— Кто вы? — перебила она.
— Ваш сосед.
— Еще один? Покажитесь!
— Вы одна?
— Одна? Да... кроме этого индейца, который привел меня сюда.

Кто-то зашевелился в кустах, и этот кто-то был похож на медведя видом, тяжестью и походкой, и, наконец, канадский охотник появился перед глазами Анжелики. Она узнала его по сапогам.

— Господин Баннистер!
— Вы можете звать меня Баннистер де ля Саз. Я выиграл процесс и получил титул.
— Поздравляю.

Позади него показался более маленький силуэт. Это был его старший сын, один из четверых.

— Пойдемте в форт, там вы отдохнете и пообедаете. Баннистер оглянулся вокруг настороженно.

— Не может быть и речи. Я не хочу, чтобы меня заметили, чтобы кто-нибудь мог сказать, что я приходил к вам. Все думают, что я сейчас на пути к Нежным Морям, а я оставил свои лодки и снаряжение в Со де Маагог. Это стоило мне большого крюка, что замедлило путешествие, но мне необходимо поговорить с вами по секрету.

Знаком он велел приблизиться индейцу и сыну. Дикарь протянул нечто вроде деревянного стаканчика, а мальчик налил туда жидкости из фляги на его плече. В воздухе разлился сильный запах алкоголя.

Другим жестом канадец отправил индейца в сторону.

— «Они» убили бы отца и мать за каплю алкоголя, — пробормотал Баннистер с отвращением.

Взглянув на сына, он снял с его головы шапку.

— Сеньор из Франции из канадской провинции должен приветствовать даму!

Анжелика хотела настоять на том, чтобы они пошли с ней в форт, но он приложил палец к губам и приблизился к ней, а его глаза тем временем не уставали оглядывать окрестности.

Он привык к тому, что подвергался гонениям со стороны квебекского общества, и его недоверие, кажется, не уменьшилось, несмотря на то, что он выиграл процесс. Он прошептал:

— Я принес вам вести от нашей маленькой соседки, вашей дочки!..

— Моя дочь! Онорина!

— Тихо! — еще раз попросил он.

— Онорина, — повторила она тише. — О! Скажите мне, я вас умоляю. Где она?

— Она у ирокезов.

Глава 35

Это было светлое утро начала октября с неожиданной ледяной свежестью, которая заставляла думать о приближающейся зиме.

Эта свежесть горячила кровь и рождала живость идей.

Анжелика будет всегда вспоминать этот момент, когда тяжесть, лежащая на ее сердце, стала меньше. Онорина была спасена.

Она проходила, однако, через все этапы страха и тревоги к бессильному гневу, понимая, что предчувствия не обманули ее, что Амбруазина станет изыскивать самые изощренные способы, чтобы добраться до ее ребенка, и таким образом отомстить ей. Она дрожала, узнавая, с какой ловкостью ужасная женщина сумела отдалить от несчастной крошки всех, кто мог ее защитить и спасти, узнавая о неистовстве, с которым она пустилась на ее розыски, когда узнала, что ребенку удалось ускользнуть.

Также она вспоминала о своем страхе, об опасении, что посланец опоздает, и так оно и вышло. Она думала о дочери, которая теперь находилась в сотне миль от Вапассу, но в безопасности благодаря вмешательству молодой индианки, которая поспела вовремя, чтобы спасти девочку от страшных палачей.

Засыпав Баннистера вопросами и узнав остальное, она заставила его высветить все подробности.

Все произошло по вине жены нового губернатора, мадам де Горреста. И тем лучше, что все губернаторы, которые до настоящего времени были в Новой Франции, не привозили туда своих супругов. Ибо эта дама стоила целой дюжины других. В то же время в Монреале все говорили о маленькой пансионерке из монастыря при Конгрегации Нотр-Дам, которая сбежала, а, может быть, ее похитили. В общем, она исчезла, а дама Горреста, которая объявила себя другом семьи, назначила вознаграждение всем, кто может провести расследование, организовать поиск и вернуть ребенка.

— Лицемерка, — не смогла удержаться Анжелика, охваченная дрожью.

Он отправился в замок, где жил губернатор и его жена, их свита и слуги, и там встретился с несколькими охотниками и освоителями леса, которые понимали наречия всех индейских племен, включая сиу.

— Она дала каждому из них кошелек, полный золотых луидоров, и сказала: «Найдите мне ребенка и получите вдвое больше».

Вот как мне в голову пришла мысль искать возле Канавака небольшой отряд крещенных индейцев.

В то же самое время жена губернатора заявила, что хочет навестить этих бедных дикарей из миссии при Канаваке, которые наконец-то склонились к христианской вере, и она пересекла реку вместе со всем своим окружением к большому удовлетворению иезуитов.

Это была очень красивая флотилия. У этой женщины очень сильное чутье, потому что она следовала за нами по пятам. Я входил в лагерь, когда над водой уже доносился гул их голосов, и вся компания высаживалась на берег, следуя от острова Монреаль. И дама Горреста уже всюду проверяла все жилища миссии.

Со своей стороны Баннистер направился сразу же к большому дому Аньеров. Его сын уже выбежал оттуда с криком: «Папа, она там, теперь мы богаты!»

В хижинах ирокезов всегда полумрак. Нужно иметь привычный глаз. Но он ее тотчас же узнал. Он сказал ей:

«А! Не вы ли та девочка, которую разыскивает весь Монреаль?»

Она вцепилась в его рукав обеими ручками.

— Сосед, мама хранит ваши сапоги и ваши деньги, вы спасли нас однажды вечером на дороге от солдата, который хотел причинить нам вред. Спасите меня еще раз от женщины с желтыми глазами. Она очень злая.

— У моей малышки очень тонкий ум. Она сказала как раз то, что нужно: «Сосед, спасите меня во имя любви к моей матери!».

* * *

Анжелика слушала, дыхание ее прерывалось, она так сжала руки, что кончики пальцев побелели.

Суровый Баннистер был очень взволнован и тронут всей сценой и тем, что все ирокезы, которые жили в длинном доме, приютившем Онорину, были готовы скорее отдать свои жизни, чем отдать девочку женщине, которой она так боялась.

— Все ирокезы, которые были там, женщины, дети, старики и несколько воинов, которые хотели стать христианами, окружили меня со словами:

— Аквираш, ты сошел с ума? Разве ты не видишь, что эта женщина, которая только что приехала, — демон?

Одни, которые заметили мадам де Горреста в городе и знали об ее особенностях, звали ее Ассонтекка. Это было имя, которое ирокезы давали луне, когда имели в виду ее беспокойные свойства, и означало оно буквально — Приносящая ночь.

Но большинство звало ее Атшонвитас — Двойной лик, а применительно к женщине — колдунья.

Собравшиеся вокруг нее индейцы взволнованно переговаривались. Они были напуганы, почти возмущены оттого, что отец-иезуит, которого они уважали, не ощущал, как они, черного пятна, окутывающего важную французскую даму, перед которой все склонялись. Во время визита она заходила в хижины, расточая улыбки, но ее взгляд обшаривал все уголки, глаза буквально метали отравленные стрелы.

В хижине Аньеров все обитатели окружили Баннистера.

— Аквираш, — говорили они ему, — ты кровный брат одного из наших великих вождей, который сегодня уже мертв, но в тебе находится часть его духа, как ты можешь быть таким бесчувственным? Если ты выдашь ребенка, золото этой дамы задушит тебя. Оно станет причиной твоей смерти, и того, что для тебя еще хуже, — оно разорит тебя.

Он знал, что это правда.

— Захлопни свой клювик, — сказал он сыну. — Если ты «вякнешь», я собственноручно сниму с тебя скальп.

Когда гости проходили мимо хижины, где была спрятана девочка, он встал у входа и загородил его своим массивным телом, так что никто не смог заглянуть внутрь.

Двоюродный брат юной Катрин Тетавиты отвел его в сторону: «Завтра на заре ребенок будет вместе с нами на пути к Долине Пяти Озер. Никто не будет искать ее там, ибо никто не сможет безнаказанно вторгнуться на законную территорию ирокезов, не рискуя своей

шевелюрой. Что касается белой женщины, то ее пол и ее положение не позволит ей пересечь дороги Ля Шин. Она не сможет лететь по воздуху, хотя ее черная душа на это способна. Но плоть удерживает ее на земле. Наш вождь Уттаке будет признателен тебе за то, что ты сделал для его ребенка и для его семьи».

Вот так получилось, что господин Баннистер де ля Саз свернул с дороги, которая вела его к озеру Иллинойс на промысел меха и добрался до Вапассу, чтобы рассказать родителям Онорины о судьбе их дочери.

Мадам де Горреста не смогла ничего сделать. Она не собиралась уезжать в Квебек из Монреалья, и жители города уже начинали косо поглядывать на нее, несмотря на все ее изыски.

В Монреале уже жила одна затворница-иностранка — мадам д'Арребуст, и всем не очень-то хотелось обременять себя присутствием других.

Анжелика несколько раз пылко пожала руку их старого соседа. Она не находила способа, чтобы выразить ему свою признательность, и глядела на него со смешанным выражением зависти и восхищения от того, что он видел Онорину живой и вне опасности.

— Как она выглядит? Опишите ее мне. Какая она?

— Довольная, — сказал Баннистер после некоторых раздумий, затруднительных для такого человека, как он, не привыкшего к такого рода работе. — О! Конечно, она похожа на маленькую индеанку, вымазанную медвежьим жиром с головы до ног, но... она довольна... Да! Я могу это утверждать! Довольна!

— Могу себе представить, — сказала Анжелика, вздохнув. — Она всегда мечтала вести такой образ жизни.

— Не беспокойтесь... Ей будет хорошо у дикарей. Они хорошо обращаются с детьми, и им это нравится. Они так смеялись, когда слушали ее истории. Но они

предприняли все меры предосторожности, отправляя ее к Долине Ирокезов, предпочитая не оставлять ее в окрестностях Монреаля, где плохая женщина может в любой момент ее обнаружить.

Уттаке, великий шеф аньеров, — ваш друг. Он возьмет ее под защиту и к началу весны пришлет ее вам. Нужно только прожить зиму.

Он тоже повторял слова Жоффрея:

— «Нужно прожить зиму».

Они уже было распрощались, как вдруг он вернулся:

— Будьте осторожны, соседка. Эта женщина вас очень не любит. А индейцы зовут ее Атшонвитас.

Он удалился и исчез вместе с мальчиком, не произведя ни малейшего шума.

На обратном пути она летела, как на крыльях, опьяненная безмерной радостью.

Онорина избежала когтей Амбруазины. Онорина была спасена.

Проходя мимо источника, показанного ей Мопунтуком, она встала на колени, жадно выпила ледяной воды, умыла пылающее лицо. Она вспомнила Онорину, которая говорила ей накануне рождения близнецов: «Нужно пить! Вода тяжелая! Она помогает ангелам выйти...»

Она думала о священных фонтанах тех мест, куда направляются паломники молиться о чуде. Это было почти то же самое.

Священный фонтан бил возле церкви Сент-Оноре.

* * *

В форте Раймон-Роже и Глориандра подошли к ней, горько плача.

Они ковыляли, держась за руки, что означало крайнюю степень неудобства и тягот этой жизни, такой суровой для них. Но они были такие хорошенькие даже в слезах, что она взяла их обоих на руки и пылко расцеловала:

— Что случилось, мои куколочки?.. Что за беда на вас обрушилась?

— Пропала наша глупая собака, — объяснил Шарль-Анри, который всегда следовал по пятам за близнецами.

Из их слов можно было разобрать одно и то же: глупая собака исчезла, убежала.

Он даже попытался догнать ее, но она скрылась в лесу и не вернулась.

Она вспомнила, что пока говорила с Баннистером, заметила какое-то животное, мелькнувшее вдалеке.

Может быть, собака почуяла своих старых хозяев и решила последовать за ними... до Великих Озер?

После исчезновения кота эта потеря была значительной для детей.

Анжелика отправила взрослых посмотреть, нет ли ее среди холмов или на равнине, но все тщетно.

«Она пошла за ними, вот настоящее преданное животное, — сказала себе Анжелика. — Быть может, она более умна, чем мы думали...»

— И теперь, если разыграется пожар, то кто нас предупредит? — спросил Шарль-Анри.

Возвращение охотников близилось. Приготовлялись жерди для копчения мяса, которое они должны принести. Приближался праздник осени. Он милосердно отметет все опасения.

Милосердно? Или пагубно?

Но осень дарит свои роскошные подарки, и нужно было ими воспользоваться.

Однажды прекрасным теплым днем Анжелика собрала всех женщин и детей, кого только могла найти, снабдила их корзинками, и все они отправились за ягодами, аромат которых стоял в воздухе. У каждого было специальное приспособление, похожее на расческу, помогающее собрать как можно больше.

Анжелика остановилась и смотрела со смехом на трех малышей возле нее, мордочки которых были

измазаны красным соком. Дом Лаймона Уайта, немого англичанина-оружейника, был совсем рядом, и она с признательностью и дружеским выражением посмотрела на свое первое убежище, в котором прошли героические дни, полные особого очарования.

Англичанин с длинными белыми волосами, беззвучно смеясь, вышел на порог и оттуда приветственно помахал им.

Она услышала крик Джуди Гольдманн, старшей из семьи квакеров, которую они приняли в прошлом году. В этот момент она только что отошла от девушки, которая несла две полных корзины, и повернулась к большому полотну, в которое ссыпали собранные ягоды, чтобы было удобнее нести их в форт.

Обернувшись, Анжелика увидела индейца, который схватил Джуди за руку и быстро тащил прочь, несмотря на ее сопротивление. Раздались другие крики. Индеец с поднятым томагавком пересекал поляну, направляясь к кустам. И пока она смотрела на эту сцену, еще не успев удивиться, чья-то крепкая и смазанная жиром рука схватила ее. Она увидела красную руку и маленький браслет из перьев вокруг мускулистого запястья цвета обожженной глины. Разрисованное лицо абенакиса находилось совсем рядом с ее, но это был Пиксаретт.

Она оттолкнула его, отбиваясь и крича: «Отпустите меня!» на всех наречиях, которые приходили ей в голову.

Кресты, ладанки и связки медвежьих зубов тряслись на его груди, но он не отпускал ее, и это напоминало ей атаку на английский городок Брунсвик-Фоллс.

Раздался выстрел. Дикарь, который держал ее, дернулся, потом упал, увлекая ее в падении.

Лаймон Уайт с порога выстрелил из одного из своих замечательных ружей. Ибо со своего места он мог видеть то, что происходило на холме и что не могла заметить Анжелика.

Когда она освободилась от руки, державшей ее, и подняла голову, она огляделась и поняла, что нельзя терять ни секунды.

Уде не в первый раз этот спектакль разыгрывался у нее на глазах, но предвидеть его сегодня не смог бы никто. С лесной опушки по холму по направлению к ним спускалась целая толпа индейцев с томагавками наготове.

— Беги быстрее... вон туда, — сказала она Шарлю-Анри, указывая на хижину Лаймона Уайта.

Немой англичанин подбежал к мальчику, подхватил его и увлек внутрь, придержав дверь перед Анжеликой, которая обхватила руками близнецов и бежала следом. Она, наконец, тоже была внутри старого дома.

— Закройте дверь. Положите перекладину. Скорее!

Лаймона Уайта не надо было подгонять. Стоило только ему захлопнуть дверь и задвинуть тяжелый засов, как снаружи раздался сильный удар топора.

Установив тяжелую перекладину на крюки, Лаймон тотчас же вернулся к оружию, а другое ружье протянул Анжелике. Показав ей на комнату, где была кровать, он сделал ей знак расположить там детей, затем подняться вслед за ним на крышу.

* * *

Крыша самого первого дома Вапассу была устроена в форме защитной платформы с покрытием, ибо, кроме основной двери, которая была сильно укреплена, в дом можно было попасть только через верх. На крыше было устроено нечто вроде крепостного вала, спрятавшись за которым можно было стрелять.

Анжелика и немой англичанин открыли огонь, и каждый выстрел был удачным.

Перед таким напором индейцы отступили, отошли на безопасную дистанцию, посовещались и, не торопясь, удалились в направлении основного форта.

Первая волна приступа была не очень хорошо подготовлена и прошла без особого шума. Теперь они слышали отовсюду воинственные крики, призывы. Но и эта суматоха вскоре прекратилась, и обескураживающая тишина воцарилась вновь. Кроме нескольких мертвых индейцев, лежащих около дома, ничто не напоминало о прошедшей сцене.

«Но... что это означает? Почему случилось это безумие?..» — думала она, выбитая из колеи.

Там, где она находилась, не было хорошего обзора. Она видела лишь верхнюю часть башенки и немного дальше — бастион левого крыла форта. Но то, что она заметила, повергло ее в ужас.

На башне находился кто-то, чью униформу она не различала из-за парашюта, и этот человек спускал голубой флаг с золотым щитом, принадлежащий графу де Пейрак, затем, немного спустя, водрузил другой, и, несмотря на расстояние, она его разглядела.

В каждом углу белоснежного шелкового стяга располагалось красное сердце, а в середине — такое же сердце, пронзенное мечом.

* * *

Машинально она перезарядила свое оружие, которое ей вручил немой англичанин в первые моменты атаки. Это было немецкое ружье с инкрустированным прикладом. Красивое, но слишком тяжелое, снабженное коробочкой с принадлежностями, порохом и пулями.

Она смогла сделать несколько выстрелов, прежде чем Лаймон Уайт подоспел с другими ружьями на смену.

Но ей не захотелось сменить оружие.

Какой-то человек появился из-за холма и направился к ним. Он не был вооружен. Это был офицер, одетый в широкий плащ с белым крестом. Она узнала графа де Ломенье-Шамбор.

Глава 36

Положив руки на ружье, она смотрела, как он приближается.

Чем он был ближе, тем усиливалось ее беспокойство. Она боялась подпускать его слишком близко, несмотря на то, что это был их друг. Когда он оказался на достаточном расстоянии, чтобы услышать ее, она крикнула: — Остановитесь, господин де Ломенье. Ни шагу дальше... иначе я стреляю.

Он подчинился, посмотрев в ее направлении, и, узнав ее, казалось, не поверил собственным глазам.

Он сделал шаг вперед, но она снова его остановила.

— Не двигайтесь. Я и оттуда вас прекрасно слышу. Я слушаю ваши объяснения.

Она не хотела, чтобы он подходил, или чтобы пересек «линию фронта». Смена знамен на башне означала начало войны и подтверждало ее худшие опасения.

Она не знала, что произошло с защитниками главного форта. Если она примет его как парламентария, то может произойти все, что угодно. Пока она будет с ним говорить, солдаты и союзники Ломенье-Шамбора смогут окружить их убежище. Лаймон Уайт не мог защищаться в одиночку. Если падет этот последний бастион сопротивления, ситуация станет необратимой.

— Мадам де Пейрак?

— Господин рыцарь?

Она увидела, что он побледнел, как смерть.

И поскольку он ничего не говорил, она произнесла:

— Я слушаю вас.

— Дорогая Анжелика, подчинитесь.

— С чего бы это? И кому?..

— Божественному закону. Тем, кому вверены необходимые добродетели, и кто стал их стражем.

— Уж не нового ли губернатора и его интриганку-жену вы причисляете к стражам божественного закона?

Он остолбенел.

— О ком вы говорите?

Кажется, он не знал, что Новой Францией управлял новый губернатор.

— А, так, значит, это не эта ничтожная марионетка... и его демон-жена послали вас... значит, это «он», — сказала она, сверкая глазами. — Это «он» заставил вас поднять флаг, «он» послал вас, всегда «он» — наш лютей враг, хоть он и мертв. Вы его послушный инструмент.

— Анжелика, — вскричал он, — вы должны понять!

Он сделал шаг вперед.

Она спряталась в укрытие, держа его по-прежнему на мушке.

— Не приближайтесь!

Он остановился.

Он говорил тихо, словно пытаясь смягчить ее гнев. Он говорил, что, находясь в военной кампании, он узнал, что большой отряд ирокезов находится в районе Кеннебека.

И вот, находясь возле Вапассу, он почувствовал внушение с Небес, которое давало ответ на столько душераздирающих вопросов, которыми он задавался в течение такого большого отрезка времени.

— Я понял, что пробил час выполнить миссию, которой я так долго избегал.

— Понимаю! Реванш за поражение при Катарунке... Не думая, что вы нападаете на меня и моих детей.

— Да я и не догадывался, что вы находитесь здесь. Ведь нам сказали, что вы и господин де Пейрак уехали, как это происходит каждое лето.

— И вы явились сюда, как вор!.. Как в Катарунке, еще один раз!

Он не хотел ее слушать, он высказывал все, что считал нужным, чтобы выполнить свою миссию до конца, словно он был на Голгофе.

— Вы должны следовать за нами, мадам де Пейрак, с вашими детьми и слугами. Из Вапассу мы доберемся до Французского залива, чтобы отправиться на завоевание чудесной страны Акадии. Погода еще позволяет.

— И вы рассчитываете на мою помощь, чтобы предоставить вам наши поселки Кеннебек и Пенобскот и открыть вам путь на Голдсборо?

— Друг мой, — ответил он. — Вы женщина, прелестная женщина, и какой бы вы ни были — вы все-таки женщина. Нужно, чтобы вы поняли. Ни вы, ни ваш супруг не можете противоречить словам святого. Перед смертью Себастьян д'Оржеваль указал нам путь и показал истинную суть вещей. Сомнения и поиски других путей ведет к ереси. Небрежение к запрету приводит к греху. Мы должны искоренить зло.

— Вы запутались. Зло не там, где вы его видите. Ведь вы сейчас, как и прежде, — наш друг.

— Я слеп, как Адам. Вы были для меня искушением. Я слишком поздно спохватился. Но сдайтесь, мадам. И вы будете прощены.

— Вы безумны. Все, что вы говорите, — ложь, и вы это знаете. Рыцарь, одумайтесь, проснитесь! Ее нет здесь, женщины-искусительницы. Ее здесь нет. Вас предали... Вы сами себя предали... Возьмите себя в руки... Отзовите ваших людей. Призовите к порядку дикарей... Оставьте нас в покое.

Она, должно быть напрасно, добавила:

— Вапассу вам не принадлежит, и я буду защищать его до последнего. Поступая таким образом, вы возмущаете подданных и расстраиваете короля.

Он напрягся.

— Любая частица земли принадлежит Господу, — сказал он, повысив голос, — и должна быть возвращена в руки тех, кто служит ему и его законам. И он сказал: «Кто не со Мной, тот против Меня...»

Казалось, он охвачен вихрем противоречивых мыслей, которые вызывали тревогу на его лице.

— Вы были искушением, — повторял он. — Я не хотел знать это, и, однако, все происходит одинаково, все повторяется. Вечная трагедия. Женщина всегда будет сбивать с пути праведного стража предначертаний и воли Господа. Мне следовало бы помнить об этом и не забывать, что Адам уступил искушению и ввергся в заблуждение.

Внезапно Анжелика почувствовала усталость. Ее руки с трудом держали тяжелый мушкет. Она не очень много тренировалась в течение года. В плечах возникла резкая боль, которая отдавалась в затылке и даже в мускулах лица, напряженных, чтобы не упустить прицел.

На мушке она держала человека в сером плаще с белым крестом на груди, словно символом мистического безумия, который медленно приближался, произнося слова, которые она считала ошибочными... и даже глупыми...

«Даже глупыми...», — подумала она, захотев закричать от горя.

Она знала его так близко, и он был совсем другим, излучающим свет и правду, не страшась покинуть старые пути, чтобы попытаться еще дальше проникнуть в разные аспекты забытого долга.

Где был тот, ее старый друг из Квебека, который запечатлел целомудренный поцелуй на ее губах в саду губернатора?..

Офицер, вельможа, рыцарь Мальты, который был здесь и пытался увлечь ее на гибель в перипетии религиозной и политической борьбы, в сражения и убийства, был лишь тенью, лишенной души. «Другой», фанатик-иезуит, его друг, отравил его сердце.

Она знала теперь, что он смотрел на нее другими глазами, глазами мертвого иезуита, и что против этого

ей невозможно было сражаться.

Вот он снова пошел.

— Остановитесь! Остановитесь! — зарычала она. — Не приближайтесь!

Она выпрямилась, без ума от ярости, охваченная отчаянием перед фантомом своего друга-рыцаря, который подчинил себя власти другого, который отдал себя, даже не осознав этого, в сети демонической сообщницы иезуита, Амбруазины, воцарившейся на земле Канады. Он продвигался с выражением нежности на лице, тогда как она умоляла его остановиться; она выпрямилась, обезумев от боли и негодования, страшась собственного бессилия и того, что она может уступить. Она видела, как тает ее воля к сопротивлению, понимала, что ее уверенность в необходимости любой ценой защищать Вапассу начинает расшатываться. Но она осознавала, что если уступит, это будет наихудшим, это будет гибелью ее и ее детей, что она отдаст на разграбление все плоды их трудов, что она предаст Жоффрея, который вдалеке борется за них, рассчитывая на нее, что она нанесет ему удар в спину.

«Они» добились бы этого в конце концов. Послужить причиной гибели мужчины «выше других» и убить их любовь? Никогда!

И вот она выпрямилась, она была сурова в своей борьбе против новых невидимых монстров, которыми были ее слова, они должны были парализовать и усыпить, и она вскричала изменившимся голосом, который разнесся далеко над лесом и горами:

— Вы ошибаетесь! Змей не здесь!.. Он там, откуда вы пришли... Он завлек вас в ловушку... Он восторжествовал над вами, господин де Ломенье. И он вас задушит... Он вас задушит!..

* * *

Вдруг она поняла, что он может воспользоваться их диалогом, ее возбуждением, чтобы дать время солдатам окружить их, что она стоит во весь рост и может стать жертвой пули. Тогда она спряталась в убежище, прицелилась, прижав ружье к щеке так, что барельеф инкрустации впился в кожу, но она не почувствовала боли, была только ярость. «Мое оружие, не предай меня! У меня есть только ты!»

— Не двигайтесь, рыцарь. Или я стреляю.

Не слыша ее, он продолжал идти, словно не видел Анжелику, или, наоборот, видел лишь ее.

Она выстрелила.

* * *

Теперь он лежал, вытянувшись посреди равнины, и, казалось, прошли часы, а она все смотрела на бесчувственное тело, не в силах помочь.

Он был там, убитый ею друг, рыцарь Мальты, так печально оставленный всеми в час смерти, чье тело, измученное профессией воина, долгими часами молитвы, светскими обязанностями, теперь вновь обрело прежнюю изысканность и элегантность.

Наступал вечер, и в сумеречном свете, который выделял контрасты, она различила возле трупя длинную струйку крови.

Она застыла и не чувствовала боли в затекших руках и забыла, что по-прежнему находится под угрозой нападения и смерти.

Рука немого англичанина схватила ее за плечо и вернула к реальности.

Он объяснил: «Больше никого. Они укрылись в форте».

— Ночью они вернутся, — сказала она.

Он утвердительно покачал головой, что означало: увы, ночью они снова могут подвергнуться нападению. Она вспоминала, чему научила ее стычка в Катарунке:

крещенные индейцы еще более опасны, чем остальные, ибо они не боятся сражаться ночью.

Она вновь обратила свое внимание на ландшафт, спокойный и все больше скрывающийся под покровом ночи.

Бриз доносил до них запах дыма.

Со стороны Вапассу ей по-прежнему была видна башенка и часть укрепления.

Если все нападающие скрылись в форте, то это означало, что началась обширная военная кампания, целью которой было захватить иностранные поселения Кеннебека и Пенобскота.

Однако, предводитель был убит, а, возможно, это был единственный офицер, руководящий операцией.

Не зная, что должно произойти вслед за этой смертью, Анжелика и ее немой союзник не решились оставить на ночь свой боевой пост.

Анжелика не захотела лечь спать в эту ночь. Она предоставила охрану крыши англичанину, а сама пошла посмотреть, как себя чувствуют дети. Они спали на большой кровати, поев черники и сухарей, которые дал им Лаймон. Она проверила все входы. Потом она посмотрела, не найдется ли чего-нибудь выпить. Ей попала на глаза огненная ода, настоящая на можжевельнике, приготовленная самим Уайтом, она выпила добрый глоток. Потом она снова поднялась на крышу с запасом ружей и пистолетов.

Наступала безлунная ночь. Очень красивые светлые сумерки без тумана еще позволяли различить поверженного человека, черную массу в форме креста, которая вырисовывалась на равнине.

Англичанин спустился, чтобы еще раз проверить все входы внизу.

Наконец, все погрузилось в густой мрак. Анжелика была начеку, вооруженная, и держала наготове

зажженный фитиль, чтобы без промедления поджечь порох, если возникнет необходимость.

Приближалась ночь, и, застыв на своем посту, с оружием в руках, держа палец на курке, с парализованным разумом, она словно чувствовала приближение невидимого врага, который отравил ее изнутри, пустив в ее вены яд страха.

Она изменялась, превращалась в каменную фигуру, в соляной столб.

Она не знала, что с ней происходит.

Внезапный шок заставил ее прийти в себя.

Маленькое желтоватое пламя возле нее разорвало темноту, она и не думала, что воцарился такой мрак. Затем возникло лицо немого англичанина. Он что-то пытался разъяснить, шевеля губами и указывая на небесный свод. Он советовал ей довериться Небу?

Нет, кажется, он предупреждал ее, что с высоты угрожает опасность.

Видя, что она ничего не понимает, он изменил тактику и приблизил к ее рукам, держащим мушкет, свой фитиль. Она ощутила не ожог, а, скорее, жар, и затем почувствовала нестерпимую боль. Тут она осознала, в каком состоянии находятся ее пальцы, которые примерзли к холодному железу ружья. Она, наконец, поняла, что означало обращение немого, и о чем он предупреждал.

Холод!

На осень во всей ее красе, блещущую всеми красками всего несколько часов назад, обрушился холод. Это произошло с внезапностью всеобщей катастрофы.

Если тяжелая меховая накидка, которую Лаймон Уайт принес и положил ей на плечи, чуть не опрокинула ее своим весом, то только потому, что Анжелика просто-напросто замерзала, стоя.

Когда при помощи фитиля ему удалось более-менее восстановить кровообращение в ее руках, и тогда одну за другой он отлепил их бережно и осторожно от железа ружья и надел на них меховые рукавицы.

Кровообращение, восстановившееся, наконец, чуть не заставило ее кричать от боли.

Тогда, объясняясь знаками, он указал ей, что зажег внизу огонь и хорошенько укрыл детей в их постели.

На заре ночной мрак сменила стена тумана, посверкивающая ледяными искрами, которая остановилась недалеко от их укрепления. К середине дня туман рассеялся, словно, сожалея об этом, и открылась равнина, еще живая зелень которой, прерванная красными пятнами кустарников, уже блестела от инея, что было предвестием скорых холодов. Анжелика увидела, что тело рыцаря де Ломенье-Шамбор исчезло.

«Они», значит, приходили за ним, пользуясь покровом темноты. Но, сбитые с толку смертью их предводителя, а также сменой температуры и яростным сопротивлением их маленькой крепости, они не воспользовались темнотой, чтобы возобновить приступ.

К середине дня густой непроницаемый туман, как всемогущий господин равнины, затопил все. Но зато холод отступал, и в серой пелене появились робкие хлопья снега.

Наутро туман не прошел, а снег образовал довольно плотный слой.

Она поднялась на платформу и плотно закупорила двери и окна.

Анжелика и немой, сменяя друг друга, провели ночь на страже, время от времени выметая снег, потому что порывы ветра задували его в щели. Им пришлось сделать нечто вроде второй крыши из шкур и подстилок, чтобы уберечь запасы пороха.

Отступление канадцев осуществилось на их манер, то есть, как порыв, и без шума.

Два узника маленькой крепости ничего об этом не знали, они не представляли себе реального положения вещей, когда розоватое свечение развернулось на фоне движущегося снежного полотна.

Это была середина ночи, и Анжелика решила, что это заря. Но розовый свет разрастался, не разгоняя мрак.

Этот сильный свет с другого склона холма, поняла она, наконец, означал грандиозный пожар, который этой ночью поглотил большой форт Вапассу, «округ», как называли его «путешественники», которые испытали на себе его гостеприимство.

Огонь, снег, это было странное соревнование, кто — кого.

Ярость ветра разжигала пламя, противостоя падающему снегу, хотя его масса могла бы его потушить. Сколько же часов длился этот пожар?

Анжелика и англичанин решили очищать крышу от снега, ибо, встряхивая шкуры, прикрывающие платформу, и избавляясь от назойливого покрова, они чувствовали, что внизу находится дом.

Спускаясь по лестнице с оружием в руках, они чувствовали, что лезут под землю, чтобы скрыться с поверхности, ставшей необитаемой.

Кошмар прекращался, наступала тишина, жар, свет и благотворная неподвижность места, которое уже не было подвержено ни бурям, ни войнам.

Трое детей играли там, словно маленькие мышки, с игрушками, которые Лаймон Уайт предоставил в их распоряжение. Песок в чане, чашечки...

Когда Анжелика и Лаймон Уайт смогли рискнуть и выйти из убежища, было уже слишком поздно.

Выпавший снег, засыпавший почерневшие руины, преграждал дорогу. Затем были наросты льда, которые

невозможно было расколоть. Затем опять снег и опять лед...

Воспользовавшись днем, когда рассеялся ноябрьский туман, немой Лаймон Уайт надел свои снегоходы, взял необходимый запас еды, ружье и принадлежности и, объяснив Анжелике, что собирается идти на юг, в Кеннебек, чтобы рассказать о последних событиях и привести помощь, он покинул убежище старого дома. Несмотря на все, она надеялась.

Шло время. Дни становились короче, ночи — длиннее, темнее. Иногда она выходила проверить ловушки или подстрелить какую-нибудь дичь, но напрасно. И свистящие бураны уже опустили свой занавес. Воспоминания и горечь от разрушения Вапассу прошли, осталась одна навязчивая идея.

Она была узницей зимы с тремя маленькими детьми, и никакая помощь не шла к ним вот уже четыре недели, несколько недель... никто не придет в старый заброшенный дом, где рисковали умереть от голода четыре беззащитных существа.

Снежная буря, завывающая и безумная, стучащаяся то туда, то сюда, село, казалось, напоминала, что адское создание получает иногда разрешение обрушиться на землю. Когда же, наконец, придет Архангел и обратит в прах цепь злокозненных действий демона?

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ АРХАНГЕЛА

Глава 37

Архангел следовал за Демоном по пятам с самой приемной короля. Гобелен, который сдвигается, дверь, которая открывается на тайный проход, там — две или три ступеньки, и вот... хроники описывают, что подобные конструкции вели в салон мадам де Ментенон, в бильярдную, где король каждый вечер играл партию.

Его сопровождал паж, он придерживал угол гобелена, затем приветствовал дам, разодетых в парчу. Одна из них привстала.

Два взгляда, один — золото, другой — изумруд, скрестились. И в темноте лабиринтов дворца Версаля распространился солоноватый воздух берегов Америки, запах протухшей рыбы, которую сушат на солнце... Вот женщина, которая рыдает, встав на колени возле тела, пронзенного гарпуном: «Залиль! Залиль! Не умирай!..»

* * *

Это Она, я уверен, — подумал Кантор де Пейрак.

Тотчас же он отыскал золотой луидор в кармане и сунул его лакею.

— Имя женщины, которая только что мне встретилась!..

Лакей не знал, но «подогретый» вознаграждением, которое мог потерять, он исчез куда-то на минуту, потом вернулся и, подойдя к ассамблее, сгруппировавшейся вокруг бильярдного стола, он прошептал на ухо юноше:

— Мадам де Горреста.

— Кто ее муж? Его титул? — засыпал его вопросами паж, награждая второй монетой.

На этот раз лакей оставил свой пост на час, подсчитав, что возможные упреки не будут стоить таких денег.

Перед окончанием партии короля он вернулся и сообщил Кантору на ухо все, что сумел разведать.

Эта дама была супругой господина губернатора Нивернэ, недавно прибывшего в Версаль по приказу короля. Ходили слухи, что ему поручал дело чрезвычайной важности. Его супруга, утонченная, изящная и приятная особа, понравилась мадам де Ментенон, которая принимала ее среди других дам, что являлось для этих последних наилучшей возможностью быть возле Солнца.

Он узнал, что чета приготавливалась к отъезду в Гавр, и оттуда — в Канаду, где господин де Горреста должен был занять пост губернатора.

Наутро он узнал, что это была «вдова» старого Пари, которая вышла замуж за господина де Горреста.

Все вставало на свои места.

Если Кантор хотел любым доступным образом испросить разрешения на путешествие через моря, ему нужен был удобный случай и предлог. Кантор понял. У него не было ни дня, ни, даже, часа промедления.

Он отправился к мадам де Шольн, своей любовнице. Он нашел ее, охваченную беспокойством из-за того, что она не видела его в течение сорока восьми часов. Не считая нужным ставить ее в известность о причинах внезапного решения, он предупредил ее, что собирается отплыть по срочному делу в Новую Францию, и что по этому поводу ему нужно двадцать тысяч ливров.

Мадам де Шольн показалось, что мир раскалывается надвое.

Она издала ужасный вопль, эхо которого не могло отзываться в ее ушах без того, чтобы она не ощутила стыда, отчаяние и жгучего вожделения. Это был крик раненого животного.

— Нет!.. Только не вы!.. Никогда! Не покидайте меня!..

Он посмотрел на нее с негодованием и непониманием.

— Разве вам не известно, мадам, что ничто не может длиться вечно? Вот почему мы должны срывать плод и наслаждаться им, когда он нам дается... Вам это было хорошо известно, когда вы приняли меня в вашей кровати. В мире нет ничего постоянного!.. Мне нужно ехать!..

Она представила его, скачущего по дорогам, атакуемого бандитами, тонущего...

— Но море!.. — простионала она.

Он рассмеялся. Море?.. Да это пустяки. Несколько неприятных недель качки на волнах, мечтая, отдаваясь на милость стихии и доверяя деревянному корпусу, который вас держит, вопрос терпения!

Блестящая юность заставила ее пожалеть, что в его возрасте она не была так весела.

— Ты хочешь встретиться с ним?.. С маленьким лесным животным?..

Кантор нахмурился. Тень пробежала по его лицу.

— Я вовсе не уверен, что встречу его, — сказал он озабоченно.

— Он звал вас?

— Не знаю...

— Не сердите короля...

— Мой брат все уладит...

Они обменялись словами, пока мадам Шольн открывала сундуки, затем шкатулки и наполняла кошель Кантора луидорами, даже не считая.

— Я тебя не отпущу...

— Долг и честь не обсуждаются, мадам.

— Но наконец! Что происходит? Ваша семья, там, в Америке, она что, в опасности?..

— Хуже!

Она уронила голову на его плечо, обливаясь слезами.

— Мой прекрасный господин, ну хоть скажите мне... кого вы собираетесь преследовать?

— Зло!

Он выпрямился. И она отстранилась. Она видела его словно через завесу тумана.

Она будет его ждать, вспоминая его жесты, его редкие улыбки, его слова, такие мудрые. «Мадам, разве вы не знаете, что нет ничего вечного?»

— Спасибо! — крикнул он. — И молитесь! Молитесь за меня!

Он бежал к двери.

— Нет! Вы не можете так уйти... не сказал мне «прощай»!..

Он возвратился в стыдливом порыве и обнял ее. Пока он целовал ее, она поняла, что перед ней — мужчина, тот самый, о котором она мечтала на заре своей жизни. С которым она мечтала жить день за днем.

— Подождите, мой дорогой... Мне в голову внезапно пришла еще одна идея... Два бриллианта из сережек, жемчужное ожерелье, — все это вы сможете продать.

Она отдала их ему, вложила в ладонь и закрыла его пальцы на драгоценностях, словно это было ее бедное сердце, которое он уносил с собой. Он целовал руки этой достойной женщины, которые держал в своих ладонях.

— Спасибо. Спасибо. Я скажу брату, чтобы он вам все возместил, чем раньше, тем лучше.

Она стонала, слезы текли потоком.

— Нет, оставьте все... Это значит, что частичка меня будет с вами.

Он бросился на колени как в первый раз, обнял ее ноги.

— Нежный друг, будь ты благословенна!..

Всю оставшуюся жизнь она будет помнить эти молодые руки, этот обруч вокруг его стана, его юный лоб, прижатый к ней.

Она умрет с этим.

Это будет единственным сокровищем ее жизни.

Вне себя от боли, она поклялась в этом.

Единственная поддержка в любви!

Погоня привела Кантора де Пейрак в Гавр-де-Грас, нормандский порт.

Корабль, который увез нового временного губернатора Новой Франции, его супругу и все их окружение, вышел в море два дня назад. Теперь вся

надежда была на бурю, которая отнесет их судно к заливу Гасконь, и из-за этого они задержатся, а Кантор, тем временем, наверстает упущенное время. Но в это почти не верилось. Большие и малые флоты, рыбаки, торговые корабли, нагруженные почтой и пассажирами к берегам Новой Франции, уже подняли паруса, все одновременно. Первые отплытия осуществлялись вовсю. Он нашел маленькое судно, которое необходимо ремонтные работы привели в порт. Это было сторожевое таможенное судно, но Кантор узнал, что намерением капитана было самым прямым путем достичь Сен-Лорана, и хорошенько заплатил за право взойти на борт. Там он дал несколько советов, пользуясь своим опытом мореплавателя и путешественника.

Равным образом он дал понять матросам, что его внешний вид и луидоры соответствуют чистоте и честности его намерений, а также он не позволит никому относиться к себе непочтительно, тем более — пресечет попытки краж или убийства.

На вторую ночь путешествия, два силуэта пробрались на кухню, где спал он, и, склонившись над телом спящего, стали колоть его ножами. Пока они занимались этим, два жестоких удара в затылок свалили их с ног и на время отстранили от активной жизни.

Затем Кантор де Пейрак пошел и разбудил капитана, и попросил следовать за собой, чтобы удостовериться в неприятностях, которые ему хотели причинить, и жертвой которых стало чучело из соломы и тряпок, положенное на его место.

— Капитан, — сказал он, — я вижу, что вы честный человек и не участвуете в этом заговоре, но я удивляюсь, что вы так плохо знаете своих людей и так мало заботитесь о репутации вашего судна.

Я в ваших руках, но и вы также в моих. Я предлагаю вам сделку. Когда я прибуду к берегам Канады, вы получите половину содержимого этого кошелька. Если же вы меня убьете, чтобы завладеть всем, то вы все равно получите лишь малую долю, ведь вам нужно будет делиться с командой. К тому же дни ваши будут сочтены. Я указал членам моей семьи на каком корабле я прибуду. И где бы вы ни были, люди моего отца найдут вас и перережут вам горло, по меньшей мере. Так что подумайте.

Во время этих переговоров один из матросов, который был более ловким, сумел встать на ноги, освободиться от пут, которыми Кантор торопливо связал их, и пришел на помощь капитану, вооруженный ножом. Кантор повернулся и разрядил в него свой пистолет.

— Вы убили одного из моих людей, — сказал капитан после того, как некоторое время смотрел на мертвеца, словно сомневаясь в происшедшем.

— Кто не умеет убивать не может жить, — ответил молодой собеседник. — Вот истина, которую каждый день повторяет мне мой старший брат, и преподал этот урок нам наш отец своим собственным примером. К тому же у вас есть основания верить моим речам. Подумайте, половина золота, которая есть у меня, в обмен на мою жизнь, или все деньги и моя смерть, и вы недолго будете наслаждаться вознаграждением. Все это так, если еще не считать и того, что ваши бандиты постараются вас ограбить. Итак, вам придется меня защищать своей властью, которой вы наделены на этом корабле, где Божьей волею вы — главный. И я посоветовал бы вам по поводу вот этого — оставившего свой пост, чтобы совершить это мерзкое злодеяние, — посадите его в трюм дня на три. Это будет не таким уж страшным наказанием.

* * *

Рассуждения и советы молодого мореплавателя подействовали.

Судно шло на хорошей скорости и избегало всевозможных опасностей, подстерегавших в океане: штормы, пираты, неблагоприятные ветры и течения, — все это благополучно миновало путешественников.

Это было спокойное и легкое плавание, из тех, которые даже наводят скуку на моряка.

Молодой светловолосый человек продолжал следить за бандитами, и не сей раз они избрали менее грубый способ ограбить его. К нему подослали человека из Дьеппа, которого звали Леон-Мусульманин, потому что он провел в плену в Алжире десять лет, и там он привык носить тюрбаны и любить мальчиков.

Ласковая улыбка, с которой он подошел к Кантору, застыла на его губах, когда он почувствовал, что острие кинжала слегка уперлось в его бок.

— Что тебе надо? — спросил светловолосый юноша.

Человек в тюрбане попытался объяснить. Кантор схватил его одной рукой, а другая тем временем, продолжала держать кинжал у его горла.

— Ты знаешь правило мореплавателей: грех — наказание? Каково будет наказание за то, что мы с тобой совершим?

Кантор монотонно, на манер школьника, изложил:

— Грех — содомия; наказание — тебя повесят и бросят в море, или высадят на необитаемый остров, где, быть может, не окажется воды...

— Наш капитан закрывает глаза на эти игры...

— Я могу попросить его открыть их. Я заплатил за это.

Бедный «мусульманин» убрался и объявил друзьям, что здесь ничего не поделаешь. Он даже не видел кошелек с луидорами. С другой стороны, у него возникла возможность познакомиться с арсеналом оружия молодого человека. Два пистолета, нож и

маленький топорик, похожий на индейский. Потом еще шпага на перевязи. И по кинжалу в каждом сапоге.

И таким образом все устроилось. Его оставили в покое. Половина путешествия уже прошла. Они были ближе к американскому континенту, чем к Европе.

Глава 38

В Новом свете он узнал, что корабль, доставивший губернатора, его жену и все окружение, направился в Квебек, как это и предвиделось. Речи не было о тех, кто сошел по прибытии и мог бы направиться к Французскому заливу. Он был спокоен за свою семью. В Тадуссаке он сошел с корабля, выплатив все, что причиталось, капитану. Радостное ощущение, того, что он вернулся в этот край, возникло у него с того момента, как он вдохнул запах дыма, мехов, реки, в которой текла соленая вода, вблизи от океана. Даже у Квебека она была солоноватой. Однако, если он чувствовал, что природа была дружественная по отношению к нему, то ничего похожего не было со стороны большинства людей. Туман возвещал приближение осени, было уже довольно холодно, он прятал лицо в воротнике своего мантио, и на большинстве судов, на которых он плыл вверх по течению Сен-Лоран, он проспал, надвинув шляпу на нос.

Приближаясь к острову Орлеан, он уже знал, что нужно приложить все силы, чтобы сохранить инкогнито, так как он не пропустил мимо ушей слухи, о том, как были приняты в Квебеке новый губернатор и его жена, которая проявила все свои качества Благодетельницы, чтобы завоевать столицу.

Окутанный туманом, прекрасный город с его колокольнями и часовенками казался пораженным мрачными чарами, словно его заколдовали. Однако, он не казался опустевшим или спящим. Движение вокруг города и внутри него казалось призрачным.

Раздавался похоронный колокольный звон.

Прислушиваясь к разговорам прохожих, пока он пересекал района де Монтань, он узнал, что хоронили мадам Ле Башуа.

Холодная волна разлилась у него от затылка до корней волос.

С угла соборной площади, когда он добрался до туда, он увидел похоронную процессию. Люди, одетые в черное, медленно двигались, распевая псалмы. В тумане нельзя было различить кроны деревьев и шпиль собора. Дикие вишни на берегу ручья цветом своей листвы напоминали кровь. Наступила осень.

Он повернул направо, пересек площадь, по-прежнему скрывая лицо в воротнике и глубоко надвинув шляпу, которая спасала не только от солнца, но и от любопытных взглядов.

Он пошел по улице де ля Птит Шапель. Таверна «Восходящее солнце» была закрыта. Вывеска была размыта, словно от слез.

Он вознамерился постучать в калитку мадмуазель д'Урреданн, но ставни были закрыты. Дом казался пустым. Сдавленный лай был для него знаком, что там оставались служанка-англичанка и канадский пес.

Он продолжал путь, потому что знал, его предупредили, что каждую зиму сюда приходила его росомаха. «Он догадается, что я здесь...»

Но в то же время это место теряло свою реальность. Дом Виль д'Аврэ не изменился, возле него по-прежнему находился вяз, и небольшое становище гуронов, и два бронзовых Атласа в траве. Но это была всего лишь декорация.

Ему трудно было представить, что на этой пыльной дороге, пустой и неприятной, его мать, такая красивая, спасалась вместе с детьми от разных мужчин, высокородных и дикарей, которые всегда с таким забавным усердием старались заслужить ее самую легкую улыбку, самое незначительное слово.

Все стерлось. Все напоминало грустный сон, полный тайн и угроз.

Различив дымок над домом маркиза, он вошел во двор и заглянул в одно из окон большого зала, где различил отблески огня, разведенного в очаге.

Он заметил служанку Виль д'Аврэ, которая начищала бронзовые и серебряные предметы и вытирала пыль так старательно, словно на следующий день ожидался большой и пышный прием.

Он постучал.

Она тотчас же его узнала, но не повеселела.

— Э! Это вы в такой час, мой мальчик! Вы привезли с собой все семейство!

— Да нет, что вы! Я привез вам новости от вашего хозяина, которого видел несколько раз в Версале при дворе.

Чтобы распознавать лицемерие Великих и не поддаваться их «гримасам», Кантор доверялся простым персонам. Лакеи, кучеры, служанки умеют хранить тайну, но не всегда. Эта женщина, ни имени ни фамилии которой он не помнил, стала ему в этот момент ближе всех остальных, кого он встретил с самого отплытия.

Какое утешение иметь возможность говорить искренне и немногословно. Мимика, жесты... всего этого было достаточно, чтобы ясно и просто выразить свои мысли.

Он не закончил еще тарелку супа, которую ему подала служанка, как узнал уже, что она составила собственное мнение о жене нового губернатора, мадам де Горреста, и что все дамы поздравляли себя с ее приездом, восхищались ее милосердием, величием и одинаковым ко всем радушием. Она же, Жанна Серейн, родившаяся в Канаде, обладала собственным чутьем, и оно подсказало ей, что за этой женщиной скрывалось что-то ужасное, что-то очень плохое. Ее жизнь приучила

ее распознавать колдуний, настоящих колдуний, которые подчас очень милы. Ее мушкет был постоянно заряжен, хотя в таких делах обычным оружием не обойтись.

— Что хотите, то и думайте, мой малыш, но что касается Дьявола, то он существует... На этот счет я никогда не ошибалась. Среди нас он встречается так же как и в Европе или еще где... Вспомните этих господ, которые колдовали с черным камнем, который заклинатель искал с крестом и под знаменем церкви.

— И в черном камне он увидел именно Ее, — сказал Кантор.

И он начал долгий рассказ обо всех драмах и кознях, которые произошли этим летом в Академии, и виновницей их была та самая женщина, встреченная им в Версале и преследуемая до этих краев.

Длинное повествование, в нескольких частях, которое она выслушала, сидя напротив него и слегка подавшись вперед, так заинтересовало ее, что они проговорили до самого вечера.

— Я не удивляюсь... Это и должно было произойти. Город словно обезумел, и никто не знает, что делать. Вот почему Генриетта, что была при мадам де Бомон, умерла.

Он узнал, что произошло несколько неожиданных покушений. На достойных людей сыпались неприятности, словно град.

Дельфина исчезла, и что еще важнее, исчезла Жанина де Гонфарель, патронесса «Французского корабля».

* * *

Она еще ближе пододвинулась к нему.

— Да будет вам известно, что матушка Мадлен тоже пребывает в тревоге. Ее навестил губернатор, и когда она увидела его жену, то чуть не потеряла сознание от ужаса...

На колокольне собора пробило два или три часа ночи, час глубокого отдыха, и внезапно собеседники прервали разговор, словно зачарованные ночной тишиной.

Кантор бросил живой взгляд в окно, и с облегчением обнаружил, что с приходом ночи служанка закрывала ставни, так что никто не мог видеть его за этим столом, где оплавлялась большая свеча.

Оба подумали одновременно: «Они» приближаются. «Они» окружают дом.

Кивком головы она показала ему, что нужно встать. Бесшумно они спустились в подвал. Как и прежде здесь были сонные ягнята и вдоволь соломы, в которую он зарылся. Сама служанка расположилась на каменной ступеньке. Он восхитился, с какой быстротой она переделалась в блузу и ночной чепец, в то время как у входа раздался глухой стук кулаков, сопровождаемый криками: «Откройте!»

Изображая женщину, еще не вполне проснувшуюся, она поднялась, и из своего укрытия он услышал диалог, который временами походил на спор.

Он удивлялся, что многочисленная группа вокруг дома, которую он чувствовал, еще не ворвалась внутрь и не учинила обыск.

Она возвратилась одна, сумев уберечь от надругательства священную крышу своего хозяина, господина де Виль д'Аврэ.

Это был, в сопровождении солдат и представителей губернатора, хитрый поверенный по делам Религии, который был обязан проверять места тайных сборищ, новоприбывшие корабли, подозрительные дома, с целью выявлять протестантов, которым удалось пробраться к берегам Новой Франции. Они разыскивали молодого блондина, который прибыл сегодня и не предъявил в канцелярии доказательств того, что принадлежит к католической вере.

Служанка, преданная дому и семье де Виль д'Аврэ, отказалась поднять щеколду и отворить дверь.

— Так не делается. Что на вас нашло в такой час?

Она удовольствовалась тем, что приоткрыла небольшую форточку, устроенную в двери, и таким образом объяснялась с пришельцами, а они не имели возможности проникнуть в дом.

Они удалились, но наутро обещали вернуться.

Она снова понизила голос.

— «Она» приказала, или он велел по ее приказу найти вашего барсука и убить его.

Белые и индейцы, которым хорошо заплатили, искали его в течение нескольких недель в окрестностях города, в уголках, где они ожидали его появления.

Кантор побледнел.

Это точно была «она»! Никакого сомнения! Он узнавал ее извращенную жестокость по отношению ко всем, на кого она таила злобу, кому хотела отомстить. Это относилось даже к бедному лесному животному!..

Узнала ли она его, Кантора де Пейрак, в приемной короля; его, подростка, оттолкнувшего ее когда-то, сына того, над которым ей так и не удалось одержать победу?

— Моя росомаха будет сильнее их всех, — объявил он пылко, имея в виду Вольверина.

— Ну еще бы! Конечно! — обнадежила его она, — всем известно, что барсук хитрее человека!

Что касается того, чтобы потихоньку выйти из дома, то в этом не было никакой проблемы.

И поскольку прежде всего ему нужно было повидать матушку Мадлен, то — чего проще! — дорога была открыта.

Было бы очень неразумно не воспользоваться сетью подземных дорог, которые прокладывались в Квебеке, чтобы иметь возможность спрятаться от непогоды, или не показываться на глаза любопытному соседу. Кантор

вспомнил, что подвалы маркиза де Виль д'Аврэ соединяются с домом Баннистера, и следуют до монастыря Урсулинок.

Таким образом, ночью, пройдя через подвалы и пробравшись через склады сыров и вин, он достиг золотильной мастерской монахини-пророчицы.

Глава 39

Они не верили ей. Они не верили ей больше. Это продолжалось со времени визита жены нового губернатора в монастырь Урсулинок. Матушку Мадлен отругали и наказали. Теперь маленькая монахиня была отправлена в золотильную мастерскую, где она должна была работать без отдыха, не имея права разговаривать с остальными, должна была подниматься среди ночи и проверять огонь под специальным котлом, в котором готовился раствор для золочения серебра.

Вопрос встал даже о том, чтобы отлучить ее от ежедневного святого причастия, но она так плакала, что настоятельница пожалела ее.

— Да не покинет вас Господь, да заставит Он вас раскаяться. Признайте, что хотели привлечь к себе внимание... что хотели вмешаться в политику, которая вас не касается... Конечно, мы сожалеем о господине де Фронтенаке, но ваше поведение перешло допустимые границы.

— Матушка, я сказала только Святую Правду. Это она, я ее видела, возникающей из вод... Демон!

— Довольно!.. Не начинайте эту историю снова. Все уже давно уладилось, а ваши видения причинили нам только одни неприятности... еще не хватало, чтобы теперь мы рассорились с семьей нового губернатора.

Итак, она осталась одна, без защитников и помощи, один на один со своим тягостным секретом.

Ее сердце наполнялось ледяным холодом: «Господи, не оставляй меня!»

Город менял свой облик, его словно вывернули наизнанку, и теперь он показывал свое второе лицо.

Все говорили только о благочестии, скромности и милосердии мадам де Горреста.

Она прислушивалась к болтовне, доносящейся с другой стороны монастырской стены. Только мадам Ле Башуа не присоединилась к общему концерту похвал и произнесла шокирующую фразу, в которой усмотрели проявление враждебности, исходящей, быть может, из ревности или верности, которую она, как и многие, хранила господину де Фронтенаку.

В присутствии мадам Ле Башуа было сказано, что первая дама Новой Франции обладала мягкостью и изяществом манер. Мадам Ле Башуа возразила: «У змеи тоже изящные манеры».

У матушки Мадлен появилась слабая надежда.

О мадам Ле Башуа говорили, что она грешница, но это было признаком смелости и мужества, вот почему она высоко держала голову. Если бы только бедная монашенка могла поговорить с ней по секрету! Ей удалось передать записку по поводу дарохранительницы, которую жители Нижнего Города хотели подарить церковному приходу Бопрэ. Но ее маленькая посредница вернулась и сообщила, что у дамы произошло кровоизлияние и что ее жизнь в опасности. Работая в мастерской, матушка Мадлен весь день молилась о ее выздоровлении. Потом раздался похоронный звон. Говорили, что мадам Ле Башуа слишком усердно предавалась любовным утехам, и что рано или поздно это должно было случиться. Она умерла.

Отчаяние и ужас охватили маленькую монахиню.

Она боялась не столько за свою жизнь, хотя она знала, что когда-нибудь «она» явится, чтобы ее прикончить, сколько волновалась о том, что она

надругается над страной, едва отошедшей от язычества, и которой она посвятила свое призвание.

Это было равносильно смерти.

Как она не поняла до сих пор, что еще ничего не произошло? Вот что ей следовало бы сказать судьям, исповедникам, когда они допрашивали ее и связывали ее видения с мадам де Пейрак. Ничего не произошло!

Они решили, что на этом вся история и закончилась. Однако драма Академии, под властью демона, вышедшего из волн, только начиналась. И никто к ней не был готов.

Она упала на колени в пустой мастерской. «Господи, сжался!»

В сияющем ореоле в форме миндального ореха, она видела вечную картину — навязчивую идею последних лет, предмет споров и ссор — обнаженную женщину невообразимой красоты, глаза которой горели нечестивыми помыслами, и она дрожала всем телом.

«Господи, ну почему ты ничего не сделаешь для нашего спасения?» За ее спиной раздался слабый шум.

Повернувшись, она увидела Архангела.

Глава 40

Господь сжалился над ней. Архангел из видения был здесь, тот же, кого она видела, вооруженного мечом, заставляющего отступать нечестивые умы, тогда как монстр с острыми зубами, которого он вызвал, бросился на Демона и разорвал на тысячу мелких клочков.

И, так же как и мадам де Пейрак, он был похож на образ, призванный уничтожить Демона.

Волна радости затопила ее, словно река, которая освежает сухую землю.

Почему она сомневалась? Разве она не знала, что добро восторжествует?

Он подошел, приложив палец к губам.

— Сестра, меня зовут Кантор де Пейрак. Вы знаете мою мать.

Теперь она понимала. Всеблагой Боже! Ты знаешь кого выбирать для исполнения Твоей справедливой воли и кого призвать на помощь невинным.

Ее волнение было так велико, что она сняла очки, чтобы вытереть слезы, потому что из-за них она плохо видела лицо юноши.

Затем ее снова охватила тревога. Если мадам де Пейрак находилась в Квебеке, то ей угрожала опасность.

Он покачал головой.

— Нет, не бойтесь ничего. Она в своих владениях, и моим родителям не известно даже, что я вернулся в Америку. Но я прибегаю к вашей помощи, сестра, потому что я узнал, что мадам де Горреста прибыла в Канаду.

— Ну... Вам известно, кто она на самом деле?

— Да, известно.

Губы матушки Мадлен дрожали. Она сжала руки и умоляюще сказала:

— Помешайте ей, месье. Это ужасно. Никто мне не верит.

— Никто. А те, кто знают — молчат или боятся. Молчание. Я один. Нужно молчать. Не слова больше. Я пришел к вам, чтобы посоветовать вам это, и чтобы вы знали, что я в пути.

— Но... как вам удалось войти?

— Тихо, — повторил он. — Ведите себя, будто ничего не произошло. Не навлекайте больше на себя ее преследования... Подчинитесь... Принесите извинения... Ну, подчинитесь... Где она?

— В данный момент она в Монреале.

— Это не мешает ей оставлять за собой кровавый след... Сестра, не давайте им следить за вами... Если надо, не подчиняйтесь законам... Иначе она убьет вас.

— Я не боюсь смерти.

— Разрушителю нельзя позволять побеждать, — прошептал он, — когда об этом известно... Будьте сильнее... Я иду к ней навстречу.

Его глаза блеснули таким нежным и одурманивающим светом, что она терялась в их глубине. Когда она заметила, что он исчез, она испытала слабость и головокружение одновременно, которые характерны для человека, перенесшего долгую изнурительную болезнь. Она еще дрожала, но теперь она была сильна.

Глава 41

Кантор открыл калитку монастырского сада. Он пересек его и перелез через стену. Его не искали здесь, да и утренний туман был густым. Он дошел до реки Сен-Шарль. Там он увидел охотников, которые искали его росомаху. Иногда он различал их смутные силуэты, слышал их крики. Он и сам отвечал на них, словно был из их группы, ибо они не могли узнать его в тумане.

— Барсука нашли?

— Нет еще! Чертов зверь!..

Солнце начало пронзать лучами и разрывать клочья тумана, которые в конце концов превратились в дождь.

Кто-то крикнул:

— Нашли!

Кантор побежал, его сердце билось, руки сжимали оружие.

Вдалеке он заметил тело зверя, которое показалось ему меньше, чем он думал.

Может быть его изнурила лесная жизнь, ведь он привык к людям и дому?.. Он не умел защищаться... Вольверин...

Но когда он подошел и увидел вблизи животное, он понял.

— Это самка. Это не Вольверин.

Он осмотрел ее.

Несмотря на «бандитскую повязку» вокруг глаз, которая так пугала индейцев, она имела такой безобидный вид. Ее длинное тело с пушистым хвостом контрастировало с маленькой изящной головкой. Губы, приподнятые в гневной гримаске, обнажали острые и опасные клыки, которыми она так и не смогла воспользоваться, потому что попала в ловушку. Короткие лапки с острыми коготками были мягкими и безвольными, как у куклы.

Он погладил ее мордочку.

Он угадал.

— Его подружка!.. Это была его подружка.

Кантор поднялся, посмотрел на людей, столпившихся вокруг, потом посмотрел на далекий лес, куда устремятся охотники в погоню за Вольверином.

— Они убили его подружку... Еще одно преступление, которое обернется против Дьяволицы... Но ничего, Вольверин, я уже здесь.

Он был здесь. Или совсем рядом. Он все видел. Пленение и казнь. Он никогда не забудет.

Даже узнав Кантора, позволит ли он отныне ему приблизиться, ведь человек убил его подругу, после того как выслеживал их обоих в течение долгих дней и жестоких ночей?

Он никогда не забудет. Ни преступления, ни тех, кто его совершил, и он будет преследовать их до их конца, до того момента, когда перегрызет им горло, когда сможет отодрать от тела их головы при помощи клыков и когтей.

Его глаза обратились на людей, смотрящих на него. Его не узнали.

Без шума он обошел всех, раздавая деньги, прося оставить в покое оставшегося в живых зверя и удовольствоваться уже имеющимся трофеем.

— Дело в том, что... Госпожа Губернаторша нам заплатила, чтобы мы уничтожили росомаху, которая

бродит вокруг города вот уже две зимы и приносит нам вред.

— Она сказала, что шкуру мы должна показать ей, когда она вернется из Монреаля.

— Шкуру? Но ведь у вас уже есть одна. Это ее удовлетворит.

Он ушел.

Он слышал издалека, как группа охотников совещалась и снимала шкуру.

Остаток утра он провел в лесу. Ему казалось, что барсук где-то недалеко, то следует за ним, то обгоняет, он смотрит на него, и юноша разговаривал с ним, употребляя французские, английские и индейские слова, как это было прежде.

Наконец он различил перед собой темную массу в кустах. Зверь был настороже.

Столько грусти, но одновременно столько радости было в его зрачках, которые блестели под «бандитской маской», столько страдания, но столько счастья.

— Прости меня, — сказал он. — Вольверин, я опоздал. Но мы отомстим за твою подругу.

И он продолжал разговаривать с ним, пока не почувствовал, что их связь восстановилась.

Тогда он побежал, перепрыгивая через поваленные стволы, к реке, к водному пути, крича во весь голос:

— Следуй за мной, Вольверин! Следуй теперь за мной!.. Бежим в Монреаль!

Глава 42

Прежде чем представиться той, которую он так долго преследовал, мадам де Модрибур, теперь жене нового губернатора, Кантор проследовал по улочкам Виль-Мари, уже в Монреале. Город у подножья Королевской Горы был еще охвачен возбуждением большой осенней ярмарки мехов, которая по традиции начиналась с приходом соседних племен.

Кантор прежде никогда не был в Монреале, и чувствовал себя там чужаком.

Его разум был занят двумя вещами: выследить и загнать в ловушку Амбруазину и защитить и поместить в безопасное место Онорину, если еще не поздно.

Направляясь то в одну, то в другую сторону, он колебался и не мог решить, чем заняться в первую очередь. Такое поведение было небезопасно. Его могли узнать. Ему вслед уже оборачивались. Здесь новости быстро распространялись. И он должен был помнить, что проклятая мадам де Горреста уже пыталась его убить перед его отъездом из Версаля, пыталась арестовать его в Квебеке.

Наконец он решил идти в Нотр-Дам. Он не колебался. Его неуверенность объяснялась страхом за Онорину. Он боялся, что опоздал. Предчувствие не переставало терзать его. Он слишком хорошо знал адское создание, которое на этот раз он поклялся уничтожить. Если «она» приехала на остров Монреаль три недели назад, то она, без сомнения, не замедлила напасть на дочь Анжелики, ибо такова была ее истинная цель, которую она скрывала под официальными причинами визита в этот город. Это он чувствовал инстинктивно. Поэтому, когда монашка с высокомерным видом в своей черной рясе и белом головном уборе приняла его в вестибюле монастыря, в котором пахло воском и только что собранными яблоками, он не удивился, узнав, что Онорины там не было. Но услышав имя мадам де Горреста вперемежку с довольно запутанными объяснениями он почувствовал, что сердце его сжалось. Тем не менее он заставил себя продолжать беседу, узнал все подробности и понял, что девочка исчезла, убежала, потому что была всегда непослушной.

Мадам де Горреста была представлена очень близкой подругой мадам де Пейрак, поэтому она очень

интересовалась судьбой ребенка. Узнав о ее исчезновении, она перевернула вверх дном землю и небо, лишь бы найти ее. «Небо и землю! Скорее — ад!» — подумал он... Короче говоря, было довольно трогательно смотреть, как эта важная дама, которую они имели счастье принимать вместе с самым важным в колонии человеком, и это был важный знак, потому что предыдущие губернаторы были лишены их нежных и добродетельных спутниц, и можно было поклясться, что плоды этого совместного визита не замедлят сказаться, — так вот было очень волнительно смотреть, с каким пылом она подняла по тревоге весь край, чтобы найти маленькую пансионерку, и какую помощь она оказала бедным монахиням Нотр-Дам в их заботах.

Кантор внимательно смотрел на собеседницу, и она ему не нравилась.

Он попросил разрешения поговорить с матушкой Маргаритой Буржуа. Он вдруг вспомнил, что встречался с ней в Тадуссаке и в Квебеке, и, кажется, она действительно была близким другом его матери.

Но, поджав губы, мать Деламар сказала, что мать Буржуа, директриса, которую она в данный момент замещает, по срочному делу уехала во Францию, чтобы побеседовать с архиепископом Парижа, а также в Рим по поводу статуса их ордена обучающих, но не закрытых в монастыре дам, что противоречило правилам и уставам церкви.

Молодой человек расстался с ней в возбужденном состоянии ума, где смешивались гнев по отношению к монашкам, беспокойство за Онорину и опасения на счет действий Амбруазины. Кошмар начинался снова.

Дойдя до ограды, он обернулся. В траве под яблонями и вишнями сидели маленькие девочки, которые ели хлебцы и смотрели на него с удивлением.

На фоне идиллической картинке бродила мрачная тень. Ядовитое дыхание отравляло воздух, которым он

дышал. словно смрадное дыхание портило яркие краски и взрыв счастливой жизни, чтобы наполнить их грехом.

Как матушка Буржуа могла оставить вместо себя такую персону, которая с экстатическим видом рассказывала об этом монстре, Амбруазине? Еще одна, которая дала себя обмануть и стала, сама того не подозревая, пособницей Зла, среди святых женщин.

Когда он шел по дубовой аллее, которая выводила на дорогу, он услышал позади себя шум, и обернувшись, заметил молодую монашенку, которая бежала за ним, с трудом, из-за своих тяжелых и длинных юбок.

— Месье, кажется, вы брат нашей маленькой Онорины. О! Дорогой господин, найдите ее! Что скажет матушка Буржуа, когда вернется? Она оставила распоряжение, что ребенок может уехать с караваном, согласно просьбе посланца, который прибыл от вашей матушки. Как сестра Деламар могла так обмануться?..

Расспросив ее, молодой человек понял наконец, как все произошло. Амбруазина, вооруженная правами своего ранга, умеющая оказывать влияние при помощи мнимой кротости на души людей, как невинные, так и черные, все остановила и запустила машину вспять.

Она застала отъезд Онорины, заставила вернуть ее. Затем малышка исчезла, но совершенно точно, что она не попала в лапы Амбруазины, потому что та усиленно искала ее. Если только это не было притворством, чтобы скрыть преступление. Она была способна на все. Однажды кто-нибудь найдет маленькое тело, изуродованное убийцами. Сердце Кантора причиняло ему боль, потому что сжималось от тревоги.

— Я не осмелюсь произнести вслух свое мнение, — прошептала маленькая сестра, озираясь по сторонам, — но я очень обрадовалась, когда малышка убежала, ибо эта женщина, жена нового губернатора, показалась мне очень страшной.

— И вы правы, сестра моя, — подтвердил он, — ибо мне известно из достоверных источников, что это Демон!

Она издала крик ужаса, спрятала в ладонях лицо и побежала, рыдая, к дому.

Кантор был в ярости. Эти монашки, похоже, чокнутые. Одна оставила свои обязанности и отправилась в путешествие, которое может продлиться года два, другая, стоило начальнице уехать, переигрывала все ее распоряжения, третья пряталась из страха, что ее будут наказывать, и украдкой пыталась защитить детей... Затем он взял себя в руки. Бедные женщины. Чувствовался ветер разрушения, который сопровождал появление Демона.

Но, все-таки, где же Онорина?

* * *

Он дошел до реки и пошел вдоль берега, не зная еще, что ему делать. Чтобы атаковать врага, хитрую даму с жалом змеи, нужно набраться сил. Он думал об Онорине и за словами, произнесенными в вестибюле монастыря: «непослушная как всегда», «она исчезла», «она вызвала ярость, она спаслась», он видел силуэт маленькой доброй девочки с рыжими волосами, высокой, «как три яблочка», и хотя ее мордашка и не блистала особенной красотой, но принадлежала аккуратной головке, сидящей на красивой длинной шее, и выражение ее лица поражало достоинством и мудростью, не свойственным для ее лет.

Что за непонятная сила была у этого маленького создания! Вот почему у многих было желание быть с ней суровой и строже, чем с остальными. Он первый раз думал об этом и испытывал угрызения совести. Но вообще-то правда, что она бывала невыносимой.

Но он продолжал испытывать гнев против всех женщин и когда он думал о несправедливости, которая преследовала Онорину, его гнев падал на тех, кто был

за нее в ответе и плохо с ней обошелся, и он сам — в первую очередь. Все хотели избавиться от нее, от этой девочки. Когда он был в Вапассу, он тоже хотел, чтобы ее наказали. Она раздражала его, эта капризная и требовательная девочка, которая утомляла его мать и даже отца, не имея на это права. Откуда она взялась, эта девочка?.. Лучше было об этом не думать, потому что от этого возникало желание... избавиться от нее.

А сейчас это произошло! Никто не знал, где она. Все хотели ее найти. Но это была ужасная вещь, еще более тяжелая, чем свинцовый груз. Ибо она была так мала и так смешна. Она была горда, упряма, но беззащитна. «Это ребенок, — сказал ирокез. — Нельзя придавать особое значение ее действиям, ибо они беспричинны. А это — взрослый. Что он должен ребенку?.. Защиту, пока тот не подрастет и надежду, что он образумится!..»

Но Онорина была оторвана и отброшена куда-то злым ветром!.. Он вспоминал, что она приносила ему маленькие букетики цветов, и натирала воском его обувь, чтобы сделать приятное... Она его всегда любила. Он был ее любимым братом. Почему он ее отталкивал? Он не понимал теперь. Ведь это был всего-навсего ребенок! Не нужно было пускать в сердце такую глупую ревность! А теперь Онорина была потеряна из-за их общей ошибки, из-за его ошибки...

Слезы жгли его глаза... Он старался их удержать.

— Я последую за ней!.. Я дойду до края земли. Я заставлю мегеру признаться. Я найду тебя, Онорина, я верну тебя...

Маленькая Онорина за молитвой. Такой он видел ее в последний раз. Он был у Урсулинок в Квебеке, чтобы попрощаться с ней перед отплытием в компании Флоримона. Но она велела передать, через Мать Настоятельница, что молится в часовне, что у нее видение... и что она не желает его видеть. Вот садовая голова!..

Он вытер глаза.

— Я найду тебя, садовая голова!..

Он шел по берегу реки в одиночестве. Он отошел далеко от города и оставил позади несколько домиков, расположенных среди садов и полей.

Он слышал только шелест трав под ногами, жужжание насекомых в воздухе, число которых изрядно сократилось с приходом холодных ночей, они по-прежнему роями носились в воздухе.

Машинально он пошел на запад, он избрал направление, противоположное тому, где находился его лагерь. Он разбил его на мысе, у старой заброшенной мельницы. Это место было необитаемым, поскольку шла тяжба между мельником и монашками ордена святого Сульпиция, и никто не имел права пользоваться этой землей.

Кантор де Пейрак был там ранним утром. Он приблизился к острову Монреаль с большими предосторожностями. Он поминутно проверял, свободен ли путь и по-прежнему ли следует за ним его Вольверин. Чувствуя друг друга инстинктивно, они не теряли связи с двигались вперед вместе.

На остров они переплыли в лодке. И теперь росомаха была там. И теперь нужно было действовать быстро, чтобы собаки, охотники или крестьяне не обнаружили зверя и не объявили бы о его появлении.

Кантор де Пейрак должен был остановиться в своем плане. Ему нужно было успокоиться, усмирить этот ураган боли, которые в нем бушевал.

Он сделал усилие, чтобы рассуждать разумно, и нашел утешение в воспоминаниях обо всех приятных минутах, которые он провел с Онориной, с этим рыжеволосым лютиком. Ибо в глубине души они отлично понимали друг друга. Часто он сажал ее к себе на плечи, затем подпрыгивал и пританцовывал «как индеец» в национальном танце войны, крича «йу! йу!

йу!»), а однажды он взял ее тайком с собой в лес, в лунную ночь, чтобы она послушала хор молодых волков, и они подошли довольно близко и видели зверей.

Голос молодого человека, который пел на воде, донесся до него:

Шестого мая в прошлом году

Полез я очень высоко...

Отправился я в долгий путь...

В далекую страну...

Кантор поднял глаза и заметил, что туман начинает покрывать реку. Либо он поползет в сторону севера к Мон-Руалю, королевской горе. Или словно по волшебству рассеется. Таковы были особенности осени.

Из тумана доносился голос, который продолжал:

Когда пришла весна

Подул апрельский ветер

И я под парусом спешу к родной земле

Где Сен-Сюльпис, и где моя родная

Такая милая, красивая такая...

Вот из тумана показалась лодка, управляемая юношей лет восемнадцати-двадцати, хорошо сложенным, в котором Кантор узнал Пьера Лемуана, третьего сына негодяя из Виль-Мари. Старший, Шарль де Лонгей был лейтенантом в полку Сен-Лорана в Версале и сопровождал кортеж короля.

Переглянувшись, они поздоровались. Пьер Лемуан также провел короткое время при дворе. Несмотря на свою молодость, это был опытный моряк, который уже водил корабли через океан.

— Я думал вы во Франции. Нет ли у вас новостей о моем брате Шарле? Кое что нам рассказал о нем Жак, который прибыл вместе с господином де Горреста, новым губернатором.

Увидев, как Кантор нахмурился, он прибавил:

— Нельзя сказать, что мы согласны с ней. Он немного ненормальный, Жак. Он участвовал в заговоре против господина де Фронтенак. Но придет зима, и все уладится... А вы, я так думаю, тоже прибыли с губернатором?

— Я прибыл, чтобы найти мою сестру, Онорину де Пейрак.

Пьер Лемуан, пристав к берегу, выскочил на землю. Он направлялся в сторону Ля Шин, и решил сделать остановку и переждать туман.

— Вашу сестренку, вы говорите? — сказал он задумчиво, — представьте себе, три недели назад, даже меньше, она встретила мне на этом самом месте, где находимся сейчас мы. Она была одна, такая маленькая и с большой сумкой. Я заметил ее. Она сказала мне, что идет к господам дю Лу, ее тете и дяде. Я посадил ее в лодку и довез до места недалеко от замка.

— Мой дядя де Сансе! — воскликнул Кантор, озаренный новой надеждой, ибо для него открылся новый путь поисков Онорины.

Он уделял мало внимания открытию того, что у них объявились родственники в Канаде. Ему хватало тех, что жили в Париже, найденных Флоримоном.

В свою очередь он залез в лодку молодого канадца. Там он все узнает. «Какая умненькая маленькая девочка!» — говорил он себе, словно уже отыскал ее, словно она уже выпуталась из этой страшной истории...

Свежий ветер разогнал туман. Им навстречу плыла лодка с детьми. Молодежь Монреалья проводила время на водных маневрах.

Пьер Лемуан высадил Кантора. Он сказал, что направляется вверх по течению Сен-Лорана и что если он понадобится, он будет в Ля Шин, где приготовит вещи и товар.

Глава 43

Эльф с белокурыми волосами пересекал равнину, еще зеленую, расстилающуюся перед ним, подпрыгивая и пританцовывая. Это была девушка, взгляд которой показался ему знакомым. Он нашел ее прехорошенькой, и когда она остановилась поодаль, чтобы взглянуть на него, он вспомнил, что одна из дочерей его дяди, объявившегося почти через тридцать лет после разлуки, очень напоминала чертами лица его мать, Анжелику де Пейрак, урожденную Сансе де Монлу. Что в данный момент показалось ему невозможным. Совесть велела ему публично покаяться.

Отныне не один он будет напоминать образ, который заставлял самого короля вздыхать, когда он появлялся. Это льстило и беспокоило одновременно молодого пажа, который сам того не желая вызывал мрачные ассоциации у Его Величества.

Теперь одно и то же лицо повторялось трижды. Молодые люди были так похожи, что вглядевшись в друг друга, рассмеялись.

— Кузина, давайте обнимемся! Как вас зовут?

— Мари-Анж. А вы, я так думаю, — Кантор?

Он огляделся и удивился, что кроме этой девушки, похожей на фею, никого в округе не было, словно она была единственной обитательницей замка, уснувшего под влиянием магических чар.

Она рассказала, что ее родители отсутствуют. Они отправились в Квебек, и затем собирались в столицу, чтобы принять нового губернатора, замещающего господина де Фронтенака. Это не помешало, однако, вышеупомянутому губернатору уехать в Монреаль сразу же после отъезда господина и госпожи дю Лу.

— Но что же это за болезнь — разъезжать и суетиться из-за этого губернатора? — вскричал Кантор, снова потрясенный. — Люди сошли с ума?

— Действительно, это так.

— Почему?

— Потому что новый губернатор, и особенно его супруга, решили перевернуть вверх дном всю страну.

Наконец-то он встретил кого-то, кто сохранил здравость мышления. Она смотрела на него, и взгляд ее был светлым и спокойным, немного насмешливым.

— Почему вы так расстраиваетесь, что не встретитесь с моими родителями?

— Они могли бы рассказать мне что-нибудь об Онорине. Я знаю, что она хотела их видеть.

— Если вы беспокоитесь о вашей сестренке, то я сама могу рассказать вам кое-что.

Он чуть было не встряхнул ее от нетерпения.

— Вы видели ее?

— Нет, но я знаю, что с ней стало. Какой-то индеец мне рассказал.

— Рассказывайте, я вас умоляю.

— Сначала она была у ирокезов при миссии в Канаваке возле Мадлен, напротив Ля Шин, а потом индейцы увели ее еще дальше.

— Почему?

— Потому что она прячется от этой женщины, которая хочет ее убить.

Бедный Кантор почувствовал, что от облегчения у него чуть не разрывается сердце.

— Так, милая, это мне нравится, — сказал Кантор, пылко обнимая ее за плечи. — Теперь расскажите мне обо всем в более спокойном месте, вдали от любопытных глаз, которые за всем наблюдают издалека.

Он рассчитывал на то, что она пригласит его в замок, но она привела его в большое здание, то ли

склад, то ли амбар. На крюках на потолке висели шкуры. В углу были сложены мешки с пшеницей, на которые они уселись.

Он заметил несколько туалетных принадлежностей: гребень и щетку, положенные на сундук, подушку, длинную женскую накидку, и горшочек с углями, какие бывают на кораблях.

После отъезда ее родителей, — рассказывала Мари-Анж, — «они» тотчас же вернулись. Но неприятность состояла в том, что на этот раз она не поняла, что не ее семья была причиной визита.

— Я заметила их издали. Их карета остановилась на большом лугу, на Королевской дороге. Я не знала, что они собираются делать, и кого ждут. Только потом все выяснилось. Они выслеживали малышку, и схватили ее.

— Боже мой! — воскликнул Кантор, побледнев.

Она торопливо накрыла его руку своей.

— Она убежала от них, говорю я вам! Но будьте терпеливы. Дайте договорить. Наутро они вернулись, разряженные как попугаи, со своими красными каблуками, кружевами и перьями. На этот раз они дошли до замка. Мадам губернаторша возглавляла толпу. Я сказала братьям: «Давайте уберемся отсюда! Выйдем через задний ход и спрячемся в лесу».

Они увидели только опустевший дом. Но после их появления я не захотела возвращаться в эти стены. Я отправила братьев в город, самых старших в монастырь Сен-Сюльпис, где их воспитывали, а самого младшего к сестре, которая вышла замуж за офицера из гарнизона города Сен-Арман. В ожидании я решила пожить здесь. Несколько дней спустя я заметила индейца, который бродил вокруг, в поисках людей, которым хотел передать послание. Я позвала его, и он все рассказал.

Онорина убежала с помощью одной из его сестер-христианок, из племени Аньеров, и они спрятали ее у себя в Канаваке. Но когда они увидели, что эта

женщина с таким усердием ее ищет, и что их священники, думая, что поступают во благо, стали ей помогать, они очень испугались. Поэтому они доверили ее каравану граждан Пяти Наций, которые хоть и были окрещены, хотели вернуться в край ирокезов.

— Она спасена!.. — вскричал Кантор, вскакивая и подбрасывая в воздухе свою шляпу. Потом, держа Мари-Анж за руки, он закружил ее в радостном танце. — Моя сестра спасена! Милая кузина, вы сняли с моего сердца невообразимый груз! Эти любители дичи, эти придворные совы не смогут ее отыскать в глубине наших лесов!..

— Они даже не пытались. Ходили слухи, что мадам де Горреста с трудом скрывала раздражение и злобу по поводу тщетности поисков.

— Какую дорогу люди из Канавака избрали, чтобы добраться до их долины Пяти Наций?

— Не знаю. Индеец сказал, что маршрут должен быть тайным, чтобы избежать как можно большего количества опасностей, угрожающих ребенку.

— Пусть так. Я найду... но позднее. Сначала я должен покончить с Демоном. И поверьте мне, милая, не так-то легко будет избавить землю от такой гадины.

Он было, собрался уходить, но Мари-Анж удержала его.

— Наступает вечер. Вам надо будет идти по дороге, потому что река по ночам не судоходна. А если вы вернетесь в город, и вас там узнают? Ну хоть до утра останьтесь. Завтра вам будет лучше, вы наберетесь сил. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю поесть.

Пока она отсутствовала, Кантор забрался вглубь постройки. Он с наслаждением вытянулся на подстилке из соломы. Теперь, когда он знал, что с Онориной все в порядке, он почувствовал усталость. У него не было сил думать о чем-либо, он только помнил о встрече с Мари-Анж. Это правда, что она очень похожа на его мать, она,

вероятно, была так же энергична в ее годы. Она и сейчас обладала живостью молодости, когда домашняя работа, какое-либо распоряжение или другие срочные дела заставляли ее бежать, подниматься и спускаться по лестницам домов, пересекать поля, не спотыкаться о корни, встречающиеся на лесных тропинках.

Только вот было удивительно, что в Мари-Анж было что-то от души Анжелики, и в присутствии кухни он чувствовал себя так, словно давно знал ее, словно они с раннего детства играли вдвоем в Плесси или в Версале.

Она вернулась с большими ломтями хлеба, с колбасой и сидром. Пока он ел, она расположилась рядом с ним на соломе и сказала, что отец предлагал ей поехать во Францию, чтобы познакомиться с жизнью знатной молодежи. Он почувствовал, что опершись на локоть она смотрит на него, и глаза ее блестят от удовольствия.

Это его немного смутило. Не нужно было забывать, что канадские девушки обладают некоторой дерзостью. Здесь было мало женщин, и они пользовались этим обстоятельством. Они были сама естественность и природа, они были похожи на детей, рожденных вдали от противоречий старого общества подчиненных и властелинов. Изысканные и коварные пути любовных приключений, указанные в «Памятке Нежности» или тонкости куртуазной жизни Парижа не были им знакомы.

Кюре в их церковных приходах и монахини, воспитывающие их, были правы, изучая с ними не церковные правила, а обучая школе замужества. С четырнадцати лет это были скромные маленькие жены колонистов, готовые перенести тяготы зимовки, подчас в одиночестве, рождение детей, полевые работы и уход за скотиной.

Мари-Анж дю Лу в возрасте шестнадцати, нет, почти семнадцати лет, не была замужем, отвергая всех

претендентов и не чувствуя религиозного призвания. Таким образом, она оказалась в таком положении, которое с каждым днем становилось все затруднительнее. Она должна была быть одновременно ребенком и «старой девой» по сравнению со своими подругами, родившимися и выросшими, как и она в Новой Франции, но с колыбели до замужества, росли, готовя себя к судьбе жен первопроходцев, хранительниц очага, которая их ожидала.

Здесь годы светского воспитания были не в счет.

— Кузен, не пришло ли время перейти на «ты»?

— Как хочешь, маленькая кузина.

Она снова поднялась, чтобы принести большую шкуру, которую они взяли вместо одеяла, лежа рядом, ибо вечерний холод уже давал о себе знать.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О завтрашнем сражении, — ответил он, кладя руки ей на грудь и вытягиваясь с закрытыми глазами.

Он был благодарен ей за то, что она не задавала других вопросов и заснула, уткнувшись изящным доверчивым носиком в его плечо.

Глава 44

Мадам де Горреста, в прошлом Амбруазина де Модрибур, недовольно посмотрела вокруг. Она была у своей парикмахерши, которая придавала ей новое выражение лица, к которому она еще не привыкла. Напрасно она применяла всякие ухищрения — ленты, накладные букли, оттеняющие виски и щеки, — некоторые шрамы и отметины скрывать не удавалось.

Она находилась в доме из больших обтесанных камней, предоставленном в ее распоряжение хозяевами Монреала, и хотя нельзя было отрицать, что жилище было шикарно обставлено, губернаторшу это не радовало, потому что до нее, здесь принимали Анжелику.

Исчезновение девочки Онорины показалось ей плохим знаком.

Она начала чувствовать некую неуверенность в тех местах, где она находилась.

Ей следовало бы вспомнить, что далекие земли скрывают неведомые силы. Она уже испытала это в Голдсборо. Но здесь было еще хуже, потому что неприятности подрывали ее потребность действовать.

Здесь было так скучно, не то, что в Голдсборо...

Прежде всего — Анжелика. Так приятно было смотреть на ее образ жизни, побеждать ее, заставляя страдать. И она наслаждалась каждым мгновением, которое приближало их встречу, приближало новый удар. Чего лучше — когда ее зеленые глаза темнели от боли при словах, что Жоффрей де Пейрак, в которого она так безумно влюбилась, пытался стать любовником мадам де Модрибур!

Но при этом воспоминании сама Амбруазина расстраивалась.

Она! Она! Почему этот вельможа с южной кровью не уступил перед ее авансами?..

Ей потребовались годы, чтобы понять. «Он презирал меня. Он распознал все мои обманы. С первой секунды он не доверял мне. Я думала, что он попадал в мои сети, тогда как все его действия были направлены на то, чтобы меня разоблачить...»

Даже сегодня она, вспоминая об этом, скрежетала зубами. Теперь, возвратившись к замыслу о мести, она чувствовала, как ее охватывает горькое разочарование при мысли о том, как долго длилось торжество победителей над поверженным Демоном!

Ах как долго ей пришлось притворяться!

Она в тайне наслаждалась, когда ей удавалось увести у какой-нибудь провинциальной дурочки ее увальня-мужа, а еще приятнее было совратить какого-

нибудь мужчину, пользовавшегося безупречной репутацией: церковника или неподкупного чиновника.

Но внешне она должна была быть выше всяческих подозрений.

В течение всех этих лет никакие случайности не мешали исполнению ее планов. Она могла себя поздравить, что с успехом избежала сплетен и дурной молвы.

В Америке она приобрела богатый опыт, который ей очень пригодился.

Сначала она жила инкогнито в тени богатого любовника, так называемого Николя Пари, недавно вернувшегося из колоний. Ей нужно было подождать, пока шрамы на ее лице исчезнут или зарубцуются.

В этом помог ей старик Пари. Он стал ее сообщником в один мрачный вечер на восточном берегу Тидмагуша.

Он хотел ее. Он всегда хотел ее, это было и тогда, когда ее лицо было изуродовано, но тело оставалось по-прежнему соблазнительным. Он хотел валяться на ней, словно боров в свинарнике.

А ей нужно было спастись и избежать преследования врагов, которые, если она выживет, представят ее правосудию как колдунью, убийцу и отравительницу.

Необходимо было скрыться. Навсегда.

Старый Пари прекрасно удовлетворит свои плотские потребности с ней. Она всегда предпочитала стариков, увядающая сила которых требовала разного рода фокусов, в которых Амбруазина с юных лет была очень искусна.

Итак, договор был заключен.

У них не возникло ни малейшего сомнения, когда они решили убить Генриетту Майотен, которая помогла ей скрыться, изуродовать ее и кинуть ночным диким зверям, которые сделали совершенно неузнаваемым

лицо этой молодой женщины. Она заменила Амбруазину в могиле.

Корабль отчалил.

Во Франции сообщники замели последние следы.

В глубине провинции при помощи звонкой монеты очень легко воздействовать на нотариусов, чиновников или кюре, которые составят вам любые брачные бумаги на основе вымышленного имени и даты рождения.

И чтобы развлечься, Амбруазина сказала, что она — уроженка провинции Пуату. Но эта фантазия обернулась в конце концов против нее. Ибо это ее мнимое происхождение напоминало ей, что если ей и удалось обмануть Анжелику на этот счет, то в конечном итоге сильнее все-таки была Анжелика.

И, уже далеко не так развлекая, эта выдумка с Пуату приводила Амбруазину в бешенство. Что давало ей прекрасный повод для мести.

Ибо, притворяясь смиренной, кроткой и добродетельной, она не забыла, что единственная ее цель — отомстить «им» и особенно «ей». Она не забыла об еще более важной вещи — о миссии, вверенной ей господином, который не примет поражения.

Иногда она хотела об этом забыть. Но тогда дрожь от страха сотрясала ее, возрождала ее ненависть к «тем», кто нанес ей поражение.

Ах! Сколько лет ей пришлось притворяться и следить в зеркало за своим выздоровлением, а потом за восстановлением ее лица. Некоторые рубцы не исчезнут никогда. Но не это задевало ее больше всего. Она не была такой как прежде, и иногда она себя с этим поздравляла. Она больше не была такой юной, и красивой, и все это — по вине Анжелики, — говорила она себе, — ибо ей казалось, что Анжелика питает свою собственную красоту и молодость тем, что Амбруазина их теряет. «Чем больше я дурнела, тем ослепительнее

она становилась. Да... даже в Тидмагуше, когда она была больна и я держала ее в своих руках...»

Однако со временем вуалетки Амбруазины стали прозрачнее. Зеркала возвещали, что она могла снова появиться на людях, и пришло время, когда старому Пари было пора отправиться в могилу в следствие действия какой-то микстуры. И немного спустя ей, вдове, пришло время отправиться в другой город и показать там свое лицо, сменив, однако, имя.

Потом все пошло без сбоев, по плану, тщательно разработанному.

После того, как она женила на себе в Невере господина де Горреста, вокруг нее снова стали собираться «верноподданные»: дворяне, промотавшие наследство, лакеи-обманщики, черные души, похожие на нее, привлеченные ее богатством, и которые, получая вознаграждение, выполняли ее приказы, интриговали, покупали нужных людей, сообщников или, если того требовала ситуация, заставляли молчать неугодных.

Первым из ее слуг, сам не зная того, стал не наделенный большим умом и особенными достоинствами ее новый муж, господин де Горреста.

Очень быстро, пользуясь любыми возможностями, она внушила ему интерес к делам колонии, затем заставила испросить какого-либо поручения или должности в Новой Франции. В итоге его назначили временным губернатором, вместо господина де Фронтенак, который был вызван в Париж на беседу с королем. И поскольку многие подозревали, что господин де Фронтенак попал в немилость, то имелись основания полагать, что господин де Горреста будет вице-королем Новой Франции в течение нескольких лет.

Для Амбруазины, его супруги, которая назвалась Армандой, урожденной Ришмон, и которой восхищались из-за того, что она следовала за мужем в отдаленные

суровые края, выпало несколько недель в Париже, где она навестила несколько мест, в которых справлялась (через почту или доверенных лиц) о деле «Ликорны». Она находила пикантным — под предлогом родства справляться о судьбе мадам де Модрибур и ее экспедиции.

Затем она поехала в Версаль, чтобы навестить короля, который ее совершенно не узнал.

Но это было слишком. Однажды она встретилась взглядом с зеленоглазым юношей... и тотчас же ее карета отправилась в Гавр. Амбруазина очень радовалась, что оставила позади себя столицу и оказалась в открытом море.

Она не боялась плавания. И для нее было не важно, что она вынуждена начать свою деятельность в Канаде, поскольку к этому обязывало ее новое положение. В первый раз она была Благодетельницей и могла передвигаться в любом направлении. Но на этот раз нужно было ехать в Квебек, и с самого начала она вооружилась терпением, чтобы приготовить самую сладкую улыбку.

Но... что они себе вообразили, в самом деле?..

У нее была совершенно другая цель, нежели выслушивать льстивые речи этих неотесанных колонистов.

У нее никогда не было намерения кинуть в Квебеке, в этом ледяном городе противоположностей, который к тому же претендовал на звание столицы. «Маленький Версаль» — как говорил этот смешной маркиз Виль д'Аврэ. А этот простофиля де Фронтенак верил.

Их положение принуждало их, и это в особенности бесило ее, жить в этом городе, принимать гостей и приветствовать при встрече чуть ли не каждого жителя, чем, впрочем, она рассчитывала воспользоваться при расправе с худшими из ее врагов:

Жоффрея и Анжелики де Пейрак и вызывая из прошлого имя отца д'Оржеваль. Известие о смерти последнего ее воодушевило.

«Попозже, Голдсборо, — сказала она себе. — Потерпим, если так надо...»

Она была права.

С первых дней плавания по Сен-Лорану настоящее открывало перед ней лица прошлого. Уже умерли те, кому надлежало умереть. Ах! Как она радовалась, глядя, как раскачивается на рее тело лейтенанта де Барсемпюи, который ненавидел ее за то, что она приказала убить его подружку Нежную Мари.

— «Это англичане, — убедила она мужа, нового губернатора. — Вражеские разведчики, которым удалось проникнуть в русло Сен-Лорана... Казните его, чтобы показать, что вы не похожи на губернатора де Фронтенака, невнимательного к врагам Франции и к французским гугенотам, присоединившимся к ним. Жаль, что из-за тумана не удалось захватить в плен весь экипаж».

И в Квебеке, подозревая, что некоторые ее узнали, она применила срочные меры.

К сожалению, эта дурочка Дельфина и толстая хозяйка «Французского Корабля», к которой она испытывала антипатию, ускользнули у нее из-под носа... Почему? Как?.. И она забеспокоилась.

Но наконец ей показалось, что счастье снова возвращается вместе с мистической защитой, в которой она начала сомневаться. Она узнала, что дочь графа и графини де Пейрак — девчонка, для которой Анжелика собирала аметисты на берегах Голдсборо — была пансионеркой у монашек в конгрегации Нотр-Дам, в Монреале.

Случай предоставил в ее распоряжение ребенка ее врагов. С самого начала она облизывалась, предвкушая удовольствие. Дьявол на этот раз был на ее стороне.

Остров Монреаль, вверх по Сен-Лорану, был далеко, но удовольствия, которые ей сулило пленение девчонки и страдания маленькой жертвы, стоили всех неприятностей и скуки от путешествия, опасного и несносного из-за присутствия этих идиотов-колонистов, которые называли себя «жителями» и претендовали на титул господ, потому что им было предоставлено право охотиться и ловить рыбу.

Но чем больше она их ненавидела, тем больше она ободрялась, ибо она знала, что им еще предстоит расплата за их надменность. И она начала потихоньку принимать, начала окружать себя «маленьким двором», потому что ей сказали, что иначе нельзя. «Позже, Голдсборо!.. Ты подождешь, Голдсборо, я еще вернусь к тебе! Мечь — это блюдо, которому надо дать остынуть, а потом уже смаковать!» И повторяя это, как стишок, она громко хохотала. «Очень холодное блюдо!»

Она могла ждать это главное блюдо ее кухни, а пока что занималась вопросом похищения Онорины. Она хотела замучить ее до смерти и потом одно за другим отправлять доказательства этого своему заклятому врагу, Анжелике, с ее удивительной красотой и необъяснимой силой привлекательности, Анжелике — матери этого ребенка.

— Скорее, поедем в Монреаль, — сказала она супругу, — надо познакомиться с подданными до зимы и стереть из их памяти образ губернатора де Фронтенака.

До этого момента все шло гладко. До того момента, когда она оказалась перед этой маленькой бешеной девчонкой, которая принялась орать, обвиняя ее в отравительстве: «Это дама Ломбард! Это дама Ломбард! Отравительница!..»

Сколько ей потребовалось терпения и хитрости, чтобы уладить скандал и сгладить тягостное впечатление от сцены. Эти канадцы имели странное и

смешное обыкновение обожать своих детей и верить им во всем.

Ей удалось устранить Мать Буржуа, устроив так, что ее якобы вызвал епископ, ей удалось устранить ее дядю и тетку, ибо она с неудовольствием узнала, что в этих краях живет брат Анжелики, и все это было очень противоречиво. Ей пришлось признать, что членов этой семьи, пусть даже они едва знакомы, объединяет мистическая связь: она образуется между ними, возникает сообщничество, мало понятное и мало объяснимое, но очень могучее.

Однако ей удалось убрать всех возможных защитников ребенка. Когда она приехала за ней в монастырь и узнала, что эта маленькая дрянь сбежала, она пустилась в погоню и сумела ее поймать. И затем — необъяснимое поражение. Ее власть исчезла. Все поиски и расточаемые деньги — все было напрасно.

Теперь Амбруазина понимала. Это происходило не из-за того, что она ослабла и потеряла свои силы во время долгого и нудного пребывания во Франции; не из-за того, что сатанинская власть покинула ее — этого никогда не будет; не из-за того, что канадцы и индейцы были осторожнее европейцев, и их было труднее надуть; нет, не из-за этого Амбруазина-Демон терпела поражение. Все происходило потому, что она столкнулась с «ними». И ей пришлось сделать вывод, что девчонка была так же опасна, как и ее мать.

Даже еще хуже!..

Что же было в этой семье, что было так сильно, что могло противостоять ей?..

Она разложила перед собой содержимое двух шкатулок, обнаруженных в сумке ребенка.

И глядя на эти разные по ценности предметы, бирюза, например, и перья, ракушки, зуб кашалота, она догадывалась, что некоторые из них должны были

принадлежать Анжелике, до того как она отдала их дочери.

Также она вытащила длинную прядь рыжих волос, которую собственноручно вырвала из головы девчонки, охваченная яростью. Она взяла ее двумя пальцами и вытянула ее в руках.

Где теперь эта маленькая несчастная? Как достать ее? Как причинить ей зло?

«Можно очень многое сделать, имея волосы...»

В Париже у нее было бы очень большое количество адресов и имен колдунов и колдуний, которых можно навестить. Но здесь?..

«Мне надо бы обратиться к магу».

Возможно ли это сделать, не привлекая внимания полиции и не вызывая целой волны подозрений и слежки?

Когда она была в Париже, то захотела зайти к самой известной колдунье, Мовуазен, или Соседке.

Подойдя к ее дому, она увидела, как оттуда выходит группа священников-миссионеров, и это показалось ей подозрительным. Она быстро удалилась. Два дня спустя весь Париж узнал об аресте подозреваемой в колдовстве. И повинен в этом был этот ужасный полицейский Франсуа Дегрэ.

Из-за него отъезд в Гавр был похож на бегство. Как и в первый раз она убежала от него, а тогда правосудие схватило ее закадычную подругу — маркизу де Бринвилье.

На этот раз полицейский ударил в самое сердце организации отравителей.

Новости распространялись быстро, и господин и госпожа де Горреста еще не успели отплыть, как стало известно, что Соседка была обвинена в намерении отравить короля. Атенаис де Монтеспан скрылась.

«Под пытками она назовет мое имя. Я, как и моя дорогая Бринвилье, была одной из самых постоянных

клиенток ведьмы... Но что за важность! Я ведь умерла! Умерла!..»

Она рассмеялась.

— Герцогиня де Модрибур мертва! — повторила она вслух.

Но все-таки она оглядывалась по сторонам со страхом.

«Разве это справедливо?»

Всегда скрываться, всегда прятаться. Всегда маскироваться.

Однако Амбруазина утешилась оттого, что сумела выйти в открытое море и устремиться к берегам Нового Света, где ее инкогнито будет сохранено наилучшим образом. Как и в первый раз ей удалось ускользнуть из лап Дегрэ и его начальника, лейтенанта де Ля Рейни, верных сторожевых псов короля.

Тут она вспомнила о господине де Варанж. Он был настоящим знатоком колдовства и ждал ее в Квебеке.

Но потом ей сообщили о его смерти... это произошло довольно давно. Точнее говоря, он пропал. Его исчезновение совпало с появлением господ де Пейрак.

Почему Варанж исчез в момент их приезда? Словно хотел освободить для них место...

Страшное подозрение начало овладевать ею.

«Они» повинны в его смерти... в его исчезновении, — сказала она себе.

— Она убила его! — вскричала она, так уверенная в своем предчувствии, что уже не чувствовала, плод ли это ее фантазии или ощущение реальности.

Анжелика убила де Варанжа. Только она могла сделать это. Где? Когда? Почему? Каким образом угадала она, что он был ее сообщником? Невозможно узнать. Но графа де Варанж убила именно Анжелика.

«Я повсюду буду кричать, что это она и... меня посчитают сумасшедшей. На меня будут коситься с подозрением... Даже этот Гарро д'Антремон, которому

только и нужно, что намек в этом направлении... Он тоже знает, что она убила де Варанжа. Но ему нужны доказательства».

Эта новая полиция требует улики. Раньше было достаточно намека, письма, обвинения в злом умысле, в колдовстве.

Теперь им нужны улики.

И краса и гордость именитой французской аристократки отправится в Бастилию или в ссылку или на эшафот якобы за убийство новорожденных младенцев, погубленных на черных мессах, хорошо оплаченных. Что за важность представляли эти человеческие червячки в глазах великих людей, которые такой ценой получали власть?

«Черви, извивающиеся и орудия, — повторяла она с гримасой отвращения, — их даже не крестили... А! Кажется, что Соседка или еще кто-то крестили их до того, как проткнуть сердце... Идиотка. Она дорого заплатит за то, что вырвала их из-под власти Сатаны...»

Улики! Она не могла обвинить Анжелику, не доказав ее вины!

Она внезапно остановила ход своих мыслей. Некогда строить планы. Ее охватил страх. Страх! Это было в первый раз. Хотя она еще не испытывала ничего подобного, она чувствовала страх, который держал ее за горло.

Она зря забыла.

Забыла о том, что произошло в Академии. Поражение! Полный разгром! Но она выжила, имея одну цель: закончить миссию. Иначе, у нее не было причин выжить. Если на этот раз она проиграет, она погибла. Страх и ненависть переполняли ее сердце. Руки конвульсивно сжимались и разжимались в желании сдавить горло ребенка, маленькую белую шейку, очень прямую и красивую, шейку Онорины, потому что в ней была боль Анжелики.

«Ах! Как я ненавижу их обоих!»

Картины, возникающие перед ее мысленным взором, волновали ее так, что она чуть не теряла сознание.

«Какое наслаждение», — повторила она с долгим вздохом, возникшем где-то в глубине ее внутренностей.

Ее внутренности «просыпались». Слава богу! — сказала бы она, если бы договор с адскими силами не запрещал ей произносить вслух это слово. Как трудно жить с такой слабой плотью! Она хотела наслаждаться, но не страдать, и ее тело казалось ей истерзанным, обессиленным, изнуренным долгой борьбой.

«Неужели и я стала, как и другие... простым человеческим существом?..» — спросила она себя с ужасом.

Голос дворецкого возвестил о появлении в приемной какого-то молодого человека.

— Пусть войдет!

Она почувствовала, как кто-то вошел и обернулась.

Она задрожала. Смешанное чувство страха и удовлетворения. Тот, кто только что вошел, был ответом на все вопросы и сомнения. Она всегда предпочитала встречу один на один с противником.

Здесь она была сильнее. А теперь — сильна вдвойне, потому что речь шла о молодом и красивом юноше. Победа была обеспечена сразу. Она заставляла плакать женщин, разбивать их жизни, но не уничтожать, не подчинять себе, кроме нескольких. Другое дело — мужчины. Глупцы и рабы собственного разума и достоинств, они сами давали себя втянуть в дело, и потом униженно ползали на коленях.

Однако она продолжала испытывать страх.

С тех пор, как она почувствовала, что он узнал ее в Версале, у нее было смутное предчувствие, что он появится здесь. Вот почему она хотела его тотчас же убить. Но покушение не удалось!

Страх терзал ее. Смешно! Потому что, прибыв в Гавр, она и супруг спешно отчалили к берегам Новой Франции.

Несмотря на это, она не переставала представлять себе этого Кантора де Пейрака, у которого были глаза его матери, который все больше узнавал о ней. И она удостоверилась в своей правоте относительно его визита, когда описала его внешность людям, убившим барсука. Но как ему удалось скрыться от них?

Он снял шляпу и глубоко поклонился.

— Мадам, вы меня узнаете?

— Конечно, — сказала она, — и я не понимаю, чем заслужила то, что вы преследуете меня с самого Версаля. Могу я знать причину?

— Я узнал вас, мадам, тогда как все считают вас мертвой вот уже несколько лет. Не правда ли, это нормально, желать удостовериться, что мои глаза меня не обманули?

— Такое безудержное любопытство заставило вас отправиться на другой конец земли?! Да вы смеетесь надо мной, месье!.. Или лжете.

— Мадам, моя привязанность и страсть делают такие путешествия простейшей прогулкой... Вы живы. И в действительности, для меня означало начало моего путешествия не только удовлетворение любопытства. О! Мадам, — продолжал он, не давая ей понять искренне или нет он говорит, — сколько слез я пролил, какие угрозы меня терзали, какие огорчения я испытал! К вам так плохо относились в Тидмагуше и так несправедливо! Люди становятся безумными, когда ими овладевает ревность. Вот, мадам, что я хотел сказать, когда пересекал моря.

Верила ли она? В глазах Амбруазины горели холодные и убийственные огоньки.

Она сказала:

— Вас видели в Квебеке...

— Я искал вас.

— Я не верю вам, красавчик паж.

Как он был красив, этот Кантор де Пейрак. Его имя и красота заставляли ее скрежетать зубами и испытывать сладострастие.

В Париже ходили слухи, что одна из фрейлин королевы без ума от него. До такой степени, что королева, вместо того, чтобы отругать ее и выгнать, предоставила ей полную свободу и напутствовала получше баловать «младенчика».

Маленький Бог, маленький господин, уже полный мощи и сил, вот он перед ней, из-за нее оставивший радости Парижа, оставивший все, — так он уверял.

— Вы раните меня, мадам, сомневаясь в моей преданности. Как вам доказать ее? Что искал я в этом бессмысленном пути? Ну подумайте! Подумав, что узнал вас, я тут же оставил двор. А ведь я рисковал впасть в немилость... Но я ни о чем не думал!.. Ну что, как не искренние чувства может послужить причиной такого поведения? Ах! Мадам де Модрибур! Я произношу это имя, и сам не верю!

— Тихо! — сказала она быстро. — Правильно, не произносите его.

Она с испугом осмотрелась. Ее разрывало на части. Она еще была мадам де Горреста, женой нового губернатора, завоевавшей колонию и заслужившую репутацию благочестивой дамы, но теперь с его появлением она снова стала бесстрашной женщиной, завоевавшей Новый Свет — черт возьми, как ей нравилась эта роль! — которая несколько лет назад проделала секретное путешествие в Акадию, детали которого она до сих пор вспоминала с наслаждением.

— Тидмагуш! — произнесла она с горечью. (Уголки ее губ опустились, и она знала, что это портит ее. Но она не смогла сдержаться.) Тидмагуш, я что-то не

припомню, чтобы вы относились ко мне справедливо в тех краях.

— Я был всего лишь ребенком!

— Это-то мне и нравилось, — произнесла она с жестокой улыбкой.

* * *

«Прокляни меня, Господи, за еще один грех, — подумала она, — но по меньшей мере... пусть моя плоть послужит для этого!.. Закружить его, сбить с толку, околдовать!»

Она дрожала. Собиралась ли она разразиться проклятьями, изрыгая огонь и пламя, как тогда, на берегу Тидмагуша, где, наоборот, этот взрыв означал упадок ее сил? Он заметил ее слабость, ее страх. Надо было играть на этом и дальше, чтобы возродить прошлое и заставить страшиться будущего. Она не хотела, чтобы ее узнали. Она убрала еще не всех свидетелей ее прошлого. Было еще много аспектов, в которых она не была уверена. Ее красота, ее шансы, ее очарование...

— Так это все-таки вы, — прошептал он, изображая потрясение. — Вы отреагировали на это имя. Я еще сомневался...

— Почему?.. — спросила она с тревогой. — Я так изменилась?

— Да, вы изменились, но все-таки я вас узнал. Не знаю чьей милостью, но вы стали еще красивее, чем были в моих воспоминаниях, вы стали еще ближе к моей мечте, мадам де...

— Не называйте меня, — снова повторила она.

— Амбруазина! Итак, Амбруазина! Это имя наполняло чарами мои ночи, оно не переставало петь во мне...

* * *

Уверенными шагами он направлялся к ней.

Зеленые глаза горели.

Она почувствовала рядом с собой эту плоть, еще очень нежную, плоть молодого человека и решила ему поверить, ибо именно этого она и жаждала долгие годы. Ее потребность в нем сотрясала ее тело, но наталкиваясь на стену демонического недоверия. И в ней происходила отчаянная борьба. Возвращенная к далекой жизни в далекие времена, где он был почти таким же, она потеряла контроль над своим разумом.

— Вы, однако, присоединились к тем, кто хотел убить меня!

— Боже упаси, мадам, я сжалился, я не стал присоединяться к жестокости, проявленной по отношению к вам в эти секунды. Поверьте.

Зрачки Амбруазины сверкали.

— Я вам не верю, — повторила она. — Я помню о вашей злобе, когда в Голдсборо я захотела вас приласкать.

— Я был всего-навсего ребенком, мадам, испуганным любовью и роскошеством плоти, которые мне были незнакомы.

— А я как раз имела намерение вас в это посвятить!

— Я просто дрожал от страха.

— Вы боялись гнева вашей матери, которая ревновала ко мне. А все из-за моей красоты, которая соперничала с ее. Она ненавидела меня, потому что ее муж увлекся мной, а еще я привлекала внимание других мужчин.

Кантор побледнел.

Ужас и отвращение комом встали у него в горле.

К счастью для него она отвернулась к зеркалу и смотрелась в него, не понимая, что выдает свой страх перед тем, что красота ее померкла. Потом она улыбнулась, успокоенная.

— Потом он все отрицал, он лгал, чтобы угодить ей. И вам тоже, бедный маленький простачок... А вы не

осмелились ей противоречить... Но не слишком ли поздно вы явились просить прощения?..

Больше никогда, — поклялся он себе, — он не выслушает ни одну женщину, никогда не назначит свидания и не поверит лживым словам. И он видел, как говоря все это, она крутит между пальцами прядку золотых волос, легких и блестящих, он не мог оторвать от них взгляда, и наконец понял, что это были волосы Онорины, несколько шелковистых нитей, которые эта гарпия вырвала из головы ребенка, когда та попала в ее лапы.

* * *

«Я убью тебя, — сказал он про себя, с мрачной настойчивостью, которая питала его гнев. — Я убью тебя, Дьяволица!.. Помоги мне, Господи и поддержи!..»

* * *

— «Они» всегда сопротивлялись мне, — бормотала она. — «Они»!.. Только «они»!.. Они убежали от меня!.. Это недостойно! Это заслуживает наказания!.. Ах! Как я их ненавижу обеих! Он, на него я не сердилась за то, что он оттолкнул меня. Нет. Это все-таки мужчина. У мужчины есть все права. У мужчины есть право быть сильнее. Ибо он слабее. Я сделаю с ним все, что захочу однажды. Но женщины — нет! — они не имеют права одержать победу надо мной! Женщины принадлежат мне. Женщины или мои сообщницы или жертвы! Что касается мужчин, они не страшны. Но «они» насмеялись надо мной...

Ах! Как я ненавижу их обеих...

Стоя немного сзади, он угадал, что речь шла об Анжелике и Онорине. Жгучее негодование убивало его. Его мать! И ребенок, его сводная сестра!.. Как бы то ни было, эта девочка находилась под его защитой, потому что он был ее сводным братом, ее старшим братом.

Как это ужасное создание осмеливалось говорить о них в таком тоне в его присутствии?.. словно она имела

на это право!..

«Осторожно! — опомнился он. — Нельзя, чтобы она распознала что-нибудь, чтобы она поняла, что это меня возмущает...»

И он поймал ее взгляд, который она бросила на него в зеркало. Она старалась разгадать его чувства, готовая броситься на него, при малейшем подозрении она превратилась бы в фурию. Всплеск гнева или отвращения мог бы стать для нее знаком, что он притворяется преданным ей. У ее ног... Но нет, — думала она, — он охвачен жгучим желанием, и ему безразлично все, что не касается ее, он глух к словам, которые она произносит, словно из неосторожности, специально вызывая его гнев. При малейшем подозрении, она приговорит его к смерти.

Но она ничего не прочла в его светлых глазах. Она была удовлетворена.

Убедил ли он ее? Ему хотелось надеяться. Пот ручьем лил по спине бедного Кантора, который боялся хоть как-то проявить свои истинные мысли.

Сила воли и хладнокровие, полученные от отца, собирались в нем. Теперь он понимал суть этих качеств, которыми граф де Пейрак так часто раздражал или обижал его, ранил его детскую чувствительность, хотя он сам был таким же. Теперь он поздравлял себя, что получил эту внезапную поддержку.

Он понимал, что здесь нужно отвечать коварством на коварство и с поднятым забралом глядеть в лицо опасности.

Он сделал еще один шаг к ней.

«Пусть я буду этим человеком! — думал он. — Пусть мое тело послужит мне!.. Во имя всеобщего спасения!..»

Она видела вблизи его рот, такой изящный, такой соблазнительный, и она сдалась, когда он прошептал:

— Где?.. И когда?..

Он знал, что этот номер всегда ему удавался.

От Флоримона он научился кое-каким приемам и формулам, которые действовали безотказно.

Задыхаясь, она ответила:

— Сегодня вечером, на острове вверх по течению. Там сломанная мельница... там заросли ольхи и тополя вокруг. А ночью туман скрывает всех, кто не хочет быть узнанным. Я буду вас ждать на поляне...

Глава 45

Завернувшись в серый плащ, позаимствованный у служанки, и спрятавшись в тени мельницы, она ждала. Тысяча разных звуков, раздававшихся здесь, заставляла ее вздрагивать, и она сама удивлялась чувству тревоги и беспокойства, которое было для нее новым. Шлепки лягушек, которые прыгали с берега в воду, скрипы, шорохи, глухие крики, хлопанье крыльев на мельнице, где жили маленькие совы, — все это беспокоило ее.

Как она безрассудно поступила, что дала себя заманить. Он должен был бы давно умереть. Это было так просто, и именно это и надлежало сделать. «Нет, — повторяла она себе, — я убью его, но... после!»

И подумав так, она облизнулась. Но что-то ускользнуло от нее. словно ее руки выпустили повод, который она прежде крепко сжимала в руках.

Откуда шло это всепоглощающее желание узнать вкус этого молодого тела, узнать о нем все, почувствовать его объятия, утонуть в глубине зрачков, напоминающих глаза соперницы, женщины, которой надлежало служить ей, а она надсмеялась над ней?

«Все. Но позже — не отступать», — сказала она себе, горя желанием, которое с каждой секундой казалось ей все более новым и охватывало ее с ног до головы.

Она услышала топот копыт.

Последние лучи заходящего солнца, уже слабые и бледные осветили белого коня и молодого героя, верхом на нем.

Почему он приехал на лошади?

Он был не от мира сего.

Она восхитилась блеском его золотых кудрей, выбивающихся из-под шляпы с перьями, и окружающих его голову сияющим ореолом.

В страстном желании его видеть, она потеряла ощущение реальности. Она не могла ни двигаться, ни сделать хоть шаг. Огонь ее страсти отрывался от ее существа.

«Неужели это то счастье, о котором мечтают люди?» — спрашивала она себя в страхе, что опоздала, что ее тело, теперь постаревшее и не такое прекрасное, стало ее ловушкой. Огонь пожирал ее, превращал ее плоть в настоящий факел, «они» всегда были готовы продать душу за эти чувства, и для нее это был роковой порыв, ибо он вынуждал послушаться хозяина. Такое потрясающее впечатление заставило ее забыть себя, и поэтому она не заметила появления какого-то темного шара, темного и пушистого, который мчался в траве словно ядро.

Словно существо, низвергнутое с Небес в ад, нападающий бешено сверкал глазами, а оскал его был чудовищен.

Ослепляя дьявольской красотой, юноша на белой лошади смотрел на нее, и глаза его сияли, словно растаявший лед, словно небесная лазурь.

— Будь ты проклят, лик ангела!.. — прокричала она.

* * *

Животное прыгнуло и опрокинуло ее. В следующую секунду она оказалась во власти обезумевшего от ярости зверя.

* * *

— Дай мне подойти, — говорил Кантор.

Несмотря на отвращение и священный ужас, которым он был охвачен, он сошел с лошади и в

темноте кружил вокруг ужасной картины, пытаюсь успокоить разъяренную росомаху.

Но она не хотела уступать. Он набрасывался, отскакивал и снова прыгал.

— Дай мне подойти! Я должен!

Животное, которое он вырастил, одичавшее за последнее время, с которым он столько говорил то в пол-голоса, то мысленно, о женщине-убийце, которую он должен был уничтожить.

Что понял Вольверин? Вспоминал ли он о громадных псах, похожих на медведей, которых Амбруазина натравила не него в Тидмагуше? Угадывал ли, что именно по ее приказу вокруг Квебека были расставлены ловушки и днем и ночью бродили охотники, которые убили его подругу на его глазах?.. «Увидел» ли он внезапно, как маленький кот когда-то, правдивую сущность этой женщины?

* * *

— Дай мне подойти! Я должен! Я обещал. Я должен вонзить ей в сердце свой кинжал, чтобы удостовериться в ее смерти. Я обещал. Потом можешь делать, что хочешь.

Лошадь ржала, охваченная паническим ужасом, била копытами, вставала на дыбы, рвала ветку, к которой была привязана. Наконец она сломала ее и галопом ускакала.

Разразилась буря. Буря без дождя. Молния зигзагами прорезала небо, совещая крыши Виль-Мари, срывая черепицу с крыши замка, предоставленного в распоряжение губернатора, потом возник огненный шар, который проник в один из дымоходов.

Несмотря на все усилия, пожар потушить не удалось, от здания остались одни почерневшие стены.

Прислуга и лакеи сумели спастись. Губернатора в этот вечер не было дома, он находился с визитом в монастыре Сен-Сюльпис. Поэтому никто сразу не

хватился мадам де Горреста, решили, что она погибла при пожаре.

Но когда руины остыли, там не обнаружили ее останков. Потом появился охотник, который с ужасом рассказывал о каком-то мертвом теле, страшно изувеченном, обнаруженном около старой мельницы.

Никто не смог с уверенностью опознать останки, потому что это была страшная мешанина плоти, обрывков ткани, костей, над которой к тому же поработали лисицы.

Но ужасная находка невдалеке, между ветвей вяза, — голова женщины с длинными растрепанными волосами, измазанная кровью, заставила отказаться всех свидетелей этой картины, которая вызвала у офицеров и вельмож приступ тошноты, от дальнейших расследований с целью опознания.

Очень быстро тело несчастной жены губернатора было предано земле. Ей были оказаны все почести, и вслух о ней говорилось только хорошее, но, по правде сказать, ее гибель вызвала у очень многих тайное чувство утешения.

* * *

На острове Монреаль расследованиям преступлений не придавали такого большого значения как в Квебеке, столице, где Гарро д'Антремон лелеял в сердце мечту установления справедливости во имя короля, с помощью полиции и имея в качестве примера лейтенанта гражданской и криминальной полиции королевства, — господина де Ля Рейни.

Здесь все же были аванпосты неосвоенных земель.

Побуждаемый советами и чувствуя необходимость действовать, господин де Горреста приказал повесить ирокеза по имени Магониганбауит. Он был крещен, но его обвиняли в предательстве, потому что имя его значило «Друг ирокеза».

Этот вид казни ужаснул всех индейцев, до этого ни разу не видевших ничего подобного. Они посчитали недостойным, что ему помешали спеть перед смертью песню мертвого.

Вспомнив, что он планировал действовать активнее, чем все предыдущие губернаторы, и считая себя вице-королем, он воспользовался фактом смерти супруги и объявил о репрессиях по отношению к индейцам, которые должны были затронуть все территории, вплоть до Долины Пяти Наций.

Он был уверен, что найдет в Монреале, где было за кого отомстить, охотников принять участие в этом проекте.

Четыре отряда, главный — милиция, поменьше — группы абенакисов, альгонкинов и гуронов собрались и отправились целой флотилией вверх по Сен-Лорану, чтобы добраться до форта Фронтенак.

Он призвал миссионера, отца Раге, который вместе с отцом де Геранд, отправился к индейцам и убедил их отправить делегацию в Катаракуи, чтобы приветствовать нового губернатора.

Племена, которые сожалели о том, что традиционная летняя встреча с пирами и танцами, которую устраивал господин де Фронтенак, поддались на щедрые посулы, поверили льстивым речам и решили удовлетворить свое любопытство по поводу нового губернатора. Многие из них — вожди и старейшины Пяти Наций, в сопровождении небольших отрядов охраны, вышли на дорогу озера Онтарио.

* * *

Когда банкет был окончен, и все расслабились, он приказал своим людям окружить их, и связать по семь человек, накинув веревки на шеи, и связав руки. Индейцы во весь голос запели свои «куплеты смерти».

Сорок пять главных ирокезов были таким образом взяты в плен и доставлены в Виль-Мари, а затем в

Квебек, где их отправили на галеры Марсея.

Узнав, что план удался, и что сорок посланцев Пяти Наций уже держат в руках весла на галерах, господин де Горреста, все еще опьяненный яростью и собственными грандиозными планами, бросил свои отряды на лагерь ирокезов. В Катаракви они высадились совсем рядом, на юго-восточном берегу Онтарио. Выбор территории был неудачным.

Оннонтаги в течение долгого времени были очень мирной нацией. Они не внимали призывам Уттаке, одного из самых воинственных вождей племени Аньеров, к массовому уничтожению французов.

Миролюбие не помогло Оннонтагам. Шестьсот солдат, триста всадников и также отряды индейцев обрушились на них. Через два дня с главными поселениями этого племени — Кассуэтсом и Туансо, — было покончено.

Воины оннонтагов, хоть и многочисленные, но разобщенные из-за осенней охоты, не смогли вовремя собраться.

При этом, сама природа словно взбунтовалась против несправедливости, и на нежную осень обрушила всю свою мощь суровая северная зима.

Солдаты, недавно прибывшие из метрополии, одетые в легкие мундиры, проснулись под снегом, или не проснулись вовсе, замерзнув.

Многие были раздавлены деревьями, которые еще не успели сбросить листву и не выдержали тяжести свежеснежавшего снега.

Это было началом разгрома. Без снегоходов, не по сезону одетые, солдаты проваливались в ледяные трещины, в проруби озер, которые еще не замерзли, и которые новички принимали за снежные равнины.

Кантор де Пейрак, который все это время поднимался вверх по реке Утауз и наконец добрался до бухты Джорджия с намерением подойти с юга к

поселениям ирокезов, был остановлен снеговыми буранами на острове Манитулин, и остался зимовать у оджибвэев.

* * *

К востоку от Онтарио, худо-бедно собранные армии под предводительством канадской конной милиции, пострадали от внезапных холодов, но, зная край, смогли укрыться в фортах или миссионерских поселках на озерах Шамплейн и Сен-Сакреман на севере реки Гудзон, на острове де Ламот, в фортах Ришелье и Сорель.

Сам господин де Горреста остался в форте Фронтенак, на озере Онтарио.

В начале еще была надежда на установление хорошей погоды, на потепление, на возвращение осени. В этом никто не сомневался.

Вплоть до берегов Атланты на юге и до залива Сен-Лоран на востоке, обрамленных черно-зеленым морем, разбросав ледяную крупу, раскинулась Белая Пустыня, покрыв густым покровом бескрайние территории.

И в одном из уголков этой территории, который назывался Вапассу, женщина и трое маленьких детей, заживо погребенные узники, лишённые помощи, вот уже несколько недель существовали под угрозой голодной смерти.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ. БЕЛАЯ ПУСТЫНЯ

Глава 46

Тревога, которой она не позволяла перерасти в панику, начинала охватывать ее. Стоило ей открыть глаза, как ком подкатывал к горлу. Прежде чем заметить наступление нового утра, узнать свет нового дня, проснувшись, она тут же испытывала эту боль, которая не давала ей дышать и терзала сердце. Беспокойство, которое свидетельствовало о чутком восприятии происшедшего, которое уже давно прояснило для нее ситуацию; правда, осознание скорее

подсознательно, перед которой она отступала словно упрямая лошадь, вызывали у нее взрывы проклятий и ругательств, позаимствованных во «Дворе Чудес», самое слабое из которых начиналось на букву «г», слово, которое француз любого звания и положения, (равно как и француженка), держит в закоулках своей памяти, чтобы выразить в слишком неприятной ситуации все свое неудовольствие.

Признание неудачи, катастрофической и даже гибельной ситуации, протест против такой участи и против всех врагов, предателей, которых она обвиняла в случившемся, равно как и себя, потому что она совершила глупость — все это было заключено в этом слове, коротком и символическом одновременно, в этом крике побежденного, но еще сопротивляющегося року и людям существа. И повторив его несколько раз, Анжелика почувствовала себя лучше. Этот крик должен был быть услышан и понят тем, кто имел на это власть.

Прокричав его вслух, она утешилась и снова обрела мужество. Она «выпустила пар», выругавшись, и теперь разум снова оживал в ней, к ней снова вернулась способность видеть вещи не в таком мрачном виде.

На самом деле она напрасно ругалась на все четыре стороны. Еды хватит еще на несколько дней, а потом они что-нибудь придумают... или придет подмога. Она приходила в себя, встряхивала головой, выпрямлялась, чистила одежду, словно чтобы очистить ее от миазмов беды, и, столкнувшись взглядами с Шарлем-Анри и близнецами — этими маленькими змеями — по словам Иоланды, бывшими всегда настороже на счет запретных слов, и ничего не упустивших из высказываний матери по поводу этой чертовой жизни, она рассмеялась:

— Вставайте, котятки. Уже не так холодно. Пойдем, попробуем проверить ловушки Лаймона Уайта.

* * *

Детям нравилось выходить на улицу, когда позволяла погода, и она заметила, что они радовались не столько свежему воздуху, сколько тому, что они снова видели родные пейзажи.

Для них Вапассу осталось прежним. Да и она стала по-новому смотреть на эти края. Она вновь видела родное лицо на фоне смертельной маски.

Дети были правы. Счастливые времена, прошедшие в Вапассу, не смогли бы стереться из памяти...

Он сказал ей: «Я построю для вас королевство». Это не было королевством. Понятие не подходило для Америки. Это была маленькая республика. Вместе с детьми, по вечерам, они привыкли играть в «маленькую республику».

Она спрашивала их:

— Кто живет в нашей маленькой республике?

И они старательно представляли лица людей, которых они любили, и кого им так не хватало.

Шарль-Анри «переводил» Анжелике слова близнецов, когда она не понимала, о чем они говорят.

— Они говорят о Колене, они говорят о собаке, они говорят о Гренадине...

Она тренировала их память, интересуясь теми картинками, которые они представляли себе из прошлого, и по их выбору просила восстановить или оживить какую-нибудь из них.

— А вы помните того-то? Вы помните ту? Он был хорошим? Злым, ты говоришь? Что он сделал, что тебе не понравилось, Раймон-Роже?

Из тех, кого они помнили или наоборот она выбирала некоторых и рассказывала о них, словно сказку, словно читала книгу о маленькой республике и о подвигах ее героев.

Это было похоже на хронику, развитие которой происходило здесь, и благотворно действовало на всех, и на нее в том числе. Портреты, героев подвергались

комментариям, и дети делали это оригинально и подчас неожиданно.

Такие беседы позволяли им ускользнуть от действительности, скрашивали монотонные часы, изредка прерываемые для еды и — благословенный отдых! — для сна. И если дети не отдавали себе отчета, то Анжелика-то прекрасно знала, что труднее всего им будет сохранить в их жизни узников ритм нормальных дней.

Напоминая обо всех их друзьях, обещая, что скоро они их увидят, она старалась заполнить их внутренний мир, слишком опустошенный для детей, которые с самого рождения привыкли жить рядом с многими другими. На нее также действовало благотворно то, что она вызывала в памяти счастливые годы, проведенные возле Жоффрея...

И мало-помалу Анжелика осознала ту роль, которую она сыграла в трагедии, произошедшей недавно, последний акт которой — смерть графа де Ломенье-Шамбор — тяжким грузом лежал на ее сердце.

«Я остановила их!»

Они прибыли, думая, что Анжелика и ее муж отсутствуют, как это было в первый раз в Катарунке, но она была там.

Если бы она еще не приехала или если бы она сдалась, то они продолжили бы свой путь на юг, вдоль Кеннебека, и захватили бы без лишнего шума шахты и посты, принадлежащие Жоффрею де Пейраку, а потом добрались бы до Голдсборо. Что касается Голдсборо, то его жители, конечно, стали бы сопротивляться, но и там, в конце концов, с помощью Сен-Кастина или без нее, королевский стяг заменил бы знамя с золотым щитом, принадлежащее независимому вельможе.

И возникшую при этом ситуацию было бы уладить гораздо труднее, чем ту, которая сложилась сейчас.

Вапассу сожгли, но мстители, посланные отцом д'Оржеваль остановились. Они вернулись на север.

«Я остановила их!»

И эта мысль придавала ей мужества.

По правде говоря, на этот раз и несмотря на кажущуюся мгновенной реакцию на происходящее, ни она ни Жоффрей, не принимали опрометчивых решений.

По мере того, как проходящие годы придают жизненного опыта, люди перестают быть в постоянной гонке, это было бы невыносимо, они приобретают то шестое чувство, которое указывает, когда и где оказать помощь. Иногда это происходит бессознательно.

И один и другая, проведя долгое время вместе, привыкли к этой игре «постоянной защиты», не стремясь к этому специально, и даже иногда не зная о необходимости защищаться.

Их инстинкт был тонок и безошибочен. Когда она думала об этом, она ясно видела, что решение поехать с Фронтенаком во Францию или ее мысль отправиться в Вапассу, несмотря на нападение и дальнейшие события, — все эти решения выглядели естественно, потому что это было то, что нужно было делать.

Они имели дар отправляться вовремя в те точки, которые были слабыми, и куда метил враг.

Что естественно, не означало, что им это обходилось безболезненно, что «не летели пух и перья», как говорят в народе.

Но эта была лучшая стратегия. То есть это позволяло избежать худшего.

«Худшее осталось позади», — сказала она себе, глядя на заснеженные дали, которые каждый день, каждый час выглядели по-новому. «Это закон Природы! Она играет на нашей стороне... Мы прибыли во время туда, где показался враг... Мы вовремя взяли за оружие... Напрасно природа так зверствовала...»

Стоя на ледяном холме, она говорила сама с собой, поворачиваясь из стороны в сторону. В ходе дней она прекратила повышать голос, двигать губами, потому что это был дополнительный расход энергии, но она продолжала свои беседы с благодарным слушателем — пейзажем, охваченная странным чувством. Это был страх и экзальтированная радость, восхищение, доверие, горечь, сознание победы над тягостными мыслями и преклонение перед их слепой силой.

Мало-помалу она видела за мрачными событиями неколебимость природы, жестокость людских судеб и обещание величия этих судеб.

Она представляла собой Человечество, дрожащее у дверей Эдема. Они, тяжелые и охраняемые ангелом с сияющим мечом, были закрыты. Рядом с ней холод, голод, боль, пот «хлеба насущного...» Но также — Красота, секрет спрятанных сокровищ, секрет утешения в этом приключении-жизни, которое было объявлено и которое нужно было пройти.

Вот она и выходила из дома каждый день, словно на свидании, словно на бал, словно на праздник.

К удовольствию присоединялось чувство ожидания, уверенность, что в этот день, что-нибудь зашевелится вдали, это будет приближаться караван, спасение.

Она также знала, что даже если на горизонте будет пусто, у нее останется цветок надежды.

Через грандиозный пейзаж проходил поток сознания, который укреплял все ее существо, открывал перед ней спасительную правду. «Через меня тебе является Божья улыбка».

Стоя на крыше или около дома, делая несколько шагов, словно стараясь лучше расположиться, нежная и хрупкая, но с горячим живым сердцем, она сама была олицетворением Божественной воли.

Каждый день, каждый час, палитра красок, линий и форм напоминали ей оперу.

Глава 47

В это утро, ночной покров разорвался на востоке двумя тучами, цвета песка, вытянутыми, как дюны. Они неподвижно застыли над Мон-Катаден. Изменения их цвета говорили о том, что солнце поднимается все выше. Корабли неба, несущие угрозу или утешение и величие. Как и они, Анжелика, стоя на маленьком ледяном бугорке, ожидала появления солнца.

Она поднималась очень рано, и первым ее движением было взять котелок, висящий над тлеющими углями и плеснуть из него теплой водой на дверные петли, чтобы их разработать. Если в один прекрасный день дверные панели, рамы, петли и замки покроются коркой льда, у нее не хватит сил сдвинуть с места эту тяжелую дверь и выбраться наружу.

Если ночью шел снег, то ей приходилось сметать его с порога и убирать вокруг дома, насколько это было возможно и необходимо, впрочем, она согревалась от этого. Каждую зиму выпадало все больше снега. Это было проблемой, начиная с их первой зимовке в этом доме в Вапассу. Сначала это было только убежище для четырех шахтеров, оно было построена напротив шахты. Уже почти обвалившаяся, шахта представляла собой неприятную дыру, которую никак не мог засыпать снег.

Как только Анжелика выходила из дома, она пробовала, какой дует ветер, слишком ли холодно... И если оба эти фактора не были слишком страшны, то она шла мимо шахты к небольшому бугорку, откуда смотрела за горизонт.

Когда она была не в духе, она заходила в дом и поднималась на платформу на крыше. Оттуда можно было охватить взглядом горизонт, но менее подробно, чем с бугра внизу, ибо склон, на котором располагалось жилище, закрывал часть озера Вапассу, которое называлось Серебрянным озером.

В самое холодное время, в месяцы великого холода, часы, которые предшествуют утренней заре, быть может — менее трудные. Если снег или ветер не бушуют, кажется, что мороз разжимает свои объятия, дает передышку.

Анжелика любила этот час, который сулил помилование.

Ее не пугало то, что она оставалась одна в этом мраке, царящем в небе и на земле, который не пронзал ни малейший луч света. Она немного сбилась со счета и не ориентировалась теперь по календарю, и когда дневной свет начинал разливаться, открывая для обозрения белую, немую застывшую пустыню, она не хотела признавать, что наступило то время года, которое заставляло в другие зимы говорить или думать: «Зима установилась».

Во всяком случае там она не думала об одиночестве. Была жизнь, было движение, которое она чувствовала в этот грандиозный момент, каждый день встречая восход.

Это была жизнь. Движение. Это о многом говорило. Горизонт был для нее театром. Каждый день сцена менялась.

Иногда только в этот момент она видела солнце. В тумане поднимался розовый шар, и потом исчезал, задавленный тяжелыми хлопьями облаков.

Но в другие дни спектакль разворачивался во всей красе, этап за этапом, когда все завесы разрывались, все инструменты оркестра вступали в игру, тогда солнце решало проделать свой путь в очистившемся небе, и день становился бело-голубым.

Сегодня две тучи позади горы, были похожи на двух темных китов с детенышами, — маленькими тучками, возникшими неизвестно откуда на чистом лазурном небе. Их формы стали более вытянутыми, превращая китов в острова, берега, континенты с медовыми

берегами и голубовато-зеленой водой. И на этом фоне рождалась золотая звезда.

На западе рождающийся свет окрашивал вершины рубиновыми огнями, а в воздухе плясали веселые искорки аметистов, жемчуга и бриллиантов на фоне темной массы гор.

На еще не освещенных равнинах копился туман, разливающийся с ленивой меланхолией над реками и речушками, заполняя их долины.

Эта пелена передвигалась с одного места к другому, но неторопливо. Это будет день, когда солнце получит больше прав сиять над миром, что очень часто не позволяли ему сделать густые темные тучи. В полдень, когда солнце будет в зените, если позволят тучи, она сможет выйти на улицу с детьми. И как каждое утро, когда она уходила с крыши, она колебалась и долго не могла оторвать взгляда от этой прекрасной картины.

Чтобы решиться вернуться, нужно, чтобы холод достал ее, чтобы она не чувствовала ни ног, ни рук, и она боялась отморозить нос, как это произошло с Эфрозин Делпеш в Квебеке, которая выслеживала мадам де Кастель-Моржа и «заработала» такое неприятное заболевание. Вернувшись в тепло, она тщательно рассмотрела в зеркало свой носик, и пообещала себе в будущем быть осмотрительнее. Если когда-нибудь ей будет суждено вернуться в Версаль, то недопустимо появиться там с отметинами на лице, полученными в Новом Свете. Шрамы украшают только мужчин.

* * *

И однако, в это утро что-то удерживало ее. Несколько раз она возвращалась от двери к своему посту наблюдения с таким чувством, что от нее ускользала какая-то деталь. Внезапно сердце ее забилося.

Среди клубов тумана, летающих вдалеке, ее взгляд различил отдаленное пятно, то беловатое, то яркое, формы его менялись, иногда вытягиваясь, иногда округляясь. Меньше, чем ничего: только смутное пятно, но оно не меняло местоположения.

Больше она не отрывала от него глаз. Она даже сдерживала дыхание, чтобы лучше взглядеться. Это было неразличимо далеко, и было похоже на мираж.

Но это нельзя было ни с чем спутать, ни с туманом, ни со снежными облаками.

Это был дым костра.

Она возвратилась в дом, вне себя от радости, но не желая поверить в эту хрупкую картину.

Действительно ли это был туман?

Несколько раз в день она возвращалась на свой пост, чтобы следить за новым знаком; он был по-прежнему на месте.

— Ты все время выходишь! — хныкали дети.

В конце концов она перестала сомневаться: это был дым. Значит там были люди. Кто бы они ни были, это было спасение.

* * *

Перед наступлением ночи она снова вышла. Повернувшись в направлении, в котором она видела дым, она не смогла различить никакой красной точки, которая в наступающем вечере значила бы разведенный костер.

«И правильно! — ободрила она себя. — Они оставили лагерь и потушили огонь, потому что «они» продолжают свой путь к нам».

Она долгое время оставалась на своем месте, и когда, наконец, решилась вернуться внутрь, то поняла, что может с трудом двигаться, до такой степени она промерзла.

Несмотря на свое разочарование от того, что она не видела красную точку, она продолжала находить для

себя различные причины, поддерживающие надежду.

«Они» шли, «они» приближались к ней. Огни означали то, что эти люди сделали привал по пути в Вапассу.

Еще несколько часов, и шахтеры из Со-Барре и Круассан, и даже может быть из Голдсборо, запыхавшись, пересекут снежную равнину и постучат к ней в дверь, как тогда, в первый раз, под потоками дождя они оказались здесь после Катарунка и приняли поздравления О'Коннела, Лаймона Уайта, Колена Патюреля...

Она зажгла огонь в очаге большого зала. Она не могла сделать большего, чтобы приготовиться к приему, если не считать запасов огненной воды и вина.

Чтобы привлечь внимание она установила в снегу большой факел.

Она приготовила соломенные тюфяки и одеяла и стала ждать.

Ей не удалось заснуть всю ночь, потому что она поддерживала огонь, ожидая услышать в любой момент шум шагов или голосов в порывах ветра и при каждом шорохе выбегала на порог и вглядывалась в ледяную ночь.

Но наутро никто не появился, и вокруг по прежнему царила тишина.

Однако, когда она поднялась на платформу, дымок вдалеке оказался на прежнем месте, казалось играя с ней, то исчезая, то вновь появляясь. Он был там, словно символизируя человеческое дыхание на поверхности земли.

* * *

И тогда она решила пойти на разведку. По крайней мере, она постарается подойти поближе, чтобы хоть что-нибудь понять. Если там находятся люди, они представляют собой спасение, и этого шанса она не могла упустить. Мысль оставить троих детей в

одиночестве, пусть даже на несколько часов, ее озаботила. Ведь они были такие маленькие. Она дала указания Шарлю-Анри, и среди других — не подходить к очагу, который она приготовила, положив комья торфа, которые будут гореть долго и не дадут большого пламени.

— А если огонь погаснет?

— Тогда вы ляжете в постель, укрывшись одеялами, чтобы не замерзнуть. Я не долго. До ночи я вернусь.

Она надела обувь Лаймона Уайта, капот из толстой шерсти, капюшон и сверху еще меховую шапку, — предмет восхищения всех жителей Вапассу.

Она выбрала самые легкие снегоходы, взяла ружье, рожок с порохом и мешочек с пулями.

Дети проводили ее до дверей, обещая быть послушными.

«А если со мной что-нибудь случится? Несчастье? — подумала она в тревоге. — Что будет с детьми?..»

Она вспомнила о своих тревогах в Пуату, когда она оставила Онорину, младенца восемнадцати месяцев от роду, у подножия дерева, чтобы придти на помощь людям, на которых напали; потом ей нанесли удар, она потеряла сознание и оказалась в тюрьме, не зная, что случилось с ребенком, оставшимся в лесу.

Не зная, что ожидает ее в конце пути, она вернулась в комнату и написала на листке бумаги: «Трое маленьких детей остались в старом форте Вапассу. Помогите им, во имя Господа» и опустила его в карман. Если ее ранят или... Нужно было все предвидеть и действовать, учитывая это «если...»

Но на самом деле она была убеждена, что отправляется в этот путь только для того, чтобы разрешить мучительное сомнение: дымок? или нет? Больше всего она боялась, что поддастся обману миража.

Она нашла детей в большом зале, где они затеяли возню, и где им было просторно.

— Вы можете здесь немного поиграть, но не выходите.

— Даже на озеро нельзя? — спросил расстроенный Шарль-Анри.

— Великий Боже! — нет конечно. Я вам сказала не выходить.

— Даже в снежки поиграть нельзя?

— Даже в снежки нельзя, — повторила она. — Прошу тебя, милый мой, будь старшим братом, как Томас. Помнишь, как он говорил тебе: «Уважай правила». Мое правило такое: не выходить.

Что касается близнецов, то им положено только одно: слушаться Шарля-Анри.

И она еще раз повторила то, что ему надлежало делать, и что ему делать было запрещено, обратилась с последней молитвой к их ангелам-хранителям и отправилась на равнину.

* * *

Она двигалась, не имея возможности измерить расстояние, которое ей надо было преодолеть. Она не знала, отделяют ли ее от цели часы или дни пути.

Этот дымок вдалеке был таким тонким, что порой она теряла его из виду, а когда снова замечала, то не была уверена, что это не иллюзия. Можно было бы подумать, что дымок агонизирует, и если он исчезнет совсем, то это будет равносильно смерти.

Во всяком случае она потеряет безумную надежду.

К счастью от шага к шагу дымок различался все отчетливее, ее глаза, которые слезились от холода, устали вглядываться вдаль, чтобы не потерять эту голубоватую струйку, которая становилась четче и ближе на фоне черных деревьев.

На лесной лужайке люди развели огонь. Она их не видела, но их присутствие не оставляло ни малейшего

сомнения.

И теперь ее одолевали другие мысли. Люди! Друзья? Враги?

Люди, которые увидев как она приближается, — странное, смутное пятно, может быть человек, может быть животное, — могли бы выстрелить в нее, словно в простую дичь.

Думая так она попала в облако тумана, который окутал ее.

«Так-то лучше», — подумала она.

Запах дыма будет служить ей указателем пути, ибо теперь он чувствовался определенно. И несмотря на возможную опасность, Анжелика дрожала от нетерпения.

Вдруг под ее ногами провалился снег.

Продвигаясь по равнине, скрытой туманом, она слишком поздно различила глубокую трещину. У нее хватило времени, чтобы вцепиться в маленькое дерево на краю.

Глава 48

Анжелика повисла над пропастью. Именно из этой трещины вырывался пар ленивыми струйками, расстилаясь над равниной, смешиваясь с туманом. Тут ветка, за которую она держалась, и которая была облеплена ледяной коркой, сломалась как стекло, и Анжелика полетела вниз, и упала на камни, но не ударилась, благодаря тому, что увлекла с собой густой слой снега.

Она оказалась на дне, почти похороненная лавиной, и ей стоило большого труда отыскать потерянное ружье и одну из перчаток. Снег набился в рукава, за воротник и даже под капюшон.

Делая движения пловца, она выбралась на более твердую почву и оказалась возле наполовину замерзшего ручейка.

Около нее возвышались ледяные колонны. И у подножия каскада, в данный момент застывшего и немого, расположились два индейских вигвама. Оттуда поднимался дымок, который вырываясь на равнину из трещины, выдавал присутствие жизни.

Вокруг, несмотря на свежее выпавший снег, все было утоптанно. Она заметила след саней и конскую упряжь, и ей показалось, что она слышит собачий лай в глубине одной из построек.

Держа палец на спусковом крючке, она застыла настороже. Она так отвыкла от присутствия людей в течение этих долгих недель, которые давно перешли в месяцы, что она колебалась и опасалась встречи. Друзья? Враги? Индейцы или канадские следопыты?

Завеса из коры, которая заменяла входную дверь, отодвинулась. Лицо индейской женщины в повязке показалось, а затем сменилось мужским, лицом индейца, ее хозяина и господина, украшенным традиционным убором из перьев ворона. Подняв голову он смотрел на пришлицу, которая остановилась в нескольких шагах за кустами.

По его резко очерченному профилю, короткому подбородку, маленьким блестящим глазам, она узнала одного из абенакисов юга. Он напоминал Пиксаретта. Вид мушкета, казалось, его совершенно не волновал.

На всякий случай она приветствовала его на его родном языке.

— Привет тебе. Я Пенгаши из племени вапанохов. Откуда ты, дитя?

Увидев ее неясный силуэт, он принял ее за подростка.

Она указала вверх.

— Из Вапассу, оттуда.

Он щурил глаза, чтобы лучше ее видеть.

— Я думал, что все умерли. Я издали видел руины форта и домов.

Тогда она назвала свое имя и увидела, что он приятно удивлен. Она сказала, что оставила в Вапассу троих маленьких детей.

— Подойди! Входи! — сказал он, придерживая перед ней завесу. Она оставила у порога снегоходы и проскользнула внутрь вигвама. Там было тепло и уютно, хотя можно было находиться только сидя. Все было наполнено запахом дыма, хотя Анжелика и различила аромат похлебки, которая находилась в котелке, поставленном на угли; ее остатки доедали трое детей.

Это без сомнения были очень бедные люди. Она не осмелилась попросить у них еды. Пергаши рассказал, что зима застала их врасплох, они не успели закончить свой путь по направлению к Нью Хемпширу. И конечно, у него не хватило времени, чтобы добыть и закоптить достаточно мяса и рыбы для зимовки.

Он был вынужден оставить свои запасы меха у подножия дерева, в тайнике и отправился в горы, чтобы присоединиться к своему племени, но там все были точно в таком же положении. В конце концов они решили разделиться и выкручиваться самостоятельно. Его старший брат внушил ему мысль направиться на север, чтобы искать убежища под покровительством белых людей из Вапассу. Но после длительного и тяжелого путешествия он встретил несколько групп абенакисов и альгонкинов, которые бродили, не зная пути и уверяли, что форт Человека-Грома разрушен и что там не осталось ни единой живой души.

Он продолжил путь, однако, не желая верить, издали заметил почерневшие руины, но прежде чем отправиться в новом направлении, поскольку запасы были на исходе, он решил найти спокойное место для стоянки и расставить вокруг ловушки, в надежде поймать хоть какую-нибудь дичь, что было редкостью в это время года.

Они разбили лагерь три дня спустя. Он был занят ловушками и раздумьями, куда направиться, и не подумал подойти поближе к Вапассу.

Он хотел продолжать путь в северном направлении и оставить семью в убежище в Ришелье или в форте Святой Анны.

Рассказывая, он покуривал свою трубочку и довольно покачивал головой.

— Ришелье? Форт Святой Анны? Но это ведь очень далеко, — заметила Анжелика. — Почему бы вам не пойти в Квебек? Это ведь гораздо ближе.

Он помотал головой. Он слышал, что армия нового губернатора зимовала в фортах Ришелье и на озерах Сан-Сакреман, Шамплейн, и что осенью барки не прекращали курсировать оттуда в Монреаль и обратно, перевозя припасы.

Ему будет не только спокойно вместе со своими, но и по весне он сможет принять участие в большой войне против Пяти Наций ирокезов.

Внезапно он спросил, как зовут детей, которые были вместе с ней, и узнав, что одного из них зовут Шарль-Анри, он обрадовался.

— Шарль-Анри! Шарль-Анри! — повторил он несколько раз.

Потом он наклонился к ней как заговорщик: «Я деверь Дженни Маниго», — доверительно сказал он.

Оказалось, он был братом Пассаконавая, вождя памакуков, который вырастил Дженни.

Пенгаши считал, что его старший брат напрасно воспитывал француженку.

Мы в самом начале все сказали ему, мы, его друзья, его семья. «Брат мой, берегись, — повторяли мы. — Ты напрасно украл ее, и наши белые братья из Канады теперь могут объявить нам войну». Тогда он спрятался в Зеленых Горах, но позже он дал мне знать, что понял, что пленная француженка была той же религии, что и

англичане, она была из тех, кто распял Господа нашего, Иисуса Христа, и что по этой причине ее соотечественники считали бы ее узницей, если бы он отдал ее им. И французы обменяли бы ее на других индейцев. И он понял, что никто не придет ее у него отнимать, если он сможет обмануть одних и других.

В последний раз, когда Пенгаш видел брата, вождя Пассаконавая, он готовился к отъезду со своей семьей — Дженни и их ребенком, ее дочерью и их кузенком, который потерял всю родню в ходе войны короля Филиппа.

В Зеленых Горах зима была очень сурова. Он хотел приблизиться к берегу, стараясь не привлекать внимания колонистов-англичан, которых становилось все больше и больше, они двигались в леса в горах и видели повсюду, стоило им заметить индейское перо, участников Северной войны в Канаде, французов и абенакисов, только и мечтающих, чтобы снять с них скальп.

Пассаконавай не был крещен; как Пенгаши, который и сам, и его семья, были христианами. Пассаконавай не доверял белым людям, которые могли забрать у него Дженни; французов — потому что она была их национальности, англичан, потому что она разделяла их религию. Он будет счастлив, когда Пенгаши принесет ему новости о сыне.

— Если ты отправишься на север, то не скоро увидишь брата и передашь новости о сыне Дженни, — сказала она ему.

Но потеря времени и длинное расстояние не волновали индейца. Во всяком случае военная компания против ирокезов обязательно приведет его и его семью в края, где находится его брат.

Когда ирокезы будут побеждены, Пенгаши сможет заняться сбором коллекции скальпов англичан, что вынудит его отправиться к границам Нью Хемпшира и

Зеленых Гор. И тогда он воспользуется несколькими днями, чтобы найти своих и навестить их.

В вигваме Пенгаши было две женщины. Та, которая была помоложе, кормила младенца. Это была старшая дочь; муж которой был убит упавшим деревом во время их перехода.

Другая, жена хозяина; наблюдала за Анжеликой, и взгляд ее не был особенно приветливым. Несмотря на тесноту, она принялась натирать волосы медвежьим жиром; как и все индианки она следила за своей прической. Хотя ситуация была суровая, она не желала отодвигать в сторону свои привычки. Она спросила Анжелику, не найдется ли у нее расчески, потому что ее собственная сломалась.

Пенгаши приказал ей замолчать, и Анжелика поняла, что он недоволен тем, что она тратит медвежий жир, тогда как запасы провизии были на исходе.

Ее старшая дочь, молодая вдова в свою очередь попросила у Анжелики корпию для новорожденного. Она тоже обвиняла зиму в том, что она помешала заготовиться камышовым пухом и опилками для подкладок ребенку, и он портил меха. Ее тоже прервал хозяин. Он вспомнил, что обе женщины очищали от жира головы при помощи этих самых опилок, для того, чтобы вымыть волосы и снова натереть их жиром. Ему надоели проблемы с их прическами. Волосы! Все время их волосы! А есть нечего.

Но мгновение спустя он сам обратился к Анжелике с просьбой снабдить его алкоголем и одеялами, так как в свое время он не раздобыл этого у голландцев.

Анжелика пожалела, что не взяла с собой огненную воду. Она отправилась в путь, почти уверенная, что мираж обманывает ее, что не подумала заготовиться этим товаром, таким удобным для обмена. Она снова начала объяснять ситуацию. Она была в старом форте одна с тремя детьми, один из которых — Шарль-Анри. У них

были дрова, но еда почти закончилась. Она ждала помощи, она думала, что человек, ушедший за подмогой, должен вернуться. Но никто не приходил. А снег почти завалил их убежище и скрыл ловушки.

Продолжая говорить, она не могла отвести взгляда от большого куска медвежьего жира и от остатков маисового супа, которые дети налили собаке.

С тонкостью свойственной индейцам, Пенгаши понял значение ее мимики. Он докурил трубочку и сказал Анжелике следовать за ним.

Оказавшись снаружи, он направился ко второму вигваму и дал ей знак войти внутрь. Там были два старика: мужчина и женщина, они чинно сидели у огня. Они курили глиняную трубку. У очага суетилась девочка лет двенадцати. Она старательно очищала шкуру от жил и последних кусочков мяса и кидала их в котелок.

Анжелика и хозяин сели. Он объяснил родителям, кто она такая и зачем пришла. Они слушали, продолжая потихоньку курить, и ни один мускул на их лицах не дрогнул, так что было непонятно, слышали ли они то, что говорил им сын. А он не торопился, он отдавал дань уважения своим предкам.

Глядя на маленькую индеанку, которая сидела согнувшись возле огня, Анжелика удивилась, потому что поняла, что глаза у девочки светлые, а волосы, хоть и смазанные жиром и украшенные традиционной повязкой, — должны быть рыжими. Еще одна маленькая англичанка-пленница.

— Мой брат был без ума от своей пленницы. Я тоже решил иметь такую в своем вигваме. Несколько лет назад мы сделали набег на одну деревню, в ходе войны с Черными Одеждами, и я взял эту девчонку. Она была такая маленькая и беленькая. Я сам обул ей первые мокасины. Я сделал их в ходе нашего отступления, а мы должны были скрыться очень быстро, потому что погоня была у нас на пятках. Некоторых пленников пришлось

убить, они не выдерживали темпа пути. Но я-таки сделал мокасины. А совсем скоро она вырастет и станет моей женой. Вот почему Ганита ее не любит. А пока что она служит моим родителям.

Анжелика слушала его, придавая больше значения его жестам, нежели его словам.

Он прошел внутрь вигвама, потом вернулся, вышел наружу и притащил оттуда внушительный мешок. Старательно прикрыв вход, он приказал резким голосом молодой служанке подбросить дров в огонь, потом он старательно раскрыл мешок и вытащил оттуда большой кусок розоватого мяса.

— Я вчера неплохо поохотился. Это молодая лань. Но жене я сказал не все. Она хотела бы закатить пирушку. У нее нет мозгов. Мои родители не скажут ей. Они меня одобряют. Зима это лютый и коварный враг, и к войне с ним всегда необходимо подготовиться.

Он извлек из угла обломок сабли и умело отрезал большой кусок, который завернул в кожу и приказал служанке зашить его, что она и сделала довольно ловко. Затем он снова притащил с улицы мешок и достал оттуда две репы и ложку, глубокая часть которой была перевязана шкуркой. Открыв ее, он бережно пересчитал черные или коричневатые частички.

Он колебался, он отсчитал три или четыре кусочка, затем, одумавшись, он наполнил ложку еще один раз, встряхнув мешок, и сказал Анжелике протянуть ладони. Насыпав туда свое богатство, он сказал:

— Когда будешь варить похлебку, кинь туда эти маленькие дары леса. Они предохраняют от земляной болезни.

Он имел в виду цингу.

Она расплакалась в благодарностях.

— Я — деверь Дженни Маниго, — ответил он, словно это родство обязывало его перед ней. — Есть у тебя что-

нибудь, что я мог бы ей передать? Мой брат всегда обвиняет меня во лжи. А так он убедится, что я сказал правду.

Анжелика поискала, что могла бы переслать подруге. Лучше всего — записку. Но здесь не было ни бумаги, ни чернил. Драгоценности Анжелика не носила, разве что кольцо на пальце. Она сняла его и протянула индейцу; он спрятал его на груди.

— Ты можешь дать мне ружье? — спросил абенакис.
— Я должен иметь ружье, ведь я — христианин.

Этот подарок не стоил ей многого, ведь в арсенале Ваймона Уайта оружия было полным-полно.

— У меня тоже есть кое-что, это Дженни передала для сына. Но эта Ганита, похоже украла его у меня, во всяком случае, я нигде не могу это найти, — сказал абенакис. — Приходи через три дня. Кто знает? Может при помощи ружья и при покровительстве духов мне удастся раздобыть еще мяса, тогда я поделюсь с тобой.

Хоть и христианин, он предпочитал полагаться на духов, если речь шла об охоте.

Она обещала принести огненной воды и одеяло для его матери, а также корпию для ребенка.

* * *

Она так радовалась, что несет дополнительное пропитание, что обратная дорога показалась ей легкой и быстрой. Она еще до наступления ночи добралась домой.

С облегчением она прижала к сердцу детей. Какие они были смелые, если, будучи такими маленькими, смогли ее дождаться, не боясь, не шая и не делая глупостей.

— Мы поели и заснули, — сказал Шарль-Анри.

Она решила, что расскажет ему о его матери попозже.

Этот Пенгаши озаботил ее своими планами. Сумеет ли он добраться до Зеленых Гор? Удастся ли ему

достичь миссионерских поселений севера? Через несколько дней она сходит к нему.

Но через несколько дней поднялся ветер. Сухой, ледяной, словно швыряющий стальную пыль над равниной. Она взглянула за окно и поняла, что не сможет сделать ни шагу, ее собьет с ног порывом. Вот почему Пенгаши устроил свое поселение как можно глубже.

Наконец, в один прекрасный день ветер стал стихать. Она подождала, и решила на следующее утро отправиться в путь, прихватив бутылку огненной воды, расческу, корпию и два одеяла для стариков. Но утром оказалось, что пошел снег. Боясь заблудиться, она провела дома еще два дня. Наконец буря утихла. Ветер прекратился, снег перестал.

Горизонт снова был открыт, и она различила, в каком направлении двигаться.

Она снова строго наказала Шарлю-Анри следить за детьми, подмела как могла снег у порога, и отправилась на равнину. Против всякого ожидания оказалось, что следы ее прежнего перехода худо-бедно сохранились. Но туман и облака не позволяли различить струйку дыма.

Снова пошел снег.

На этот раз она прихватила колышки, чтобы метить свою дорогу, но теперь она жалела, что не взяла палочки подлиннее; снег шел так густо, что грозил засыпать ее вешки.

Несмотря на снегоходы она увязала по колено. Как и в первый раз она не заметила трещины и упала вниз. Лавина снега смягчила падение, но на этот раз она не потеряла ни перчаток, ни оружия.

Внизу все изменилось, все было засыпано снегом — деревья, кустарники, камни.

Но вигвамов и след простыл.

«Они переехали...»

Подойдя ближе, она заметила круглую форму одного из жилищ, и так образовалась, что не беспокоилась отсутствием дыма. Она крикнула, но не получила никакого ответа. Она подошла ближе и отодвинула входную завесу. Внутри она увидела, как и в первый раз, двух стариков — он был в меховой шапке, она — в повязке.

Она поздоровалась. Тонкая снежная пыль, проникнув через дыру в крыше, обсыпала очаг и лица людей, подчеркивая темные одежды.

Они, казалось, не обращали ни малейшего внимания на снег и смотрели внимательно в одну точку.

Потом она заметила потухшую трубку и увидела, что из их ртов не вырывается пар дыхания. Она поняла, что они умерли.

Когда Пенгаши и его семья стали собираться в дорогу, грозящую новыми трудностями, ураганами и бурями, а цель была далека и неясна, отец сказал ему: «Сын мой, я остаюсь. Моя дорога завершена».

По традиции и согласно ритуалу, Пенгаши оставил им вигвам, зажег последний огонь, оставил последнюю похлебку, последние припасы и последний запас табаку. Потом он заботливо завесил вход, и в сопровождении жены, детей и маленькой служанки-англичанки, отправился на поиски французских миссий.

Анжелика оставалась без движения, стоя на коленях возле неподвижных тел, до тех пор, пока не поняла, что замерзает.

Инстинктивным жестом она протянула руку к котелку, но, как она и думала, там ничего не оказалось, кроме снега, наполовину засыпавшего посудину.

Они спокойно докурили трубочку, передавая ее друг другу, потом, после последней затяжки он положил перед собой этот священный предмет. Затем они поровну разделили еду, и когда погас последний огонек в очаге, сели, положив руки на колени. Мало-помалу

внутри темнело и становилось все холоднее, а два старика спокойно ждали смерть.

Когда падение ветки расширило дыру в крыше, они были уже далеко, продолжая свой путь по дороге Великого Духа, там, где царили свет и тепло.

При бледном свете, проникающем через вход, она ясно видела лица стариков; они были как живые, она с трудом удерживалась от того, чтобы положить им на плечи принесенные одеяла.

Ей бросилось в глаза одна деталь. У каждого в руке был большой темный кусок. Это было похоже на камень или ком земли.

Но когда она подошла ближе, она заметила, что это была еда. Два тяжелых замерзших комка из перемешанной маисовой муки, мяса и сухих плодов. Это была последняя еда предков, которую они не тронули.

Она вздрогнула от неопишуемой радости. Дрожа, она высвободила из окоченевших ладоней эти кусочки, а потом долго пристально вглядывалась в их лица, спрашивая: «Это для меня? Знали ли вы, что я вернусь?»

На их груди среди привычных индейских талисманов — зубов, перьев, ракушек и разных металлических бляшек, — она различила маленькие позолоченные крестики, которые носили крещеные индейцы Юго-Востока.

Видимо, это было последнее приношение Богу во имя высшей милости, о которой рассказывали им Черные Одежды.

Что значило для них оставить эту последнюю порцию еды, перед тем, как отправиться в долину Великого Духа, белой женщине и детям, голодающим всю зиму?..

Переполненная благодарностью, она положила свою находку в сумку. В руке индейской женщины был еще

кошелечек, Анжелика забрала и его, подумав, что это является часть дара.

Попятившись, она натолкнулась еще на какой-то мешок. По его форме она угадала, что там находится ловушка для небольших животных, и она поняла, что индеец не забыл ее жалоб на то, что снег засыпал все ловушки.

В обмен на ружье индеец оставил ей один из своих охотничьих предметов, который мог бы открыть для нее последний шанс.

Она выбралась из вигвама, в последний раз взглянув на стариков.

— Спасибо! Спасибо! Благослови вас Господь.

И она тщательно закрыла вход, и как могла заткнула дыру в крыше, чтобы уберечь на более длительное время тела стариков от зубов диких зверей.

Глава 49

Из кошелечка на руку Анжелики, как только она развязала шнурок, выскользнули две сережки, серебряные и с гранатами. Анжелика вспомнила, что именно они были на Дженни Маниго де Ля Рошель, в день, когда ее увели индейцы. Анжелика смотрела на них с волнением и очень надеялась, что ее кольцо также дойдет до Дженни. Она, было, хотела рассказать Шарлю-Анри о его матери, но и на этот раз сдержалась.

Голод совсем их ослабил. Их чувствительность обострилась. Самые незначительные мелочи действовали им на нервы, и никогда нельзя было с уверенностью сказать, с какой стороны последует шок.

Она испытывала то же, что и дети, хотя малышей было легче развлечь. Но Анжелика опасалась за Шарля-Анри.

Она знала, что у него не осталось приятных воспоминаний о временах, когда он с индианкой кочевал из вигвама в вигвам в течение шести месяцев. Он всегда избегал говорить об этом и не отвечал, если

его спрашивали на эту тему. Если, с другой стороны, он признал в ней мать, то, может быть, его рана затянулась? Напомнив, она возможно разбередит эту рану, разбудит его тоску и погрузит в меланхолию. В Вапассу он научился улыбаться, но произошло это в течение нескольких месяцев. Она убрала скромные украшения в мешочек.

Позже она отдаст их ему, тогда он будет старше, тогда они смогут собраться за столом у Абигаэль, которую он любил, потому что она одна сумела утешить его в печальные времена.

Она установила ловушку Пенгаши недалеко от их дома, под деревом, в месте, которое показалось ей подходящим. Она даже пожертвовала кусочек мяса для приманки. Орудие браконьера! Ее отец выслеживал их в своих владениях. Другие сеньоры, побогаче, имели егерей, которые схватив злоумышленника, передавали его в руки правосудия, и он приговаривался к повешению. Но господин Сансе де Монлу не был богачом, егерей у него не было, и он никого не отправил на виселицу. Иногда, господа, не менее голодные, чем их вассалы, устраивали целые битвы на своих территориях, с целью поделить оленя.

Она думала обо всем этом, и стальной капкан чуть было не сомкнулся вокруг ее запястья.

В Америке большинство добывало мясо при помощи лука и стрел, белые и индейские вожди имели ружья. А вот ловушки применялись в основном для отлова зверей с ценным мехом, — разменной монетой, которую следопыты и путешественники по весне клали на прилавки, чтобы получить в обмен топоры, ножи, лезвия шпага, огненную воду и многое другое.

Анжелике все это не очень нравилось. Ей было неприятно представлять железный лязг капканов, калечащих маленьких зверушек. В юности она не была так чувствительна на счет животных. Но Онорина с ее

манерой олицетворять себя со зверями, со всяким невинным созданием, изменила ее отношение.

Люди пришли сюда, потом ушли, и ситуация казалась ей теперь еще хуже, чем прежде. Они дали им еды еще на несколько дней, но отравили надежду.

Представляя эту маленькую семью, бредущую через заснеженные равнины, она думала, что надолго, если не навсегда оказалась запертой здесь.

Она думала с надеждой, что Пенгаши расскажет о ней. Все узнают, что она жива.

Но удастся ли Пенгаши добраться до людей? Путь был бесконечным, бури — смертельными. Под ударами зимы вся дичь исчезла как на небе так и на земле. С ружьем индеец что-нибудь сумеет подстрелить. Она не жалела, что дала ему оружие.

В крайнем случае они съедят собаку.

Она мечтала о вкусной и сытной еде, которой ее угощали в Салеме, и она позвала Рут и Номи на помощь. Она проснулась от собственного крика отчаяния, который напугал детей.

Она вспомнила о лошадях. Когда началась атака индейцев, она увидела краем глаза табун, несущийся прочь, словно они угадали близкий конец Вапассу.

Они спустились на юг. Они будут искать новые земли. Свободные, они вновь обретут свой инстинкт, снова объединятся в табуны...

Но Мэн — это такой суровый край, полный обрывов и пропастей, к тому же зима нагрянула так внезапно...

Не думать. Представлять, что они счастливы, что они нашли свою территорию. Их приучили жить на улице, и к концу лета многие из них становились необузданными и дикими.

Малыши хныкали в полный голос, а Шарль-Анри склонился над ней:

— Вы плачете, матушка! И вы кричите: лошади! лошади!..

Она облокотилась на подушку и притянула к себе детей.

— Не плачьте больше. Я видела, как они убегали. Не надо грустить. Они найдут дорогу. Они пройдут тропами, где меньше снега и больше травы.

Нужно было бороться против безумия тишины, и она любила поговорить с детьми, поддержать их внимание по утрам.

Она говорила, что их собака была гораздо умнее, чем они думали, она почувствовала приближение пожара и убежала искать Онорину, которая была у ирокезов. Когда Онорина вернется, она научит их стрелять из лука.

Их мордашки осветились, когда имя Онорины было произнесено.

— Онорина, моя крошечка! Мое сокровище.

Онорина выживет. Она сильнее их всех.

Глава 50

Анжелика начала думать, что «худшее еще впереди».

«Ты предал меня! Ты предал меня, — бросала она упрек немому горизонту, когда поднималась на платформу. — Ты обещал мне... Мы заключили с тобой сделку... Мы отдали тебе лошадей! Мы посвятили тебе крыши наших домов, нашу работу и огонь нашего гения». Худшее — это смерть детей, затем ее собственная. Жоффрей, получив об этом известие, повторит: теперь я не смогу жить...

Он, такой одинокий, такой сильный и одновременно незащищенный. Она не сможет довести дело до этого. Исчезнув, она нанесет удар в спину этому неустрашимому человеку. Она даст повод для триумфа всем врагам, которые поклялись уничтожить эту радостную силу, этот свободный ум.

Он был бы вправе ее вечно упрекать. Он сказал бы:

«...Ты пронзила мое сердце, а я никогда бы не дал увлечь себя в сети любви, чтобы потом пропасть, чтобы угодить тем, кто желают моей гибели — церковникам, нечестивцам, негодяям, педантам, ревнивцам, посредственностям, дебильным тиранам и тиранам вдохновенным... как этот Король-Солнце, который оспаривал тебя у меня, Анжелика, любовь моя, но он — тиран, и это отталкивает. И вот ты оставила меня, нарушив все обещания, лишив меня сил, словно Далила, которая предала Самсона...»

«Нет! Нет! Не говори так. Я обещаю, что выживу», — кричала она.

* * *

Нет! Хуже всего — это смерть детей. Если она выживет и покажется Жоффрею, как в первый раз, без детей!.. Адский круг, ужасная история, начинающаяся снова, разрывающая их сердца на куски!.. Посредственности и злоумышленники запоют хором с радостью: «На этот раз... на этот раз они побеждены...»

«Не думать! Не думать!» — приказывала себе Анжелика, когда ее воображение рисовало перед ее мысленным взором такие картины. Ибо она знала, что это отнимает у нее драгоценные силы.

По утрам она больше не проклинала свою судьбу, как это было раньше. Просыпаясь, она с удивлением замечала, что бормочет сквозь сон: «Боже мой! Боже мой! Боже мой!..»

Никого! Ни единой человеческой души!..

Надо верить в Бога! Только Бог остается. «Бог везде, во всех уголках!..» — как говорит Библия.

* * *

...Она стала варить ремни и обрезки кожи, приготавливая нечто вроде желе, которое она смешивала с кусочками пищи. Еще два, три дня, максимум. А потом... Чтобы выиграть день для детей, она ограничивала себя, поддерживая силы огненной водой.

Ее пугало то, что скоро начнутся галлюцинации. Это необходимая черта голода.

Обшаривая уголки жилища, она обнаружила банку с кофе. Лаймон Уайт не отказывал себе в маленьких удовольствиях. Это был хороший день. Как можно тщательнее приготовив кофе, она выпила его словно драгоценный нектар, и дала детям. Шарль-Анри скорчил гримаску:

— Это плохо.

Но все-таки выпил, и все трое показались матери менее вялыми.

Уйти. Добраться до леса. Сможет ли она?.. Найдут ли там ее?.. Снег валил без перерыва. Теперь она не добралась бы даже до стоянки Пенгаши.

Она ходила проверять ловушку, но она всегда оставалась пустой. В конце концов, она убрала приманку.

Однажды она пошла ее проверить и, не найдя, потерялась, сбилась с дороги. Дом она нашла только по смутному запаху дыма.

В другой раз она потеряла сознание в пути, очнулась, и добралась до убежища, сама не зная как.

* * *

Когда погода успокаивалась, она выходила на улицу посмотреть на восход. У нее не хватало мужества смотреть, как просыпаются голодные дети. Она часто давала им отвары из успокаивающих трав, и они спали почти весь день, позабыв о еде. Но она вспоминала страшный рассказ старой Ребекки, перенесшей осаду Ля Рошели кардиналом Ришелье. Тогда она была молодой матерью троих детей. В городе было съедено все, что могло быть съедено. Даже между камнями мостовой не росло ни травинки.

«Мой старший ушел первым. Однажды я подошла к детям, думая, что все они спят. Но он уже умер».

И Анжелика со страхом подходила к изголовью, и проверяла, дышат ли малыши.

Потом она шла на холмик. Там она долго стояла, вглядываясь в горизонт и молитвенно сложив руки. «Почему ты так жестока?» — кричала она природе, такой красивой и такой бесчувственной.

Однажды вечером закат стал ярко-желтым, агрессивным. Это было красиво, но беспокоило. Ночью разразился буря, даже дети проснулись, хотя они привыкли к ночным бурям. На этот раз им показалось, что крыша обрушивается на них. Анжелика благословила Небо за то, что дом был построен из крепкого дерева и прочно установлен на фундаменте из камня.

Она прижала детей к себе, стала их целовать и приговаривать:

— Ничего, скоро все успокоится. Бури проходят. Они всегда проходят.

Но черные эскадроны бури не прекращали своего бега.

Дни и ночи сменяли друг друга, и невозможно было разобрать, что за время суток за окном.

Глава 51

Теперь ей надо было распределить энергию, чтобы передвигаться внутри дома. Но нельзя было запирается в одной комнате, нельзя было лежать подолгу в кровати, иначе она рисковала заснуть смертельным сном, и тогда, отдав детям все тепло, она и их заберет с собой в могилу. Они также забудутся навсегда, прижавшись к ее окоченевшему телу. — Вставай! Двигайся!

Она поднималась, выпрямлялась, двигалась как автомат. Она накидывала на плечи свой плащ и выходила в коридор, как это происходило каждую зиму. Тогда она навещала соседей, проверяла состояние хозяйства, а теперь вокруг никого не было. Снаружи

была пустыня. Однажды выяснилось, что входная дверь завалена снегом. Она пообещала себе, что наберется сил и постарается открыть ее и потом, шаг за шагом, добраться до ловушки. Сможет ли она сориентироваться? Отделить ловушку от снега? Она принялась ходить по большому залу, чтобы различить шум своих шагов.

Она подтащила приставную лесенку к слуховому окну, через которое возможно было выглянуть на улицу. Потом отодрала промасленную кожу, закрывавшую доступ холоду и свету, и выглянула. Ледяной поток обжег ее лицо. Стена дома была покрыта слоем льда. Видно было плохо, но она сориентировалась и поняла, что наступают вечерние сумерки. Через это окошко она сможет определять время дня.

Она установила шкуру на прежнее место, затем завесила окно мехом. Защита от холода! Каждое утро она будет приходить сюда и проверять температуру за окном. Ее покрывал пот слабости, но она поняла, что работа придает ей дополнительных сил, что необходимо двигаться, чтобы выжить.

Она покормила детей, распределяя каждый глоток, и, понимая, что они не наелись, она стала их укачивать, рассказывать им истории, завернув в шкуру дикой кошки. Она более-менее успокаивалась только когда они спали. Когда же они просыпались, она со страхом вглядывалась в их лица, боясь различить на них признаки страшной болезни — цинги, или первые знаки приближающейся смерти.

Еды оставалось на три дня: маис, мясо, крупа... Каждый день она старалась открыть выход.

Потом еда закончилась. Когда все было съедено, дети погрузились в свое привычное забытие. Голод наступит раньше цинги. Она избегала думать об их последнем сне. Она подобралась к слуховому окну, толкнула ледяную стену и крикнула:

— Я не хочу видеть, как они умрут!..

Стена поддалась. И вот она уже бежит по сверкающей ледяной равнине.

Она наклонилась, упала на колени возле ловушки. Там был белый заяц, почти такой же белый, как все вокруг, почти невидимый, окоченевший...

Она отделила его от стальных челюстей и прижала к груди:

— Спасибо! Спасибо, маленький братец! Какой ты добрый! Как хорошо, что ты пришел!

Никогда она еще не ощущала такой сильной связи между человеком и природой. Животное сказало человеку: вот я пришел, возьми меня и воспользуйся мной, чтобы выжить, теперь, когда земной рай потерян.

— Я расскажу эту историю детям...

Пища еще на два-три дня!

— Спасибо! Спасибо, маленький братец!..

Это был знак. Знак, что они приблизились к концу туннеля. Знак того, что их спасители уже в пути и придут вовремя. Она качала на руках тельце животного с большими вытянутыми ушами:

— Спасибо! Спасибо, маленький братец!

* * *

Наутро она вернется к ловушке.

Она приготовила приманку при помощи шкурки и костей для более крупных и хищных зверей. Она вновь приготовила ловушку.

Но наутро не смогла туда вернуться, потому что буря возобновилась, снова обрекая узников на заточение, а даже если кто-нибудь и выбрался из дома, то это было бы равносильно немедленной смерти.

Снова замаячила тень голода.

* * *

Вечер был мрачным. Еда закончилась. Смерть приближалась.

Поняв, что буря утихла, она попыталась открыть окно. Но тщетно. Оно не поддавалось, то ли из-за снега со льдом, покрывавшего стены, то ли из-за какого-нибудь упавшего дерева. День или ночь? Какая разница, если все они умрут? Она безумно кружила по большому залу, и в голове ее рождались картинки из прошлого.

Она поняла, что вся ее жизнь состояла из борьбы, что ее всегда окружали враги, хотя она и собирала вокруг себя много друзей. Но недругов было тоже много. Некоторую вражду она не заслужила, но ее враги были врагами, потому что не могли быть ее друзьями.

Какую ошибку она допустила? Может она не подчинилась? Ей следовало бы подчиниться?

— Но я слушалась голоса Любви...

О! Моя любовь, — вскричала она, — только ты у меня и осталась... Я обещаю тебе, что мы еще уедем отсюда... Мы поедем в Китай или еще куда-нибудь. Мы сюда не вернемся. Мы будем только вдвоем — ты и я!..

Она все кружила по комнате, словно животное в клетке.

Вопросы теснились в ее голове... Наверное, зря мы не подчинились, не склонились... Но перед кем?.. Перед всеми? Перед целым миром? И особенно, перед представителями Церкви?

Ломенье заклинал ее.

— У нас нет права забывать уроки нашего детства, и что благодаря нашему рождению, нас крестили в христианской вере. Смерть святого заставила меня вспомнить об этом. Дорогая Анжелика, подчинитесь, ибо я чувствую, вы не будете правы перед ним.

Его предсказание сбывалось.

Но Анжелика, потерянная, подавленная, продолжала сражаться.

Какую непростительную ошибку я совершила? За что мои дети заплатят жизнью? Кто нам объяснит? А если бог будет молчать... Если он мстит за своих посланцев?..

У нас не хватило самоуничтожения?

Согрешили ли мы под угрозой, из-за слабой веры или бессознательно?

Кто мне скажет?

Обвинителей у меня предостаточно. Но кто скажет мне: ты не ошибалась... ты утешила меня... ты не предала наше дело?..

Анжелика ждала. Ответом была тишина.

Все было проиграно. Они мечтали о Новом Свете. Они трудились над его созданием. Она полюбила Вапассу, Голдсборо и Салем... И Квебек... А Квебек стер с лица земли Вапассу, и, однажды Рут и Номи повиснут на виселицах Салема...

Лица сменяли друг друга. В первый раз она поняла, что скрылось за их общим видом.

Иллюзии! Она жила иллюзиями!

Она остановилась. Движение прекратилось. Теперь она не испытывала надежд на завтра. Сколько раз она мечтала, что однажды она поедет в Голдсборо, встретит друзей, и это будет так хорошо. Трудности окажутся позади. Больше не будет расстояния.

В этой пустоте, обусловленной голодом и тревогой она думала о служении Богу, о тех ритуальных обязательствах, которые принуждали многих служить Ему.

Ломенье был прав. Против святого не сражаются. А этот святой решил вести войну против трех принципов, которые преследовал и клеймил.

Прежде всего — женщина, противница человека в сердце Господа, затем — красота, которая в его глазах была не даром Божьим, а ловушкой Сатаны, и наконец

— свобода разума, дверь открытая для всех ересей, и тем более страшная, когда ей обладает женщина.

И сегодня, когда плоды длительной и кропотливой работы разрушены, не найдется никого, кто поднял бы руку в обвинительном жесте и сказал: иезуит, вы преступник! Вы разрушитель!

Он торжествует! — подумала она. — Но почему, почему нужно, чтобы он торжествовал таким образом?

И в этот самый момент, когда следуя своему расстройству, возбуждению и осознанию катастрофы, в которой она оказалась, она была готова снова рассыпаться в проклятиях, какой-то непонятный шум раздался у дверей. Шум этот гулко разнесся по холодному дому, почти превратившемся в могилу.

Что-то стукнуло в дверь, и пока она, задержав дыхание прислушивалась и думала, что это может быть, шум повторился. Он был уже более сильным и гулким, словно стучали палкой или прикладом ружья.

На этот раз она была уверена. В дверь постучали два раза.

Она застыла, прислушиваясь еще и еще к молчанию, установившемся снаружи, только ветер завывал за стенами. Анжелика сомневалась.

Радостная дрожь охватила ее, жар разлился по телу. Это было похоже на ощущение, испытанное ею в первую зимовку, когда им угрожал голод, и не было ни малейшей надежды на помощь и спасение, а снаружи свистела вьюга. Тогда не было стука в дверь. Только у нее возникло ощущение, и она сказала слабым голосом:

— Там кто-то есть.

Вместе с мадам Джонас они направились к двери. С трудом открыв ее из-за слоя снега и льда, они различили в вихрях урагана обнаженные тела индейцев. Это были Таонтагет и его могавки — посланцы Уттакеваты, которые принесли пищу.

На этот раз та же радость перед чудом захватила ее существо.

— Я знала, что они придут — Уттаке! Уттаке! Я знала, что он не оставит меня, что «они» придут...

Она дрожала всем телом... Скоро она сможет накормить детей фасолевым супом с размельченным мясом. О! Мои дорогие детки! Как это будет хорошо! А потом — дикий рис, собранный на берегах озер в Иллинойсе, и который лечит от «земляной болезни»...

Хватит ли у нее сил, чтобы открыть дверь? Нужно, чтобы хватило.

Она пошла туда, подняла засов, повернула ключи и изо всех сил стала толкать дверь. Может быть это была галлюцинация? Нет! Нет!

Она должна бороться с кошмаром, должна открыть эту дверь, за которой была ночь, холод и неизвестные монстры? Наконец, дверь поддалась, и она устремилась навстречу холоду.

* * *

Было не очень холодно. Светила луна. По небу ползли тучи. Но ни одного силуэта не показалось вблизи.

Она спала?

Она всматривалась изо всех сил, и ее глаза слезились от холода. Ее надежда не хотела умирать. Нет! Нет! Ей не показалось! Она слышала удар... два удара... Она чувствовала... Она чувствовала, что что-то произошло. Что-то переменялось... Что-то двигалось...

Она всматривалась в темноту, глядела на небо. Внезапно тучи скрыли луну, и она поняла, что снова надвигается буря. Она сделала два шага и чуть не упала, натолкнувшись на препятствие.

Это была черная и плотная масса. Словно кусок камня, оставленный на пороге. Ее рука нащупала шнуровку. Сумка! Большая сумка!.. Еда!!!..

Значит ей не показалось!..

«Они» приходили...

Она обхватила массу руками и попыталась втащить ее в дом.

Но это была очень тяжелая сумка... или мешок.

Фасоль! Маис! Сухие плоды!

Пища!..

Она изменила тактику. Не в силах втащить в дом все сразу, она голыми руками стала пытаться развязать узел на мешке, чтобы по частям носить в дом еду.

Но она была слишком слаба. Она решила вернуться в дом и надеть митенки. Но ничего в мире не смогло бы заставить ее бросить эту драгоценную добычу, повернуться к ней спиной. Она боялась, что мешок исчезнет, стоит только закрыть глаза.

Снова началась буря, она скрыла луну, затянула небо тучами и сделала его ниже.

Наконец, ей удалось отделить примерзший край сумки, и тогда дело пошло. Она потащила ношу в дом. На коленях, опустив голову, чтобы избежать ударов снега и порывов ветра, она с великим трудом проникла за порог.

Теперь нужно было зажечь свет и запереть дверь как можно скорее, ибо снег, попадающий на порог, мог помешать ей закрыть вход плотно. Собрав все силы, она распрямилась. Каждое движение давалось ей с трудом. Наконец, она освободила порог от снега, притворила дверь, повернула ключ и установила засов на прежнее место.

Восстановилась тишина. Анжелика, почти без сил, оперлась о дверной косяк, чтобы не упасть.

Ее усилие было так велико, что сознание радости и триумфа от находки почти исчезло. Она чувствовала себя разбитой, дыхание разрывало ей легкие, губы, обветрившись на морозе, кровоточили. Зал, который казался ей прежде холодным, теперь, она задыхалась в нем.

Она прикрыла глаза, затем открыла их. Мешок был на полу, мешок, в котором было спасение ее и детей.

В темноте она различила странную форму. Колеблясь и испытывая внезапное предчувствие, она подошла и встала на колени. Вокруг мешка растеклась лужа, один его край был крепко зашит.

Но другая его сторона раскрывалась легко. Приоткрыв ее, Анжелика внезапно потрясенная, различила внутри черты лица человека.

Она вытянула руку и откинула капюшон, бывший на голове человека.

Показалось лицо, почерневшее, словно обгоревшее, с бледными «восковыми» веками, прикрывшими глаза. Она застыла, не в силах пережить обрушившийся на нее удар.

Это не был мешок с продуктами. Это был труп.

* * *

Она отказалась что-либо понимать. Найдя у порога мешок, она была готова умереть от радости, теперь она от всей души желала, чтобы видение исчезло. Хоть бы этого не было! Хоть бы это не произошло! У судьбы нет права так насмехаться над ней, над ее горем! Эта голова мертвеца под темным капюшоном означала что? Какой маскарад?!

По бледности век, контрастирующих с почерневшим лицом, где поработали огонь и холод, она угадала, что перед ней белый человек, без сомнения — француз. На лице виднелись следы крови. Тонкие почерневшие губы слегка обнажали зубы, что придавало лицу дьявольскую усмешку.

Заблудившийся следопыт?.. Он пришел умирать у ее двери, без сил? Но нет! Она не могла ошибиться. Самому невозможно влезть в такой мешок.

Значит приходили «они».

«Они»... Французы? Индейцы? Ирокезы? Абенакисы? Человеческие существа, возникшие в смертельной ночи,

и вместо того, чтобы показаться ей, они оставляют на пороге мешок с мертвецом и исчезают как фантомы.

На такую жестокость были способны только ирокезы. Но почему?

Машинально она разворачивала мешок, расширяла дыру. Она увидела обгоревшую кожу и плоть, потом — кусок черной ткани, без сомнения — рясы.

Дыхание Анжелики остановилось. Горло перехватил спазм ужаса и жалости.

— Мученик! Священник!

На его груди блестел маленький крестик миссионера.

— Несчастный бедняга!..

Вдруг она выпрямилась, вне себя, глаза нараспашку.

— Что ты сделал, Уттаке?.. Что ты сделал?

Она дрожала, но больше от ярости, чем от ужаса.

Уверенность, что она оказалась посреди кошмара, что ее одолели галлюцинации безумия, сменилась чувством неизбежности и уверенности, что она знала, что это случилось. Можно подумать, она в мыслях уже несколько раз пережила этот миг. В этот миг она увидела, как в середине креста, словно капелька крови, блестит рубин.

Глава 52

Она хотела сказать себе: это кровь. Но она не говорила этого. Она не думала ничего. Она знала. Пришло время, и это случилось. Она могла бы сказать себе: это распятие, это его распятие, но носит его другой священник. Но она отказывалась. Она знала! Это распятие принадлежало мученику, распростертому перед ней без признаков жизни.

Это тело было его телом!

Этот мертвец был он!

Он, он, наконец! Обвинитель!.. враг без лица!

Уттаке сдержал слово: я брошу к твоим ногам труп твоего врага!

Вот он, проклятый иезуит, у ее ног.

Себастьян д'Оржеваль. Он, у ее ног, его тело, которое скоро начнет разлагаться, разбитое, сожженное, умерщвленное сотней способов?..

Мертв!

И она, Анжелика, Женщина, которая подвергалась его ненависти, когда он даже не знал ее, стоя перед ним, смотрела на него почти потухшим, умирающим взглядом.

Сколько времени простояла она без движения?

Может быть, несколько секунд? Может быть долгие минуты? Все это время она не испытывала ни мыслей, ни эмоций. Ни боли, ни ярости, ни ненависти, ни радости, ни триумфа...

Вот постепенно она начала приходить в себя, понимать реальность. Она больше не дрожала. Она больше не страдала ни от страха, ни от голода. Внутри она ощущала только пустоту и безотчетную грусть. Вот так победа!

До ее ушей доносилось жалобное бормотание, похожее на прибой в Салеме или Голдсборо... Это был зов, душераздирающий до такой степени, что она была потрясена. Можно было подумать, что это какое-то создание жалуется... Она вновь пришла в себя и осмотрела стены старого форта Вапассу, осознала свое одиночество и тело у ее ног... оно издавало время от времени глухие стоны.

Она не понимала. Эти жалобы действительно исходили из обожженных губ мертвеца? Если так, то это означало, что он еще жив?

Еще раз ей показалось, что она сходит с ума. Она собралась с силами. Нужно было осмотреть его, приложив огромное усилие. Нужно было быть хладнокровной.

Была ли она сумасшедшей? Или, если стоны действительно доносились до ее ушей, должна ли была она признать, что он... что он жив?

Но в этом случае зачем Уттаке бросил его на пороге? Почему он отдал его живым?

Чтобы следовать какому непонятному закону? Чтобы его прикончить? Чтобы его, быть может, съели эти несчастные создания, запертые в старом форте Вапассу?

Он что, этого добивался? Спазм сжал ее внутренности. Желудок превратился в горящую дыру. Она почувствовала приступ тошноты и зажала рот рукой. Еда, мясо, горячий бульон!.. Спасение! Жизнь!

Она побежала к двери, чтобы изгнать ужасные видения; ее бешенство и возмущение возродили силы, и она вновь отворила дверь.

Она выбежала на улицу, крича изо всех сил:

— Вернитесь! Вернитесь, индейцы! Вернитесь!..

Буря обрушилась на нее тысячью змей, хлестающих по лицу своими ледяными хвостами. Она не отступила. Она кричала:

— Вернитесь! Вернитесь! Могавки!.. Вы не имеете права!.. Вы не имеете право делать это!..

Она смешивала французские и индейские слова.

Слышали ли они ее, дикие и обнаженные, спрятавшись за снежными горами?..

— Вы предали меня, индейцы! Вы меня предали! Индейцы-ирокезы, вы убили меня! Из-за вас я умираю!..

Она упала без сознания глубокий мягкий снег, который намело возле двери.

Мысль о детях возродила ее. Ей показалось, что она видит возле себя три маленьких силуэта в смертельном вихре, которые плакали и звали ее. Испугавшись, она поднялась. «Они замерзнут насмерть!»

Ее распростертые руки схватили пустоту, и она поняла, что стала на сей раз жертвой галлюцинации.

Однако, вернувшись внутрь, она была уверена, что они проснулись и, не найдя ее, пошли на поиски.

Чуть не падая от усталости, она прошла в спальню и увидела, что все трое мирно спят на кровати.

Успокоившись, она вернулась в прихожую, чтобы закрыть дверь. Она почему-то не чувствовала усталости. Ее страх был так велик, она так опасалась послужить причиной смерти детей, что все остальное не имело значения.

Чувство вины ее мучало.

Как она осмелилась дать волю нервам?..

На запираение двери она истратила последние силы.

Снег проник внутрь и образовывал на полу большой сугроб, но это было неважно, потому что дом снова был заперт. Ужасы зимы напрасно стучались в дверь, она должна выдержать.

Возвратившись в комнату, она чувствовала, что готова упасть в обморок.

Она избежала худшего!..

Она долго смотрела на детей, и ей казалось, что их щеки порозовели. Может быть, так действовал отвар семян и лишайника, который она дала им перед сном? Она разогрела остатки и с наслаждением выпила микстуру. Как это было хорошо! Больше ничего не надо!

Она решила пойти отдохнуть, потом уже нужно будет принимать решение. Она заснула, проснулась, вздрогнув, подбросила в огонь дров, потом скользнула под шкуры, к детям, в большую теплую кровать.

Она снова заснула. Она была счастлива.

* * *

Ее пробуждение поставило ее между смутными образами сна и реальностью, в которой нужно было действовать.

Ее тело было слабым, но отдохнувшим.

Мысль о детях вырвала ее из состояния забытья, которое рождало мягкое головокружение и лишало сил.

Встав, она всматривалась в их лица, опасаясь, что не различит их дыхания.

Но они спали, по-прежнему мирно и спокойно. Она забеспокоилась. Они спят слишком долго. Нужно их будить.

Но они попросят еды.

Она вспомнила. Она хотела выйти во что бы то ни стало на охоту. Словно погружаясь в ночной океан, она вспомнила, что был стук в дверь, что у порога лежал мешок с едой, что... это была не еда... Нет! Она не хотела знать! Она спала! Это ей приснилось!

Там был мертвец, и он был жив.

«Я спала!»

Она успокаивала себя: «Я спала».

Царило великое спокойствие. В форте и снаружи. Буря утихла. Снег залепил окна, но сквозь него она различила свет солнца.

Спала ли я?

Она смотрела на свои руки, истерзанные льдом. Каждая деталь ее вчерашнего вечера, возникая в памяти, вызывала приступ тошноты.

Ее расстройство, ее безумие, ее гнев против Уттаке, ее крики, черная пасть ночи, мешок... И большое черное тело посреди зала, без движения...

Она задала себе вопрос.

По-прежнему ли это тело там, в соседней комнате?

Эта мысль внушила ей ощущение чьего-то присутствия, кто разделял с ней это заброшенное убежище, и это было одновременно страшно и необычно.

«По-прежнему ли он там? И если — да, то что дальше?»

«Что же ты наделала? — подумала она, похолодев. — Он умирал, а ты его бросила!»

Слабая и испуганная, она не пыталась объяснить себе, что заставило ее убежать.

— Что за бред меня охватил? Я решила, что это... отец д'Оржеваль?.. С чего я так решила?

С того, что Рут сказала ей: «Они выйдут из могил!» Она почувствовала себя безумной и виноватой.

Была ли она уверена, что видела блеск рубина? Может быть, это была кровь? Ведь его тело — это одна сплошная рана... Она потеряла голову!

— Что я наделала!

Медленно, она поднялась, накинула на плечи накидку.

В комнате было натоплено, а в коридоре и в зале пар вырывался изо рта. Она продвигалась, держась за стены, в надежде, что все следы вчерашнего кошмара исчезли...

Но он по-прежнему был там. Длинный, черный, неподвижный, в середине зала, на том же месте, такой же, каким она его оставила вчера.

Остановившись на пороге, она смотрела на него испуганно и не зная, что делать.

Некоторые племена покидают стоянки, когда к ним попадает подобная «посылка» с мертвецом. И она понимала их. Но от этого ей было не легче.

— Что я наделала! Несчастный умирал. А теперь уже поздно.

Мысль, что вождь моговков специально подкинул ей мешок с таким содержимым, чтобы она смогла собственноручно умертвить врага, заставила ее содрогнуться.

— Ты не знаешь меня, Уттаке! Ты не понял, кто я такая!..

Она убежала, потому что спазм снова сжал ее желудок.

— Что я наделала! Даже если это был он, что абсурдно, я не имела права его бросать.

* * *

Охваченная жалостью, она подошла и встала на колени возле тела.

Она раздвинула обеими руками складки мешка и, словно в средневековых усыпальницах королей, увидела лицо «плакальщика», суровое и радостное в скорби, окровавленное и обожженное. Она думала: «Прости меня! Прости меня!»

Это был белый человек, миссионер-католик, француз, иезуит, и теперь она не понимала, что заставило ее убежать. Это был белый, христианин, брат.

Ей не следовало бы так поступать.

Она отдала лавры победы Уттаке-Дикарю.

— Простите меня, отец! Я согрешила. Простите меня, бедный человек!

Слезы слепили ее. Но к чему теперь плакать? Что ей теперь делать, когда он умер? И по ее вине.

* * *

Ее взгляд снова упал на распятие. Рубин был на месте и сверкал. Рубин!

Она внимательно разглядела лицо мученика.

Кем был иезуит? И почему он носил на шее распятие отца д'Оржеваль?

Дрожь пронзила ее. Она различила легкий пар, исходящий от неподвижного лица. Так он еще жив? Невообразимо!

Быстро она стала шарить по карманам и наконец извлекла зеркальце, которое поднесла к губам священника. Хоть ее рука и дрожала, ошибиться было невозможно. Стекло запотело.

— Он жив!

К ней тут же вернулись силы и мужество.

— Я буду за ним ухаживать! Я спасу его!

Если ей удастся вырвать у смерти этого человека, они спасены.

Это был знак. Знак Небес, посланный на Землю.

Этот знак был проявлением более милосердной силы, чем та, которая подвластна людям.

Она пошла в комнату, чтобы усилить огонь. Дети спали.

Она вернулась с теплым питьем, своим сундучком с лекарствами и инструментами.

Сначала она решила дать ему немного алкоголя. Это должно помочь ему: она всегда верила названию «Аква витэ» — «Вода жизни», огненная вода.

Его губы были плотно сжаты, но во рту не хватало зубов. Поэтому ей удалось влить содержимое чашки в его горло. Ей показалось, что питье согрело его. Но с этим не нужно было поступать слишком усердно: только холод спас священника, иначе он умер бы от ран и потери крови.

Своей «живой» водой, которую она готовила по собственному рецепту, она смазала веки, слипшиеся от крови и гноя. Нужно было подождать с лечением ран на груди, для этого надо привести больного в сознание.

Теперь ее задачей было извлечь тело из мешка. С огромным усилием она распорола кожу и обнаружила на ней след веревки, за которую индейцы тянули, волоча свою ношу прямо по льду. Обнаженные, ирокезы или абенакисы, пересекли равнины, пренебрегли холодом и опасностью, и все для того, чтобы бросить на пороге свой груз и оставить женщине и детям, которые умирали от голода.

— Я никогда не пойму вас, индейцы.

Тут мешок развалился, и Анжелика обнаружила, что тело покоится на своего рода подушках, а точнее — мешках. Она только вытащила один, как сразу все поняла. Развязав шнурок, она высыпала на ладонь зеленые стручки фасоли, фасоли из долины Пяти Озер!

— О! Уттаке! Уттаке! Бог облаков!..

Как и в прошлый раз!

Она разглядывала их как скупец, любующийся на свои золотые монеты, да и он был бы менее взволнован.

— Пища! Дети!.. Они спасены!..

В других мешках и мешочках находились рис, овес, мясо, сушеные плоды, маис и еще много всяких даров.

— Спасибо, Господи! Спасибо, Господи!..

Стоя на коленях, она сложила руки в молитвенном жесте благодарности.

Солнце сияло. Лучи скользили по стенам и ласкали ее лицо. Тьма отступила. Жизнь возобновляла свое течение.

— Они спасены! Спасибо, Господи!..

Она смеялась от счастья. Потом она поймала чей-то взгляд. Повернувшись, она заметила, что веки больного приподнялись, и он смотрит на нее мутным, бесцветным взглядом.

Как бы ни был странен способ, избранный Уттаке, для спасения миссионера, но это была помощь и победа над голодной смертью.

Она громко произнесла:

— Вы в безопасности, отец мой. Не бойтесь ничего. Я буду за вами ухаживать. Вы слышите меня, отец мой?.. Если — да, то дайте знак, попробуйте подвигать веками...

Прошло много времени. Веки не двигались. Глаза были неподвижны и ничего не выражали.

Умирал ли он?

Однако, его губы двигались, сначала беззвучно, потом раздался слабый голос:

— Кто вы?

Она заколебалась. У нее кружилась голова. Она не знала, что делать. Она находилась на опасном пороге, который не решалась пересечь.

Глядя ему в глаза, она сказала, задыхаясь:

— Я — графиня де Пейрак.

Он ничего не сказал. Но она готова была поклясться, что его зрачки загорелись голубым сиянием.

Но никакая сила не смогла бы удержать и ее от расспросов.

Услышал ли он, понял ли?

— Я пойду приготовлю детям еду. А потом... мы увидим.

Но вот снова его глаза загорелись очень чистым, очень ясным голубым сиянием: светом сапфира.

Тот же голос, слабый и задыхающийся, отбирал последнюю энергию истерзанного тела. Она склонилась над ним, чтобы расслышать его слова, формулы вежливости, предписанные всем членам аристократического общества:

— По... позвольте мне, мадам, пред... представиться. Меня зовут... Себастьян... д'Оржеваль...

Очень медленно солнечные лучи передвигались по стенам.

Ничего не двигалось в заброшенном форте, ничего не казалось живым, кроме двух струек пара, вырывающихся из ослабевших губ.

Это не должно было произойти. Было слишком поздно!

Но это все-таки произошло.

Анжелика де Пейрак и иезуит Себастьян д'Оржеваль глядели друг на друга.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ПЛОТ ОДИНОЧЕСТВА

Глава 53

Выздоровление, которое происходит из-за маисовой похлебки, обогащенной мясным порошком, это один из феноменов, оправдывающих замкнутость мира и усиливающих веру в Бога. На самом деле нужно так мало земных даров, чтобы вернуть из могилы маленьких детей, полных жизни, которых голод сделал похожими на цветы, увядшие без воды.

Анжелика накормила их маленькими порциями, словно птенцов, позволяя им заснуть между глотками. А теперь они просыпались, как и раньше, в то прекрасное утро в Вапассу, и выскальзывали из кровати на маленьких похудевших ножках, горя нетерпением пуститься на исследование всех интересных вещей, которые сулил им новый день.

И Шарль-Анри, который был очень заботливо укутан, и заставил близнецов натянуть поверх ночных рубашек халатики, подошел к Анжелике и сказал:

— Можно, матушка, я буду вам помогать ухаживать за «умершим»?

Неужели ему удалось выйти из комнаты, осмотреть дом и обнаружить в большом зале неподвижное тело? Без сомнения.

Накануне, — действительно ли это было накануне? — в течение нескольких часов она работала словно трудолюбивый муравей, перетаскивая неоценимые сокровища: мешочки с толченым мясом, с диким рисом, с мясом и фасолью, с сухими фруктами, которые она старательно разложила и разделила их содержимое на ежедневные порции. О! Дорогой и святой хлеб насущный!

Она варила похлебку и думала о том, что ее дети теперь оживут. Они глотали драгоценную еду, даже не открывая глаз. Потом она поела сама. И тут она вспомнила слова, сказанные умирающим священником: «Я — отец д'Оржеваль!»

Она не понимала, зачем Уттаке понадобилось его спасать, если она собственными ушами слышала слова Уттаке: отец д'Оржеваль мертв.

Правда, не было никакой уверенности в том, что именно Уттаке, вождь индейцев-могавков, прислал ей эту спасительную посылку. А несчастный мученик, быть может, просто потерял разум от перенесенных страданий.

Она слышала, как он стонал:

— Я больше не могу выносить их, этих дикарей! Я не могу больше терпеть!..

— Нет, — ответила она Шарлю-Анри, — ты очень мил, мой малыш. Но я предпочитаю, чтобы ты получше следил за малышами.

Она взяла гребень и причесала детей, а потом сделала прическу себе.

Вот так. Достаточно немного похлебки, чтобы почувствовать себя достойным жизни.

Жизнь по сути дела — это пища. Не начинай думать об этом, не утомляй себя. Впереди еще много дней зимовки.

Но главное — свершилось чудо, когда она решила уже, что все потеряно. Даже «мертвец» был спасен.

Она так до конца и не поверила, что он — Себастьян д'Оржеваль, она приписывала его слова тому, что он просто потерял рассудок, да и она сама была на грани забвения. Анжелика помнила, как отец де Марвиль объявил о его смерти, и она считала, что иначе быть не может.

Однако, она начала разрабатывать план по его спасению: травы, отвары, корпия, — все это у нее было. Она также варила ему бульон, чтобы подкрепить его силы.

К тому же необходимо было поместить его в тепло, поближе к очагу. Согреется ли он? Вернется ли к жизни? Сумеет ли она возродить это почти бесчувственное тело к жизни и превратить его в сильного человека, способного перенести трудности зимовки?

Она боялась показывать такому малышу, как Шарль-Анри, человека, настолько измученного жестокостью взрослых. Но мальчик вырос в суровых условиях Северной Америки и был потрясен меньше, чем она. Он

представлял жизнь в виде театральной мистерии, где каждый персонаж играл свою роль.

Здесь, в глубине этих диких лесов с водопадами и бескрайними озерами, в представлении участвовали с одной стороны — человек в черной рясе, миссионер, а с другой — язычники, приговорившие его к смерти из-за его веры в Божественную силу.

* * *

Она перебинтовала его с головы до ног. Она проделала эту операцию прямо в большом зале, где он лежал с самого своего появления здесь. Он продолжал дышать, но очень слабо, настолько слабо, что она сомневалась, стоит ли продолжать труды по его спасению.

Когда она отделила крестик, то несмотря на все ее предосторожности (она смачивала тело теплой водой), на коже остался кровавый след.

Она промыла распятие водой, полюбовалась игрой рубина и положила его на чистую тряпку.

Ей невозможно было определить, во что он был одет. Когда она распорола кожаный мешок, то ей стоило большого труда отделить от тела лоскуты черной рясы. И везде — ожоги, многие из которых казались очень тяжелыми.

Несчастный бедняга! Несчастный бедняга! Она не могла остановиться и, пока перевязывала его, приговаривала таким образом. Она не могла понять, как, имея столько ран, он сможет вернуться к жизни. Но когда она дважды обмыла тело, руки, ноги, то заметила, что ожоги нанесены топорами, накаленными в огне, или раскаленным шилом, чтобы проткнуть мускулы. Оставалась еще довольно большая поверхность нетронутой плоти. Не подвергалась надругательству и самая важная часть тела мужчины.

Это было характерно для ирокезов, которые уважали то, что в глазах их жертвы было самым святым.

Они никогда не подвергали человека пытке с целью унижить его достоинство. Еще больше они уважали того, кто с честью перенес страдания и принял мучения бесстрашно. Выдержать и перенести пытки считалось самым ценным опытом, волей, мысль и приготовления к которой, возвышались над их жизнью с рождения до самой смерти, и чем мучительнее была смерть, тем по их мнению, она была достойнее.

Случайно Анжелика узнала от канадцев, что ирокезы были способны мучать свою жертву от двенадцати часов до двух суток, и человек не умирал. С этой целью они старались пролить как можно меньше крови.

— Это наука, — сказали ей. — И гуроны или ирокезы очень искушены в этой науке.

На этот раз можно было подумать, что его мучали так, чтобы он смог выжить. Но однако, они очень постарались!

Ей было дурно.

Несмотря на холод, проникающий в окна, она обливалась потом.

Она всматривалась в его лицо, на котором не читалось ни малейшего признака жизни, одно лишь слабое дыхание говорило о том, что он еще не умер. При помощи ножниц она как могла подстригла его бороду, и решила, что теперь пора переносить его в комнату.

Когда она постаралась его перетащить, он издал глубокий стон. И ей стало ясно, что он снова испытывает боль.

— Мне нужно вас перенести, — объяснила она, надеясь, что он поймет ее слова.

Но он снова потерял сознание, издав тяжелый хрип. Когда она наконец дотащила его до постели и поднесла к его губам зеркало, то решила, что он вздохнул в последний раз.

Она не знала, стоит ли располагать его близко к огню. С одной стороны он рисковал простудиться, с другой — умереть от ожогов, как несчастный король Испании, который будучи больным, не смог найти никого, кто бы отодвинул от него жаровню, потому что по этикету этого никто сделать не мог.

А ведь несчастный и так обгорел.

Шарль-Анри подал ей идею.

— Мы должны положить его в нашу кровать. Здесь всегда тепло. Положите его на один край, нас — на другой, а сама, посередине, вы сможете ухаживать за всеми нами одновременно.

— Ты прав, мой мальчик.

На этот раз она согласилась с ребенком. Он помог ей уложить священника на край кровати, держа его изо всех сил за ноги. Они предприняли несколько попыток, а несчастный стонал.

Наконец, он был уложен, и она облегченно вздохнула при виде того, что он находится в убежище, в котором он либо сможет поправиться, либо достойно отдать Богу душу.

При помощи нагретых камней, обернутых в шкуры, она сделала грелки для того, чтобы поддерживать в тепле несчастного священника и поддерживать его силы. После того, как он поборол кому, ему нельзя было снова погружаться в состояние летаргии, которая стала бы для него смертельной. Ход его выздоровления должен был бы привести к возвращению сознания, и это поставит его в ряд живых. На подушку, наполненную травами, она натянула свежее белье. Ночью она сможет смачивать его губы, давать ему питье, следить за температурой, облегчать его страдания, менять компрессы, смазывать болезненные раны целебной мазью.

Положив его на кровать, она отдохнула и потом подстригла его волосы. При этом она обнаружила следы

выстриженной тонзурки, что свидетельствовало о том, что это все-таки был священник.

Затем она промакнула его виски и затылок медицинским уксусом.

Она понимала, что такая забота, которая для нее была привычным и нормальным занятием с самого детства, сближает ее и ее подопечного. Хотя он и был незнакомцем, но она испытывала к нему чувства, похожие на те, которые питает мать к своему ребенку.

Она старалась не забывать, что он — отец д'Оржеваль, их враг и убийца, но она знала, что ничего так не роднит чужих людей, как забота и помощь врача больному.

Она с самого начала пыталась бороться против привязанности, возникающей между ними; с ее стороны из-за старания вылечить его, с его — из-за его зависимости.

Когда пришел вечер, она уложила детей, приготовила лекарства на ночь, проверила очаг, и никак не могла решиться на то, чтобы лечь рядом с этим неподвижным телом. Она спрашивала себя, мучимая вопросами:

«Что я должна делать? Имею ли я право?.. Что называется в наше время человеческим долгом?.. Я за ним ухаживаю... Но кто он такой?.. Самозванец?.. Или действительно наш враг?.. В обоих случаях — это опасно... Я спасла Амбруазину. Я вырвала ее из рук людей, которые хотели убить ее. И таким образом я позволила ей и дальше совершать преступления. Я подвергла свою дочь опасности!..»

Она поставила распятие священника на камин и глядела, как отблески огня играют на гранях рубина.

— О, животворящий крест Божий, прости меня, — сказала она вслух. — Я знаю, что только ты — источник Чуда.

* * *

Ночь прошла спокойно. Наутро она проснулась, уверенная, что все, что случилось в предыдущие дни — плод галлюцинаций. Но он был рядом, что обрадовало и напугало ее. Ибо она не могла забыть, что обязана спасением детей его появлению.

В первый же день, когда она увидела, что малыши уже всю бегают по дому, она решила вывести их на воздух.

Солнце сияло. Его лучи с трудом проникали через заснеженные окна. Но догадываться о его сиянии было недостаточно. Нужно было почувствовать ласковое прикосновение его лучей. Ибо Анжелика знала, как целительно влияет солнце на разного рода болезни, как хорошо оно помогает ослабевшим. Жоффрей рассказал ей, как в детстве, после того, как крестьянин вернул его, избитого, истерзанного мальчика, матери, после того, как вынес из кровавого побоища, в котором погибла его кормилица, мать посадила его на террасу дворца в Тулузе. Он провел там годы, предоставленный лучам бога Фебуса и восстановил здоровье.

Она вывела их на платформу на крыше, и там они стояли, освещенные золотым светом, щуря глаза, не привыкшие к такому сиянию, покрасневшие от дыма и постоянной темноты.

Но холод подкашивал их силы. Шарль-Анри хотел сказать что-то, но не смог; мороз сковал его, и он так и остался стоять с открытым ртом.

Анжелика поспешила вернуть их в теплую комнату. Она разожгла большой огонь в очаге и поставила большой котел с водой. Детей она уложила в кровать и дала теплого питья с медом, который обнаружила среди других даров индейцев. Потом она принесла горячей воды и наполнила деревянный чан, в который окунула малышей.

Они тут же порозовели и оживились, что-то лепеча. Близнецы принялись о чем-то рассказывать, размахивая

руками и разбрызгивая воду.

Анжелика не могла понять их детского языка, только некоторые слова: корабль, птица, не надо! не надо!

— Что они говорят? — спросила она у Шарля-Анри, для которого этот язык был вполне понятен, и который слушал детей, покачивая головой.

— Они говорят, что воды еще не схлынули, и не надо выпускать голубку, как в Ноевом Ковчеге!.. Я рассказал им, что мы находимся в Ноевом Ковчеге. Им это очень понравилось. Но они говорят, что еще не время выпускать голубку, потому что на улице очень холодно... О! Мама, это правда. Ей негде будет сесть. Она не сможет летать. Смотрите, они машут руками, чтобы показать, что она не сможет летать.

В это время Раймон-Роже с шумом плюхнулся в чан, и сестра тут же повторила его трюк.

— Видите, они показывают, что она упала бы как камень...

Шарль-Анри повернулся к кровати и крикнул:

— Мертвый дядя, правда еще не время выпускать голубку?

— К кому ты обращаешься?

— К мертвому дяде... Я часто с ним разговариваю, пока вы готовите еду или ищете дрова.

— И он тебе отвечает?

— Нет, но он все слышит.

* * *

Потом температура упала еще, и снова разразилась буря. Холод был таким свирепым, что даже снег не смог выпасть. Это был сухой ураган, с северо-восточным ветром, который канадцы называют «врагом человека». Этот ветер прилетел с Полюса, и обрушился на поверхность земли, вырывая с корнем деревья, «срезая» кустарники и унося целые дома и вигвамы вместе с обитателями.

В этом году зима была такой суровой, что даже медведи замерзли в своих берлогах, что вообще случается крайне редко.

Иногда Анжелика боялась, что ветер разрушит их жилище или сорвет крышу, но, к счастью дом был построен на славу, глубоко вкопан в землю и в скалу.

Она перенесла в общую комнату запас дров, он занял добрую четверть площадки. Теперь ей не надо было выходить, и все они провели долгие дни, кутаясь в меха, лежа на кровати. Она давала детям и больному теплые отвары, и особенно липовый и мятный, чтобы они лучше спали. Вставала она лишь для того, чтобы поддерживать огонь и готовить еду.

Детей, казалось, не пугал шум ветра за стенами. Ветры севера были для них чем-то вроде няньки, которая укачивала и убаюкивала их. Она же всегда была начеку: то она прислушивалась к вою бури и боялась, что она разрушит жилище, то следила, чтобы угли не выскакивали из очага на пол.

Ей надо было перебинтовать раненого, а это было трудным и неблагодарным занятием.

Он оставался без движения и без сознания.

В некоторые моменты она чувствовала, что он находится где-то очень далеко, в тех местах, где он мог восстановить свои силы. А в другое время ей казалось, что он неумолимо приближается к последней черте.

«Он угасает», — думала она в течение нескольких дней.

Мало-помалу он стал отказываться от пищи. Она стекала по его безвольным губам. Анжелика от этого расстраивалась и раздражалась. Во-первых, непозволительно было тратить драгоценную пищу таким образом, во-вторых, этот симптом указывал на то, что он теряет рефлекс выживания.

Она говорила с ним тихонько, нежно и убедительно, она знала, что подсознание может быть затронуто при

помощи простых звуков, ассоциацией и слов, которые вытягивают человека из апатического забытья. Она разговаривала с ним как с ребенком, стараясь подобрать самые интересные моменты бытия, чтобы пробудить в нем снова жажду жизни.

— Надо жить, отец... это долг. Господь требует этого! Откройте рот!.. Постарайтесь проглотить! Сделайте усилие... Во имя Господней любви!.. Во имя любви Пресвятой Девы!

Своими словами она не добивалась ничего. Иногда он казался еще более бесчувственным, чем в момент, когда он появился у нее.

Однако раны на его лице и теле помаленьку затягивались.

В первый раз она заметила, что это даже были не ожоги, а колотые и резаные раны, которые вскоре покрылись коркой запекшейся крови. А когда корка отвалилась, то оказалось, что шрамы затягиваются, исчезают, и кожа становится чистой. Уже можно было различить черты лица, и Анжелика увидела, что священник был по-своему красив. «Красота Христа», мужественная и суровая, — вот как отзывались восторженные благочестивые дамы о своем исповеднике — отце д'Оржеваль.

Глава 54

Спустя шесть дней буря утихла, и установилась благословенная тишина. Это совпало с днем, когда Анжелика увидела прекрасный сон. Впервые она позволила себе ослабить внимание, интуитивно чувствуя, что теперь сделать это возможно. Она спала как ребенок, во сне помня, что накануне ей приснился кошмар, что она и ее дети попали в черную дыру, над которой беснуется буря.

А теперь она, опершись на руку Жоффрея, гуляет с ним то ли по лесу, то ли по парку. Дорожки там посыпаны гравием и расчерчены, и она ступает по ним

ножками, обутые в расшитые розовой нитью и серебром туфельки.

Она опиралась на руку Жоффрея и чувствовала рядом с собой его тело, его тепло, его запах. Она видела, как горит в его взгляде обожание, она чувствовала нежность его губ, касающихся ее лица.

Он обнял ее за плечи и указал на светлый замок вдали. На фоне леса он казался сделанным из меда.

Анжелика вспомнила, что перед тем как выйти на улицу после пробуждения, она увидела на окне белую голубку из Ковчега.

Она спросила:

— Здесь есть голубятня?

— Да, есть.

Она была так счастлива, что ей показалось, что она попала в волшебную сказку, хотя вокруг все было реальным.

— Это наш дом? — спросила она.

Рука Жоффрея обнимала ее за плечи, и она слышала его голос:

— Я построил для вас много дворцов и домов... Но это — подарок короля!..

Тут она почувствовала, как когти грифа впились в ее запястье, а она не смогла даже закричать. Откуда взялся гриф в Париже?.. Он хотел схватить голубку?

То, что держало ее за руку, было человеческой рукой.

Человек, которого она знала, наклонился над ней, почти касаясь ее лица и повторил:

— Там лось!.. Проснитесь, мадам.

Властный голос вытаскивал ее из ее сна, из ее забытья.

— Вставайте! Вставайте! Там лось. Нужно его подстрелить. Это даст вам мясо, которого хватит до весны...

Анжелика резко приподнялась на кровати. Сердце ее билось, глаза еще не освоились с настоящим светом, а не призрачным, и она спрашивала себя, что за человек, заросший бородой, находится перед ней.

Он все повторял.

— Подстрелить его... у вас будет мясо до конца зимы.

Она начала машинально одеваться. Затем взяла мушкет, порох и пули, потом внезапно повернулась к кровати.

— Что вы там придумали? Как это вы узнали, что там дичь, лось?

— Я достаточно прожил в плену у ирокезов, чтобы почувствовать приближение дичи... Торопитесь! Чего вы ждете?.. Нельзя давать ему уйти...

— Вы бредите...

— Нет! Я знаю... Пожалуйста, быстрее.

Тогда она подумала, что жизнь играет с ней забавные шутки. Вот впервые за долгие месяцы она разговаривала с человеком.

Он был действительно здесь.

Он действительно был жив.

Он действительно был отцом д'Оржеваль. И они спорили по поводу мяса, по поводу пищи, от которой зависела их судьба, словно индейцы.

— Торопитесь! Торопитесь! Чего вы ждете?

— Я не могу выйти. Там слишком холодно, а я слишком слаба.

Она прислонила мушкет к стене, потому что устала держать его.

— Вы не верите, как я вижу, — сказал он гневно. — Однако жизнь — там, снаружи... Вы должны выйти.

Она старалась поверить. Она была готова поддаться иллюзии, миражу. Но каждый этап этого предприятия казался ей невыполнимым. Как выйти? Сможет ли она

подняться на крышу? Надеть снегоходы? Двигаться в снегу? Она упадет, умрет одна...

И никто не придет на помощь.

— Если я упаду, никто не придет... дети умрут.

— Подойдите.

Тот же знакомый и незнакомый голос приказал: «Подойдите!»

Он делал ей знак с кровати.

Она послушалась, неуверенная, что этот приказ исходит от него, подозревая, что этот полу-мертвец сошел с ума, но не будучи в силах послушаться.

Он протягивал к ней свои худые руки, которые с трудом могли двигаться, он приказывал ей встать на колени перед кроватью. Потом он прижал ее голову к своему плечу и произнес над ней:

— Вы сможете это! Вы всегда побеждаете! Лось — это мясо для вас и ваших детей! Вы должны его убить! Вы это сможете...

— А если я промахнусь?..

— Вы не промахнетесь. Разве не правда, что вы прекрасно стреляете, мадам де Пейрак? Лучше любого стрелка... Выиграйте! Выиграйте еще раз, мадам де Пейрак.

Внезапно она встала, охваченная каким-то суровым порывом. Она пошла в зал. Она решила выйти на платформу. Оттуда она сможет осмотреться.

Ночь была холодной, но светлой из-за сияния луны. Маленькие звездочки сверкали на небе. Под небесным сводом все было либо светлым, либо черным. Белым был снег, черными — лес и кустарники вблизи дома.

Она осмотрелась. Вначале она не заметила ни малейшего движения, ничего, что могло бы напомнить собой дичь. Она чувствовала, что ее ресницы покрываются инеем. Она сделала круг по платформе, оглядывая все стороны. Никого. Но ей не хотелось уходить, не попробовав всего, что можно было сделать.

И тут она увидела, что в тени деревьев скрывается тень. Потом, осторожно покинув убежище, появилось животное. Анжелика различала его силуэт, потом появился второй, поменьше.

— Двое! Их двое! Самка и детеныш!

Надо подстрелить самку. Потом, быть может, удастся свалить и теленка. Она подошла к бортику платформы. По ее лицу текли струйки холодного пота. Язык стал сухим, горло першило. Она взяла горсть снега и запихнула его в рот. Боль принесла ей шок и вместе с тем была благом. Теперь она стала в состоянии спокойно и хладнокровно размышлять. Надо, чтобы жесты ее были размеренными и спокойными.

На этом расстоянии она сможет подстрелить дичь. Но животное, чем-то испуганное, вдруг помчалось к лесу. Детеныш постарался догнать мать, но не смог и остановился. Анжелика решила попробовать убить его.

Внезапно взрослое животное вернулось... Анжелика приготовилась, но для этого ей нужно было сменить позицию, она сняла палец с курка, чтобы поудобнее прицелиться и выстрелить. Оказалось, что кожа примерзла к железу, и она оторвала кусочек мяса. Но боль не обожгла ее — слишком близка была цель!

Она хотела дать лосю подойти поближе к форту, чтобы стрелять более уверенно. Но он остановился и стал нюхать воздух. Она не стала ждать, что ее добыча снова убежит, и выстрелила.

Она прицеливалась, собрав все силы, но когда она взглянула в ту сторону, где стояло животное, то увидела, что оно по-прежнему стоит на том же месте. Потом лось упал. Дернув всем телом, он застыл.

Радость охватила Анжелику. Она спрыгнула через ступеньки вниз и закричала:

— Есть! Есть! Я подстрелила его!

Она бросилась к изголовью кровати, плача и смеясь, прижимая к себе руки больного.

— Есть! Есть! О, мой дорогой отец, спасибо. Мы спасены! Мы спасены!

— Вы принесли добычу?

Он отталкивал ее, и она почти упала.

— Вы принесли животное?.. Нельзя оставлять его на съедение волкам!..

Она издала крик. Это был крик протеста, боли, возмущения.

— Ах! Вы не даете мне передохнуть... Волки, говорите вы?.. Волки?.. Бог мой!..

— Если они появятся, то не оставят ничего... Поторопитесь же, глупая женщина! Они недалеко, я слышал их!

Не! Она не сможет! Она все сделает завтра!

— Торопитесь! Торопитесь!.. — повторял он. — Подумайте о волках... Возьмите факел, это лучшее оружие. И двуствольный пистолет. Еще возьмите какую-нибудь ткань и веревку, чтобы перетащить добычу. Идите! Идите!

— У меня не получится.

— А ну, давайте, говорю я вам. Время не ждет.

Двуствольный пистолет? Ни один не действовал.

В зале она занялась факелом. Но мозг ее был поглощен другими проблемами, несоответствовавшими данному моменту. Теперь она успокоилась.

Она часто спрашивала себя в последнее время, по-прежнему ли она ненавидит иезуита, который причинил им столько зла. Теперь она знала: она ненавидит его еще сильнее.

Потом она задумалась: с ее стороны было непростительно глупо поддаваться истерическому восторгу в то время, когда волки спокойно могут уничтожить дичь.

Придя в себя, она стала продумывать этапы предстоящей операции. Первым делом надо открыть входную дверь. Безусловно, она не сможет втащить

лося через платформу. Был только один выход — принести добычу через дверь.

Она без промедления принялась действовать. К счастью ее усилия, когда она очищала от снега вход, принесли свои плоды. Петли и замок работали отлично, потому что она их смазала жиром. Несколько ударов ледорубом, и дверь открыта. У порога она увидела сани, на которых индейцы привезли отца д'Оржевала.

С факелом в руке, держа мешок с тканью и веревками, таща за собой сани, она отправилась в путь. Она бежала, освещая себе дорогу и громко крича. Она не надела снегоходы, да в этом и не было необходимости: поверхность равнины была покрыта крепким слоем наста.

Самка лося по-прежнему была на месте. Около нее топтался детеныш, не решаясь оставить мать. Анжелика положила факел и, хорошенько прицелившись, выстрелила. «Двое, — подумала она, увидев, как он упал возле матери. — Теперь мы продержимся до весны».

И тут она услышала легкий шум, похожий на шепот, за своей спиной, и, обернувшись, заметила волков, выбегающих из леса.

От выстрела они приостановились, но затем возобновили свой бег. Это было похоже на волну серой пены, которая катилась к ней, и она видела желтые огоньки в их глазах. Но их появление не испугало Анжелику.

— Слишком поздно, дорогие друзья мои, — сказала она им. — Мясо — это моя добыча.

Она снова взяла факел. Потом перезарядила мушкет и положила его рядом с собой.

Продолжая следить за зверями, она принялась толкать, тянуть, пихать на сани грузное тело лося; это было довольно трудно, потому что холод уже приморозил животное к земле. При помощи топора и

ножа ей удалось отделить свою добычу, потом она перевязала конечности лося, укрепила сверху тело детеныша и установила на санях факел. С мушкетом наперевес, она потянула сани, и ей удалось сдвинуть их с места. Она почти бежала, чувствуя, что волки устремились вслед за ней. Волки не подходили слишком близко, боясь факела. Но этот верный друг чуть было не подвел Анжелику. Что-то разладилось, и факел стал постепенно наклоняться к земле: ей пришлось остановиться и вернуться назад, чтобы подхватить его и не дать погаснуть.

Причиной его падения послужило то, что тело детеныша соскользнуло с саней, и Анжелика заметила его в десяти шагах от себя.

Она чуть было не опоздала. С факелом в руке она устремилась к теленку, чтобы подобрать его и снова взвалить на сани, но споткнулась и упала. Когда она поднялась, волки были совсем рядом, с другой стороны от животного, готовые в любую минуту вцепиться в его тело.

Она взмахнула факелом и крикнула: «Назад! Назад!»

Но они не думали отступать. Лапы их были напряжены, загривки вздыблены, они переступали лапами на одном месте. И когда она наклонилась, чтобы взять детеныша за ногу и тащить к саням, она увидела почти а уровне своего лица глаза волков, которых так любила Онорина. Они показались ей менее блестящими, похожими даже не на собачьи, а на человеческие, в них стояла мольба и грусть. Она увидела, как они истощены и как их мало — около десяти. И все они, как и она были охвачены той же болезнью, грозящей смертью, что и она — голодом.

В них не было злости и суровости. Это она была более сурова, не желая ничего оставить им.

«Я оставлю им детеныша, — подумала она. — Я должна это сделать. Я должна».

Она стала отступать отползая на коленях, медленно, с факелом над головой, стараясь сохранить между собой и волками безопасное расстояние.

— Я оставлю вам детеныша, — выкрикнула она.

И на этот раз они даже отпрыгнули назад при звуках человеческого голоса, который раздавался на удивление чисто, звонко и величественно в ледяном воздухе. «Я оставляю вам детеныша... потому что вы голодны... и потому что вы — мои братья... братья».

«Голод, голод, голод!.. Братья, братья, братья!..» — повторяло эхо. Она подобралась к саням и осталась на коленях, что было гораздо опаснее, чем стоять на ногах.

Она хотела видеть их глаза, потому что пока она смотрела в них, волки не сдвигались с места. Когда она выпрямилась, то увидела, что звери набросились на добычу.

Тем временем Анжелика впряглась в кожаные лямки с удвоенной энергией. Теперь ей надо было бежать по склону вниз, и сани передвигались легко. Вдруг, уже почти у цели, упал факел, который был плохо прикреплен, и погас. Она решила не останавливаться. Она летела.

В темноте вырисовывался силуэт форта. Но теперь возникли новые трудности. Вблизи от жилища были рытвины, она споткнулась и упала. Сани перекошились, ноша стала падать. Она кое-как постаралась закрепить ее, ледяными пальцами перевязывая узлы.

Наконец она добралась до порога. Ее интересовало, не побежали ли за ней волки, и когда она обернулась, то увидела за спиной одного, самого большого, самого худого и слабого. Он смотрел ей в глаза, пока она старалась отворить дверь и впихнуть туда огромную тушу лося.

Она пыталась открыть дверь, не имея времени взять в руки мушкет, она дергала эту дверь, а она не поддавалась, а волк смотрел на нее.

Фантасмагория! Еще долгое время воспоминание о волке с удлинённой мордой и грустными человеческими глазами, полными интереса к ее действиям, будет согревать ее. Она вспомнит, что бормотала заледеневшими губами: «Я умоляю тебя! Я умоляю тебя!..»

Она расскажет детям, что это затерянных краев Вапассу пело: «Мы братья... братья... братья!..» Она со смехом будет вспоминать, как она втаскивала неправдоподобно огромное тело лося в форт, словно как в книге о Гаргантюа. Они будут хохотать, хлопать в ладоши, издавать пронзительные крики триумфа.

— Дети мои, лось здесь, — сказала она. — Он в зале форта. Двери закрыты. Ни волки, никто другой не могут нас устроить. Теперь у нас есть мясо. Мяса хватит да весны!

— Я отдала его волкам, — объяснила она смущенно, — я отдала им детеныша!..

Больной посмотрел на нее насмешливо, как ей показалось, словно считал ее волнение ребячеством.

— Утром пойдите взгляните, не оставили ли они копыта. Из них получится прекрасный суп, очень питательный... Теперь нужно разделать тушу... Не надо ждать, — сказал он нетерпеливо, словно предчувствовал бунт. — Нужно вырезать внутренности, отрезать язык, желчный пузырь и мочевой пузырь. У вас есть большой кожаный передник?

В течение оставшихся часов этой долгой ночи он продолжал руководить ее действиями. Она разожгла большой огонь в большом зале, расставила всю имеющуюся посуду — котлы, тарелки, блюда. Она спросила: «А что дальше делать?»

Он сказал:

— Возьмите пилу, топор, нож. Разделяйте.

Больше всего ее удивило, что это оказалась не самка, а самец.

— Как могло оказаться, что это не самка?

— Потому что это самец, — отвечал он с прежней насмешливой гримасой.

Он был безжалостным по отношению к ней, несмотря на ее нечеловеческую усталость.

— За ним бегал детеныш.

— Это был не маленький лосенок, а молодой, просто он похудел и выглядел много меньше, чем взрослый.

Он давал ей четкие указания, как надо вытащить сердце.

— Сердца нет, его разорвало пулей.

— Вы целились в сердце?

— Да.

— И попали с первого выстрела?

— Да.

— С какого расстояния?

— С расстояния выстрела.

Все та же гримаса иронии.

Она не знала, когда начался день. Она поняла, что уже утро, только тогда, когда перед ней возник Шарль-Анри и предложил помочь, в то время как близнецы, одетые в чистое платье, уже всю возились среди кусков мяса, проявляли пристальный интерес к ушам и глазам, прикрытым мохнатыми ресницами. Они не были так же сентиментальны, как Онорина, которая сказала бы: «Бедный лось!»

— Может быть вы предоставите мне немного времени, чтобы я могла заняться детьми и приготовить им бульон? — крикнула она своему мучителю.

Он проверил, положила ли она основные куски мяса на холод, предварительно завернув их в кожу, и наконец согласился на то, чтобы она прервала работу.

Но теперь он принялся диктовать ей рецепт бульона, это был рецепт «тети Ненибуш», и она начала смотреть на него как на ненормального.

Или это она сходила с ума от того, что вдыхала пары крови и внутренностей. Она была утомлена и очень возбуждена.

Она дала детям питье, и ее счастье было так велико, что она забыла об уставших мускулах и часах волнения. Она тоже попила, и тут ей показалось, что она сейчас упадет в обморок от блаженства. Она и для него приготовила кружку божественного теплого мясного отвара и принесла ему. Поддерживая его голову, она дала ему выпить бульон. Он молчал. Она подумала, что разделив лося, разобравшись с детьми, она должна сделать ему компресс.

— Мальчик позаботился обо мне. Я могу подождать. Отдохните, мадам.

— В самом деле? Вы разрешаете мне отдохнуть?.. Я такого и не ожидала от вас при вашей доброте, — ответила она иронично.

Она пошла к очагу, почти одурманенная теплым питьем, и она была рада своему состоянию, потому что это сама жизнь возобновлялась в ней. Это был знак того, что смерть на заполучила их. О! Спасибо вам, иезуит! Дорогой посланец ночи и ирокезов. Теперь жизнь входила в нормальное русло. Ее движения приобрели уверенность. Это были жесты человека, которому есть чем согреться и чем насытиться.

Она посмотрела в сторону кровати. У него были очень яркие голубые глаза. Это были два чистых огня, которые еще недавно были скрыты серой пеленой. Голос его, прежде далекий, слабый и неуверенный, окреп.

— Я думаю, что должен перед вами извиниться, мадам, за то, что не достаточно галантно вел себя. Но дичь была у дверей. Каждая секунда была бесценной.

— Но это еще не было поводом для того, чтобы оскорблять меня, как вы это сделали. Вы и стали причиной нашего несчастного состояния, вы, который даже после смерти преследовали нас и разрушали то, что мы построили, вы, кому мы обязаны потерей ВСЕГО, о чем мы мечтали и чему мы принесли столько жертв.

Она перевела дух, и поскольку он молчал, она вновь дала волю своему гневу:

— Вы что же думаете, мне было легко втолкнуть в дом эту громадину? Да я не смогла бы ее дотащить до жилья... А как ее впихнуть внутрь? Через крышу? Я могла бы упасть с нее... И дверь была закрыта... А кто бы мне помог? Может быть вы? Или эти слабые дети?.. Вы же ничего не знаете!.. Вы отталкиваете меня. Вы — это гордость, эгоизм, презрение. Вы что же думаете, мне очень приятно перевязывать одну за другой ваши раны и всеми возможными способами возвращать вас к жизни, вас, кто причинил мне столько бед, столько неудач, столько катастроф?! И вы еще обвиняете меня в пресыщенности?! Ах! До чего же вы не любите женщин!

Она увидела, как он побледнел, и взгляд его потух, но она не могла остановиться. Пришло время ему услышать правду из ее собственных уст. И тем хуже, если он снова станет похожим на труп, он таков и есть.

Когда она замолчала, заговорил он.

— Вы правы, мадам. Я должен перед вами извиниться тысячу раз. Жизнь у дикарей делает человека жестоким и грубым, и вся грязь и мерзость, которые прячутся в глубине человеческих сердец, проявляются у того, у кого недостаточно сильная душа, чтобы противостоять падению. Простите меня, мадам.

Он несколько раз повторил эти слова тоном настойчивой мольбы и затем замолчал.

Это внезапное самоуничижение внезапно притушило ее гнев и она почувствовала в себе пустоту

и полное отсутствие сил. Она оперлась о стену, ощущая слабость.

— Я не знаю, что нашло на меня, — призналась она. — Я сама не понимаю, почему я так кричала и потеряла голову после того, как убила лося... Я словно сошла с ума... Но я не знаю, случилось ли это из-за радости, из-за признательности к вам, из-за опьянения победой...

— Наши тела слабы и не могут противостоять течениям, которые нас несут, — сказал он.

— Есть такие вещи, которые происходят внезапно и не могут быть ничем объяснены. Безумие обрушивается на нас, когда мы побеждаем, не будучи готовыми к победе. Я не была готова пережить столь бурный момент, — сказала она с бьющимся сердцем.

— Человек всегда готов к тому, что он ждет, но внезапные события застают его врасплох.

Он стал говорить тише.

— Бог свидетель тому, что я не был готов к такой жизни как моя. Все было внезапным.

Похоже, такая долгая откровенная речь истощила его силы, он снова замолчал.

Она видела, как он побледнел, как сомкнулись его тонкие веки, как заострился нос, и она поняла, что все усилия, которые он приложил, чтобы помочь ей в истории с лосем, отняли его последнюю энергию. Он отдал все. Он произнес последние слова: простите меня. И теперь он умирал.

Это было для него ужасным ударом. Он умер. На этот раз он действительно умер.

Она упала на колени возле кровати, охваченная отчаянием, которое свело на нет всю радость победы.

«Мясо до весны».

Снова она оставалась одна. Он умер. Она снова одна с детьми.

Она приложила лоб к безвольной руке и горько разрыдалась.

* * *

Бормотание детей вернуло ее к реальности. Она так крепко спала. Сначала не могла понять, где она находится. На ее плечах лежала меховая накидка. Она заснула на коленях, уткнувшись лицом в руку мертвеца.

— Кто накинул мех на меня? — спросила она Шарля-Анри, который стоял рядом.

— Он! — сказал мальчик, указывая на лежащего священника.

Значит он не умер. Его выздоровление и угасание — это было невыносимо.

Наконец она спросила себя, не воскресал ли из мертвых этот человек для того, чтобы снова умереть и снова воскреснуть?

Его восковая рука была похожа на руку мертвеца. Она рассмотрела ее. Это была тонкая длинная рука, которая принадлежала аристократу, несмотря на изуродованные пальцы. Рука была ледяной. Она даже не согрелась от тепла ее лица.

— Почему вы плакали? — раздался голос.

— Когда?

— Прежде чем заснуть.

— Потому что я думала, что вы умерли.

Она отвечала этому голосу, будто бы говорила с привидением.

Но она почувствовала, как задрожала рука, которую она держала в ладонях, и он воскликнул:

— Так вы жалели о моей смерти? О моем конце? О смерти вашего врага?

Она не двигалась, не отдавала себе отчета, прижавшись щекой к его руке.

«Какой он сильный!» — думала она, вспоминая миг, когда он произнес: «Подойдите! Идите сюда! Ближе!» И как он сжал ее голову и прижал к своему плечу. Он передал ей последние силы и помог ей подняться, выйти на улицу и убить лося.

Она долгое время оставалась на коленях, словно погрузившись в забытие, затем, подняв голову, она улыбнулась. У нее сложилось впечатление, что его разбитые запекшиеся губы ей также отвечают улыбкой. Теперь мир стал возможным.

Глава 55

Теперь она признала, что он — отец д'Оржеваль, которого объявили мучеником, погибшим у ирокезов два года назад. В это поверить было очень трудно. Прошрое воздвигло преграды — ситуации и картины, и вот все это рассыпалось в прах перед лицом реальности, потом вновь возникало. У больного поднялась высокая температура. Она стала осматривать тело и обнаружила, что одна нога у него раздута, а кожа покраснела. Ужас перед страшной гангреной охватил ее. При этом было только два выхода: смерть или ампутация.

— Нет! Нет! Я не смогу!

Да, она сумела разделать тушу лося, но отпилить ногу у живого человека, нет! Этого она сделать не сможет!

Она снова обрела внутреннюю силу.

Он должен жить. Они тоже. Слишком много знаков было подано им. Она бросилась лечить его всеми средствами, какие у нее только были.

Гангрена перестала прогрессировать. Но температура не спадала. Он беспокойно ворочался, стонал и, мотая головой, кричал: «О! Пусть она замолчит!.. Пусть она замолчит!..» и все время бормотал слова на наречии ирокезов.

Когда температура упала, он снова потерял признаки жизни, и Анжелике показалось, что он умер.

Она не могла понять и мучилась от мысли, что если это действительно отец д'Оржеваль, то как индейцы могли привезти его в таком состоянии тела и духа.

Болезнь, которая терзала его, была еще страшнее, чем физическая боль. Она хотела бы стереть следы его мучений, сделать его тем, кем он был раньше, — великим, неустрашимым и непогрешимым отцом д'Оржеваль, который вел в бой своих людей под расшитым знаменем, который склонялся перед алтарем, молился, ненавидел женщину, потому что встречал лишь недостойных грешниц и считал их посланницами зла. Но он страдал от предательства друзей, который знал все, вел тысячу интриг и готовил зеленые ароматные свечи с воском и ягодным отваром.

Однажды утром, когда она причесывала детей и рассказывала им истории, она почувствовала, что он смотрит на нее, и, повернувшись к нему, она встретила с ним глаза. У него было странное выражение лица.

Ей показалось, что он вновь смотрит на нее насмешливо, и она не могла бы объяснить, что означает этот взгляд, но он снова возродил ее подозрения. Тот, кто лежал в кровати, был обманщиком, наверное, следопытом, изгнанником, пьяницей, который, чтобы спастись, украл распятие погибшего отца д'Оржеваля. Он смотрел на нее с сардонической усмешкой, и это было очень неприятно. Она не удержалась и бросила:

— Кто вы такой?

Услышав внезапный вопрос, он изменил выражение лица и выказал беспокойство:

— Я вам уже сказал. Я Оржеваль из Армии Господней.

— Нет! Вы не отец д'Оржеваль. Он был человеком вне всякого упрека. А вы!.. Вы достойны презрения. Вы украли его распятие, вы присвоили его имя, все... Вы — не он. Я это чувствую.

Она подошла к кровати и долго всматривалась в это странное лицо.

— Кто вы? Вы не священник, не святой мученик. Я разоблачу вас.

Она села на кровать, не сводя с него глаз. Она решила расставить ловушки и загнать его туда.

— Расскажите мне о вашей молочной сестре, — сказала она настойчиво.

Он показался ей обеспокоенным, словно ребенок, который боится неправильно ответить.

Она настаивала.

— Кто ваша молочная сестра... Ее имя начинается на А, как имя Дьяволицы... Разве вы могли бы забыть это адское создание? Амбруазину?

Он побледнел. Его взгляд потух, он отвернулся. Затем он ответил, запинаясь:

— Она... Она не моя молочная сестра... Она молочная сестра Залиля.

Он снова улыбнулся с непонятной иронией и продолжал:

— Однако, мать Залиля была и моей кормилицей до него. Старший брат Залиля, которого она кормила одновременно со мной, мой настоящий молочный брат, имел искривленные ступни... Я помню, что, лежа рядом со мной, он захотел меня убить. Потом мне рассказали, что я сам убил его, задушил в нашей общей колыбели.

Анжелика вздрогнула и вспомнила о словах Амбруазины, которые она любила повторять: «Мы — трое проклятых детей с гор Дофинэ».

Возвратившись к реальности, она живо возразила:

— Глупости! Вас убедили в этой байке, чтобы причинить вам зло. С самого детства вас окружали недостойные и жестокие женщины. С одной из этих милочек я сама столкнулась, с Амбруaziной. Но я совершенно не верю, что вы похожи на них.

— Смотрите-ка, как пылко вы меня защищаете... Но, может быть, вы правы. Чем необычнее рождение, тем суровее судьба.

— У вас были трудные цели и не без причин...

— Может быть, вы скажете яснее?

— Я плохо вас знаю. Точнее, я совсем вас не знаю. О вас ходит молва как о миссионере, воине, победителе, завоевателе новых стран во имя Господне и на благо королевства. Одухотворенный священник, несущий спасение душам, это — вы? Или это — лишь один из образов, подходящий для данного момента? Не примкнули ли вы к иезуитам, чтоб встать на ваш собственный путь?

— Который привел бы меня куда?

— Туда, где вы оказались в настоящий момент.

Он возразил.

— Нет, я не могу согласиться. Я не могу принять эту мысль, что столько ошибок и страхов, столько мерзостей составили мой путь, предопределенный Богом... Ваши рассуждения заражены ересью. Вы приближаетесь к Лютеру, который говорил: Грехи, но грехи сильно!..

— О! Не утомляйте меня, прошу вас! Я не в состоянии рассуждать о теологии. Догмы! Буква закона! Армии сражаются. Я просто хочу сказать, что нужно посмотреть другими глазами на вашу жизнь... под другим углом зрения... И хватит вам заниматься тем, что сказали Лютер, Кальвин и Святой Томас... Ибо никто не может определить, что есть грех, а что не есть грех.

Она говорила, не думая. Это был просто обмен словами, словно два сверкающих клинка скрещивались в ходе стычки.

Последние слова заставили его вздрогнуть, и она увидела, что в его глазах зажглись опасные огоньки, она не обратила на них внимания.

— Да! Да! Это так и есть, хоть вы и иезуит до мозга костей! И вам не удастся меня переубедить! Хватит разговаривать на такие мрачные темы.

Он лежал без движения какое-то время, закрыв глаза. Она спросила себя, не находится ли он снова в состоянии комы из-за ее противоречивых слов. Она пожалела, что была с ним слишком груба и недостаточно хорошо заботилась о его здоровье. Но когда она встала, чтобы дать ему отдохнуть, он взял ее руку, поднес к губам и прошептал:

— Будьте благословенны!

* * *

Далее наступил период спокойствия, не лишённого живости. Так под слоем золы тлеют угли, в любой момент готовые разгореться ярким пламенем.

Все было покрыто слоем снега.

И Анжелика потеряла счет времени, худо-бедно различая ночи, когда ей приходилось вставать и поддерживать огонь, и дневные хлопоты, которые она выполняла медленно. Приготовить еду, вымыть и причесать детей, сменить повязки раненому, накормить. День, почти такой же темный, как ночь, был короток. И она с удовольствием скользила под покрывала. Позже ей надо будет встать, чтобы еще раз накормить всех, затем она проходила за свою занавеску, чтобы прибраться и сделать прическу. Но сидя, она быстро уставала. Она снова ложилась в теплую кровать и погружалась в забытие.

Эта зима сделал их похожими на путников, оказавшихся на одном плоту, которые плывут по реке ночи и зимы в сторону весны.

Она проращивала зернышки риса и давала их детям, чтобы избежать цинги. Она давала их также и священнику, но он отказывался:

— Это для детей. Я — лишний рот. Почему вы спасли меня?.. Почему вы не съели меня?..

Все изменилось.

Часто она просыпалась по ночам и с удивлением замечала, что не испытывает прежней тревоги. Тогда

она прижимала к себе детей и наслаждалась спокойствием.

Отблески тлеющих углей наполняли комнату розоватым свечением. Присутствие мужчины перестало волновать ее, потому что она больше не ощущала в нем врага и знала, что он не умрет. Ее мучило раньше сознание того, что ко всем ее бедам прибавились ее страдания. Теперь она расценила бы кончину священника, как начало их гибели. Она поняла, что не хочет его смерти, потому что дорожит им. В молчании ночи она прислушивалась к его стонам: «Пить... Пить... Пусть она замолчит!..» И она успокаивала его тихими спокойными словами, с чувством сопричастности, которое объединяет слепых или потерпевших кораблекрушение, выживших и оставшихся на поверхности моря.

— Вы спите?

— Нет.

— Вам больно?

— Нет.

Однажды он ответил:

— Я не знаю... Давным-давно я забыл, что такое жизнь без страданий.

И он начал рассуждать менторским тоном, словно был на кафедре собора, о принципах, представленных в книге «Практика инквизиции», в одном из знаменитых произведений инквизиции, написанным Бернарелем, Великим Инквизителем Тулузы, в начале двенадцатого века. Он процитировал «слушание страдающего» — как метод пытки, использовавшийся широко. Там тоже, говорил он, словно обращаясь к ней, кровь не должна течь, чтобы приговоренный не умер сразу. Вот почему все инквизитора опираются на три основных вида истязания: колесо, дыбу и воду. А потом приходит очередь огня.

Вначале, думая, что он бредит, она позволила ему рассуждать, но затем прервала:

— Ну, хватит. Сейчас ночь, нам приснится кошмар от ваших рассказов. Давайте спать.

— Сейчас не ночь, а день.

Удивительно, но он различал время суток, мог определить, светит ли солнце, идет ли снег.

Это помогло Анжелике упорядочить их жизнь, разделить ее на дни и ночи, и даже на месяцы. День был предназначен для дел, и она могла успешнее сопротивляться сонливости, зная, что за окном — не вечерние сумерки, а дневной тусклый свет. Так дни сменялись ночами, недели составляли месяцы, а зима была в самом разгаре. Это был страшный период, мрачный и опасный, таинственный, как лабиринт, как подземелье. Настали дни, похожие на ночи, и они много спали. Анжелика интуитивно чувствовала, что ее поддерживают непонятные силы, которые помогают им выжить и спастись, и по отношению к которым она испытывала огромную благодарность.

«Хоть бы мы были счастливы!..» — говорила она себе.

Эти слова она вспомнит, когда будет думать об этих временах. Все имело свой смысл: жесты, молчание, слова и даже сон. Рассказы, признания, мнения, исповеди, споры, узнавание — все было наполнено новым значением.

«Я не хотела бы все это забыть», — говорила Анжелика, сомневаясь в своей ослабевшей памяти.

Она представляла себе, как будет сидеть солнечным утром у открытого окна с пером в руке и писать «Хроники плота одиночества», где два замогильных голоса, задушенных ночью и зимой, разговаривали под шум детской возни или потрескивание дров в очаге. Здесь прошлое переплеталось с будущим, судьбы, потрясения — все

слилось, и она спрашивала себя: «А я? Кто я такая?» Однажды Рут и Номи ответили ей на этот вопрос:

— Однажды тебе об этом скажут.

Для иезуита разворачивание этой хроники означало возвращение к здоровью, физическому и духовному. Время, проведенное в плену, оказало на его мозг такое же действие, какое могли бы оказать удары дубинкой по затылку. Он иногда, словно не думая, рассказывал о своих злоключениях, а иногда делился опытом, приобретенным у индейцев. Например, это касалось приготовления разного рода пищи.

— Ух, как колотила меня тетя Ненибуш, но кулинаркой она была отменной. Она знала по меньшей мере десять рецептов приготовления индейского хлеба.

— Кто такая тетя Ненибуш?

— Моя индейская хозяйка.

Вначале его возвращение к реальности было довольно странным. Он словно бы собирал воедино человека, разобранного на части. Внезапно он мог сказать:

— Мадам, не соблаговолите ли вы выслушать несколько историй о лосях?

— О лосях?

А Шарль-Анри тащил близнецов и заверял:

— Я люблю, когда он рассказывает такие истории о животных, мама.

Это было в тот день, когда Анжелика готовила похлебку из копыт молодого лося, которые она нашла возле форта. Там снег был вытоптан по кругу, внутри которого виднелись обрывки кожи, обломки костей, — следы пиршества. И вот он объяснил, почему в это время года невозможно встретить самку и детеныша.

— У него не было рогов, — вставила она.

— Самец теряет рога в декабре, и они начинают расти только к апрелю, пока не станут роскошным украшением, которое по осени послужит одним из

способов привлечения самки. Детеныш должен будет родиться не раньше, чем через восемь месяцев, так что невозможно встретить самку с детенышем в это время.

— Я совсем поглупела. Я и сама обо всем этом знала, но я была вне себя...

На вопрос, который она ему задала:

— Как вы узнали, что лось бродит возле дома?

Он ответил:

— А вы как узнали в ночь Епифании, что Отец Массера и его спутники умирают в снегу в нескольких шагах от вашего жилища?

Он знал о ней многое. Но не стоило видеть в этом чудо, потому что уже было известно, насколько переплелись их судьбы во время пребывания ее и его в Северной Америке.

Мало-помалу она начала выяснять «темные» стороны.

— Отец, — сказала она однажды, — в Квебеке имеется реликвия, считают, что палец святого, находящийся в специальном хранилище, принадлежит вам, и это еще ничего не доказывает, потому что очень часто канадцы, миссионеры и следопыты жертвуют индейцам фаланги пальцев, чтобы доказать силу христианской веры и преданность королю Франции. Но что касается вас, то речь идет о священных реликвиях. Ведь для всех вы умерли, отец, от мучений, причиненных ирокезами. Вас уже включили в список канонизируемых и вскоре в Риме вас утвердят. Как случилось, что слух о вашей смерти распространился так широко? Это ведь произошло более двух лет назад?

Он закрыл глаза и выдержал паузу, прежде чем ответить. Тон его был презрительный.

— Болтуны любят сочинять сказки.

— Тот, кто принес новость, не был болтуном в таком смысле, в каком вы это понимаете. Он показался мне очень серьезным и не расположенным шутить. Однако,

я собственными ушами слышала, как он утверждал: «Отец д'Оржеваль умер под пытками ирокезов. Я тому свидетель». И давай нам описывать ваши страдания и вашу кончину. Его сопровождал Таонтагет, вождь онондагов, он принес моему мужу вампум от Уттаке, вождя могавков, означающий: отец д'Оржеваль мертв. Я видела этот вампум и сама его расшифровала.

Иезуит привстал, и глаза его засверкали от гнева:

— Он сделал это! Он сделал это! — повторил он несколько раз, и она не поняла, идет ли речь о Марвилле или об индейцах. — Он осмелился!..

Он уставился на нее суровым взглядом.

— Что в точности означало колье-вампум?

— По правде говоря, мы сначала решили, что отец де Марвиль говорит правду. Но точное значение вампума было: твой враг больше не сможет вредить.

Она увидела, как он затрясся, и решила, что ему стало плохо. Но он хохотал.

— Правда!.. Ох, как это верно!.. Твой враг больше не может вредить!..

Он повернулся к ней, теряя силы и шепнул на ухо:

— Но это — ваша ошибка, ваша собственная ошибка. Вы ошиблись во всем!..

Такие взрывы язвительности напоминали ей, что перед ней действительно тот человек, который преследовал ее, который нападал на нее.

— Почему вы проявляете столько ехидства, когда дело касается меня, отец? Ведь вы не знаете меня... и до этого времени мы даже не встречались!..

— Нет, я вас видел!..

Таким образом подтверждалось одно из ее подозрений.

Догадываясь, на что он намекает, она почувствовала, что ни один, ни другой не в состоянии в данный момент коснуться этого происшествия.

* * *

Он с удовольствием рассказывал о своем детстве. Она сама просила его об этом. Ей было интересно узнать подробности тех лет, особенно об Амбруазине.

Темные годы детства, похожие на ночь и полные злодейства, проведенные в обществе сурового и опасного человека — отца, приучили детей к владению рапирой с самых ранних лет. Он был воспитан в среде ненависти к еретикам, в убийствах которых часто участвовал.

Он родился в среде демонических женщин, подверженных самым страшным порокам.

— Они все были как «Лилия», первая грешница, как женский образ зла.

Очень юная и прелестная, словно маленький ангел, Амбруазина была подвержена всем порокам и особенно порокам лжи и жестокости.

— И этот образчик порока вы отправили нам, чтобы достичь ваших целей: покорить ваших противников во Французской бухте!

Он снова насмешливо улыбнулся.

— Славная битва для прекрасных женщин!.. Она и не думала, что вы будете драться ее же оружием: хитростью и дерзостью. И вы победили.

— К сожалению, не окончательно! Ибо она еще жива. Она вернулась сюда, чтобы осуществить свои планы.

* * *

Но когда она принялась объяснять ему, каким образом развивались последние события, он проявил безразличие. Он не был уверен, что Амбруазина по-прежнему опасна.

Его память остановилась на первых эпизодах их борьбы. То, что происходило после его отъезда к ирокезам, его не интересовало.

Поскольку он вспоминал о Ломенье, который был его другом по колледжу, она спросила о событиях после

сурового Дофинэ, заставили его оказаться среди иезуитов в самой ранней юности. Он охотно рассказал.

* * *

— У меня был дядя, брат отца, епископ или каноник, я точно не помню, который так же ревностно охранял законы и догмы Церкви, как мой отец убивал еретиков.

Он изъявил желание видеть меня в каком-нибудь ордене, и напрасно отец объяснял ему, что я — единственный наследник. Не знаю, быть может, он таким образом претендовал на свою часть наследства. В течение двух дней они спорили, ругались, доказывали, пока не вмешался я сам. Я принял сторону духовника.

Сознавая, благодаря милости Божией, что все, что происходило со мной в доме родителей, было наполнено грехом и грозило мне физической и духовной гибелью. И вот я настоял на том, чтобы следовать за дядей. Так я попал в Клермонский колледж иезуитов в Париже.

Он часто рассказывал о своей дружбе в колледже с Клодом де Ломенье-Шамбор или возвращался к детским годам.

— Ребенок вспоминает о невыразимом. Экстаз дается Богом только ему, невинному созданию. Но как быстро наши мечты разлетаются в пыль и прах... Я часто находил тому подтверждение в обществе юного Клода де Ломенье-Шамбор, который на несколько лет меня моложе. Но позже наши пути разошлись.

* * *

— Они повредили мне что-то здесь, — говорил он, указывая на свой бок.

Она решила, что речь идет об ирокезах, но он имел в виду иезуитов.

— Они повредили, сломали, разбили что-то, из-за чего полная жизни ветвь превратилась в сухой обломок, не способный к весеннему возрождению... Дитя

природы — вот кто я был... Женщины легче переносят такие влияния. Они проще принимают свет и тень, гармонию и хаос. Даже тогда, когда я прибыл в Америку, чтобы присоединиться к моему другу Ломенье-Шамбор, я еще питал некоторые иллюзии. Америка! Я так надеюсь, что хоть здесь найду царство света!

Но и в Америке меня ждало разочарование. В этом языческом краю царство Христа, райское пламя, тускло и гасло.

И когда я узнал, что вельможа, который не зависел ни от английского, ни от французского короля, утвердился здесь, я стал бить тревогу.

Я навел справки о нем. Это был один из флибустьеров из Карибского моря. Но не это было самым страшным. Я чувствовал, что от него исходит угроза моей жизни, моему спасению.

— Уверю вас, что мой супруг, обосновавшись в Америке, не имел ни малейшего представления о вас. Напротив, он даже хотел встретиться с миссионером или еще каким-нибудь обитателем этого края, французом, англичанином, шотландцем, чтобы стать его союзником. Что касается меня, то в то время меня вообще не было во Французской бухте.

— По правде говоря, меня насторожило не только его появление, сколько мое собственное предчувствие, что все только начинается...

* * *

В этот день они больше не разговаривали на эту тему. Когда он притворялся, что не помнит чего-либо или путает факты, она понимала, что данная тема причиняет ему боль, что он может потерять сознание от болезненных воспоминаний. И тогда она просила его успокоиться и переводила разговор на какие-нибудь другие события.

Но им казалось, что вся жизнь — это болезненная тема.

Глава 56

— Но, однако, я добился того, что плотины не были прорваны, — заявил он внезапно. Затем последовал довольно длительный момент молчания, словно он потерял нить своей мысли или заснул. Он продолжал сдавленным голосом, монотонным, который иногда дрожал. — Впервые, когда прорвало плотины... это было одним осенним днем... я шагал по лесу. В то же время Ломенье должен был захватить Катарунк.

Он и я, мы действовали в согласии в войне против опасного для нас завоевателя.

Мы действовали не под началом Фронтенака, но это было далеко не в первый раз. Я торопил его начать кампанию, чтобы прибыть до «них», тех, кто ехал с юга с караваном... Клод должен был предать форт огню и затем подстроить засаду. Со своей стороны я должен был присоединиться ко второму военному контингенту, прибывшему из Трех Рек и Виль-Мари, а также из Ришелье. Гуроны и альгонкины во главе с лучшими из канадских военачальников, которые уже сопровождали меня в борьбе с еретиками из Новой Англии: де Л'Обиньер, Модрей, Пон-Бриан.

Я шел им навстречу, уверенный что подготовил все для уничтожения неугодных. Но шел я словно в кошмарном сне. Ибо мне доложили: «они» идут с лошадьми.

Я не знаю, почему, но эта деталь запала мне в голову. Я чувствовал, что эти люди, пришедшие сюда с лошадьми, со своими женами и детьми, не так-то легко дадут себя победить.

Предчувствия поколебали мою уверенность в том, что я хорошо подготовился к борьбе, несмотря на всю заботу, которую мы проявили, чтобы предусмотреть малейшие неудачи, я знал, что наша затея бесполезна.

Я словно раздвоился. Я двигался вместе с «ними» и их лошадьми, совершая беспримерный подвиг, и с Ломенье и его людьми, которые поджидали противника.

Лес горел. Я хочу сказать, что он горел перед моим мысленным взором. Красное и золотое — цвета осенней листвы — окружали меня словно огненным сиянием, а жар осеннего дня добавлял к моему ощущению дополнительные ассоциации пламени. Моя тревога возросла до такой степени, что, добравшись до озера, я остановился, потому что дыхание мое прерывалось.

...И тут-то я ее и увидел. Ее, «обнаженную женщину, выходящую из вод».

«Ну, вот», — подумала Анжелика.

Он замолчал.

Она не старалась прервать молчание... Она трусила. Ведь она так часто объясняла эту ситуацию, так часто защищала себя... Ведь любому позволительно в жаркий день искупаться в теплом озере, одном из тысячи озер, в непроходимой чаще, где в округе тысячи миль она не рисковала встретить ни единой живой души.

И вот за этим и последовала целая цепь событий, драм и сложностей, даже войн, которые рано или поздно случились бы.

Воля к тому, чтобы довести дело до желаемого результата и подсказало ему такую плоскую трактовку, он воспользовался ей, чтобы взволновать умы.

— Только не говорите мне, что решили, что сбывается видение матушки Мадлен о Демоне из Акадии! Как никто другой вы не могли ошибиться!

— Это правда, — признал он приглушенным голосом. — Я никогда не сомневался, что вы — не Демон из Акадии. Напротив, я скрыл это. Я решил спрятаться в тени обманов, но не потому, что я верил в них, я действовал, как животное, которое маскируется, когда чувствует опасность. У меня не было другого выхода после того, что произошло.

* * *

Он застонал. Его грудь вздымалась. Она налила ему теплого питья. Затем, вернувшись к его изголовью, она подложили руку под его плечи и поддержала его, пока он пил.

— Теперь говорите, если хотите. Что вы хотели скрыть?

— То, что со мной произошло.

— Да что еще?

— Знаю ли я?.. Пробуждение незнакомых страстей? Вам не понять. Когда-нибудь я вам расскажу... Как вам объяснить природу моих чувств? Это требовало, чтобы я бросил все, как тот юноша из Евангелия, чтобы я явился к вам — чужак, обещавший вас уничтожить, и признался: я принадлежу к вашему лагерю.

Хуже того, действуя таким образом, я вовлекался в дела страсти, которая могла бы разрушить меня и убить, ибо именно так я всегда рассматривал любовь.

Сколько похожих признаний я слышал во времена исповедей, сколько похожих симптомов, которым невозможно сопротивляться, которых невозможно избежать или победить, я видел!

Я был поражен ударом молнии. И это слабо сказано. Я остался один. Один в чужом мире, наполненном врагами. Любовь!.. Я познал любовь.

— Стоило ли из этого делать такую драму?

— Да! Потому что это опрокидывало всю мою жизнь и служило приговором. Ибо я оказался один, обнаженный, лишенный даже моей веры, и теперь мне некому было принести жертву. Следовало ли повиноваться этому озарению?

Я не смог. Это требовало слишком многого. Я решил продолжать мой путь в избранном направлении. Но, начиная с этого дня, все было разрушено. И началось мое длительное падение ко дну.

И я стал бороться против вас и ваших союзников. Я отправил посланцев, чтобы они раздобыли в Париже материалы дела по колдовству, в котором обвиняли вашего мужа. Но ваша победа в Квебеке произошла быстрее, и я ничуть этому не удивился. Я с самого начала был побежден. Когда вы выехали в Квебек, Мобег сослал меня.

Он прервался, затем продолжил с внезапным гневом.

— Без его вмешательства я завладел бы городом и победил бы вас.

Потом он сменил тон:

— Мобег, мой начальник, сослал меня. И не без того, чтобы выбрать меня. Однако, все, что он сказал мне, я знал заранее. Я узнал это тогда, на берегу озера.

Мои обеты послушания принуждали меня удалиться... И я оказался один, вдали от друзей.

Я потерял все силы.

Я чувствовал, что в глубине души я боюсь, меня охватила слабость, страх, что я лишен своего могущества.

* * *

Он рассказал о месяцах, проведенных возле озера Фронтенак, Онтарио и Гурон. Точка пересечения путей миссионеров находилась в форте Сен-Мари, между озерами Гурон и Трейси.

Он находился на границе Новой Франции, где, кроме солдат гарнизона, и нескольких путешественников, и следопытов, были только индейцы.

Миссии формировали крещеных индейцев в нации ирокезов, которые воевали со своими языческими соплеменниками. Здесь были негры, эриэ, андасты и ирокезы Пяти наций, крещеные, наказанные и изгнанные из их племен за их веру. Они покинули долину пяти озер, чтобы собраться в тени французских

поселков и иезуитов, не для того только, чтобы жить в вере, но и для того, чтобы получить защиту европейцев.

И она поняла, что иезуит провел ужасные годы, тщательно скрывая свои чувства перед друзьями, перед коллегами и сторонниками. Он избегал встреч со следопытами или канадскими путешественниками, потому что не хотел слышать какие-либо новости об Акадии или Канаде. Вот откуда пошли слухи, что он попал в плен к ирокезам, ведь никто не получал о нем известий. Никто не старался навести о нем справки или прислать ему письмо.

— Действительно, никто мной не занимался, я это понял, — сказал он с горечью. — Никому не было дела до моего удела, до важности работы, которой я посвятил свои дни. Господин и госпожа де Пейрак были в Квебеке, и все чествовали победителей, все хотели с ними встретиться.

Меня хотели забыть, и я исчез. И самым простым было сказать, что я в плену у ирокезов. Но только после моей «смерти»... этой смерти, о которой, как вы мне рассказали, было объявлено в Новой Англии и потом в Новой Франции.

Глава 57

— Вот при каких обстоятельствах я попал в плен. Однажды летним утром в сопровождении отца де Марвиля и молодого канадца Эммануэля Лабура, прибывшего год назад, чтобы помогать нам крестить дикарей, и еще нескольких человек, я отправился в один городок, чтобы отслужить там мессу. Но нас окружили ирокезы. Вы их знаете. Вы спокойно идете по лесу, который кажется пустым, даже птицы не поют, и вдруг стволы деревьев раздваиваются, и появляются человеческие тела. И вот вы уже находитесь в окружении привидений, украшенных перьями, которые вас хватают.

После двух дней пути вся группа достигла первых поселений Долины ирокезов.

Никто из нас не питал иллюзий. Нас ждали страдания и смерть.

Мы провели долгую ночь в хижине, где нас закрыли. Я с завистью смотрел на моих спутников, которые после долгой молитвы заснули глубоким сном. Я сам помог им в этом, напомнив, что все мы находимся в руках Господа. Слова выходили из моих уст, словно странная субстанция.

Я застыл в ожидании. А они, успокоенные моими словами, безмятежно спали, тогда как я видел, как страшный час приближается. «Ах, хоть бы эта ночь никогда не кончалась! — думал я. — Хоть бы не начинался день, пусть Господь остановит землю, пусть он разрушит нас всех, пусть никогда не наступит время страданий. Ты еще не жил, — обращался я к самому себе, — ты не познал счастья. И теперь это тело, не познавшее любви, обречено на истязания».

Ах! Агония Христа и его кровавый пот, как это было мне близко! Но ангел не прилетел меня утешить. Я этого не заслужил.

Я был в аду. Небо было глухо. Вокруг были одни демоны. И ни малейшей надежды!

И тут я вспомнил о вас, и решил, что вы будете радоваться моей гибели... Нет! Я с самого начала знал, что вы не причастны к моим бедам, что не вы послужили их причиной.

Но в тот момент вы олицетворяли всех женщин, которых я видел, вы были олицетворением зла.

И одновременно я признал, что совершил ошибку, что вся моя жизнь была обманом, и этого уже не поправить. С этого прозрения началась моя гибель. Все способы защиты были сведены к нулю.

И такая ситуация казалась мне чудовищно несправедливой. Крик рвался с моих губ, и я сдерживал

его с огромным трудом.

— Не второй раз! Не второй раз!

Я считал, что уже достаточно того, что я побывал однажды в плену и лишился пальцев.

Ближе к утру я услышал смертельные песни крещеных индейцев, находящихся в соседней хижине. Я предположил, что за ними пришли, ибо их голоса стали удаляться и лишь изредка доносились со стороны леса. Затем я почувствовал запах горелой кожи и мяса, хорошо мне знакомый.

Встало солнце. Наступил день. Пришла наша очередь. Нас привели на поляну, где индейцы продолжали мучить своих братьев-христиан. Одни из несчастных молчали, другие выкрикивали проклятия, третьи не могли издать ни звука, потому что у них вырвали языки.

Нас ждали три столба. Передо мной появился Уттаке, который посмотрел на меня насмешливо и дерзко.

Тошнота подкатила к моему горлу, внутренности сжались.

И тут он подошел ко мне ближе и быстро сломал два зуба.

— Ты очень гордишься своими зубами, Черная Одежда, ты гордишься тем, что знаешь наши секреты сохранения их в чистоте и здоровье! Я видел, как ты жевал смолу, смешанную с соком белого сумаха. Так ты не любишь страдать, Черная Одежда, тебе не нравится страдать и быть слабым перед недругами и особенно друзьями!..

Я задрожал.

Воин подошел к Эммануэлю и, взяв его за руку, принялся отпиливать ему фалангу пальца при помощи ракушки.

Я видел, как капала кровь, медленно, тяжелыми каплями. Я думал:

— Они уже отняли у меня два пальца. На этот раз они отрежут остальные, и я не смогу служить мессе...

Крик! Я услышал ужасный нечеловеческий крик, похожий на ураганный вой, и не понял, что это я сам кричу.

Я упал на колени возле Уттаке. Я обнял его колени и стал умолять, чтобы меня помиловали. Не два раза! «Не надо второго раза!.. — кричал я ему. — Убей меня сразу, но не мучай!»

Самым ужасным во время этой сцены было видеть взгляды окружающих — палачей и их жертв. Многие из них устояли перед пятками во имя Христа, во имя веры, они сопротивлялись, а я не мог.

Потом взгляды прекратились, стерлись, слились в один-единственный голубоватый простодушный взгляд ребенка, маленького канадца Эммануэля, который отдал себя на муку, не произнося ни слова жалобы, не проявив страха. И он смотрел на меня, он смотрел на меня в ужасе!.. В ужасе! Он боялся не страдания и близкой смерти, а меня!..

— Не плачьте, — сказала она. — Это вредно для ваших глаз. Вы можете ослепнуть.

Она поднялась и вытерла его глаза. По его щекам текли слезы, а тело сотрясалось от рыданий.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — говорила она тихо и настойчиво.

Легкой рукой она провела по его лбу, на котором еще оставались следы шрамов.

— Успокойтесь, отец мой! Мы потом поговорим.

— Я нахожу некоторое блаженство в трусости, когда всю жизнь борешься против демонов страха. Что сказать?.. Как вам описать утешение, которое я испытал, когда понял, что возвращаюсь к жизни, и страшные мучения становятся все дальше? Что за важность, если тебя при этом презирают?

Я услышал, как вожди совещаются и решают отдать меня в качестве раба одной из старых женщин, сын которой погиб во время войны.

Это унижительное решение страшно меня обрадовало. «Слава Богу», — подумал я.

Я лежал, уткнувшись лицом в грязь, я готов был целовать эту живую землю, я готов был есть ее.

Они подняли меня. Глаза Уттаке были похожи на два обоюдоострых лезвия.

— Ни на что не надейся с моей стороны, — сказал он мне. — Я не убью тебя одним ударом томагавка, как ты этого хочешь. Потому что тогда ты получишь имя мученика среди тех, кто не знает правды. Ты этого не заслужил. Ты мерзок, ты оскорбил меня своим поведением, а я тебя уважал. Ты заставил нас усомниться в величии твоего Бога, и в его существовании.

Мне было все равно. Я отправился к своей хозяйке.

Она лупила меня, чем попало... потому что я был неловок и нерасторопен, и, кроме того, она стала предметом насмешек подруг, как хозяйка трусливого и всеми презираемого раба. Ей было стыдно за меня. «Как ты мог сделать такое, — говорила она мне, — ты, который заменяешь моего сына?» Напрасно я пытался ей растолковать, что в тот момент еще не был ее рабом. Она не желала ничего понимать...

Для некоторых вещей у индейцев не существует понятий «до» и «после». Она путала меня с сыном. Она прекрасно знала, что он погиб у гуронов, под пытками, но ей приснился сон, что я ее сын и что я чем-то провинился перед старейшинами Пяти Наций. Ну, вы сами знаете, какое значение придают снам эти дикари...

Глава 58

Когда он замолчал, она долгое время сидела неподвижно у его изголовья. Его исповедь многое прояснила в ее уме.

— Теперь я понимаю. Вот, значит, какой страшный секрет хранил Эммануэль. Он однажды хотел сообщить его мне в саду.

Она говорила вполголоса, сама с собой. Он открыл глаза:

— Эммануэль?! Он жив?

— Я видела его живым. Он сопровождал отца де Марвиля, когда они вместе с Таонтагетом, вождем ононтагов, прибыли в Салем, чтобы рассказать о вашей героической смерти.

— Почему Уттаке захотел известить об этом именно англичан?

— Да не англичан, а нас он хотел известить первыми. Уттаке знал, что мы с мужем находимся в Новой Англии.

— Значит, о моей смерти узнали первыми те, кто ее больше всего желал... Он отправил вам вампум «Ваш враг больше не будет вредить». О! Как он был прав!

Существует ли более презренное и ничтожное создание, чем я, которое вредило вам? Но я понимаю, почему солгал отец де Марвиль. Он не хотел пятнать честь ордена.

— И, надо отдать ему должное, — он справился с этим превосходно, — сказала Анжелика, вспоминая, какие детали приводил священник, рассказывая о муках отца д'Оржеваль.

Но уже тогда она подозревала что-то не то в рассказе иезуита. Она смутно чувствовала, что во всей этой сцене присутствует скрытый обман. Она поняла, что гордая индивидуальность отца де Марвиля страдает от истинной боли, от унижения, от разочарования и расстройств, от гнева, страха. Можно себе представить, какие чувства владели им при виде того, как один из достойнейших и лучших людей их ордена публично проявил трусость. Орден иезуитов отметил самую страшную из провинностей: отречение!

— Я еще могу понять, что ваш брат по религии выдал вас за умершего, чтобы скрыть ваш стыд, но я не могу понять, зачем он передал слова ваших проклятий: Это она! Это она во всем виновата! Я гибну из-за нее! Если он это сочинил, это уж слишком!

— Все это правда. Да, я сказал это, это выглядело как пророчество. Когда Уттаке опустил руку, и я был публично унижен, то у меня возникла потребность хоть как-нибудь объяснить свое падение... Я хотел дать понять, что стал жертвой злого умысла, и единственным человеком, вовлекшим меня в этот хаос, была женщина, внезапное появление которой так сильно подействовало на меня. И я сам почти верил в то, что кричал: это она! Это она приговорила меня, это ей — Даме с Серебряного озера я обязан своей гибелью...

Он издал глубокое рыдание.

— Я говорил о смерти... о поной смерти, о смерти самого себя. Герой, которым я был, погиб... Герой, которым я был... которым я мечтал быть... Я не существовал больше... и это она убила меня. Она, женщина, мой вечный враг.

Я знаю... это была безумная идея, чудовищная идея обвинить вас, но я был в таком состоянии, что сам верил в это.

И я крикнул свое проклятие.

Я увидел их бледные лица. Я понял, что... кричал напрасно. Они не отомстят за меня. Они не отомстят, потому что я не заслужил. Они не были моими друзьями!.. Она спали во время агонии!.. Они отталкивали меня... ничего не осталось от уважения, преданности, которые, я думал, они питают ко мне. Я понял, что они никогда не любили меня. Я стал для них пустым местом.

* * *

Он волновался, и Анжелика боялась, что у него снова случится приступ лихорадки. Она осторожно прервала его и сказала, что пришел момент их каждодневной «пирушки».

Она встала, чтобы приготовить и подогреть порции, пока он продолжал рассказывать.

— Это правда. Как бы ни был я погружен в унижение, я кричал, что нужно уничтожить колдунью. По крайней мере, считал я, я указываю путь де Марвилю.

Пока Таонтагет вел его к вам, он, наверное, сумел скрыть свою горечь. Он перенес такие удары, физические и духовные, что ему необходимо было выместить свои чувства на борьбе с врагами. Ему нужен был повод. Ну вот! Ну вот! Он хорошо действовал.

Анжелика его заинтересованно слушала.

— Ей-богу, можно подумать, что вы его одобряете!.. Ну и ну! Да, это не пустые рассказы, что иезуиты держатся друг за друга.

Но сейчас было не время вступать в спор.

Она подняла детей. Она брала их на руки и качала, одного за другим, чтобы они спокойно проснулись. Она целовала их свежие щечки, их волосы, она обожала их слабость и невинность, свет их глаз и их улыбок, их маленьких изящных тел. «Вы — утешение мира! Вы — сокровище моей жизни! — шептала она. — Вы — оправдание наших боев...»

Она приласкала их, спела каждому тихонько куплет из песенки, покачала и рассадилась у стола. Потом она налила в миску похлебки и стала кормить каждого с ложечки, словно птенцов.

Это стало ритуалом.

— Вы тоже принадлежите к нашему племени, малыши де Пейрак!

Глядя на близнецов, которым было уже два с половиной года и которые уверенно заняли свое место в

этом мире, она вспомнила их первый гнев, когда они выразили недовольство появлением отца де Марвиля.

Может быть, им не понравился его голос?.. А, может, просто кормилицы не вовремя их накормили?

Анжелика тогда сидела на ступенях дома госпожи Кранмер в окружении англичанок, в то время, как отец де Марвиль — иезуит в городе пуритан! — кричал, указывая на нее: «Это она — причина его смерти!»

Но тут разыгрался целый концерт — близнецы орали, а ведь они не весили еще и шести ливров вдвоем, и представление иезуита пришлось прекратить.

Она смеялась, вспоминая об этом, но не стала рассказывать священнику: момент для юмора не настал.

Накормив детишек, она дала им стебель зизифуса, который обманет их голод, если они не наелись. Затем она поставила на огонь воду для мытья и придвинула свою скамеечку к изголовью кровати. Она помогла больному облокотиться о подушки и стала кормить его бульоном. Но это было сущим мучением. То ли из-за апатии, то и из желания сэкономить их провизию он проявлял отвращение к пище. Быть может, он не желал отнимать лишний кусок у детей? Он был так слаб, что не мог держать в руках вилку или ложку.

В такие моменты она сердилась на него еще меньше, чем тогда, когда он рассказывал ей о себе. Она видела в нем человека, захотевшего укротить и оседлать строптивую лошадку-жизнь, а та сбросила его долой. «Когда мы не готовы, события сами предупреждают нас».

Это относилось и к ней тоже, так что она с полным правом могла считать его братом по борьбе.

— Я так рад, что его помиловали, этого мальчика, Эммануэля, которого я так расстроил... Хорошо, что он избежал огня... И сохранил жизнь... Он сумеет распорядиться ею во имя Господа и на благо людей.

Увидев, что он ест с большей охотой, чем раньше, она решила, что может рассказать ему всю правду о судьбе несчастного Эммануэля, который был мертв.

Глава 59

Иногда они обменивались довольно странными фразами, простительными только людям, проводящим тяжелую зиму в склепе почти без еды и не ждущими ничьей помощи. — Вы съели бы меня? — спросил он однажды, когда она рассказала ему, как нашла его у порога, и как расстроилась, потому что думала, что в мешке находится пища, а не мертвец.

— Может быть... Нет... Я об этом думала, это верно. Это все из-за голода. Я подумала, что никогда не увижу любимого человека, что мои дети умрут от голода... Что неоткуда ждать помощи... и я испытала такую надежду... Но тут же пришел ужас... А потом выяснилось... вы были живы! Нет! Нет! Уттаке... Я не знаю, чего он хотел... Он что, отправил вас ко мне, чтобы я вас съела?.. Вот уж не знаю... Это все так глупо... Это был бы конец, конец света, конец всего человечества... Не надо об этом думать...

— Да, но меня уже ели, — сказал он тихонько, — вот так, маленькими кусочками, которые воин срезал с моей спины острым ножом.

— Так вот почему у вас такие странные раны возле лопаток?

Она заметила их, и не могла понять их происхождения. Это были не ожоги и не порезы. Эти раны плохо затягивались и оставили шрамы.

— Да!.. Он ел меня, потом снова резал и говорил: «Как отвратительна твоя плоть!»

— Когда это произошло? Во время какой казни?

— Во время второй... или третьей, если угодно.

— Но я думала, что Уттаке пощадил тебя.

— Я тоже. В течение месяцев я привык к своему рабству. Правда, моя дорогая тетушка Ненибуш меня

здорово колотила палкой, но в глубине души мы были друзьями. Мы много и интересно беседовали. Знаете, эти индианки — довольно любопытные создания. Они рассуждают о жизни, о судьбе, у них богатое воображение. Я работал. Я собирал хворост, я должен был искать дичь, подстреленную охотниками, и это получалось у меня довольно неуклюже. Дети смеялись надо мной, они выполняли ту же работу гораздо быстрее и лучше. Женщины звали меня «Черной женщиной» и хихикали мне вслед.

Сколько прошло? Не знаю... Одна или две осени... может быть, три... Наконец, настало утро, когда они пришли за мной. Наступала зима. Снега выпали рано. Мы с тетушкой выделывали кожи.

Я еще ничего не понял, когда передо мной возникли четыре воина, которые должны были отвести меня в соседнее селение, куда прибыл Уттакевата. Меня охватил смертельный страх перед старым заклятым врагом.

Я вам уже говорил, что не боюсь ни трудной работы, ни побоев, ни даже смерти. Я испытываю ужас только перед одним — погибнуть на костре.

И вот они пришли, а я выделывал кожи. Они пришли и сказали: «Готовься, брат, пришла пора спеть песню смерти!»

Я последовал за ними, повинуюсь, как машина. Это были очень молодые индейцы, и я раздражал их. Вот во время этого пути они и ели меня.

Тетушка Ненибуш с криками пустилась бежать за нами. Она проклинала соплеменников, которые во второй раз отняли у нее раба-узника-сына. Она умоляла и угрожала. Она проделала с нами половину пути. Еще долго потом у меня в ушах раздавались ее крики.

— Я слышала, как вы кричите: «Пусть она замолчит!» Это о ней?

— Конечно!.. Когда меня привели в город, я увидел там нескольких воинов, которые окружили старейшин Пяти наций, и во главе их был Уттаке. Он произнес длительную речь.

— Хо! Хатскон-Онтси, вот и ты! Ну как, обрел ли ты милости своего Бога и дорогу Его силы?.. Ты — величайший из великих Черных Одежд, ты, как никто, оскорбивший нас! Мы уважаем страдания и гибель от них, а ты уклонился от этого! Ты унизил нашу веру!

Я очень сильно ранил Уттаке. Я знал это. Моя трусость и отречение сделали нас непримиримыми врагами. Но мне не было дела до его слов.

Наконец, он замолчал. Потом продолжил:

— Ты не заслуживаешь казни достойных людей, но не радуйся слишком: мы отдадим тебя женщинам.

Они налетели с пронзительными криками, словно маленькие смерчи.

Как вам описать это? У меня остались хаотические воспоминания. Я смутно помню момент, когда тысяча маленьких кулачков стала вонзаться в мое тело острые шила, а две индианки принесли небольших грызунов и держали их так, чтобы животные кусали мое лицо. Особенно они старались поразить мои глаза.

Тут я закричал, больше от ужаса, чем от боли.

Я мог бы сдержаться, но было уже поздно. Я вторично разочаровал индейцев.

Вмешались старейшины. Они увели меня от толпы, и я оказался в зале совета. Они смотрели на меня, словно врачи, изучающие больного.

Я слышал, как они говорили: «Нужно его приготовить».

Меня отвели в комнату, предназначенную для курения. Нас было очень много — вожди, старейшины, несколько воинов и я. Закурили трубку. Когда очередь доходила до меня, я должен был затягиваться глубже и сильнее других. Мы просидели в этой комнате

несколько дней без еды и питья. Сначала я страдал, мои легкие горели, глаза слезились от дыма, но потом я впал в забытие. И во время моего «отсутствия» я встретил самого себя, свою душу. То есть передо мной промелькнули образы, составляющие мою индивидуальность, я увидел людей, которых встречал в жизни, я разобрался в себе, я отмел все пустое и ненужное.

Потом я снова пришел в себя. Индейцы по-прежнему сидели вокруг, глядя на меня, как врачи... и как мучители. Да, наркотик помог мне вернуться к исходному пункту моей жизни.

Такие сеансы помогают избежать гибели души, не повредив тела... У индейцев есть такой специальный гриб, который и позволяет проделывать все это и помочь избежать безумия...

Он раскрыл еще один секрет неизведанного континента Нового Света.

Она с нетерпением ждала продолжения.

Помолчав, он вернулся к событиям, последовавшим за его выходом из курительной комнаты.

— Я не был излечен окончательно. Они смотрели на меня, и я испытывал ощущение человека, у которого вырезали жизненно важные органы, но органы смертельно больные, угрожающие здоровью организма.

Я угадывал их чувства. Для них — белый человек — это неблагодарная тварь, не умеющая ценить дары природы-кормилицы.

Их, то есть нас, нужно брать совсем молодыми, и тогда, может быть, из нас получится толк.

Я же унизил себя в их глазах и не заслуживал достойной казни. Так что меня отвели за границу города, где был расположен старый столб, у которого развели огонь и накаливали на нем топоры, иглы и прочие инструменты. У них был такой вид, что,

казалось, эти люди собираются заняться скучнейшим в мире делом.

* * *

Анжелика услышала, как он смеется.

— И... что же произошло потом?

— Я не помню.

Прошло какое-то время. Она решила, что он заснул. Но он повторил:

— Я не знаю, не помню... Но однако, я помню... я видел красные лезвия топоров, которые касались моих ног, и я чувствовал запах горелого тела... Кажется, я выдержал казнь, но не помню, кричал ли я... Если да, то я снова унизился в их глазах.

Он снова рассмеялся.

— Еще помню. Но это могло быть и видением. Я увидел Уттаке, наклонившегося надо мной, который был очень большим, на его фоне остальные казались лилипутами. За его спиной я видел небо с черными тучами. Он сказал:

— Не думай, что я позволю тебе забыть о твоём позоре, Хатскон-Онтси, ты был велик, и ты пал. И ты скоро отправишься отсюда подальше, к самому страшному врагу. Я отправлю тебя за горы. Но я последую за тобой... Я тебя найду...

Я спросил:

— Почему ты меня не прикончишь?

— Это не мое дело. Тебя прикончат те, кто имеет на это право.

Эта угроза была такой загадочной, что меня охватил ужас. Кому он отдает меня? Его глаза сверкали.

— Я говорю тебе, Хатскон-Онтси, ты испытаешь на этой земле все страдания, все страсти... до тех пор, пока не станешь достойным того, чтобы я съел твое сердце!..

Потом было долгое путешествие, которого я не помню.

Я самого раннего детства я предчувствовал, что когда-нибудь очнусь от страданий, и надо мной склонится лицо женщины... Это предчувствие оправдалось. Когда я пришел в себя, она перевязывала мои раны, она давала мне пить, словно мать, словно сестра, и никакая другая женщина ничего подобного не делала для меня.

Я узнал ее, но никогда я не думал, что увижу ее так близко. Она назвалась, и я понял, что ждал этого со страхом и надеждой.

Теперь я понял, в чем заключается месть Уттаке. Это было самым серьезным испытанием. Мои мечты разлетались в прах, я познал жестокость мира. Но когда, в свою очередь, я назвал свое имя, то не увидел в ее глазах ничего, кроме сострадания, боли и грусти.

Глава 60

После длинных и изнурительных откровений наступил период молчания. Быть может, его гордость не позволяла ему рассказывать дальше? Она продолжала с ним разговаривать, но избегала произносить имя Жоффрея. Она чувствовала, что это будет раздражать его и наполнять его душу горечью. Ибо на этот раз «предательство» исходило не от женщины, а от мужчины, а он-то мечтал объединить всех представителей рода Адама, чтобы низвергнуть Еву, виновную в том, что все человечество погрязло в пучине греха.

* * *

Он снова заговорил.

— Из-за вас я потерял двух лучших друзей.

— Пон-Бриан?

Он заволновался.

— Пон-Бриан был не из тех, кого можно возвести в ранг друзей. Он был просто исполнителем. То, что с ним произошло, — вполне логично и достойно нашей войны.

— Но ведь это вы толкнули его на это.

— Мы предоставляем людям выбор, чтобы они проявили себя. Я сделал его шпионом, но не для того, чтобы проверить его, а для того, чтобы лучше узнать ВАС, и проверить способы, которыми мог бы воспользоваться ваш муж.

Мы использовали Пон-Бриана, и он выполнил свою задачу.

Но я имел в виду одного из моих коллег по ордену, господина Р.П. де Вернона и, конечно, господина де Ломенье-Шамбора, моего брата со времен учебы в колледже. Мне было четырнадцать лет, а ему одиннадцать.

С этими людьми у меня никогда не было ссор. Ни малейшей тени. Полное взаимопонимание. И в мыслях, и в делах. Но стоило появиться вам, как все рухнуло. О, мои исчезнувшие друзья! Почему мы так расстались?! Ведь вы были частью меня...

— Как вам удалось узнать, что Ломенье-Шамбор умер?

— Умер?

Его крик был похож на стон человека, пораженного в самое сердце.

Анжелика поняла, что, говоря: «Я его потерял», он имел в виду их разлад, но он не знал о его смерти.

Она села у его изголовья и посмотрела ему в глаза. Подавшись вперед, он смотрел на нее замороженно, пытаясь прочесть что-то на ее лице.

— Это вы убили его?

— Да!

Он откинулся назад, лицо его окаменело.

— И этому причиной тоже я?

— Вы послужили причиной всех бед Акадии. Человек в черном всегда стоял позади демона из видения матушки Мадлен. Вы всегда это знали.

— Он умер! Это невозможно! Где? Когда?

— Здесь. Этой осенью.

— Я не просил его появляться. Я вообще старался оградить его от немилостей, которым подвергался сам. Я очень боялся за него.

— Но вышло так, что он услышал ваш призыв: отомстите за меня! Еще один раз вы послали его на месть, и он пришел. Это была священная миссия. На этот раз он не стал бы колебаться, как в Катарунке, и выполнил бы ваши желания, исходящие из вашей могилы.

И вы лжете самому себе, как это было с вами не однажды. Вы рассчитывали на него, как ни на кого другого, чтобы добиться нашего поражения. Вы всегда надеялись, что он вернется к вам, что он признает свои ошибки.

Он решил исправить свой промах в Катарунке. Ему надо было захватить форт Вапассу, пока нас там нет, и сжечь его.

Но я-то оказалась здесь.

У него не было другого выхода, кроме как убить меня или взять в плен. Тогда он захватил бы Голдсборо и привез меня в Новую Францию, прямо в лапы Амбруазины. Адский круг замкнулся бы. Этого вы и хотели.

С высоты крепостной стены я увидела, как он приближается. Он был уверен, что я сдамся. И я его убила. А что мне было делать? Предать моих друзей? Моих родных? Всех, кто мне поверил?

Лишенные своего вождя, его люди убралась, но форт сожгли.

Он прикрыл глаза, побледневший и задыхающийся. Его мучила боль.

— О, Клод! Клод! — закричал он. — Брат мой! Друг мой! По крайней мере, он не мучился? Вы убили его сразу? Он не испытывал мучительной агонии? Ибо гораздо милосерднее прикончить раненого, чем оставить его страдать! Ну, скажите мне!

Он схватил ее за запястье.

— Он умер сразу, не правда ли?

— Не знаю! — вскричала она, вырывая руку. — Они унесли тело и убрались.

— Если он долго страдал, я вам этого никогда не прощу.

— А что я должна простить вам? Занимались ли вы нашими ранеными, теми, кого ваши «мстители» бросили умирать в прерии или оставили в огне пожара? Я не знаю, что случилось с моими друзьями, с женщинами и детьми, которых увели в плен вонючие дикари! И все это из-за вас!

Они глядели друг на друга, задыхающиеся, измотанные, словно два борца, потерявшие силы в бою.

— Вонючие дикари? Что это вы так отзываетесь об индейцах? Если не ошибаюсь, именно они спасли и приютили вашу Онорину.

— Да, действительно. Уж лучше медвежий жир и копоть индейских вигвамов, чем лапы Амбруазины, оплота Сатаны, Люцифера, Велиала, и двадцати четырех легионов Ада!.. Но это не значит, что попасть в плен к индейцам — такое уж большое удовольствие.

И они прекратили спор, потому что ни один, ни другой не были в состоянии продолжать его.

* * *

Потом он принялся рассказывать, как он подготовил появление мадам де Модрибур в Америке...

— Амбруазина встретила со мною в Париже, когда я туда вернулся. Она не простила мне того, что я бежал от нее. Она знала, что ее страсть пугала меня. Мой страх перед женщинами воздвиг барьер между моим желанием и ей.

Найдя ее разбогатевшей, влиятельной, я решил, что ее можно использовать для выполнения моих планов. Она должна была возглавить экспедицию в Новую

Францию, чтобы вырвать в конечном счете Голдсборо из рук еретиков.

В Париже она творила чудеса, проникая в самые запретные двери, обольщая самых неподкупных, и они «брали корм из ее рук».

И вот в качестве Благодетельницы она отправилась к берегам Америки. Я видел, как засверкали ее глаза, когда я упомянул о вашем супруге. В тот момент вы еще не прибыли к нему. У нее хватило времени собрать все необходимые сведения о вас. Она действовала очень ловко и делала даже больше, чем я требовал.

— Я знаю, что к моменту отправления «Ликорны» полиция гналась за ней по пятам. Ее лучшая подруга, мадам де Бронвиль, была арестована полицейским Дегрэ. И был раскрыт заговор величайших отравительниц Истории, монстров, испорченных с самого раннего детства.

— Амбруазина не было ребенком. Она — дитя мрака.

— Каждый раз, когда я ее упоминаю, меня охватывает дрожь.

— Имя ей — легион.

— Отец де Вернон тоже догадался об этом. Он разоблачил ее в своем письме, предназначенном для вас, которое она скрыла, замыслив его смерть. Я видела это письмо и помню, что в нем говорилось: «О, отец мой, Демон находится в Голдсборо, но это не та женщина, которую вы мне указали, это не графиня де Пейрак!..» Неужели вы решили, что потеряли друга — отца Вернона — из-за того, что он разоблачил ее? Он ведь всегда был вам предан. Вы не можете упрекать его в небрежности по отношению к вашим поручениям. Будь то — шпионить в Новой Англии или подтвердить мое присутствие на корабле Колена Патюреля.

— Он тоже не устоял перед вами?

— Он? Отец Вернон? Он — настоящий иезуит, сеньор! И какой иезуит! Он напомнил мне моего брата

Раймона. Он холоден, словно лед. Я чуть было не приняла его за англичанина.

— Он влюбился в вас... И держал вас в объятиях.

— Чтобы вытащить меня из воды!.. Но как вы узнали?

— Я получил от него письмо из крепости Пентагоэ. Он еще находился у барона де Сен-Кастина, после того, как отправил вас в Голдсборо. Ион решил, так же, как и Ломенье-Шамбор, противостоят моим планам. В этой почте находилось его письмо, адресованное вам, которое нужно было отдать по назначению, если с ним что-нибудь случится.

— Это письмо? Вы прочитали его?

— Да! Ведь я был его исповедником.

— Хорошенькое дельце!

— Будучи исповедником, я имел на это право.

— Очень хорошо!

— Это было любовное письмо, оно начиналось так:

«Мое дорогое дитя, моя маленькая подруга с «Белой птицы»...»

* * *

Внезапно настроение Анжелики изменилось, и она расхохоталась так сильно, что дети проснулись и забеспокоились.

— Простите меня, — сказала она, — но жизнь полна чудес! Одна пророчица сказала мне однажды: «Любовь тебя хранит!..» Любовь меня хранила. Отец де Вернон не смог выполнить распоряжения. Он не смог позволить мне утонуть. Он спас меня!.. О! Мой дорогой Мервин! Как я счастлива!..

* * *

Позже он вернулся к образу Ломенье-Шамбора. И больше всего его ранила бесчувственность Анжелики. Его шокировала жестокость, с которой она описывала сцену: «Он появился безоружный, говоря о мире. Я его убила». Это было невыносимо!

— Но еще более немыслимо для меня было сдаться, последовать за ним, предоставить ему на разграбление Вапассу, моих друзей, моих детей, потом дать ему возможность захватить Голдсборо, где с помощью Сен-Кастина или без нее он стал бы хозяином. И без единого выстрела?.. Это невозможно. Было бы столько жертв. Слабость хоть иногда и откладывает бойню, но увеличивает количество убитых.

Вы обвинили меня в жестокости, отец мой. Но ведь вы и понятия не имеете о том, что я пережила в эти моменты, какие страдания и муки. Я кричала ему: «Не подходите! Не подходите!»

Но он приближался. Он тоже сделал свой выбор. Он отказался быть нашим союзником. Он рассчитывал, что я не устою перед ним... Что он испытывал? Вероятно, он думал угодить вам, угодить вашей памяти. Или он хотел избавиться от нас, ускользнуть от нас, потому что больше не был нашим другом... Я убила его, — повторила она.

* * *

На этот раз Себастьян д'Оржеваль стал пристально вглядываться в лицо этой женщины, в ее профиль, стал следить за движением ее губ.

— Теперь я понимаю, почему вы победили Амбруазину. И этого она вам не простит. Все считают вас нежной и чувствительной. А вы вдруг проявляете жестокость и крепость души.

— Если я правильно понимаю, вы хотите сказать, что я притворялась? Уже не в первый раз меня упрекают в этом. Притворяться? Вести игру? Какую игру?.. Игра слабости, преклонения перед силой?.. Изображать вечно подчиненную мужчине, воину?..

Очень легко обвинять в отсутствии доброты и порыва достойные сердца, чтобы послужить на их гибель. Я — Стрелец. И я никогда не давала моим врагам возможности радоваться моему поражению

безнаказанно, тем или иным образом они расплачивались. В этом вопрос справедливости. Установить равновесие между Добром и Злом. Между законами Неба и Земли. Но есть и еще кое-что. Человеческое существо в середине. Выбора нет.

И это не мы — «нежные», проявляем себя суровыми и невыносимыми. Это сама жизнь, это посредственность, которые лишают нас выбора.

И какими бы мы ни были слабыми, нежными, добрыми, заботливыми, наступает такой момент, когда мы берем в руки оружие. Чтобы защитить или спасти невинность. Я ненавижу эту противоречивость, я поняла, как она неблагоприятна. Мало кто может избежать ее, и хоть раз в жизни сталкивается с ней.

Клод де Ломенье мертв, потому что он сделал свой выбор, решил служить вам. Знайте, господин д'Оржеваль, что вы обвинили меня в действии, из-за которого я никогда не утешусь. Ибо я тоже любила его.

* * *

Эти две сцены их совсем измотали.

Набираясь сил, они лежали рядом, скользя по водам спокойствия, и вдруг поняли, как бессмысленны были их споры. Над ними бесновался ветер, и пел хор ангелов.

Глава 61

Они думали, что теперь ссоры прекратились, но при малейшем намеке или воспоминании, споры, обиды и разочарования начинались заново. Они испытывали горечь от того, что пожертвовали очень многим, отчаяние из-за того, что многое не удастся исправить, сожаление оттого, что они проявляли трусость, что служили причиной для чужих слез и смертей.

* * *

Новая ссора разразилась еще пуще, и случилось это из-за события, которое могло бы явиться радостным предзнаменованием: их первого выхода из форта после

долгого периода ночи и бурь. Долгое время они оставались узниками черной дыры, и, выйдя из дома, они насладились бы солнечными лучами.

Перво-наперво она постаралась разработать его суставы, сгибая и разгибая его ноги в коленях. Он кричал от боли. Она заметила, что его конечности не гнулись.

— Сегодня вы постараетесь сесть, — сказала она, протягивая ему руки, чтобы он смог опереться на них.

Пришел момент, чтобы его воодушевить и заставить двигаться больше.

Он выздоравливал, но медленно. Однажды он поднялся, исхудавший, изнуренный, похожий на сломанную куклу, но теперь ему удавалось переставлять ноги, а она поддерживала его, обняв одной рукой за плечи. С другой стороны ему помогал Шарль-Анри.

Когда погода улучшилась, она решила сделать вылазку вместе с ним и детьми. Холод по-прежнему был сильным, но солнце светило вовсю.

Анжелика открыла дверь. Они высунули нос наружу, и сразу же солнечные лучи принялись ласкать их лица. В такую погоду даже медведи выходили из берлог, чтобы насладиться светом, а потом уснуть еще крепче.

В прежние времена обитатели Вапассу частенько совершали такие вылазки. Они ходили друг к другу в гости, дети резвились и играли на снегу. Анжелика и Жоффрей поднимались на башенку и глядели сверху на оживленную возню вокруг деревянной крепости Вапассу. Детские голоса раздавались далеко по округе.

Когда отец д'Оржеваль избавился от повязок, Анжелика нашла вещи Лаймона Уайта, чтобы одеть его. Она дала ему гетры, башмаки, накидку и шапку из меха и не смогла удержаться от вопроса, не шокирует ли его носить одежду пуританина из Англии, у которого

отрезали язык по обвинению в безбожии. Он вздрогнул и ответил:

— Как вы осмеливаетесь насмехаться над тем, что вас предали? Вся эта греховная братия вокруг вас послужила причиной вашей гибели.

Поскольку он стоял, а Анжелика и Шарль-Анри поддерживали его под руки, она терпеливо сдержала гнев.

Она была неосторожна. Она не приняла в расчет, что эти слова, несправедливые и возмутительные, всколыхнули в ней волну гнева.

Дело начиналось плохо. Она допустила ошибку, потому что не отказалась от своего намерения и решила на прогулку. Но она страшно рассердилась на него.

— С вами я постарею на десять лет, — сказала она.

Но он не понял. Все его силы уходили на то, чтобы с трудом передвигаться по коридору. Каждый шаг причинял ему страдания.

Выбравшись за пределы дома, они оказались на равнине. И тут перед глазами Анжелики возникли обугленные руины форта Вапассу. Она всегда избегала смотреть в ту сторону, но сегодня ее раздражение послужило причиной этого сознательного и добровольного взгляда.

— Посмотрите! — вскричала она, обращаясь к мужчине, стоявшему рядом с ней. — Вот — плод ваших трудов! Можете радоваться! Вы жалуетесь на ваших друзей, на ваших приверженцев, которые предали вас... Однако же, они отомстили за вас... Вы выиграли. Ибо последние слова мученика — святы для кого бы то ни было. И вот результат!

Эти жестокие слова слетали с ее губ. Она долгое время проговаривала их про себя и даже по нескольку раз, иногда она произносила их вслух.

— А ведь требовалось так мало, чтобы все спасти! Стоило только бедному Эммануэлю открыть рот... перед смертью...

— Перед смертью?.. Эммануэль?.. Вы же сказали, что его помиловали!

— Ирокезы — да! Но его убили ваши! Он умер... Он умер, чтобы никто не узнал правды о вашем падении... Он появился в саду Салема, чтобы поговорить со мной. Без сомнения, он собирался сказать мне правду о том, что произошло в долине Пяти Наций, но тут возник отец де Марвиль и увел его. А наутро его тело было обнаружено в прибрежных водах. Ходили слухи, что он покончил с собой. А я скажу вам, что он погиб не без вмешательства чужой воли.

Она посмотрела в его глаза, и ей показалось, что она прочла в них тень утешения.

— И вы тоже считаете, что таким образом все прекрасно уладилось, не правда ли? Вы толкнули ребенка, обессиленного, измученного пытками и муками совести, перенесшего голод и усталость на то, чтобы он уничтожил себя, чтобы он добровольно утонул и унес свой секрет в могилу! А какие последствия ожидают его бессмертную душу?

Вы пошли на это, вы принесли его в жертву во имя чести ордена, и вот честь ордена спасена, а плод наших трудов разрушен.

Она задыхалась.

— Последние слова мученика подлежат исполнению! Это приказание из завещания. Марвиль знал, чего добьется, если возложит вас на алтарь. Вы стали великим, вы символизировали все. Вас покрыли лаврами и славой. Во имя вас строились церкви и часовни, и целые толпы адресуют вам молитвы и мольбы. Ваш брат по религии сделал больше, чем отомстил за вас. Он возвел вас в ранг святых. И вот результат столь блестящего обмана.

* * *

Холод раздирал ее горло. Напрасно она говорила так, так кричала, это не привело бы ни к чему и ни за кого бы не отомстило.

Анжелика закашлялась. Губы ее пересохли.

«К чему гневаться?» — сказала она себе, сожалея о своем взрыве и о том, что позволила себе прийти в такое состояние. Ибо она чувствовала, что пот застывает на ее щеках ледяными струйками.

Она перевела дух, прикрыла глаза, затем взглянула на него.

Он стоял, застыв, широко раскрыв глаза. Он только что осмыслил суть заговора отца де Марвиля и его последствия.

— Что я наделал!.. Что я наделал?! — повторял он.

Очень медленно он стал оседать на снег. Она протянула руку, чтобы его поддержать.

Но внезапно он встал на колени. И она увидела, как он возводит к небу глаза, молитвенно складывает руки.

— Прости меня, Эммануэль! И вы, дорогие и святые мученики, мои братья-иезуиты из Канады, вы, которых забудет мир, простите меня! Простите меня за то, что я присвоил себе вашу славу.

Простите мне мои ошибки, простите меня, самого недостойного, самого гадкого, самого трусливого.

Во имя братства нашего, смилуйтесь надо мной, простите меня, и я заклинаю вас чистотой ваших святых ран, — придите к моему ложу в час моей смерти!

Лицо его светилось.

Анжелика глядела на него, словно видела впервые. Она спрашивала себя, куда делся тот человек, которому она бросала в лицо обвинения.

Вдруг внезапно ее пронзил страх.

— Где дети? — вскричала она, вернувшись к реальности. — Куда они делись?

Она смотрела вокруг. Дети исчезли. Она потеряла голову, споря с этим человеком, и упустила из виду детей. Зубы ее стучали от холода и нервного напряжения.

— Где они?.. Где они?

— Там, на берегу озера, они катаются на льду, — сказал д'Оржеваль.

Он поднялся и положил руку на ее плечо.

— Успокойтесь!

— Я никогда не смогу зайти так далеко. Но как им-то удалось так далеко забраться, словно у них выросли крылья? Как до них добраться? Они удаляются! О, мой бог!

— Не двигайтесь! — сказал он. — Они вернутся. Они сами вернутся.

Легкая дымка стала застилать пейзаж, и Анжелика не видела детей.

— Они возвращаются?

— Возвращаются.

— Я их больше не вижу. Где они? Они сейчас исчезнут!

— Нет! Они возвращаются! Успокойтесь.

Она почувствовала, как его рука поддерживает ее, ибо если бы она упала, то не смогла бы подняться.

Потом показались дети, три круглых точки, еще не силуэты, такие они были маленькие и пухлые в своих одеждах, но эти три точки росли и становились все больше.

— Они приближаются?

— Они приближаются.

Они приближались, словно рождаясь из самых недр зимы. В середине находился Шарль-Анри, державший за руки близнецов, и все трое были очень довольны экспедицией.

— Ничего не говорите им. Не ругайтесь... Они — наше прощание! Они — наше спасение!

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ. ДЫХАНИЕ ОРАНДЫ

Глава 62

Она думала, что лось, убитый ею, обеспечит их мясом до весны и гарантирует жизнь. Но вот появилась тень еще одного страшного врага, самого страшного зимой. Этот враг — цинга. Она показала свое отвратительное, гниющее лицо с гниющими деснами. Она начала подозревать о ее приближении, заметив бледность и усталость маленькой Глориандры. Эта очаровательная кукла, всегда веселая, следующая за ней и непрерывно что-то лепечущая, такая милая в своей живости, никогда не причиняла ей беспокойства. С самых первых часов ее жизни она преодолевала все преграды, выпадающие на ее долю: путешествия, холод, болезни.

Может быть, поэтому Анжелика не сразу встревожилась. А когда она забеспокоилась, то оказалось, что беда уже пришла. Во всяком случае, ее нельзя было избежать: у них не было необходимых продуктов, чтобы бороться с болезнью.

Она держала девочку на коленях, гладила ее лицо, волосы, такие красивые и неправдоподобно длинные для ребенка, они скрывали ее личико и маленькие губки, которые силились улыбнуться.

— О, моя маленькая принцесса! О, мое сокровище! Это невозможно! Я еще так мало знаю о тебе. И ты хочешь меня покинуть!.. я тебя прошу, я тебя умоляю, не оставляй нас!..

Этот взрыв безумного отчаяния был первой реакцией на открытие. Ведь она думала, что все несчастья остались позади.

Как защититься от ужасной болезни?.. Надо найти способ. Но в первые мгновения она лишь прижимала девочку к себе.

Глориандра де Пейрак! Маленькая принцесса! Маленькое чудо! Дочь графа из Тулузы. Она подумала о

Жоффрее. Она подумала о женщинах из его рода, о его матери, которую он не решался забыть и «оставить», находясь даже на краю света. Она доверилась материнскому инстинкту, которому доверила спасение своего приговоренного к смерти ребенка.

Эта женщина обожала сына, и как теперь это чувство было близко Анжелике!

С кровати донесся голос иезуита. Он спросил о предмете ее озабоченности, которую угадал по выражению ее лица.

— Моя дочка, которую я уже считала спасенной, может не дожить до весны.

Она кусала губы, и он впервые видел, как она сдерживает слезы.

— Только не два раза! Не два раза. Я не могу второй раз испытывать эту тревогу.

— А, вы видите? Вы теперь понимаете, что это значит. Не два раза. Второй раз ведет за собой падение... Для того, у кого не осталось сил. Чего вы боитесь?

— Цинга. Земляная болезнь.

Он с усилием приподнялся и соскользнул с кровати. Потом он направился неуверенными шагами взглянуть на ребенка. Он всмотрелся, потом вернулся обратно и лег, закрыв глаза.

После некоторого времени он глубоко вздохнул и сказал:

— Надейтесь.

Глава 63

Наутро, проснувшись, она увидела его перед собой, стоящего на неокрепших ногах и одетого в шубу и шапку Лаймона Уайта. Он сказал, что решил отправиться до миссионерского поста, в котором, несомненно, окажутся необходимые продукты. Его путь лежал на север, к миссии Сен-Жозеф, что в Верхней Шодьере, одной из самых скромных, но самых близких к

ним. Может быть, она окажется опустевшей, может быть, ее обитатели умерли или уехали. Но там обязательно окажутся запасы мяса, маиса, фасоли и дикого риса. А, может быть, он найдет там замороженную капусту и запасы коры, при помощи которой вождь гуронов во время первой зимовки на реке Сен-Шарль спас экипаж Картье от чумы. «Нужно перенимать мудрость дикарей, это уже доказано».

Анжелика встала. Она никак не могла согласиться с ним, она находила это решение безумным. Даже сильный и здоровый человек не смог бы одолеть такое расстояние в это время года. Ураганы, холод и слабость не дадут ему добраться до цели.

— Ваша дочь больна, — сказал он, посмотрев на Глориандру. — Я принесу специальную кору, принесу вареных плодов, капусту — все те продукты, которые приостанавливают течение цинги. А еще фасоль, маис, овсюг для семян.

— А если иезуиты вас узнают? Если они вас не отпустят?

— Там их только двое. Отец де Ламбер и какой-нибудь помощник, может быть, дикарь.

Летом этот пост становится необитаемым из-за разлива реки, но зимой там всегда есть люди на случай, если кому-нибудь из путешественников и индейцев понадобится помощь.

Анжелика не могла согласиться. Это было невозможно! Он пропадет. Потом она вспомнила о прибытии Пон-Бриана и его индейца, группы Ломенье и д'Арребуста, подвиги бесстрашных людей, например, Александра или Тихого Жюссерана, или отца д'Оржеваля, и даже вспомнила эту безумную вылазку Жоффрея, который преследовал Пон-Бриана до озера Мегантик, чтобы его убить на дуэли.

Безумцы белой пустыни. Среди них были и те, кто выживал и возвращался, ибо это был край бесстрашных.

Однако, она настаивала:

— Вы еще слабы, вы не оправились от болезни. Вы еле стоите на ногах.

Он поднял палец, словно общался с невидимым духом.

— Меня поддерживает дыхание Оранды.

— Оранды?

— Это разум и сила, самые высшие, исходящие от истоков вещей, от истоков самого воздуха, которым мы дышим. Я призову его. Оно придет.

Импульсивным движением она устремилась к нему и обняла его.

— Ведь вы вернетесь?

— Вернусь! И вы будете жить! — сказал он, тоже обняв ее. — Живите! Дорогая, живите, чтобы я не впустую принес свою жертву!

Глава 64

Он продвигался. Он преодолевал расстояние! Он разбивал кристалл холода, пересекал дрожание лучей солнца. У него не было тела. Это не он узнавал дорогу. Сама дорога давала ему знать. Лес расступался перед ним. Он знал, где нужно прыгнуть, чтобы не провалиться в трещину. Иногда он оборачивался. «Оранда! Оранда!» Великий Разум помогал ему. Как любой мужчина, он обязан был спасти женщину и ее детей.

В ходе последнего дня разразилась буря, но он знал, что находится у цели, и не заблудился. Он уже слышал колокол.

Колокол спасения! Колокол вечерни! «Сальве Реджина». Спасение, Небесная Царица!

Пока он выходил из леса и пересекал равнину, чтобы подняться к миссии, небо освободилось от туч.

Его почерневшие губы разошлись в улыбке.

— Как я люблю тебя, знак Любви. Распятый Господь! Скандал Вселенной! Как я тебя люблю!

* * *

Внутри пахло хлебом.

— Мы пекли, — сказал ему миссионер, который встретил его.

Два иезуита смотрели на него молча. Он забеспокоился. Они находили странным, что он не представился?

Он понял, что его приняли за одинокого беднягу, заблудившегося, обезумевшего от одиночества, страха и голода. Однако, он не набросился на еду, которую ему предложили. Он предпочел сначала обогреться и передохнуть.

Когда он сел у камина, он почувствовал, что одежда прилипла к его телу в тех местах, где открылись раны. Он не придавал этому значения, он слушал.

После вечерних молитв миссионеры закрыли двери. Он наслаждался звуками и запахами миссионерского поста. «Запах ладана, запах потушенных свечей! Молитвенники! Шепот молитвы!»

Люди в черных сутанах возвратились в общий зал. Они уважали молчание странного гостя, а он украдкой посматривал на них и слушал. Они говорили между собой о тех людях, которые посещали их пост. О выживших из Великой Федерации надрагенсетов. Кровавые англичане разбили их на юге. Затем они стали обсуждать новости Новой Франции. Новый губернатор решил уничтожить ирокезов, которые приняли сторону англичан. Он начал военную кампанию, которую остановила зима. Они также упомянули Вапассу. Коалиция Фронтенака и француза-еретика была уничтожена. Осенью операция господина де Ломенье-Шамбор провалилась, но гнездо пиратов было сожжено. Вапассу никогда не восстанет из пепла.

Его сердце билось. Он думал о ней.

Он молчал. Сначала он слушал, не говорят ли они о нем, узнав его... или не поняли ли они, откуда он

пришел... Но их диалог был обычной вечерней беседой, обсуждением текущих дел, планов на будущее, новостей, сплетен. Они поздравили себя с отъездом — они уже считали это отставкой — господина де Фронтенака, такого неугодного делу Иисуса.

В их страсти и радости по поводу разрушения Вапассу было что-то от крестовых походов, и в этих людях он узнавал самого себя, свою собственную страсть, которую отныне он не принимал.

— Ты находишься там, далеко, — думал он, представляя себе женщину из Вапассу, ее нежность, ее взгляд полунаивный, полудерзкий. — Ты принадлежишь мне, хотя я всего лишь твой собрат по несчастью, твой враг, которого ты не простишь, несчастный, заслуживающий жалости. И что мне до того, что ты любишь другого, что он владеет твоим телом и душой, я — ничто перед ним. И, однако, ты принадлежишь мне, потому что от меня зависит твоя жизнь и жизнь твоих детей.

Он обращался к ней на «ты» и находил в этом особенное удовольствие, но он никогда бы не решился произнести это «ты» вслух.

Он готов был отдать ей и ее детям всего себя и принадлежать им до того момента, пока не вернется человек, которого она любит.

Он сидел в уголке у очага, опустив глаза. Он боялся выдать себя и старался не вступать в разговор, прикинувшись путешественником, изнуренным долгим переходом.

Один из иезуитов накрыл на стол.

— Ты поделишь с нами трапезу, друг?

Он согласился, решив снять шапку и рукавицы.

Когда он протянул руку, чтобы взять кусок хлеба, они обменялись взглядами, полными сострадания и жалости.

— И ты тоже, брат мой, пострадал от ирокезов.

Надо было достойно ответить.

Он рассказал о путешествии к андасту и как потом попал к сиу, боясь снова оказаться в руках своих мучителей на обратном пути. Известие о войне господина де Горреста против ирокезов воодушевило его на такую попытку. Но ему не удалось бежать от сиу, которые хотели его удержать.

— Не живете ли вы в Ка де ля Мадлен? Мы не получали оттуда известий в течение трех лет, — сказал священник.

Но его товарищ покачал головой: все лица обитателей Новой Франции походили друг на друга.

Чтобы отвлечь их внимание д'Оржеваль попытался расспросить их об их трудах. Сколько крещений прошло за этот год?

Они охотно стали рассказывать. В этом году мимо них проходили племена альгонкинов, которые направлялись на юг. Индейцы не так уж охотно внимали Благой вести, сказал священник, но, потеряв все усилиями англичан, они поняли, что единственным убежищем для них может стать Тень Святого Креста и знамя короля Франции.

Их становилось все больше. И все труднее было их кормить, за ними ухаживать и бороться с их колдовством, так же, как с бесстыдством их женщин. Особенно настораживало пьянство, которое служило причиной других преступлений.

— У нас очень мало алкоголя. Мы держим его только для раненых и больных. Мы не варим пива, чтобы их не искушать. Но стоит погоде улучшиться, как они отправляются в Сорель или Левис, чтобы запастись там огненной водой в обмен на меха, которые они часто воруют из ловушек соседних племен, что служит поводом для конфликтов.

Они с удовольствием рассказывали, а он охотно слушал, одобрял, воодушевлял их короткими

восклицаниями, охваченный жалостью к ним и испытывая сострадание к их тяжелой жизни. Но, зная источник их мужества, он завидовал им, он любовался ими, он чувствовал себя их братом и одновременно знал, что их разделяет непреодолимая преграда.

Огонь гас в очаге, красные отсветы играли на лицах трех людей, склонившихся друг к другу в доверительной беседе.

Себастьян д'Оржеваль первым заметил, что надвигается ночь.

— Уже поздно, братья, — пробормотал он. — Не пора ли отдохнуть? Если вы позволите, я буду спать в этой комнате.

Оба священника молча встали. Один из них вспомнил, что необходимо следить за выпечкой хлеба во второй печи.

— Я прослежу, — сказал гость. — Я прошу вас, отдохните. Я буду счастлив отблагодарить вас за ваше гостеприимство.

Отец де Ламбер и его товарищ согласно кивнули. Они стояли у двери, держа в руках свечи, золотым сиянием освещающие их лица.

Они смотрели на человека с руками мученика, одетого в простую одежду следопыта, словно возникшего из снежной бури, из ее вихрей и криков, который не старался скрыть своего вида следопыта, грубоватого и сурового, долгое время жившего у индейцев.

— По утрам мы встаем на молитву, — сказал отец Ламбер. — Днем не предоставляется удобного случая. Потом я отслужу мессу. Вы из наших? Вы нам поможете?

— С радостью. И если вы не сочтете меня недостойным, то я после исповеди, если смогу, то помогу вам служить.

Они еще раз покачали утвердительно головами и удалились.

Ночь будет короткой. Нужно торопиться.

Он спать не будет. Когда он встал, то раны тут же напомнили о себе. Он вспомнил Анжелику, ее мягкие руки, ее ласковый голос и ее взгляд.

Он улыбнулся. «Поторопись!»

Он прошел в пекарню и по запаху определил время, необходимое для полной готовности хлебов.

Потом он зашел в пристройку, служившую летней кухней. Зимой там хранили зимнюю одежду и инвентарь. Он взял крепкую веревку и пару снегоходов на смену, а также сани.

Потом он вернулся и открыл склад с провизией. Он двигался бесшумно, словно индеец. Он взял муку, овес, вареных плодов, овсяга, сахару, соли, гусяного жира, фасоли и разных трав.

Затем он отправился в часовню и взял оттуда кое-что. Еще один предмет он обнаружил в маленьком сундучке в большом зале и, прежде чем уйти, забросал угли золой.

В последнюю очередь он вернулся в пекарню и вытащил из печи все хлебы, бывшие там. Потом перенес все на сани.

Какое-то время он сожалел, что до ноздрей священников не донесется благословенный запах свежего хлеба, но ему он был нужнее, теперь он грел его.

Он накинул на плечи лямки саней и отправился в путь, предварительно завернув свою добычу в рогожу и связав ее концы. Он не чувствовал ни боли, ни усталости. Он был только телом, устремленным вперед. Дойдя до забора, он повернул ключ в двери калитки и выскользнул наружу.

Немного пройдя, он обернулся. Миссия уже начала исчезать перед его глазами. Лишь маленький крест

блестел на колокольне. Поодаль были вигвамы вапаногов и вонолансетов, большинство — безмолвные и со струйками дыма: по ночам дрова экономили, но без них нельзя было обойтись.

Все стихло, словно отступая перед ночью, перед зимой, перед бедой и тревогой, словно спрашивая безмолвно о будущем, которого нельзя было избежать.

Он посмотрел на юго-восток и над горами заметил черную стену — это шла буря. Его путь лежал прямо туда.

Снег занесет его следы.

Никто не сможет его догнать.

* * *

А они и не думали его преследовать.

— Куда подевались все хлебы из второй печи, — вскричал брат Адриан, когда, не увидев гостя на мессе, они прошли в соседнюю комнату и обнаружили пропажу.

Сбитый с толку, он оглядывался и не мог заметить ни малейшего следа того, кто был здесь накануне.

— Мы спали? Это было привидение?

— Привидение не может украсть три мешка муки, маис и половину из наших запасов фруктов, — заметил отец де Ламбер после беглого осмотра провизии.

— Пойдем посмотрим, не взял ли он еще чего-нибудь, — сказал брат, охваченный гневом.

— А что он еще может украсть?.. Ему была нужна только еда.

— Он взял сани.

— Чтобы все перевезти.

Священник не захотел отмечать, что пропала сутана и молитвенник.

Ночью, ближе к утренней заре, небо заволокли тучи, пошел снег, но это было лишь предвестием более суровых и страшных бурь, которые надвигались. На снегу виднелись следы снегоходов и санная колея. Они

прошли по ним до ограды и стали глядеть на необитаемый юго-восток, куда тянулись эти следы. Буря надвигалась и обещала быть очень суровой. Снег занесет следы вора.

— Почему вы плачете, брат мой? — забеспокоился священник. — Да будет вам! Из-за нескольких ливров муки!

— Я плачу не из-за этого, — сказал брат. — Что мне кража!

Слезы текли по его щекам, он не мог их сдержать.

— Я плачу потому, что вспоминаю о нашей беседе накануне. Как нам было хорошо, когда мы сидели втроем, и он разделял нашу трапезу, и мы разговаривали. Какой свет! О, отец, неужели вы не заметили?

— Действительно, — ответил тот задумчиво. — Слово свечение возникло вокруг него, и оно окутывало нас.

— Я ничего больше не помню, только его глаза, такие голубые, словно небо, и наши сердца были наполнены радостью.

Глава 65

Вот уже несколько миль осталось до конца пути, а ему становилось плохо. С каждым шагом его охватывала паника, внутренности сводило. «Оранда! Оранда!»

Вот уже несколько миль отделяло его от смутного дымка, который означал не что иное, как приближение Вапассу. Но он ничего не видел. Ни запаха дыма, ни самого дыма.

Ничего. И страшное предчувствие охватило его. Он остановился, ломая руки. Затем снова пустился в путь, пересекая снежную равнину, следуя ритмичному ходу снегоступов.

Слишком поздно! Там, в глубине горизонта, была Смерть!

— Что я наделал! — говорил он себе. — Я хотел ее смерти, я хотел уничтожить ее. Господи, почему ты позволил этому безумию овладеть мной? Я хотел тебе служить... Я не думал, что она так слаба, весела и нежна. Я не думал о ее маленьких детях. Будто бы я не знал, что за спиной каждой женщины стоят дети. О, Господи, почему ты создал меня среди демонов? Почему ты наполнил мое детство кровью?..

Он остановился.

Он уже различал форт Вапассу сквозь пелену слез. Но никакой дымок не поднимался над жилищем.

Никакого движения.

Он не помнит подобного потрясения в своей жизни.

«Они умерли! Они умерли!»

Он побежал, громко крича:

— Иду, иду, детки!.. Я пришел! Я пришел!.. Я вам сейчас приготовлю...

Он чуть было не сломал себе шею, упав возле порога.

Он встал и побежал к двери. Она сразу же подалась. Он вошел и не услышал ничего.

Не снимая снегоходов, он прошел в зал, где, с трудом привыкнув к темноте, разглядел троих детей, играющих на полу.

— Где мама?

— Спит, — ответили они, указывая на спальню.

Еще не отдышавшись, он думал:

«Она умерла! Дети приняли ее смерть за сон...»

Тихонько он дошел до комнаты и вошел, дрожа.

Она сидела у очага, который давно погас, и действительно спала, ее поза выдавала сильную усталость.

Он коснулся рукой ее лица. Оно было бледным и ледяным, руки тоже, но он различил ее дыхание.

Встав на колени, он принялся набивать очаг дровами.

— Вот и я, мои дорогие детки, — приговаривал он. — Вот я и вернулся... Сейчас я приготовлю вкусную похлебку... очень горячую, с брусникой... я здесь... я принес вам жизнь...

* * *

Треск дров в очаге разбудил ее, и она подскочила от страха. Она увидела возле себя путешественника, стоящего на коленях и разжигающего огонь.

— Почему вы не поддерживали пламя? — вскричал он. — Я думал, что вы умерли, и сам чуть не умер от боли, не увидев дыма.

Она сказала, что в дневные часы было довольно тепло, и она сэкономила дрова.

Он положил голову ей на колени, и она различила тонзуру.

— О, Господи, — пробормотал он, — какая боль!.. Я успел вовремя.

Тут она рассказала, что, по-видимому, простудилась, и несколько дней у нее была температура. А, может быть, это малярия?

— Теперь я здесь. Я принес провизию, и мы продержимся...

Он ставил на огонь котел, наливал воду.

— Почему, заболев, вы не легли под покрывало, чтобы согреться?

Она боялась, что у нее начнется бред лихорадки. А когда она сидела, то не впадала в забытие.

Он понял, что она не знала, сколько дней назад он ушел, что у нее уже не хватало сил, чтобы ухаживать за детьми, что она перестала надеяться на его возвращение... что она все время повторяла: «Не спать, не спать...»

Она смотрела на него с облегчением.

— Простите меня. Я не подметала целую вечность, и теперь здесь настоящий свинарник.

Очень осторожно он поднял ее на руки и отнес в кровать.

— Теперь я здесь. Я займусь всем.

Он положил ее и заботливо укрыл.

— Теперь пора немножко успокоить детей, которые разыгрались в большом зале, а потом я покажу вам мои сокровища. Я приготовлю суп, достойный тети Ненибуш.

Но она отвернулась, пробормотав, что не голодна.

* * *

После долгих уговоров она проглотила несколько ложек супа.

Форт Вапассу заключил новый договор с жизнью.

Она простудилась, стараясь найти лишайник и кору для Глориандры. Она действительно нашла их и смогла приготовить отвар для девочки, которая почувствовала себя лучше.

— Женщина со слабой верой! Разве я не говорил вам так или иначе поддерживать жизнь до моего возвращения? — ругал он ее. — Когда вы, наконец, убедитесь, что самое важное — невидимо?

Она со всем соглашалась, внезапно поняв, что лежать под одеялами, болеть и принимать чужую заботу не так уж плохо.

Вот так дыхание Оранды помогло иезуиту выполнить трудную миссию спасения и борьбы с зимой.

* * *

Он разложил хлеб на полках вдоль стен комнаты и большого зала. Это будет их запас. Когда он кончится, они напекут еще. Хлеб и вино. Вина в миссии не было, только для мессы. И он не взял его. Зато он прихватил все запасы огненной воды.

И еще свечи. Но их нужно экономить. Они зажгут их на праздники. Скоро праздник святой Онорины.

— Мы испечем сладкую булку в честь вашей дочери и станем молиться за нее.

Ночью она услышала, как он бредит. Она открыла глаза и заметила вдоль стен буханки и поняла, что его возвращение, в которое она не верила, действительно состоялось.

Она долго думала и пришла к выводу, что его отбытие для нее стало равносильно смерти, это очень сильно подействовало на нее.

Он лежал возле очага, завернувшись в шкуру.

Испытывая слабость, она подошла к нему и встала на колени. Он спал, что-то бормоча во сне. Он выглядел едва ли не хуже, чем тогда, когда впервые появился у нее, в кожаном мешке. Бледная кожа, ввалившиеся глаза, заострившийся нос, открывшиеся раны — привидение!..

Как он мог выполнить это, совершить такой подвиг?

Она тихонько разбудила его.

— Идите в тепло, в кровать. Я держу пари, что ваши раны снова открылись, и что вы не сделали даже глотка бульона!.. Ах! Ну что мы с вами за парочка!..

Теперь они вместе будут бороться со смертью.

Глава 66

Несколько дней спустя он рассказал ей о смерти Амбруазины де Модрибур. Он узнал новость из разговора двух священников в миссии Сен-Жозеф. Супруга нового губернатора, будучи с официальным визитом в Монреале, пошла на прогулку и стала жертвой странного покушения. — Она мертва! Дикое животное растерзало ее! — Я не впервые слышу об этом.

— На этот раз это правда.

Мнения по поводу этой смерти разделились. Одни говорили о звере, другие — об ирокезах.

— Вы знаете детали? Не так уж часто высокородная дама подвергается нападению диких зверей на острове Монреаль, густо населенном.

— Мадам де Горреста пошла погулять к старой мельнице на западной границе острова. Несмотря на ее репутацию добродетельной и порядочной дамы, злые языки утверждают, что у нее было там любовное свидание.

— Всегда одно и то же, когда говорят о ней. Одни — невинны, они думают о ее очаровании, другие знают все и молчат, а если и говорят, то за спиной. Итак, она пошла к мельнице. И потом?

Старый друг детства Амбруазины усмехнулся.

— И Архангел прилетел! Там было и чудовище!..

— Что видели люди?

— Ничего! Ни малейшего следа! Если и были настоящие улики и следы, то их тщательно уничтожили. Это-то и навело на мысль об индейцах, способных на такую осторожность. Господин де Горреста обезумел от гнева. Кто-то нашептал ему, что во всем виноваты индейцы, и он объявил им войну. Хотя судя по ранам на теле, здесь «поработало» дикое животное. Но губернатор не захотел смотреть.

Вождь гуронов предложил войну. Армия с канадскими дворянами во главе отправилась к озеру Шамплейн. Вождей Пяти Наций обманом заманили на пир и там, сковав цепями, отправили на галеры короля.

Только Уттаке и Таонтагет, бывшие в далеких краях, избежали их участи.

Армия продолжала двигаться в направлении Пяти Озер. Но началась зима, и экспедиция стала невозможной. Они попрятались в форты и селения. Все начнется снова весной.

— Зло продолжает следовать по ее пятам. Она действительно мертва?

— Насколько может быть мертва женщина, голову которой обнаружили между ветвей дерева, а тело валялось рядом, у подножия ствола.

Пророчество сбылось.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ. ИСПОВЕДЬ

Глава 67

Как только у него появились силы ухаживать за своими ранами самостоятельно, он перебрался в комнату Лаймона Уайта. Очаг в ней сообщался с центральной печью, которая была устроена согласно правил Новой Англии. Она выходила на четыре камина: один был в комнате Джонаса, два — в большом зале и последний — в спальне Уайта. Он занимался домом. По ночам он следил за огнем в камине. Он двигался шагами волка, словно тень.

Анжелика, не имея особенных забот, могла спать и набираться сил. Д'Оржеваль часто выходил на платформу, чтобы удостовериться в том, что зима подходит к концу. Выпадало много снега. Двери и окна были заблокированы. Но это их не пугало. Снег был знаком того, что становится теплее.

Анжелика не боялась и не ненавидела снег. Он прятал их, он укрывал их мягким слоем посреди мертвой пустыни, где бушуют ураганы.

Как была длинна эта зима! Однако, с каждым днем она шла на убыль.

Когда она представляла себе состояние священника, в первый раз появившегося на ее пороге, и сравнивала его с настоящим днем, она могла отдать себе отчет в том, что время пролетело быстро.

* * *

В то утро она сидела возле камина и сворачивала бинты в рулоны, предварительно выстирав их в теплой воде. Она надеялась, что долго ей не придется ими пользоваться. Внезапно перед ней возник отец д'Оржеваль, одетый в черную сутану.

Он был именно таким, каким она представляла себе его в годы их вражды. Сколько раз она ошибалась и принимала за него то отца де Вернона, то Жоффрей, то отца де Геранд. И сколько было других случаев, когда

она говорила себе: это он! Час битвы настал!.. И ошибалась.

И вот он стоял перед ней, в сутане, перетянутой поясом, с распятием на груди, такой элегантный и изящный, похожий на Игнатия Лойолу.

Она подумала: «Как он красив!», и еще: «Откуда он взял сутану?», и вдруг ее пронзила догадка: «Он хочет уйти!»

Но он не дал ей и рта раскрыть. Он сразу же сказал ей, чтобы она не пугалась и не волновалась. Пусть она продолжает свое занятие: он хочет просто поговорить.

Он заверил, что не собирается никуда уходить, по крайней мере, до того, как передаст Анжелику и ее детей в руки друзей.

Но он считал необходимым обсудить с ней кое-какие моменты его жизни.

Сначала он заговорил о своем самом лучшем друге, Клоде де Ломенье-Шамбор.

Он поведал ей о том, как возникла их дружба и их чувство любви, любви духовной, так что каждый из них стал для другого символом пламени, зажигающего его сердце, олицетворением Вселенской любви, которую они распространяли на все человечество.

Она слушала его внимательно, продолжая заниматься своими рулонами.

Когда он коснулся пылкости чувства, которое объединило его с Ломенье-Шамбором, она подумала о Рут и Номи, и ее сердце возликовало от слов этого священника в черной рясе, который подтверждал и ее чувства к подругам.

Ее мало-помалу охватывала уверенность, что в этот час они могут сказать друг другу все.

Они были одни в этом мире.

Никто не мог их услышать, никто не мог прервать их или использовать их слова против них самих.

Они знали, что поймут друг друга. Они не боялись запутаться, обмануться, ранить или расстроить друг друга, они перестали быть врагами. У них был один свидетель — Господь Бог.

Он продолжал говорить, он рассказывал о том дне, когда он вернулся с озера Мокси. В тот день он понял, что Любовь — тоже божественное дело. И как результат — вся его жизнь превратилась в ошибку, рамки его бытия сломались.

— Вот как я понял, что Любовь — дар Божий, и что я виновен в том, что не знал его.

Я очень рассердился на себя, на свое тело, которое стало играть свою роль в этом откровении. Я испытывал ощущения полета и порыва, доселе мне неизвестные. Я благодарил за это Бога. Но это было слишком. Я потерял сознание. Когда я очнулся, то устыдился и испугался. Я постарался снова обрести себя в привычном мире. Мысль о демоне из предсказания пронзила мой мозг, и я с трудом сдержал крик торжества.

Вот так. Я не захотел увидеть свет. Он ранил меня, несмотря на то, что я старался защититься. Я хранил себя от того, что я путал с похотью, от того, что ударило меня, словно молния, что приоткрыло свои тайны, что научило меня знанию того, что это чувство оправдывает существование любого индивидуума на земле, любовь — это все для вас.

Я посчитал себя сумасшедшим. Я не знал, что мне делать с моим новым знанием. Мне пришлось бы расстроить лучших друзей, отказаться от них... На меня стали бы показывать пальцами и говорить: «Он сошел с ума!.. Женщина, Любовь, Свобода сознания... для меня было слишком поздно. Бросить все... Ради чего-то смутного... едва мелькнувшего... И ничего не ждать взамен».

И вот я увидел в перелеске лошадей, караван, и понял, кого я видел... Итак, все упорядочилось. Я мог продолжать свою войну. Да, видите, я пытаюсь оправдаться. Но это ничего не меняет. Мне нет прощения.

Я узнал день, когда я перестал сознавать справедливость моих действий. Когда еще ребенком я отправлялся на расправу с протестантами, я знал, что совершаю богоугодное дело, что Господь меня оправдает. Мы родились слепыми, среди тумана, напуганные монстрами, которые на самом деле оказались соломенными чучелами и деревянными идолами.

Но когда разум проясняется, начинается основное заблуждение.

Я виновен в том, что продолжал жить, придавая своим действиям видимость добродетельного порыва, на деле скрывая за ними муки влюбленного.

Я называл любовь ненавистью, чтобы найти способы о ней размышлять. Все мои планы о битвах, о пленении, о мести и казни, которые я строил против вас, были лишь сопротивлением тому влечению, которое я к вам испытывал. Я думал победить, стереть, уничтожить то, что не заслуживало моих трудов, и я добился только одного — я это приблизил.

Я думал, что это необходимо для того, чтобы восторжествовать над врагами Господа, чтобы выполнить мою миссию...

Когда я пошел на штурм Ньюшваника, возле Брунsvик-Фоллс, я знал, что вы находитесь там, среди пуритан, на холме, и я кричал: «Приведите ее мне!» Я был уверен, что нахожусь у цели. Я дрожал сам, не знаю, от какого нетерпения... Чего я ждал от момента, когда вы будете передо мной стоять, как пленница?.. Но вы не появились... И Пикскратт исчез вместе с вами!.. Не

смейтесь!.. И я понял, что борьба будет серьезнее и длительнее, чем я думал.

Безумец, я думал, что, если добьюсь вашей смерти, то снова обрету душевный покой.

* * *

Затем он стал говорить о своей ревности по отношению к ее мужу, единственному мужчине, которого она любила, и который любил ее.

Это признание было для него затруднительным, потому что он знал Анжелику. Если она спокойно могла выслушать все, что касалось ее, то упоминание о ее муже, да еще нелицеприятное, ранило ее.

Он заверил ее, что никогда не хотел убивать Жоффрея, только отстранить от нее. У него есть все, что ему угодно, и самое главное, — прелестная женщина, которая влюблена в него.

— Не думайте, что его жизнь так уж легка, — попыталась протестовать Анжелика.

— Как счастлив этот человек, — думал я, — которого вы так отчаянно любите, которого не ограничивают законы, который свободен телом и душой. Противник церкви — он не заслуживает такого блаженства. Я проклинал его. Почему он, а не я?..

Я считал его человеком, лишенным морали, без привязанностей, без почтения к кому-либо... И, однако, я знал, что он прав. Я боялся понять это. Он был прав. Он, который шел по Пути Правды, потому что он шел по Пути Правды! И я должен был смотреть этому факту в глаза.

Как ужасно обнаружить ошибку и сиу ловушек, в которые ты попал. Лучше быть слепым и не понимать света правды, данного нам не по заслугам, а по Плану. Лучше всего считать, что находишься среди избранных.

— А теперь что вы думаете?

— Что Господь принимает все пути, которые подтверждают Его величие и прославляют Его доброту.

Я пал и возвратился к самому себе, несмотря на то, что потерял моих друзей. Вот, что я хотел рассказать вам, чтобы прошлое больше не вызывало ни подозрений, ни намеков, ни горечи между нами. Нужно было избавиться от всех этих дурацких событий: я не сражался за бога, а вы не были его врагами.

Он замолчал.

Анжелика закончила сворачивать бинты, она аккуратно положила их на скамеечку.

Он увидел, что она нервничает. Положив руки на колени, она смотрела на него. Легкая улыбка играла в уголках ее губ. Он закрыл глаза.

Однако, она спросила после недолгого медитативного молчания:

— Можно вас спросить?

И поскольку он утвердительно покачал головой:

— Где вы взяли сутану в таком прекрасном состоянии? Мне казалось, что та, в которой вы появились, распалась на лоскуты.

— Я взял ее у миссионеров Сен-Жозефа.

— А почему вы ее надели сегодня?

— Ради трудных признаний. Так мне легче разговаривать с вами.

— Отец д'Оржеваль, мне приходится спрашивать себя, не заключается ли ваша ошибка не в том, что вы примкнули к иезуитам, а в том, что вы не вступили в труппу господина де Мольера. По-моему, в душе вы немного комедиант.

— Я всегда им был... В колледже я исполнял все роли великих героев античности. Ибо вам известно, что иезуиты придают большое значение театру. Нужно иметь вкус к декламации и понимать трагедию, чтобы служить. А пребывание у индейцев, которые все по натуре комедианты, меня еще больше приучило к театральности.

Глава 68

Затем он снял сутану и аккуратно убрал ее, а распятие поставил на камин в комнате Анжелики. Иногда она видела, как он читает молитвенник, который, по всей видимости, он тоже заимствовал в миссии. Теперь между ними сложились отношения доверия и понимания. Она могла рассказывать ему о Жоффрее. Он слушал. Она припомнила, что ей ни разу не доводилось говорить о своей любви и о Жоффрее даже в Абигаэль.

Холод по-прежнему был устойчивым, и небо было покрыто снежными тучами. Ветер свистел и выл.

Иногда выдавались солнечные дни, тогда они выходили на короткие прогулки. Но потом снова начинался буран. Напрасно они смотрели в сторону деревьев недалеко от форта в надежде услышать пение птички, которую никто никогда не видел, но которую все называют «весенняя птаха», которая стала бы для них Ноевой голубкой.

Они говорили о далеких городах, которые они увидят однажды, где их ожидает спасение.

Люди поступили правильно, начав строить города. Их инстинкт толкает их на то, чтобы собрать воедино все блага и службы, чтобы поддерживать слабую жизнь, которая может быть спасена единственной коркой хлеба, поданной милосердным соседом.

Себастьян д'Оржеваль обсуждал с ней проекты ее появления во Франции.

— То, что вы вернетесь в Европу, не отнимет у вас тех связей, которые вы установили в Новом Свете. Господин де Пейрак прекрасно общается с людьми, и его корабли смогут навещать порты Нью-Йорка и Квебека.

По его мнению, судьба колоний не зависела от одного присутствия того или иного человека. Не было никакого выхода из замкнутого круга войн, стычек и набегов то одной, то другой стороны; всегда будут

жертвы — белые или индейцы, французы или англичане.

— Главные силы — там, — говорил он. — Версаль управляет судьбами народов, находящихся даже в самой глубине неизведанных краев.

Многочисленные экспедиции пожирают расстояния. Господин де ля Салль не замедлит водрузить знамя короля Франции над Иллинойсом, и кто знает? Он может зайти до Мексиканского залива, если ему удастся спуститься вниз по Миссисипи до ее устья.

— И Новая Англия будет окружена.

— Вот видите, Версаль делит территории и направляет ход войн. Если бы ваш супруг не смог сопровождать господина де Фронтенака, то интриги врагов нашего губернатора привели бы его в Бастилию. Нужно постараться сделать для него еще больше. Нужно, чтобы он вернулся в Канаду. Ибо новый губернатор — сумасшедший. И что еще хуже, — он глуп.

* * *

Она представила себе двор. Он не без основания называл его джунглями, и кому, как не ей, было дано это знать? Однако, она не могла не думать о красоте Версаля.

Король Людовик Четырнадцатый создал культ красоты, он приветствовал все формы искусства. Да, двор был джунглями, но еще и Храмом Красоты.

— И однако, — сказал Анжелика, — еще труднее вернуться в места, где было применено первое оружие.

Она чувствовала в себе новые силы, готовые к порыву. Теперь, когда Жоффрей вступил в контакт с королем, выполнил свою миссию, она хотела бы оказаться рядом с ним, не отпускать его от себя. Вдвоем они легко справятся с трудностями, вдвоем они смогут насладиться очарованием Версаля.

Когда она прекращала мечтать, действительность обрушивалась на нее всей тяжестью. Она опасалась

дальнейших ударов судьбы.

Кончится ли когда-нибудь зима?

— Можно ли предположить, что где-то существуют дворцы, где танцуют, где слушают небесную музыку, где делают такие большие торты, что в них может спрятаться ребенок, одетый Амуром, и под аплодисменты вылезти прямо на стол?

— Да, можно представить, — говорил он, — и за это надо возблагодарить Господа. Это честь нашего мира — уметь поддерживать без устали огонь и мир роскоши. Если везде будут нищета и голод, то воистину настанет конец света.

Мы, находясь в нашем аду, должны быть благодарны тем, кто сейчас танцует и смеется, как наш король, потому что они продолжают создавать все формы Красоты, чтобы усладить взгляд и ум.

Ибо это означает, что огонь продолжает гореть, что это единственный очаг в этом мире, и что надо надеяться, что мы однажды сможем погреться у него. Надежде все дозволено, если знать, что горит хоть одна искорка этого огня.

Естественно, поток грязи, преступлений и обманов, который несет нас, силен. Но поток золота и драгоценностей жизни, лава извергающегося божественного вулкана, которая лелеет наш экстаз и наше восхищение, тоже обладает несгибаемой мощью. И там-то мы и должны питать наши мечты и амбиции.

Можно было подумать, что в нем присутствует что-то от разума Жоффрея. Она все больше в этом убеждалась. Она узнавала эти мысли, эти блестящие идеи, которые сеньор Аквитании с таким величием излагал ей. Разница была в том, что священник походил на трубадура, которого тащили на паперть Нотр-Дам за веревку, привязанную на шее. Он потерял от этого голос и привык молчать. Так что не так уж просто было услышать от него то, что он думает.

Сердце Анжелики устремилось к Жоффрею. Она думала: «Я понимаю тебя, любовь моя. Мы снова встретимся в мире и покое и поговорим».

Несколько раз священник повторил, что не стоит господину де Пейрак тревожиться о судьбе его семьи.

— Я обо всем позабочусь.

Главное — это король. И, общаясь с ним, господин де Пейрак послужит на благо народов и континентов, чем если будет тратить силы на то, чтобы спасти своих.

Она вспомнила, что Жоффрей никогда не поддавался ложным тревогам.

— Если и поддавался, то не слишком, — заметила она с легким упреком.

Его способность к концентрации давала повод ревнивому сердцу думать, что о нем забыли. Иногда Анжелика подозревала мужа в том, что он увлекся какой-нибудь дамой.

Но теперь главным был король.

Она от души забавлялась, потому что Себастьян д'Оржеваль говорил о том, что Жоффрей должен подготовить все к приезду Анжелики.

— Вы не должны страдать от нехватки чего-либо. Все должно быть в вашем распоряжении. К вашим услугам должны быть дворецкие, камердинеры, горничные, кареты и лошади. На стенах ваших домов должны висеть самые прекрасные картины и гобелены, должна стоять самая изящная мебель, должны быть безделушки, любимые вещицы, драгоценности и наряды.

— Успокойтесь, — говорила она ему, — мой дорогой управляющий. Если уж мой супруг захочет моего возвращения во Францию, то у меня будет все. Безделушка или украшение, все, что сможет мне дать почувствовать вкус к жизни и поможет мне забыть обо всем, что я потеряла.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ. КОНЕЦ ЗИМЫ

Глава 69

Она застала его за тем, что он проверял оружие: оно хранилось, как положено, завернутым в промасленную ткань, и не пострадало.

Конец зимы — это возвращение людей. Он хранил воспоминания о том, что видел в миссии Сен-Жозеф. Он помнил, что, как только снег растает и лед сойдет с озер, армии господина де Горреста продолжат свою войну с ирокезами.

— Они истребят индейцев, сожгут их селения. Быть может, настанет конец стране ирокезов. Но я знаю их: Уттаке снова исчезнет. Он уведет с собой тех, кто уцелел. И напрасно их будут преследовать: они исчезнут с лица земли!

— Что вы хотите этим сказать?

— Они исчезнут! — повторил но, сопровождая слова жестом. — Я хочу сказать, что они станут невидимыми.

— Я не отрицаю чудесное, но я думаю, что здесь должно быть вполне материальное объяснение. Ведь и о вас, отец д'Оржеваль, говорили, что вы умеете летать!.. И что можете стать невидимым? Однако...

Но он лишь улыбнулся, погруженный в раздумья.

— Да, есть одна идея. Как только преследователи уберутся, они снова появятся и недалеко отсюда.

Он знал наизусть секреты огромного края скал и лесов, с озерами и обрывами, непроходимыми болотами и горами, которые покорялись лишь избранным.

Безумием было привести сюда лошадей. Со стороны господина де Пейрак было утопией надеяться пересечь эти края.

— Где они пройдут?

— Я думаю, что знаю.

Но больше он ничего не сказал.

— Итак, вы думаете, что они появятся. Но тогда вам нужно бежать.

Он посмотрел на нее с горечью:

— Ради чего? Жизнь больше не дорога мне, она не даст мне ни покоя, ни счастья, одни скитания и одиночество. Но я не чувствую себя способным стать отшельником. Он принадлежит к общности людей, избранной им самим. Отшельник присоединяется к своим братьям, он молится вместе с ними, думает о тех же истинах. Я понял это, когда говорил с ними. Но для меня общности больше нет.

— Мы будем с вами. Мы вас не оставим. Даже в пустыне... Их можно найти и во Франции.

— О! Я знаю. В Дофинэ, например... Франция богата такими местами... Но это не Америка...

— Но ведь можно обосноваться на реке Сен-Жан или в Шинекту. Я знала человека оттуда. Он говорил, что в Мериленде, а это католический штат, принадлежащий англичанам, монахи скрывались довольно часто. Во всяком случае, мы всегда будем с вами.

Он был искушен. Не столько перспективой этого существования, несмотря ни на что — пустого, сколько из-за страха снова попасть в лапы ирокезов, которые направлялись в эти места.

Угадывая, что зима отступает и что земля возрождается, они с удвоенной энергией стали бороться с апатией и вялостью, стали обращаться к Матери-природе, которая начинала расцветать.

— Как только наступит весна, — говорил он, — сколько будет работы! Нужно будет починить стены и крышу форта, расчистить дорожки, убрать мусор и... еще тела. Все надо будет начать заново.

— Сколько можно терпеть эти мертвые тела? Вы имеете в виду, что в Вапассу погребены трупы?

— Нет. Не трупы. Ваши еретики, о которых вы рассказывали мне с такой нежностью, ваши гугеноты, квакеры, лолларды, бедняки из Лиона, худшая секта,

чем даже Кафары, — вы увидите их, они не мертвы... Вы спасете их еще раз.

Он улыбался, видя, что его слова достигают цели, и что энергия и пыл расцветают на ее щеках.

— Вы все можете, мадам. Король, и тот находится у ваших ног. Что я говорю? Скипетр короля — в ваших руках. Суверен, который управляет половиной Европы и частью Нового Света, слушает ваши советы, и своим влиянием, гораздо большим, чем влияние оружия, вы можете действовать и приносить пользу. Но вы должны победить усталость и выжить. Всего несколько дней отделяют нас от спасения: от весны.

— Может быть. Но почему вы не хотите спастись? Послушайте меня и бегите.

Иезуит отвел глаза и печально покачал головой.

— Уттаке сказал мне: «Я приду и съем твое сердце! Ты должен мне отдать его, Черная Одежда».

— Глупость! Вы поддаетесь безумию дикарей. Вы же сами говорили, что нельзя пытаться понять их, и терять разум, следуя их мыслям.

— Уттаке сказал мне: «Ты должен мне, Черная Одежда. Разве ты не прибыл сюда, на другой берег океана, чтобы сделать это?»

Она с жаром возразила:

— Нет! Нет! Один раз!.. Два раза!.. довольно! Вы уже заплатили сполна. Бегите! Добирайтесь до Французской бухты. Там мы встретимся. Я найду у вас убежище. Я спрячу вас в надежном месте.

— Я не могу оставить вас одну с детьми.

— Мне уже лучше. Я обещаю вам. Бегите и не ждите больше.

— Не думайте, что пришло время выходить из дома. Время бурь и снегопадов еще не прошло. Я не за себя боюсь. Выздоровливайте! Вы быстрее поправитесь, если не будете тревожиться ни из-за меня, ни из-за кого-

либо. Не бойтесь. Я знаю, когда наступит время для бегства.

Анжелика больше не протестовала. Он был прав. Ночь была еще глубока.

Когда дневные заботы были позади, иезуит сажился у огня, Анжелика и дети располагались на кровати. Они разговаривали, сначала понемногу, затем более долго.

Он все чаще рассказывал о жизни миссионера и его опыте в обращении с индейцами.

— Они выживут, — говорил он, — они будут жить.

Природа уничтожает тех, кто слаб, кто противостоит ей; исчезнут те, кто не хочет слышать ее голоса, ибо он — голос Бытия. Ни один народ, ни одна идеология не может устоять перед Божественной силой Бытия и Сознания. Эта сила знает, что делает. Иногда она жестока. Народы исчезают, потому что сопротивляются ей. Возрождение Сознания — это наш долг. Мы этого не знаем. Мы считаем себя хозяевами природы. Но люди ишь разрушают. Они как дети. И каждый приносит свой хворост на костер разрушения.

— Если вы и дальше будете продолжать в этом духе, костер будет ждать вас, — сказала Анжелика.

— И, однако, все человеческие уши могут открыться, чтобы услышать. Но «они имеют уши и не слышат, они имеют глаза и не видят». Позади этого слова — Природа — они видят лишь лицо Бога. И если я скажу «Бог», они не поймут. Они увидят лишь своего идола.

Он сидел возле огня и смотрел под ноги, словно с кафедры наблюдал за паствой.

— Они сидят на деревянных скамьях, на соломенных стульях или на циновках, они поднимают головы, чтобы слушать предсказателя, но слова для них ничего не значат. Их горизонт замкнут. Он слишком узок. Они не хотят знать. И сама Америка слишком пустынна и слишком велика, чтобы понять, что происходит, и что

должно произойти. Но будущее открыто для нее. Вот почему я люблю ее... Здесь столько секретов.

Однако, женщины более склонны к пониманию тайн, чем мужчины. Вот, быть может, почему разум мужчины занят тем, чтобы усмирить этих любопытных. С какими заботами и хитростью они заставляют их не думать, не действовать.

— Это — наказание Евы, слишком стремящейся к познанию, и уже обманутой и сбитой с толку природой.

— Нет... Скорее, опасной и не боящейся Бога... Природы!..

Они смеялись. Их забавляло так говорить о библейских персонажах и обращаться с ними, как с марионетками в театре.

Покинутые всеми на мертвой звезде, они могли смотреть свысока на властелинов земли. Исчезновение жизни вокруг них сделало их Королем и Королевой Созидания.

Их тон и смех привлекли внимание детей. Они тихонько сидели рядом, следя глазами то за одним, то за другой, и можно было сказать, что они были в восторге от того, что слышали.

— Посмотрите на них, — шептал он, — как они прекрасны. Это — цветы света.

* * *

Она слышала, как он хлопчет по дому, как разговаривает с детьми. Он был похож на ангела. Он прибыл, словно ангел. Он вновь помог ей обрести силу жены и любящей матери, которая поддерживала жизнь детей, и еще Онорины, думая о ней, и Жоффрей, который боролся вдали за них. Жоффрей де Пейрак, граф-рыцарь, защитник, неустрашимый, непобедимый, их спасение, их убежище, их общая сила.

Но силы мужчины не так прочны, способы его борьбы так ограничены.

Даже Жоффрей, говорила она себе, признавал, каким грузом он был наделен. Один Разум может оценить это. Один Дух может приумножить это. Она понимала, что он имел в виду в последний вечер перед отъездом: его сила — ее сила. Его постоянство будет питаться от ее постоянства.

Нужно было лишь пережить зиму. И само Небо хранило их.

Она не переставала кашлять с момента ее последней болезни, и из-за дневной жары и ночных холодов у нее случилось ухудшение.

Она кашляла, и это напоминало ей времена на восточном берегу, когда прекрасная Марселина ухаживала за ней при помощи Иоланды и Керубина. Анжелика не сомневалась, что все они живы.

Глава 70

Он приоткрыл дверь осторожно и сказал:

— Первый цветок! — Он держал в пальцах розовый крокус. — Я нашел его, отделив ледяную пластину на крыше. Сначала он был бледным, но скоро расцвел.

Он поставил цветок возле нее в стакане с водой. Она думала о Канторе. О его голосе в конце зимы: «Мама, первый цветок».

Ее охватило желание увидеть всех своих детей, собрать их вместе возле себя. Идея пересечь океан теперь не казалась ей такой уж невыполнимой. Как и появление цветов, все должно упорядочиться. Онорина прибудет в Голдсборо, и потом они отправятся в путешествие, чтобы встретиться с Флоримоном, Кантором, вместе с Онориной, Раймоном-Роже и Глориандрой. Они все попадут под крыло Жоффрея. И возьмут с собой Шарля-Анри и всех детей, которые будут нуждаться в их помощи. Какая крыша приютит их всех? Какая провинция станет их краем? Какая разница!

Это будет там, где скажет Жоффрей. Жоффрей! Жоффрей! Скоро придет весна, и мы встретимся.

* * *

Ледяной холод. Ночь. Снова ненастье. Деревья, которые уже начали оживать, опять покрыты льдом.

Анжелика проснулась, дрожа и стуча зубами, уверенная, что у нее лихорадочный жар. Но дети тоже дрожали, они даже проснулись.

Иезуит принес шкуры и меха.

— Цветок правильно сделал, что рос под снегом, он-то знал, что зима еще не кончилась.

Он подкинул дров в огонь, принес Анжелике огненной воды, которую позаимствовал в миссии Сен-Жозеф и которая, казалось, не кончалась, словно святое масло в храме или хлеб и рыба в Евангелиях.

Он развел огонь во всех очагах форта, ибо, объяснил он, что это был последний приступ зимнего холода.

— Зима еще борется. Но напрасно. Весна приближается. Она всегда наступает.

И, чтобы уверить их в своей правоте и показать в последний раз лицо врага, он уговорил их сделать прогулку.

Они безмолвно стояли под еще холодным солнцем. Д'Оржеваль показал им вдали золотистый туман, похожий на жаркую дымку, которая бывает летом. Но это обман. Это был лед. Хотя, если приглядеться, то можно было увидеть, как под снегом расцветает трава.

— Зима не хочет отступить. Но это ничего не значит. Это не помешает нам через неделю собирать Львиный зев и есть наш первый салат.

Анжелика решила, что нужно собирать корни и сушить их. Первый цветок означал для нее не только начало весны, но и возвращение людей. Снег скоро растает.

Но по освободившейся от снега почве уже ступали босые ноги в мокалинах. Новости начали распространяться. Скоро они дойдут до Голдсборо. Во всяком случае, как всегда, организуется караван, и

Колен Патюрель в этом году будет очень торопиться, чтобы пробраться сюда и узнать о судьбе Анжелики.

Эти разные мысли будоражили ум Анжелики и беспокоили ее.

— Я умоляю вас, отец! Бегите! Бегите!

Она повторяла это много раз, не зная, кого бояться, белых ли людей, которые не поймут ее, или дикарей, которые хотят схватить его и замучить насмерть.

— Я обещаю вам, я собираюсь уходить.

Он отвел ее в комнату и помог лечь. Потом вернулся с кружкой.

— Выпейте, это отвар. У нас почти ничего не осталось из запасов трав. Но это не страшно. Скоро вы сможете сами собирать их.

— В Вапассу?! С этим покончено...

— Вы будете собирать цветы в Иль-де-Франс. Цветы растут везде. Это самые верные друзья человека. А теперь поспите и наберитесь сил. Когда проснетесь, мы поговорим о моих планах... Я завтра уйду... или послезавтра, будьте уверены. Я вижу, что вы поправились. Спите и не тревожьтесь. Дети играют возле дома. Я пойду на озеро за тростником для удочек.

Эти приготовления показались ей добрым предзнаменованием, хотя она верила ему лишь наполовину.

«Он ждет «их», — думала она. — У него нет на это права. После всех трудностей, с которыми я его вылечила...»

Она подумала о нем с нежностью, словно она думала об одном из своих сыновей, которому грозила опасность. «Я не хочу, чтобы ему угрожали. Я не хочу, чтобы его отвергли и презирали. Я хочу, чтобы он жил. Счастливый! Свободный! Он заслуживает этого. Он заплатил».

— Вы обещаете, что завтра уйдете?

— Да! При условии, что вы, когда проснетесь, сможете пойти со мной у озеру.

— В таком случае, я повинуюсь. Я буду спать и набираться сил.

Она заснула, счастливая, и в первый раз с ощущением настоящего выздоровления.

Глава 71

Прежде, чем открыть глаза, она подумала: «Что там горит?» Запах, наполнивший ее сон, исчез, когда она поняла, что находится в своей комнате в Вапассу. Солнце садилось, она спала всего несколько часов. Но она чувствовала себя вполне отдохнувшей. Теперь он может уйти. Она посмотрела на камин, где было его распятие, и полюбовалась блеском рубина. «Он оставит его мне, когда пойдет?.. Повесит ли он его на шею?..»

Затем, повернув голову, она заметила возле своего изголовья молодого человека, одетого в черное, который встал, заметив, что она проснулась.

— Здравствуйте, госпожа Анжелика.

— Мартьяль Берн? Что вы здесь делаете?

— Мне приказано следить за вашим отдыхом, дорогая госпожа Анжелика. Вы так крепко спали, когда мы приехали, что, удостоверившись, что вы живы, мы не смогли прервать этот прекрасный сон.

Анжелика оперлась о подушки, чтобы получше разглядеть его.

— Разве ты не уехал в Бостон, в колледж?

Он рассмеялся.

— У вас хорошая память, дама Анжелика! Но я решил, что не пришло время для отъезда, когда Голдсборо угрожала опасность. Осень была тревожной. Каждый мужчина был необходим, потому что внезапно настала зима. Повалил снег, а деревья трескались от холода. Море замерзло в устье Пенобскота и Кеннебека.

Видя, что она внимательно слушает, он рассказал, что они и не подозревали о тех событиях, которые

разыгрались в Вапассу.

Когда новости дошли до них через индейцев, у них было впечатление катастрофы. Они узнали, что Вапассу был захвачен и сожжен, а все его жители были взяты в плен и отправлены в Квебек, что было лучше смерти.

Затем, с первыми оттепелями, прибыл немой англичанин в сопровождении одного из служащих голландского поста Хусснок. Лаймон Уайт попал в плен к индейцам, потом сбежал от них. Поэтому-то он и задержался. Он принес удивительную новость, что Анжелика находится с детьми в Вапассу, им угрожает смерть... если еще это не случилось.

Тут же господин Патюрель организовал караван спасения, которому понадобилось два месяца пути, чтобы достичь Вапассу.

— И вот уже два часа, как мы здесь.

Молодой человек продолжал:

— Какое счастье видеть, что вы живы! Какое утешение для наших тревог! Дети! Как они хороши! Как они выросли, и они уже говорят!

Кто бы мог подумать, что после таких испытаний близнецы окажутся в таком прекрасном здоровье! Он добавил, что отец Шарля-Анри захотел принять участие в экспедиции, он очень беспокоился о сыне. Тот узнал его с радостью.

И вот все были счастливы и ждали только того момента, когда она проснется.

За дверью раздались тяжелые шаги, и в дверях показался Колен. Его суровый взгляд прояснился, когда он увидел, что Анжелика сидит в постели и слушает Мартьяля. В этот момент Анжелика окончательно поверила, что все это ей не снится.

— О, мои дорогие! — вскричала она, бросаясь ему на шею, обнимая его.

Наконец-то настало время, такое желанное, которое, казалось, никогда не придет, когда здесь

снова были люди, и это были друзья из Голдсборо.

Колен продолжил рассказ Мартьяля. Он описал их опасное путешествие, как они шли непроходимыми лесами, сколько раз их останавливали бури и снег. Он рассказал, как они боялись, что никого не застанут в живых, и как они обрадовались, когда удостоверились, что в форте по-прежнему живет женщина и ее трое детей. Настоящее чудо!

— Кого это жгут? — пробормотала Анжелика машинально.

Ее подсознание продолжал тревожить этот запах костра, пожара, слишком явный для нее. Были ли это костры лагеря? Она отвыкла от присутствия людей.

Колен сделал вид, что не расслышал, или не понял смысла странного вопроса: почему она говорила, кого это жгут, вместо что это жгут.

И он продолжал рассказывать о том, каким чудом они все считали спасение Анжелики и ее детей; они привезли из Голдсборо игрушки и одежду для близнецов и для нее.

— О! Какая прекрасная мысль! — вскричала Анжелика. — Как хороша жизнь!

Она почувствовала, как силы и энергия возвращаются к ней.

— Скорей! Я хочу встать!

Тут ее взгляд упал на распятие, находившееся на камине.

— А он?..

— Он?

— Человек, который был с нами... Здесь... Вы его не видели?.. Не встретили?..

— Ах, да! — вспомнил Колен, в то время как Мартьяль бросил на него тревожный взгляд.

— Да, — признал Колен. — Прибыв на берег озера, мы заметили на другом берегу человека, который то ли ставил ловушки, то ли что-то собирал. Сначала мы

испугались, приняв его за врага, и спрятались. Потом, поняв, что он один, двое из наших побежали к нему, чтобы схватить. Но при виде нас он оставил свой труд и убежал.

— Наконец-то! Слава Богу! — вздохнула она. — Он убежал...

Она закрыла глаза и откинулась на подушки, чувствуя слабость. Она продолжала слушать их, держа за руки. Она была так счастлива, что они пришли к ней. И скоро она увидит Жоффрея!

— Слава богу, — повторила она. — Мои дорогие друзья.

Однако, непонятное чувство продолжало ее тревожить.

— Колен, что это за запах костра и паленого мяса, почему он такой сильный?.. У вас что, пирушка? Меня тошнит от этого дыма. Можно подумать, что рядом находится индейский лагерь...

— Там ирокезы! — сказал Мартьяль.

Глава 72

— Мы встретили их возле Катарунка, возле старого разрушенного поста, — тут же подхватил Колен. — Они были на тропе войны, и мы потеряли несколько драгоценных дней на то, чтобы сначала отбивать их атаки, потом уверить их в мирных намерениях. Индейцы малеситы и етчеминсы отделились от нас, и мы больше их не видели. Наконец, вождь индейцев согласился признать, что мы не принадлежим к их врагам.

— Уттаке?

— Да, это его имя.

— Где он?

— Да здесь, в Вапассу. Он утверждал, что здесь находится его враг — иезуит, отец д'Оржеваль. Я не знаю, может быть, он хотел схватить привидение или его душу, потому что я прекрасно помню, что этот миссионер года два назад погиб. Но с этим дикарем

бесполезно спорить. «Ты ничего не знаешь», — сказал он мне презрительно, когда я попытался ему объяснить, что этот священник не может находиться в Вапассу, потому что он умер. И мы еще стали внушать ему, что торопимся и боимся опоздать и не застать вас в живых. «Она жива», — сказал он мне, по-прежнему глядя свысока. Несмотря на такую уверенность, мы поспешили вам на помощь, боясь опоздать. Это подлило масла в огонь. «Я друг Тикондероги, француз, — сказал он мне. — Не думаю, что ты обязан ему больше моего. И я получше тебя следил за его звездой...» Мы чуть было не сцепились. Эти дикари невыносимы, а мы привыкли к тихим крещеным абенакисам. Наконец, они позволили нам продолжать путь, но следовали за нами по пятам. Иногда они обгоняли нас. Я не знаю, может быть, им известны тайные тропы. Мы шли обычным путем. Наконец, с холма мы различили развалины Вапассу... И вот мы у тебя, — закончил Колен.

Он взял ее за руку, чтобы скрыть волнение, и стал называть ее на «вы», поскольку публично всегда придерживался этого.

— Мы отвезем вас в Голдсборо, мадам, вас и ваших детей. Там вы будете в безопасности. Барон де Сен-Кастин и его индейцы будут защищать нас от любого врага, пока не вернется господин де Пейрак. Здесь же у нас мало сил, и нет никакой уверенности в безопасности. Надо незамедлительно отправляться. Увы! Но с Вапассу покончено.

Она слушала его и внимательно смотрела на него, и он спрашивал себя, откуда ему пришла мысль, что она ослабела и что придется нести ее на руках обратно, как это уже было один раз на дороге Магреб.

Это любимое лицо носило отпечаток перенесенных испытаний, но было понятно, что она не потеряла ни свою энергию, ни свою красоту.

— А человек? — повторила она.

— Какой человек?

— Тот, которого вы видели на другом берегу озера, и который убежал.

Она пристально посмотрела на него своими зелеными глазами, и его душа наполнялась неизъяснимыми чувствами. Он никуда не мог деться от этого взгляда.

Он отвернулся.

— Ну, ладно. Мы скажем тебе! — сказал он, в своей тревоге снова переходя на «ты», желая скрыть то, что его беспокоило, но напрасно. — Мы заметили его, этого человека, на другом берегу озера, и он убежал. Потом мы обогнули озеро и достигли стен форта. И тогда...

— И тогда?..

— Тогда показались ирокезы. Они вышли из леса во главе с Уттаке. Я увидел вождя могавков, он бежал ко мне. Он крикнул мне: «Тот, кого я ищу, — там! Вы упустили его!..» Я возразил, но еще никогда смерть не была так близка. Внезапно он остановился и протянул руку в направлении холма.

Подняв глаза, мы увидели иезуита. Он стоял неподвижно, словно видение. Мы ждали, что оно исчезнет. Но он спустился к нам. В руках он держал свое распятие с красным камнем в середине.

Иезуит подошел прямо к Уттаке и сказал: «Вот он я».

— И они схватили его, — пробормотал Мартьяль.

Анжелика застыла в ужасе.

— Колен, они схватили его? Что они сделали?

Он отвернулся.

— Они повели его, — сказал он, — на холм. Потом их вождь дошел до руин Вапассу и принес оттуда несколько почерневших досок. Положив их на землю, они пошли еще раз и принесли небольшой столб, который вкопали в землю и, привязав к нему свою жертву, сняв с нее одежду, начали его пытаться.

Анжелика вскочила.

— Отведи меня к ним!

Колен стал удерживать ее. Он умолял ее, он просил, в глубине души он жалел, что она не проснулась позже.

— Я умоляю тебя, Анжелика! Хватит рисковать! Хватит безумствовать! Небо и так подарило нам бесценное сокровище, сохранив жизнь детей!.. Мы должны уехать как можно раньше, использовать то, что... они... заняты...

— Оставь меня! Ты не знаешь! Я не вынесу, если он попадет в их руки еще один раз. Веди меня к ним!

— Анжелика, ты что, добиваешься смерти нас всех? Ты знаешь, что они делают со своими пленниками? Они не потерпят того, что белые вмешиваются в их ритуалы. И если мы попытаемся... Нам придется убить их всех, а у нас нет таких сил, говорю я тебе! Мы не можем вмешиваться!

— Вы — может быть. Но я — да! Я не боюсь их... Если бы я могла идти сама, я пошла бы одна. Помоги мне. Помоги мне идти.

— Анжелика, ради небесной любви, я не буду уверен в твоей безопасности, когда приведу тебя к ним. А что я скажу твоему мужу, если ты погибнешь? Это просто кошмар. Ты хочешь нашей смерти? Подумай о нем!

— Жоффрей сделал бы это!

Она бросилась вперед, забыв обуться. Она чувствовала, что ей будет легче бежать с босыми ногами. Бежать!..

Она услышала Мартьяля, молодого гугенота из Ля Рошели, который расстроено кричал:

— Почему, почему, госпожа Анжелика?.. Ведь это же иезуит... Один из наших врагов...

«Ах, оставьте меня в покое с вашими врагами!..» — подумала она.

Но у нее не было сил что-то кричать им в ответ. Она бежала, не видя их, не приветствуя. Позже она

вспомнит, что удивилась, увидев столько людей на привычно пустынной равнине.

Колен догнал ее, поддержал за талию.

С босыми ногами, в старой юбке, которую она носила всю зиму, побледневшая и похудевшая, она была похожа на привидение. Но ее взгляд никого не обманывал. Все ее узнали, и было ясно, что она не умерла.

Колен поддерживал ее, но она тащила его вперед, направляясь к холму, где виднелась толпа танцующих вокруг столба индейцев и раздавались удары барабана.

По знаку Колена несколько мужчин и среди них Сирики побежали следом, держа мушкеты наготове. Остальные направились в форт или разместились вокруг, готовые ко всему.

— Ты не можешь понять, Колен, — говорила Анжелика. — Не дважды! Не трижды!.. Я не могу им позволить это!

Ее ноги не касались земли. Лишь Колен поддерживал ее. И перед ней стояли Аппалачи, закрывая небо.

Девственная и прекрасная природа проснулась, такая суровая и нежная, что развалины Вапассу, даже они, казались красивыми.

Уже явственно слышался стук барабанов. Запах огня и паленого мяса усилился, и это еще сильнее укрепляло ее решимость. Ее мозг словно опустел... и только молитва раздавалась в ее ушах: «Бог мой, сделай так... Сделай так... чтобы я успела!.. вампум... у меня нет вампума...»

* * *

Там! Сердце Анжелики колотилось.

Она хотела бы бежать и тащить Колена.

— Я тебя прошу, не убивай себя, — просил он. — Ведь ты так слаба. Ты упадешь.

Он боялся, что она не выдержит таких нечеловеческих усилий.

Но она не слушала. Ее сердце тоже горело... От протеста и горя. От беспомощности...

Колен не мог понять. Слишком долго рассказывать. Невозможно рассказать!.. Но ей нужно было успеть туда.

* * *

Наконец она достигла цели.

Она увидела его.

Она увидела обнаженный силуэт, худой и жалкий, привязанный к столбу, а вокруг бесновались в танце дикари, и поднимался дым от углей возле ног белого человека. Раскаленные топоры то и дело касались его ног, рук, груди, вырезая маленькие кусочки плоти.

Сначала она видела только это и остановилась, чтобы сдержать крик, который рвался с ее губ.

Слишком поздно!.. Она опоздала!..

Но взглянув снова в направлении жертвы, она увидела, что он держит голову прямо, а глаза его смотрят в небо.

Его молчание не было смертельным, оно было героическим.

Все стало выглядеть по-другому. Все встало на места. Она снова побежала, полная энергии и надежды.

— Уттаке! Уттакевата! Отдай его мне!

Она шла одна, бросив свой крик в небеса.

— Уттаке! Уттаке! Подари мне его жизнь!

Он повернул к ней свое лицо, раскрашенное военными узорами. Его перья и серьги дрожали. Он подошел к ней, потому что она остановилась. Он не казался удивленным от ее появления, но выражение его лица стало угрожающим. Установилось долгое молчание.

— До каких пор ты будешь просить меня о чьей-нибудь жизни? — бросил он недовольно. — Я подарил

тебе твою жизнь и жизни твоих детей. Не правда ли, этого достаточно?.. До каких пор ты будешь спасать тех, кто отталкивает тебя или желает твоей смерти? Что тебе за дело до этого иезуита? Почему ты хочешь спасти его жизнь? Он был твоим врагом. Я отправил его к тебе, чтобы ты прикончила его. Чтобы ты прикончила его собственными руками, как это делают женщины. А ты не сделала этого. Я презираю тебя. Ты нарушила законы справедливости.

— Я не обязана повиноваться твоим законам. Я приехала из другого края, у меня другой Бог и другие законы. Ты это прекрасно знаешь, ты, который пересек океан, Уттаке, Бог Небесных Туч...

Уттаке принялся ходить взад-вперед, обращаясь к толпе индейцев на родном наречии. Надо сказать, что по-французски он говорил довольно хорошо, несмотря на гортанный акцент.

— Вы слышите ее?.. Я осыпаю ее милостями, а она приказывает мне.

Он продолжал говорить, и его мимика выдавала его негодование и возмущение поведением белых и особенно женщин.

Потом он внезапно застыл на месте, его выражение изменилось, приобрел торжественную важность. Его лицо окаменело, глаза сверкали.

Он указал рукой на Анжелику и остался в такой позе, как статуя.

Слова, которые он произнес, раздались эхом по равнине.

— Посмотрите! Вот женщина, сошедшая с ума в своей вере в сумасшедшего Бога. И это ценно... Она безумна, но она верна своему Богу, который сказал глупые слова: «Простите врагам вашим!» Эта женщина так же безумна, как ее Бог. Но она следует, не сворачивая, по своему пути. Она спасла больного англичанина и раненого ирокеза, французского пирата

и умирающего священника. И она пришла, чтобы кричать: «Подари ему жизнь! Подари ему жизнь!»

Его поза изменилась, движения руки были одновременно обвиняющими и лирическими.

— Как ты добра... Ты не сворачиваешь с пути, Кава, сияющая звезда, и что мы можем против звезды, сверкающей в центре неба и всегда указывающей одно и то же направление?!.. Следовать за ней! В ночи наших душ... в ночи наших сердец... Ах! Ты сверкаешь, и ты запутываешь нас...

— Я вас не путаю.

— Нет!.. Ты меня обманула! Я отправил его тебе, чтобы ты его съела!

— Нет! Ты знаешь, что я не убила бы его... В доказательство приведу твои же собственные слова, которые ты сказал ему перед тем, как его отправить: «Я вернусь, чтобы съесть твое сердце».

Вождь моговков позволил себе рассмеяться.

— Я хотел удостовериться в тебе, сияющая звезда!

— Значит, ты знал, что я помилую его. Так что прекрати хитрить со мной, Уттаке. Ты подарил мне его жизнь однажды. Ты можешь сделать это во второй раз.

* * *

Вождь Пяти Наций принялся ходить туда-сюда.

— Хорошо! Я подарю тебе его жизнь! Я не хочу, чтобы ты подверглась насмешкам из-за принципов твоего сумасшедшего Бога, — заявил он.

По его знаку молодой воин подошел и перерезал веревки, удерживающие узника. Но он не упал. Он по-прежнему стоял у столба.

Видел ли он, что происходит вокруг?

Однако, решение Уттаке вызвало гнев у некоторой части индейцев. Один из них, Хиатгу, подошел к месту событий. Было очень трудно разобрать его речь, но по жестам было понятно, что он разгневан.

Как и его сподвижники, он не потерпит, чтобы такое достойное дело, как пытка, которое было предметом умения и гордости его, Хиатгу, было прервано. Здесь примешивалось чувство мести, так как вся семья этого индейца погибла в огне войны с белыми. Нужно ли было дарить жизнь одному из них, чтобы он продолжил свое черное дело?

Его тирада вызвала одобрение толпы, все заворчали и заволновались.

Хиатгу, угадав, что он держит ситуацию под контролем, продолжал:

— К тому же среди нас нет главного вождя. Если бы таковой и был, то его избрали бы из оннонтагов, а не из могавков. Ты нарушаешь принцип Лиги ирокезов. У тебя нет права отнимать у нас добычу.

— Это не добыча, а мой личный враг, — возразил Уттаке. — С ним связаны мои молодые годы, которые я провел на французских галерах. И, вернувшись к вам, я всегда следовал вашим законам. Совет меня поставил во главе того, что осталось от наших народов. Не забывай это, как и то, что благодаря мне, вы все избежали смерти.

И поднялся шум другой части толпы. И Хиатгу понял, что его противник выигрывает.

— Ладно! Отдай его ей! — крикнул но в бешенстве. — Но не думай, что я ничего не получу!

Его действия были молниеносны.

Он подошел к приговоренному и одним ловким движением снял с него скальп, который победно показал толпе. Крик, вырвавшийся изо всех глоток, подчеркнул его непредвиденное и жестокое действие.

Торжествующий Хиатгу отступил.

* * *

Иезуит по-прежнему стоял. Кровь заливала его лицо и плечи. Воин толкнул его, но тот остался у столба.

Тогда его толкнули два воина, и он упал, оставив на столбе полосы кожи, которая прилипла от крови.

И это окровавленное тело бросили к ногам Анжелики.

Она встала на колени, обняла его и приблизила свое лицо к его.

* * *

На этот раз все было кончено.

Он не вернется из страны мертвых.

Жизнь потухла на окровавленном лице, веки скрывали глаза, залитые кровью.

Анжелика стянула с шеи платок и стала вытирать красные струйки. Она позвала вполголоса:

— Отец! Отец д'Оржеваль! Друг мой!

Ее голос, мог ли он вырвать его из ада или рая, куда он уже был готов войти? Захочет ли он услышать? Он поднял веки. Его глаза увидели ее и наполнились радостью. Он видел ее, но последние искорки жизни исчезали из его взгляда. Там в последний раз мелькнула ласковая насмешливая улыбка, и потом она прочла в его глазах: «Живите! Живите и побеждайте!» Он хотел, чтобы его жертва не была напрасной. Потом его взгляд потух. Еще она заметила в его глазах мольбу о том, чтобы его сердце осталось с дикарями, которые его убили, но которых он так любил.

Его последняя просьба.

Она поняла, что нужно сделать с его телом. Они слишком много времени провели вместе, слишком многое пережили, слишком хорошо понимали друг друга.

— Да, я обещаю вам, — сказала она тихонько, — я отдам вас им. И они съедят ваше сердце... И вы останетесь с ними...

Во время этой сцены оба вождя продолжали ругаться, и закончилось это настоящим боем, в котором не было победителя, поскольку оба были достаточно

сильны, чтобы отразить смертельные удары и остаться в живых. Они сражались топорами и томагавками.

Потом разгорелся спор по поводу ритуала съедения сердца. Хиатгу говорил, что его нужно поджарить, а Уттаке предпочитал съесть его сырым.

Он сказал:

— Я сын мира. Я закопаю топор войны в то же время, как съем это сердце. Нужно его съесть еще трепещущим, потому что оно укажет нам дорогу и придаст сверхчеловеческую силу.

— Но оно отравлено, — возражал противник. — Чтобы не отравиться, нужно его поджарить.

— Нет! Оно не отравлено. Сердце Хатскон-Онтси не содержит яда. Это сердце чистое. Его очистила белая женщина.

На этот раз Уттаке был более спор. Он вскрыл грудь убитого и вырвал его сердце. Пораженные и почтительные, остальные смотрели на него.

День заканчивался. Небо покраснело. В красноватом сиянии Уттаке поднялся, держа в пальцах это сердце, усыпанное каплями крови.

— Вот оно. Мы насытимся этим сердцем и получим его советы. Он нес нам ненависть и любил нас. Мы можем отправиться на поиски мира. Мира для наших селений, мира для наших территорий, которые снова возродятся, потому что нас нельзя истребить. Оно вдохновит нас. Оно даст нам понимание этих бесстрашных французов, которые приносят нам разум и обманывают наши сердца, оно поведет нас к знанию и пониманию того, как они выживают, оно научит нас самих выжить.

И вот, когда появилась луна, вожди Пяти Наций выстроились на лугу, охваченные могущественным порывом и надеждой, разделили между собой съели сердце Хатскон-Онтси, иезуита, дважды умершего и множество раз пытаемого — святого мученика.

Как только индейские вожди забрали тело отца д'Оржеваля, Колен Патюрель взял Анжелику на руки и понес к дому. Она была так легка, почти бесплотна.

Теперь было уже поздно выезжать. Надо было ждать утра.

Ночь приближалась, неся порывы ледяного ветра, и в форте зажгли огни во всех очагах. Они переночуют в старом форте, расставив часовых, которые будут неустанно следить за лесом, за округой и за лагерем ирокезов.

Дети, осыпанные подарками, уставшие за день, спокойно спали. Они прижимали к себе игрушки, привезенные из Голдсборо.

Колен принес Анжелику в ее комнату и положил на кровать.

Она просила, чтобы ее оставили одну.

Но Колен остался с ней, и когда он видел, что ее рыдания затихают, он говорил ей несколько спокойных слов, что она скоро окажется в безопасности, окажется в Голдсборо, и скоро приедет граф. Эти слова не доходили до нее, она лишь слышала отдельные звуки.

Она размыкала отяжелевшие веки и встречалась с глазами Колена, в которых была нежность и беспокойство.

Внезапно стенные часы пробили один удар. И это значило, что зиме пришел конец.

Она могла подумать, что ничего не произошло. Или произошло очень мало. Что-то очень простое и естественное для жизни людей. Несколько месяцев зимы. «Можно подумать, что я спала». «Все кончается... все начинается снова...» — говорил он. А она думала, что некий фантом был с ней рядом и придавал ей сил. Они вместе добрались до конца тоннеля. Она могла бы подумать, что он вообще не существовал, если бы не распятие, которое было на прежнем месте и сверкало красным глазом.

— Колен, ты не сказал мне, было ли на шее у иезуита распятие, когда он подошел к вам.

— Было... Но когда дикари схватили его, он снял его и сказал мне очень любезно: «Господин, я прошу вас, будьте добры, положите этот святой предмет на камин в комнате, где в данный момент госпожа де Пейрак спит. Она была очень больна, но сейчас она вне опасности. Я хочу, чтобы когда она проснется, она заметила это распятие на прежнем месте». Он крикнул мне издали, когда его уводили: «Идите скорее в форт. Дети одни!..»

Анжелика рассмеялась сквозь слезы.

— Он был властным человеком... Он был маньяком!.. О! Что касается этих деталей, он был маньяком, словно женщина!.. Почему я заснула?!..

Она снова расплакалась, но уже тише.

— Почему я заснула? Если бы я не спала, то они не смогли бы его схватить, он убежал бы.

— Не думаю, что он хотел этого, — сказал Колен.

Глава 73

Позже она сняла свою одежду, испачканную в крови мученика и пропитанную запахом дыма, зимы, долгих месяцев, проведенных во мраке. Она хотела плакать, но когда она переоделась в свежее белье и одежду, от которых пахло духами Абигаэль, ей овладела блаженная эйфория. Скоро она будет со своей подругой слушать прибой в Голдсборо и смотреть на море, в котором покажутся паруса корабля, везущего Жоффрея.

Абигаэль подумала обо всем. Она даже прислала кору, собранную Шаплей.

Анжелика заснула. Она поняла, что спит, когда увидела, как над ней склонилось лицо иезуита. Его глаза были голубыми, прекрасные белые зубы сверкали. Она думала, что он скажет: «Там — лось! Вставайте!»,

но он лишь прошептал: «А Онорина?» и подмигнул ей, словно напоминая об их совместном секрете.

Этот призыв вырвал Анжелику из полусна, она вскрикнула.

— Правда! Онорина!.. Я знаю, почему я не хочу уезжать из Вапассу, — сказала она Колену, который сидел у ее изголовья. — Я должна дождаться Онорину. Она не знает, что Вапассу сожгли и приедет сюда.

Колен Патюрель не знал о том, что приключилось с Онориной, и думал, что ребенок по-прежнему находится в пансионе монахинь из Монреала. Но видя, что Анжелика волнуется, он заверил ее, что они останутся на столько времени, сколько потребуется для того, чтобы дождаться Онорину. Но ночь еще не прошла, и он настоятельно просил ее заснуть.

«Как она была слаба, как измучена и расстроена!» — говорил он себе, глядя, как она засыпает.

Он опустил на колени возле нее и поцеловал безжизненную руку:

— Спасибо! Спасибо! Ангел мой! — прошептал он. — Спасибо, что вы спасли счастье наших жизней, победив смерть.

* * *

Второй раз она проснулась в тревоге. Смутная мысль беспокоила ее, затем она прояснилась. «Ирокезы! Среди них есть те, кто сможет рассказать мне что-нибудь об Онорине. Ведь среди них она провела зиму... Я забыла спросить...»

И она проснулась, крича: «Ирокезы!» На этот раз в комнате никого не было. Ее оставили, не разбудив, хотя уже наступил день.

Сердясь на саму себя, она соскочила с кровати, силы ее снова пробудились.

— Ирокезы еще здесь?

— Да! Они очень шумные и неприятные, они продолжают ссориться на холме.

— Слава Богу!..

И она объяснила, что надо незамедлительно или идти к ним, или позвать их. Потому что только от них можно было получить сведения о дочери. Колен сказал, что нет никакой необходимости звать их, потому что они сами направлялись к ним. Уттаке сказал, чтобы их ждали через час.

Выйдя из дома, Анжелика увидела большое деревянное кресло, стоящее у ворот.

— Посланец могавков посоветовал приготовить для тебя сидение, чтобы ты могла, не уставая, выслушать их послание, которое будет долгим.

Анжелика села в кресло, покачав головой: «Я никогда не пойму этих индейцев».

Она оглядела панораму Вапассу, которая показалась ей еще более пустынной, чем в первые дни. Слева она различала часть серебряного озера, сверкающего под солнцем, словно и не по его ледяной поверхности она тащила мертвого лося.

Вдалеке она видела толпу индейцев, и по их продвижениям можно было догадаться, что они собираются в дорогу.

— Если они придут без оружия, надо, чтобы наши часовые спрятали свое.

Она поручила двум юношам следить за детьми и занять место возле нее, когда появятся индейцы. Это было сделано не столько ради интереса детей к дикарям, сколько для того, чтобы дать понять гостям, что их не боятся и принимают, словно друзей дома. Ибо индейцы равнодушны к малышам.

Среди новоприбывших было много людей, которые очень опасались дикарей, и особенно суровых ирокезов. Анжелика же была спокойна. Со своей стороны она ничего не боялась, разве что потерять спокойствие. Или проявить нетерпение в ходе предстоящей речи индейца, ожидая новостей об Онорине. Нужно будет

расспросить Уттаке. Он укажет ей тех, кто мог говорить, видеть ребенка, кто скажет ей, что с девочкой все обстоит хорошо. И, значит, нужно дождаться конца речи.

Маленькая ручка коснулась ее руки на подлокотнике кресла.

— Я тоже здесь, — сказал Шарль-Анри, напоминая о своем присутствии.

Анжелика обняла его и прижала к сердцу.

— Да, ты тоже, сынок, мой милый компаньон. Ты будешь стоять рядом и помогать мне принимать вождя Пяти Наций. Держи свою руку в моей и веди себя, как солдат.

Что еще хотел от нее Уттаке? Невозможно угадать... а, может быть, и ничего не хотел. От него можно было ожидать всего, что угодно.

— Вот и он, — сказал Колен, стоящий позади Анжелики.

Она же не боялась этих воинов с маленькими топориками у пояса. Поскольку они были без мушкетов, она дала знак страже отставить в сторону оружие.

Вожди Пяти Наций остановились в нескольких шагах от ее кресла, освещенные бледным зимним солнцем.

Несмотря на воинственную раскраску, украшения из зубов диких зверей и перья, они выглядели исхудавшими и похожими на голодных волков. Тела были покрыты татуировками. Она не знала, что они провели много месяцев под землей, проходя через гроты и пересекая подземные реки.

* * *

Речь Уттаке, несмотря на предупреждение, оказалась короткой. Но хотя он очень тщательно подбирал французские слова, понять его было трудно.

Начал он со своей стычки с Хиатгу.

— Один из нас должен был умереть. Это закон. Но вот мы оба перед тобой, Кава. В нашем бою не было победителя, и не было побежденного. Этот бой ничего не решал. Потому что мы — не враги, и это не война. Это всего лишь пропасть, а мост через нее видит не каждый.

Тикондерога заставил меня увидеть странные вещи. Он заставил меня задуматься о непривычном, это была боль и опасность, но это вело на мост.

Ты — живой ум Тикондероги. Он находится на земле, тяжелый от груза своего знания, а ты бежала вперед, легкая и невидимая. Я это понял, когда увидел вас в Катарунке после пожара. Двоих, объединенных единой силой. Вот об этом и говорила Черная Одежда: «Их нельзя победить, когда они вдвоем. Надо их разлучить».

* * *

Когда это Себастьян д'Оржеваль успел объяснить это вождю Пяти Наций?.. Конечно, никогда. Уттаке, видимо, услышал об этом во сне.

* * *

— Но Тикондероги нет здесь, а ты собираешься уехать. Я должен идти своей дорогой и не хочу ничего терять. И вот поэтому Хиатгу жив... Вот почему я помиловал его.

Но я должен еще кое-что услышать от тебя. Кава. Ты должна убедить меня, что тот, который умер вчера, не вернется, чтобы нас уничтожить...

— Как ты можешь в этом сомневаться, — спросила она. — Ты, как никто другой, должен быть в этом уверен.

— Голод и поражения ослабили силу моего предвидения. И сколько бы Тикондерога не укреплял мою силу, Хатскон-Онтси разрушал ее.

— Ты говоришь о прошлом. Ты сам отвечаешь на свой вопрос, Уттаке. Нет ни победителя, ни

побежденного, потому что нет врагов. Ты съел его сердце, и ты теперь знаешь, какой любовью он любил вас.

— Не станет ли он помогать своим собратьям-французам в войне с нами?

— Нет! Французы никогда не нуждались в его помощи, как и вы, ирокезы пяти наций, и ради вас он прибыл сюда. Я говорю это, потому что он сам мне об этом сказал. Он приехал, чтобы жить с вами. Еще немного времени, и он окажется среди вас. Я знаю, что ты в особенности, почувствуешь его присутствие и его поддержку.

— Ты хочешь сказать, что он признал справедливость нашей борьбы и ужасное предательство наших врагов? — спросил могавк, и в его глазах загорелись искры триумфа и радости.

Анжелика закрыла глаза. Вся Америка представлялась ей руинами, похожими на Вапассу, и лишь избранные, сильнейшие, смогут выжить на этой земле.

Она не была в состоянии оптимистически взглянуть на будущее, но ей необходимо было честно ответить.

— Он признал, что должен быть на твоей стороне, чтобы поддерживать тебя и советовать тебе до конца твоих дней.

В это короткое мгновение, когда она закрыла глаза, ей показалось, что она потеряла сознание или заснула, так она устала. Но она знала, что даже раненые или под угрозой опасности, какими они были сейчас, дикари, и в особенности ее собеседник, были способны отложить их отъезд и свести к минимуму то, что им угрожало.

— Ты действительно думаешь, — продолжал Уттаке, собирая дыхание для более длительной речи...

Веки Анжелики смыкались. Она открыла их и с удивлением увидела вождя Пяти Наций, склонившегося над ней и протягивающего тонкую полоску из кожи,

обшитую белыми жемчужинками, черными и фиолетовыми.

— Я дарю тебе это украшение. Это все, что осталось мне после войны моговков и французов, от аньеров. Сохрани его в знак нашей дружбы и не теряй.

— Но я не потеряла вампум матерей Пяти Наций, который ты мне дал в ходе нашей первой зимовки, — возразила Анжелика. — Он погиб в пожаре Вапассу. Может быть, его удастся отыскать?

— Матери, которые тебе его дали, умерли, — сказал Уттаке горько, — и вампум погиб в огне. Таковы знаки.

* * *

Он отступил на несколько шагов, оставив подарок на коленях Анжелики.

— А теперь я должен рассказать тебе о твоей дочери, имя которой невозможно выговорить, поэтому мы прозвали ее Красной Тучкой.

Анжелика издала радостный возглас, и ее удрученное выражение уступило место возбуждению.

— Онорина! Моя дочь Онорина! Ты знаешь что-то о ней?.. Ты знаешь, где она? Ах! Дьявол-моговк! Ну, почему ты молчал? Почему ты не рассказал мне сразу?

— Потому, что ты не стала бы слушать мои дальнейшие слова, а я должен был их сказать. Ты не придавала бы ни малейшего значения очень важным словам, которые ты должна была услышать. Ты даже не заметила бы, — и он подтвердил свои слова жестом, — моего подарка — знака вечной дружбы. О, ты, мать твоих детей! О, женщина! Ты трижды женщина — через луну и через звезды.

— Да говори же! — вскричала Анжелика, вцепившись в подлокотники.

Если бы на его месте был Пиксаретт, она встряхнула бы его.

— Говори! Я умоляю тебя, Уттаке! Скажи мне, что ты знаешь о ней, и не заставляй меня напоминать тебе, что

я тоже воин, и я владею ножом лучше тебя, что я тебе доказала однажды вечером у ручья, и это было давным-давно.

Уттаке разразился хохотом, которому вторили его товарищи, но они не знали причины его веселья.

Затем он успокоился:

— Ладно. Я расскажу тебе все, что знаю о ней. Я расскажу тебе сначала то, в чем я уверен.

— Где она?.. Она жива? Ты видел ее?

Могавк принял озабоченный вид.

— Встретил? Что ты говоришь! Да она всю зиму жила с семьей Отары из онейутов, и все дни я видел ее и разговаривал с ней до того дня, когда проклятый Ононтио из Квебека двинул свои толпы в нашу долину Пяти Озер и сжег селение Туасшо, несмотря на наше отчаянное сопротивление.

Вот почему я не могу с уверенностью ответить на твой первый вопрос: где она? На второй: жива ли она? — тоже... Ибо ты не знаешь, быть может, что почти все население этого города погибло, кроме нескольких несчастных, которых я смог забрать с собой и спасти от этих бешеных собак-французов с их проклятыми абенакисами и гуронами. С уверенностью могу сказать одно: среди нас ее нет. Я знаю, что многие индейские женщины и дети были уведены французами в миссии Сен-Жозеф или к форту Фронтенак, но я не могу точно сказать тебе, находится ли она среди них.

Анжелика отказывалась верить, что Онорина погибла в огне. Это невозможно. Значит, оставалось надеяться, что она попала к французам, которые вернут ее матушке Буржуа или тете с дядей.

Уттаке торжественно поднял руку, словно призывая само небо и всех присутствующих ко вниманию.

— И теперь я хочу сказать, что я знаю о Красной Тучке путем предвидения.

Он закрыл глаза и улыбнулся.

— Она едет! — пробормотал он. — Она движется к нам! Не торопись покидать эти места, Кава, ибо твой ребенок двигается по направлению к Серебряному Озеру, чтобы встретиться с тобой. Ее сопровождает... ангел!..

Тут он состроил ехидную гримасу.

— А! Тут ты меня слушаешь и не спишь!

Он засмеялся еще громче. Его поддержали остальные индейцы.

Анжелика задумалась. Будучи под впечатлением того, что сказал ей Уттаке, она погрузилась в свои мысли и не заметила, как индейцы исчезли. И когда она захотела уточнить еще кое-что у Уттаке, то оказалось, что ни от него, ни от остальных не осталось и следа.

— Ради всего святого, верните его, — взмолилась она.

Разве Уттаке не сказал, что видел Онорину каждый день? Она хотела знать детали о жизни дочери в индейском племени.

И потом она вспомнила, что даже не поблагодарила их за те продукты, которые он прислал ей посредством иезуита.

— Верните их!

Но никому не дано вернуть индейцев, ушедших на поиски разбросанных остатков их племен, чтобы собрать их всех в Долине Предков, и потом отправиться на войну.

Они исчезли среди лесов и гор, они следовали по невидимым тропам.

Да и, по правде говоря, никому особенно и не хотелось их возвращать.

Глава 74

Кантор причалил в небольшую будочку на реке, привязав ее к камням, вытащив из воды, и прикрыл ветками.

— Дальше по воде пути нет, — сказал он. — Нужно идти пешком. Если мы будем идти быстро, то доберемся в Вапассу к полудню.

Индийская девочка сопровождала его. Она послушно шла следом. Кантор держал ее, привязав к ее руке нечто вроде поводка: девочка была полуслепая и могла потеряться.

* * *

— Откуда вы взяли этого маленького дикаря? — спросил его аптекарь из Форта Оранж, в котором они ночевали этой ночью, избегнув тысячи опасностей.

Он ответил, что это сирота из городка ирокезов, которая спаслась от смерти и болезней. Он подобрал ее.

Было бы очень трудно объяснить добряку-голландцу, который очень милосердно предоставил ему мазь для больных глаз ребенка, что речь шла о его сводной сестре Онорине де Пейрак.

Он наконец-то нашел ее в лагере беженцев с озера Онтарио, среди индейских женщин и детей, которых французы держали под присмотром монахов ордена Святого Сульпиция.

Господин де Горреста не стал ждать, пока растает снег и снова отправил свои армии против ирокезов.

И Кантор, который также не стал дожидаться прекращения холодов, и отправился на поиски своей сестры, застал в долине ирокезов лишь дымящиеся руины. Он очень опечалился и спрашивал себя, не погибла ли она, и где теперь искать.

Говорили, что ирокезы «исчезли с лица земли...»

Ходили слухи, что Уттаке, которому удалось избежать гибели в бою, увел своих воинов в сеть подземных коридоров и ждал момента, когда он сможет отомстить. Но никто из бедных людей не рискнул бы спуститься под землю, чтобы его там встретить.

Кантора интересовали спасшиеся, особенно женщины и дети, среди которых он надеялся найти

сестру.

Он никогда не забудет свою радость, когда однажды вечером он встретил ее при свете коридоров, похудевшую, грязную, маленькую дрожащую птичку, такую измученную, что было страшно смотреть. Он испугался, потому что чуть было не прошел мимо нее в ее камзольчике, он чуть не оттолкнул ее; но она была спасена, и они шли по лагерю, испуская их любимые крики: «Онн! Онн!» Его охватила жалость при виде знаков оспы, которой девочка переболела во время эпидемии, еще больше сократившей численность ирокезов.

Говорили, что Господин де Горреста специально прислал в лагерь одеяла, в которые заворачивали больных оспой, чтобы спровоцировать эпидемию.

Но чего только не говорили!

* * *

«Проклятая зима!» — думал Кантор пока тропинка вела их через горы к Вапассу. Слишком суровая, слишком длинная, которая не позволила вовремя найти Онорину. Но смог бы он? Ибо зима все равно застала бы их обоих, быть может вдали от всякого убежища, в белой пустыне.

В лагере он держал ее на руках и думал: «Что за беда! Ты жива! Мама вылечит тебя!»

Вот уж воистину, бедняжка! Она и так не была очень ловкой, а теперь еле плелась, спотыкаясь, падала. В конце концов он взвалил ее на спину, привязав ремнем и потащил через разрушенные и сожженные индейские города, в которых лежали мертвые тела, он пересекал леса, перебирался через трещины и все шел и шел по направлению к Вапассу.

В Оранже они отдохнули, и Кантор задумался.

Если Гудзон освободился ото льда, то целесообразнее было бы добраться до Нью-Йорка. Затем — до Голдсборо. Путь займет несколько месяцев.

Лучше уж продолжать путь на восток, через леса. Он был похож на сестру. Он испытывал нетерпение оказаться дома. Как можно быстрее добраться до своих. А дом — это Вапассу. Это лицо и глаза матери, ее объятия, ее улыбка, это присутствие их отца, его смех, редкий, но заразительный, это его радость. Это их друзья испанцы, это их брат с сестрой, которых он не знал, но о которых Онорина рассказывала без устали.

Он обернулся и посмотрел, как она ковыляет позади него с выражением огромного счастья на лице.

Он с трудом поборол желание сообщить ей, что она похожа на растрепанного дикообраза, но она была так горда, что носила костюм индейского мальчишки.

— Уттаке сказал мне, что я достойна быть воином, и поскольку находятся мальчишки, которых переодевают в женское платье, потому что они не чувствуют вкуса к ношению оружия, то почему бы мне не надеть мужской костюм, ведь я хорошо стреляю из лука... Вот уж глупость, заставляя меня идти собирать годы или искать подстреленную дичь, только из-за того, что я — девочка.

Иногда ребенок останавливался. Она боялась.

— Ты думаешь, что она мертва? — спросила она однажды.

— Кто?

— Моя мама, в Вапассу.

Она делала ударение на слове «моя», но Кантор не обращал на это внимания. Он пылко возражал.

— Нет, это невозможно. Она не может умереть. Я хочу тебе объяснить, почему. Слишком много злых сил объединилось против нее. А ты знаешь, что происходит в этом случае?

— Нет!

— Рождается еще большая, добрая сила.

Онорина качала головой. Она рассказала, что будучи у индейцев, видела во сне умирающую мать, она

вскочила с криком: «Моя мама умирает! О! Сделайте что-нибудь!..» Она всех переполошила, вызвала даже старую индианку, которая ухаживала за ней.

Она замолчала, вызывая в памяти воспоминания, которые стерла болезнь. Когда у нее была высокая температура, к ней приходила Анжелика. И Онорина говорила с ней. Но когда она приходила в себя, то видела лишь грустные лица индейцев, которые качали головами: Нет, твоей матери здесь нет! Старая индианка догадалась, как действовать, чтобы поддержать ее жизнь: она говорила ей, что для того, чтобы заснуть нужно выпить бульон, и тогда, после того, как Онорина проснется, ее мать будет здесь.

И однажды она проснулась, выздоровевшая. Она могла вставать, она могла идти на улицу, к реке. Старой индианки уже не было рядом, она умерла, и Онорина знала, что ее мать никогда не приходила. А потом пришли французы и забрали оставшихся в живых женщин и детей.

* * *

В окрестностях озера Сан-Сакреман Кантор почувствовал «их», они были повсюду.

— Не кричи! «Они» везде!

Он бросился вместе с ней в кустарник, который уже начинал покрываться зеленоватой дымкой нарождающейся листвы.

Быть может, ему показалось! Лес был пуст. Нет, не может быть. Подняв глаза, он увидел, как в тумане виднеется знамя, расшитое лилиями.

— «Они» повсюду, за каждым деревом!..

К счастью, лицо юноши, которое показалось между ветвей, оказалось лицом молодого Ранго, с которым они вместе пели «Христианскую полуночицу» в ночь на Рождество в соборе Квебека.

Сын доктора Ранго, который каждое лето дарил монахиням из Отеля Дье букет цветов из собственного

сода, был очень занят, он играл на флейте и барабане.

Барабанщики, которые следовали впереди армий должны были наводить страх на ирокезов.

Это была франко-индейская армия — сто двадцать солдат из метрополии, четыреста канадских солдат и множество индейцев из миссий.

Чтобы достичь севера Мэна Кантору пришлось бы так или иначе перейти тропу, по которой следовала армия. И вот молодой Ранго накинул ему на плечи свою венгерку. Одетый таким образом, держа за веревку своего дикого индейского ребенка, Кантор смог воспользоваться дорогой, стоянками и даже пайком.

За тем отделился от армии, которая двигалась на юг. Продолжая путь на восток, они пересекли пустынный край, где не было ни людей, ни животных, ни дорог. Они попали в Мэн, в настоящий Мэн, непроходимый, где несколько раз на дню, чтобы хоть а немного продвинуться, им приходилось находить брод в бурлящих потоках вод или преодолевать скалистые завалы.

Несмотря на свою ловкость и чутье, Кантор сбивался с дороги, колебался в выборе индейских троп, иногда никуда не ведущих. Радости Версаля развежили его, — думал он с горечью.

Но вот уже ручьи становились довольно глубокими для плавания. Небольшое племя кочевников на другом берегу реки заканчивало подготавливать к лету лодки из коры.

С ними брат и сестра спустились по реке, пересекли озера, перешли с лодками на головах через пороги, которые вели их к новым озерам или холмистым равнинам, где стояли вигвамы. Индейцы не знали, куда идти: то ли к французам, то ли к англичанам.

Кантор купил лодку и они продолжали движение на восток.

Однажды они увидели вдалеке вершину горы Катадин.

Вапассу был недалеко.

Это был последний этап, начался он ранним утром. Еще час, два, и...

Он услышал позади себя всхлипывания и обернулся.

— Устала?

Он удивился, потому что она никогда не жаловалась.

— Она взяла мои шкатулки! — расплакалась Онорина.

В данный момент он не знал, о чем идет речь. Это было так далеко: корабль, погоня, конец демона. Словно ее и не было никогда! Он даже удивился, когда вспомнил, что был при дворе короля. Он снова стал ребенком из Нового Света.

— Она все забрала, даже зуб кашалота, даже ракушку, которую ты мне дал...

— Что ты говоришь?

Болезнь ослабила ее горло, и когда она плакала, ее очень трудно было понять.

— Даже кольцо моего отца и письмо мамы, — продолжала жалостливым тоном Онорина, приближение к Вапассу вызывало у нее воспоминания.

— Так это-то, наверное, и ослабило ее силы, — пробормотал он задумчиво.

Теперь пришла очередь Онорины задавать вопросы.

— Что ты говоришь?

— Кольцо твоего отца и письмо мамы, они подкосили ее силы, ты понимаешь?

Она важно покачала головой. И от этой мысли она утешилась.

Они поразили Отравительницу, это было неплохо выполнено!..

«Мы подходим», — подумал он.

Но он не испытывал детского нетерпения, которое однако присутствовало отчасти в его возбуждении, в его осознании победы, конца, он чувствовал небывалую широту в момент, когда произнес: «Мы подходим». И он почувствовал, что что-то неизведанное охватывает его.

Дверь открылась, и они вошли вместе. Все было величественным и светлым.

«В честь такой радости я спою в аббатстве «Твоя Слава»!..»

Но секунду спустя юный следопыт и его диковатая сестра с недоумением и страхом смотрели на то, что осталось от Вапассу.

В письмах ему тщательно рассказывали о строениях, о расположении построек, о разработанных полях и пастбищах.

Он узнавал все это, и не видел ничего, кроме сплошной пустыни, покрытой новой зеленью, но это была пустыня.

Он пошел дальше и обнаружил почерневшие руины.

Он не смог не обнять Онорину.

— Что такое, Кантор? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, поздравляя себя с тем, что она не может видеть всего ужаса, который окружал их.

— Ничего, мы подходим к цели. Скоро будет... дом.

— Что произошло? Где они все?..

Ее мать, отец, брат с сестрой! Джонас и его семья, чета малапрадов, солдаты! Ее сердце ныло в груди. Это были такие болезненные удары, что это мешало ей думать.

«Что произошло? Где они? Что произошло?.. Где они?..»

Он продолжал идти, и новый пейзаж открывался его взору. Он был так потрясен неожиданной картиной, что не сразу заметил маленький старый форт поодаль от основного, у которого было заметно какое-то движение.

«Уже неплохо!» — подумал он.

Платье. Женщина. Его мать! Да! Это она! Он снова пустился в путь.

Онорина вырвала руку из его руки и полезла на небольшой обломок скалы.

— Не упади! — закричал он в страхе.

Но маленький смешной ирокез лез вверх, сияя от радости.

— Кантор! Я его вижу! Я вижу его!

— Кого ты видишь?

— Старика на горе. Я его вижу! Сегодня я вижу его!

Он подхватил ее, взял за руку.

Оба неподвижно застыли наверху, еще невидимые глазам тех, кто внизу готовился к отправке каравана в сторону юга.

А наверху брат и сестра смотрели, как солнечные лучи и тени скал вырисовывают на горе мирное и спокойное лицо.

— Ты тоже видишь, Кантор?

— Да, — ответил он. — Он смотрит на нас с тобой.

— Он улыбается нам... Здравствуй, старик с горы. Вот и я, Онорина. Я вернулась. И на этот раз я вижу тебя! О! Кантор! Как я счастлива! Жизнь так прекрасна!.. жизнь прекрасна!..

— И ты не совсем ослепла! Ура! Ура! Теперь пойдем! Мы расскажем им обо всем, но сначала устроим сюрприз.

Он посадил ее на плечи и прыжками стал спускаться с камня на камень, со скалы на скалу, к Вапассу.

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ПРИБЫТИЕ КАНТОРА И ОНОРИНЫ В ВАПАССУ

Глава 75

— Друг мой, нужно ехать, — сказал Колен. Четыре, пять... шесть дней ожидания!.. Анжелика уговорила их подождать. Но срок истекал. Маленькая Онорина так и не появилась, ни одна, ни в сопровождении ангела, как

предсказывал Уттаке. Нужно ли было доверять снам дикарей... — говорили недоверчивые люди, которые боялись, что вот-вот окажутся в гуще военных действий.

Лаймон Уайт, немой англичанин, житель Вапассу вместе с отцом Шарля-Анри пришел к Анжелике, чтобы посоветоваться. Они предложили остаться в форте. Если даже предсказание ирокеза и не сбудется, и Онорина так и не придет, они будут здесь. Они все равно будут ждать. Если она все-таки появится, они доставят ее в Голдсборо.

Несмотря на это новое решение, Анжелика не могла решиться на отъезд.

Уехать!.. Уехать, не оглянувшись.

Все бросить!

Она никогда не увидит Вапассу.

О, Вапассу! Разве правда, что нельзя познать земной Рай? Ведь ты познала его. На что жаловаться?..

— Посмотрите на детей! Они знают, что не вернуться...

Весна разливалась по земле, словно море!.. Никогда она не была такой прекрасной, такой ароматной, никогда не было столько цветов, и никогда так звонко не пели птицы.

— Еще один день! Подождем еще один день, — умоляла Анжелика.

Ее раздражала их торопливость, с которой они стремились покинуть эти места.

Четыре, пять, шесть дней ожидания, ведь это так мало!

И однако она на долгие годы запомнила их.

Этих дней было достаточно, чтобы почувствовать наступление весны и понять, что времена смерти отступили...

И иезуит отступил в тень, исчез, несмотря на все ее усилия удержать его.

В первые вечера, прежде чем заснуть, она возвращалась мысленно к тому моменту, когда он был еще жив, и она не видела его, потому что спала...

Это был тот миг, когда заметив первых людей на другом берегу озера, он бросил свои удочки и побежал в последний раз к форту. И подбежав к детям, крикнул: «Будьте послушными! Не двигайтесь. Я вернусь!»

Он заскочил в комнату Лаймона Уайта. Натянул на свое истерзанное тело сутану... Проклятую! Чудесную!.. Он застегнул ее своими искалеченными пальцами сверху донизу, надел пояс и повесил на шею распятие. Потом он вышел. И, может быть, маленький Шарль-Анри крикнул ему вслед: «Мертвый дядя, куда ты?»

Он пошел по равнине и предстал перед людьми, чтобы отдать себя на муки и смерть.

Она волновалась во сне, бросая себе упреки. Ибо она не сомневалась, не смогла ли она выходить его, даже после того, как с него сняли скальп. Эти раны были многочисленны, голова окровавлена, но можно было бы постараться. «Я должна была бы... Я должна была бы...»

А она смотрела, как он умирает на ее руках.

Она ждала.

Она надеялась, что он умрет.

Нужно было, чтобы он умер...

Ах! Долгая, долгая смерть, как ты медленно приходишь, и какой внезапной можешь быть!

Сидя у ее изголовья, Колен не пытался ее утешить, ограничиваясь тем, что шептал успокаивающие слова, которые смягчали ее рыдания.

Затем ее здоровье укрепилось, ее беспокойство за Онорину взяло верх над произошедшей драмой, и видение прошедших дней стало мало-помалу отступать.

Ее сон стал мирным и глубоким.

Просыпаясь, она видела вокруг себя силуэты людей, слышала их голоса, и реальность прогоняла страшные

сны.

Она изменилась. Она не знала еще, в чем это заключалось. Это происходило с ней и раньше, но никогда еще она не испытывала такого острого ощущения разрыва, разрушения и потери.

Иногда она сердилась на них за их разумные слова, за их логические доводы, за их планы, которые строились вокруг этого отъезда. А ее никто не понимал, даже Колен.

Ее разум, ее сердце и душа были похожи на птиц, которые бьются о прутья клетки, слишком узкой для них.

Это делало ее нервной, легко раздражимой, за что она сама себя упрекала.

— Простите меня, — не переставала повторять она. — Я погорячилась...

И они прощались ей все, и поскольку они не знали, какие мучения души она испытывала, они могли только лишь утешаться и радоваться за нее, за то, что она снова обретает свой боевой дух и силы, чтобы противоречить им, когда дело касалось отъезда.

В действительности, они удивлялись быстроте, с которой она возвращалась к жизни.

Под солнцем, словно в руках умелого парикмахера, ее волосы снова становились мягкими и блестящими.

Ее бледность сменялась румянцем, губы становились ярче, тени под глазами исчезали, и вот уже она являла собой ту тревожную красоту, которая характерна для женщин, протанцевавших всю ночь на балу.

Индейцы-кочевники начали прибывать, и не понимали, что произошло с фортом, где хлеб, где все люди?..

Они смотрели на разрушенный городок Вапассу, который они привыкли посещать, затем, отказываясь верить в происшедшее, они ставили свои вигвамы. И вот

уже равнину наполняли дымы, крики детей, лай собак, индейцы готовились к летним работам.

* * *

Но вот истек последний день, и караван стал готовиться к отправлению.

Анжелика сердилась на Колена так сильно, что не отвечала на его вопросы, когда он к ней обращался.

В последний момент сигнал к отправлению был отложен, потому что куда-то делись дети. Они предпочли заняться самостоятельными исследованиями округи. Однако, они не должны были далеко забраться.

Пока их искали, носильщики сняли со спин свои грузы.

Глаза Анжелики оглядели Вапассу и устремились к горизонту.

Внезапно она перестала грустить. Эти горы, эти леса поведали ей свой секрет. Она не имела права забыть, дать пригнуть себя к земле тяжестью жизни.

Индейцы, которые издалека наблюдали за белыми, внезапно оживились и понеслись к ним толпой, что-то возбужденно выкрикивая...

Анжелика почувствовала, что ее словно ослепляет какая-то вспышка.

Индейский ребенок бежал к ней, протянув руки, и она тоже бросилась к нему, сама не зная почему. Словно волна любви подхватила ее на свой гребень, со всеми порывами, страстями и надеждами.

— Онорина!

Она подхватила легкое тельце и, держа ее на руках, думала, что умрет от счастья.

Ни лицо девочки, ни ее одежда, ни волосы, смазанные жиром, не смогли обмануть ее.

Она узнала бы ребенка под какой угодно маской, она узнала бы живой блеск глаз Онорины.

— Я знала, что ты придешь!.. Ох ты, несносная, как я вижу, твои мечты сбылись?..

И она хохотала и кружилась с ребенком, прижатым к сердцу.

— Индейский воин! Индейский воин! Ну смотрите на это чудо!.. Индейский воин вернулся!..

В суматохе голосов кто-то вскричал:

— О Господи! У нее была оспа!

Другой голос, новый и почти незнакомый, ответил:

— Да, но она жива, и мама вылечит ее.

Этот голос и эти слова привлекли внимание Анжелики, которую пронзила внезапная мысль: «Оспа!..»

— Кантор! Кантор!.. Но... откуда ты взялся?

— Из Версаля, — ответил Кантор по-светски, — но с небольшим трудом по Квебеку, Монреалю и Онтарио.

— Он приехал, чтобы найти меня! — заявила Онорина.

Анжелика поставила ее на землю, чтобы прижать ладони к лицу Кантора, чтобы обнять его.

Она почувствовала его силу. Это был мужчина. Она все сразу поняла. Встреча, которая заставила его пуститься в плаванье, погоня, деяние, которое он совершил...

Тут появились несколько человек, которые еще не поняли, что случилось. Они кричали:

— Мы нашли детей! Можно ехать!

И теперь уже все расхохотались, потому что не было нужды ждать еще. Можно ехать... — Ты видел отца?.. Кантор вытаращил глаза. Он не знал, что граф де Пейрак отправился во Францию. Их корабли разошлись в океане.

Анжелика поняла, что если их будущее и было наполнено неизведанным, все равно, им будет чем занять долгие часы путешествий и ожиданий. Им будет, о чем рассказать.

Их жизнь не была разрушена, их дело не прошло даром. Вапассу останется богатым источником

воспоминаний и счастья.

Это был новый порог, на котором она стояла вместе с Онориной, тремя малышами, которые по-прежнему что-то лепетали, держа в ручках букеты первых цветов.

Начиналась новая жизнь. Будущее, наполненное неизвестным, приближалось. И прежде всего, пока они шли на юг, они навещали старые знакомые посты, проверяли, живут ли там люди, вынесли ли они военные действия и атаки зимы.

Потеря богатств, это пустяки.

Ей нужно было лишь, чтобы не было больше жертв.

Невинных жертв, которые еще могли бы появиться усилиями Амбруазины.

Она только и хотела, чтобы больше никто не умирал. И больше никто не умрет...

Они встретятся с Джонасами, с Малапрадами и их детьми, и с Валлонами, и с «лоллардами», и со швейцарцами, и с испанцами...

И они вместе будут пить и весело поднимать тосты за здоровье всех на берегах Голдсборо, а потом отправятся в Европу на красивом корабле, и путешествие пройдет спокойно, и они встретятся с королем, с верными друзьями, которым не терпится их увидеть, она наконец-то обнимет мужа, и они поклянутся друг другу никогда больше не расставаться.

Что касается Онорины?.. Она снова взяла ее на руки, чтобы получше разглядеть ее лицо.

Она может ослепнуть? Нет, есть еще время вылечить. Она сделает еще одно усилие, она будет ухаживать за ней, ее веки перестанут быть покрасневшими, ее зрение улучшится. Кожа ребенка, нежная кожа, испорченная шрамами? На это уйдет больше времени. Но что в этой жизни коротко?.. Все зависит от способов лечения. Она найдет их, она снова победит. В этом она была уверена. Она добьется того, чтобы следы болезни и проклятия, которые

отпечатались на лице ребенка с самого ее рождения, исчезли навсегда.

В мире так много чудесных сил: ласковых, заботливых рук, священных источников, на которые снизошло Божественное Влияние...

«Я обойду весь мир, если будет нужно, и еще один раз я спасу тебя, дитя мое...»

Она обняла ее еще крепче, словно она прижимала к себе самую новую жизнь.

— Больше не будет жертв! Так будет! Я чувствую это! Мы найдем всех друзей, которых мы потеряли! А ты станешь красивой! Ты будешь счастлива!..

«После всего!.. — подумала она, глядя своими зелеными глазами на весенний свет. — После всего наступает покой! Я заплатила за него! Небо должно подарить мне его!..»